47 —
117

В47 П7

ЦЕНТРАРХИВ
1917 ГОД В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

БУРЖУАЗИЯ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1927

Е. Х.

ЦЕНТРАРХИВ

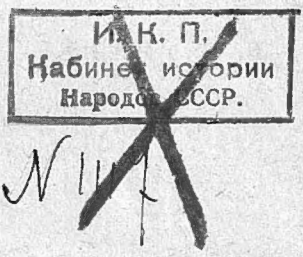
БУРЖУАЗИЯ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОДГОТОВИЛА К ПЕЧАТИ

Б. Б. ГРАВЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

3С
1006



Гиз № 15242.
Ленинградский Гублит № 5361.
14¼ л. Тираж 3000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Печатаемые в настоящем сборнике материалы взяты из архива департамента полиции. Материалы архива центрального военно-промышленного комитета и архива совета министров, затрагивающие главным образом экономическую сторону деятельности буржуазных организаций, в виду ограниченных размеров сборника, нами не приведены. Мы считали нужным опубликовать материалы департамента полиции, полнее других вскрывающие политическую позицию буржуазии.

Департамент полиции вел тщательную слежку за буржуазными организациями и их деятелями, так как в ее политических лидерах царское правительство видело не только опасных противников, но и ближайших кандидатов будущего «революционного» правительства. Этим объясняются те преувеличения, которые читатель найдет в оценках департаментом полиции позиции буржуазии и буржуазных партий. Так, например, в донесениях охранки можно довольно часто встретить указание на революционность кадет и особенно прогрессистов, что, конечно, ни в коем случае не соответствовало действительности. Как мы увидим ниже, кадеты и даже прогрессисты в лучшем случае были оппозиционны. Даже в отстаивании своих чисто-классовых требований они были недостаточно последовательны: страх перед рабочей революцией сковывал все их действия.

Но даже принимая во внимание этот специфически полицейский, «охранный» характер приводимых документов, все же мы должны признать их ценность, поскольку они дают интересный материал для характеристики фактической стороны деятельности буржуазных организаций и позволяют вскрыть политическую позицию буржуазии накануне февральской революции.

Необходимо принять во внимание, что осведомителями охранного отделения, дававшими правительству сведения о настроениях в земском и городском союзах, военно-промышленном комитете и других буржуазных организациях, были или работники этих учреждений, или люди постоянно вращавшиеся в кругу буржуазных общественных деятелей, особенно же среди кадет. Хорошо осведомленные во всех политических группировках, они давали обычно в своих сводках такие сведения, которые стороннему наблюдателю часто известны не были и в печать не проникали. Это заставляет нас с бо́льшим вниманием отнестись к публикуемым документам.

Конечно, буржуазию менее всего можно рассматривать как движущую силу революции 1917 года. Движущей силой этой революции были пролетариат и крестьянство.

Несмотря на это, для истории февральской революции представляет большой интерес и позиция русской буржуазии.

Последняя вела борьбу с царизмом прежде всего в целях продолжения империалистической войны; русский пролетариат — в целях ее прекращения.

«Если революция победила так скоро и так — по внешности, на первый поверхностный взгляд, — «радикально», — писал В. И. Ленин, — то лишь потому, что, в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации, слились вместе, и замечательно «дружно» слились, совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К⁰ к захвату власти в интересах продолжения империалистической войны, в интересах еще более ярого и упорного ведения ее, в интересах избиения новых миллионов рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д. Это — с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за хлеб, за мир, за настоящую свободу.

«Революционные рабочие и солдаты разрушили до основания гнусную царскую монархию, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные, короткие, исключительные по конъюнктуре исторические моменты на помощь им приходит борьба Бьюкенена, Гучкова, Милюкова и К⁰, желавших только смены одного монарха другим».[1]

В годы, предшествовавшие войне, в России сложилась система финансового капитала, тесно связанного с системой мирового империализма. Россия накануне войны являлась одним из звеньев мировой цепи империализма.

Участие России в империалистической войне «эпохи конца капитализма», которая обострила глубоко таившиеся «противоречия», создавало у нас предпосылки для революционного взрыва. Война, вызвавшая общее разрушение всей хозяйственной жизни страны, выдвинула такие задачи, которые не под силу было разрешить буржуазии.

«Нельзя, — писал Ленин, — вырваться из когтей ужасного всемирного, капитализмом порожденного чудовища — империалистической войны и голода, не покидая почвы буржуазных отношений». Русская революция, направленная против империализма, открывала собой эпоху мировых социалистических революций.

Она началась с России как с наиболее слабого звена империалистической цепи, где фронт империализма был наиболее уязвим, а буржуазия наименее организована.

Война в корне подорвала устои капиталистического общества, это признавала даже буржуазия.[2]

Война ставила перед революцией задачу «избавить страну от хаоса частновладельческого хозяйства». В России это могла осуществить только пролетарская революция.[3]

---

[1] Ленин. «Письма издалека». «Ленинский сборник», ч. II. М.—Л. 1924, стр. 328—329.

[2] Националист Шульгин писал в своей записке о деятельности особых совещаний: «Старых устоев, на которых базировалась хозяйственная жизнь страны, почти не существует. О какой «неприкосновенности собственности» можно говорить в то время, когда собственность реквизируют и конфискуют на каждом шагу... Строй экономический, при котором мы сейчас живем, весьма приближается к некоему обобществлению на основах государственного социализма».

Как писал позже, уже после февральского переворота, видный кадет Степанов, в условиях военной разрухи «игра частных интересов грозила бы превратиться в экономический хаос». Единственный способ преодоления этого хаоса он видел в государственном регулировании важнейших отраслей народного хозяйства.

[3] «Красный Архив», т. X. Предисловие Покровского, стр. 68.

Однако, особенность русской революции заключалась в том, что перед ней стояла задача не только осуществления социализма, но и генеральной чистки страны от остатков крепостничества. Наличие остатков крепостничества, прежде всего власти крепостников, имело громадное влияние на характер классовой борьбы в годы краха русского капитализма.

Под влиянием революционной борьбы пролетариата революционизируется крестьянство, которое выступает не только на борьбу с остатками крепостничества, но и с гнетом империализма, достигшим высшего предела в годы мировой войны.

Если наличием остатков крепостничества предопределялось революционное выступление пролетариата, как гегемона революции, ведущего за собой мелкую буржуазию, главным образом крестьянство, то существование капитализма рядом с остатками крепостничества оказывало громадное влияние на позицию буржуазии.

Несмотря на то, что после революции 1905 г. царское правительство, как писал Ленин, — «перестало быть исключительно крепостническим» и стало «делать шаги по пути к буржуазной монархии» — противоречия между буржуазией и царизмом не были устранены. Чем более возрастала экономическая и политическая мощь буржуазии, тем более обострялись противоречия между «сохранением 99% политической власти в руках абсолютизма и помещиков, с одной стороны, и экономическим упрочением буржуазии — с другой».[1]

Потому-то буржуазия, организовавшись во время войны экономически и создав ряд своих политических организаций в лице «прогрессивного блока», военно-промышленных комитетов, земского и городского союзов, неизбежно должна была столкнуться лицом к лицу с царской властью.

Буржуазное Временное Правительство, — «это представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и буржуазии, который давно п р а в и т нашей страной экономически и который, как за время революции 1905 — 1907 годов, так и за время контр-революции 1907 — 1914 годов, как, наконец, — и притом с особенной быстротой — за время войны 1914 — 1917 годов, чрезвычайно быстро организовывался политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и думу, и военно-промышленные комитеты, и т. д. Этот новый класс «почти совсем» был уже у власти в 1917 году; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии».[2]

В годы империалистической войны буржуазия, в лице своих экономических и политических организаций, ведет отчаянную борьбу за овладение командными высотами экономической жизни страны, пытаясь подчинить себе регулирование всего народного хозяйства, а также политический аппарат, прежде всего путем отдельных перетасовок в составе министерств, отнюдь не ломая всей бюрократической машины.

Однако, из наличия противоречий между буржуазией и царизмом отнюдь нельзя делать вывода о решительной борьбе буржуазии за буржуазно-демократическую революцию в России.

Исходя из тесной связи русской буржуазии с царизмом, Ленин еще в 1905 году полемизировал с меньшевиками, принимавшими всерьез ее борьбу с царизмом. Ленин доказывал, что цель буржуазии — не довести до конца буржуазно-демократическую революцию, а «сорвать русскую революцию

[1] Ленин. Собр. сочин., т. XII, стр. 133.
[2] Ленин. «Письма издалека». «Ленинский сборник», ч. II. М.—Л. 1924, стр. 329—330.

посредством сделки с царизмом». Гучков, Милюков и К⁰ — «желали только смены одного монарха другим».[1]

Переходя непосредственно к характеристике публикуемых материалов, необходимо указать, что настроения буржуазии в первый период войны (лето и осень 1914 г.) освещены в них чрезвычайно слабо. Охранка начала настоящую слежку за буржуазной общественностью по существу только с лета 1915 года, когда буржуазия, по выражению кадет, стала переходить от «патриотического подъема к патриотической тревоге», поэтому «патриотический подъем» буржуазии освещения в этих материалах и не нашел.

Как известно, война была встречена буржуазией с небывалым энтузиазмом. Буржуазные организации засыпали царя приветственными телеграммами по поводу столь радостного и долгожданного события. На ряду с осуществлением империалистических целей, уже самый процесс ведения войны сулил буржуазии огромные барыши. И действительно, прибыли буржуазии в годы войны достигли колоссальных размеров.

Помимо этих коммерческих выгод, война сулила буржуазии также и политические — именно осуществление гражданского мира. Как раз накануне войны развернулось сильнейшее стачечное движение. В 1914 году число стачечников достигло 1 337 458 человек, т.-е. почти $^1/_2$ числа стачечников 1905 года. При этих условиях «победоносная война» была более чем кстати.

Буржуазия ожидала от войны еще и других выгод. В первые дни войны царским манифестом было провозглашено «единение царя с народом», т.-е. с буржуазией. В первый момент патриотического подъема буржуазия надеялась, что внешняя опасность и общность империалистических целей сблизит царскую власть с «прогрессивными элементами страны» и что война явится толчком к «оздоровлению власти», к ее приспособлению для осуществления буржуазной политики.[2] Поэтому буржуазная оппозиция в первые месяцы войны стушевалась.

В торжественном заседании Государственной Думы 26 июля 1914 года представитель к.-д. фракции заявил, что «хотя фракция и не изменила своих взглядов на необходимость обновления России», но «в эту минуту иная задача, грозная и величественная, стоит перед нами... Мы ведем борьбу за освобождение нашей родины от иноземного нашествия, в этой борьбе мы все заодно: мы не ставим условий и требований, мы просто кладем на весы нашу твердую волю одолеть противника».

Однако, как видно из первой главы, уже первые месяцы войны принесли буржуазии разочарование и обострение отношений с правительством. Первый конфликт развернулся вокруг вопроса о созыве Государственной Думы. После патриотических речей в заседании 26 июля буржуазные лидеры с недоумением узнали о длительной отсрочке думских заседаний. По существу это было уже первой каплей дегтя, которая попала в буржуазно-патриотическую бочку меду; буржуазия начинает выказывать тревогу и недовольство по поводу политики правительства.

В этом отношении очень показательны кадетские совещания конца 1914 и начала 1915 года, сведения о которых даны в 1, 2 и 3 записках.

Характер первых буржуазных совещаний довольно резко отличается от последующих. Пока-что буржуазия высказывала недовольство лишь отдельными, сравнительно мелкими недочетами правительственной политики, как, например, национальный вопрос;[3] вопрос о снабжении армии также пока не

---

[1] Ленин. «Письма издалека». «Ленинский сборник», ч. II. М.—Л. 1924, стр. 329—330.
[2] См. № 2.
[3] См. документы №№ 1 и 2.

ставился, — пока критиковалась только скверная постановка дела санитарно-эвакуационной части.

Уже первые шаги лидеров буржуазной общественности — к.-д. — характеризуют нам дальнейшую тактику буржуазии на протяжении всего предреволюционного периода. В этом отношении показательна попытка воздействовать на царя путем всеподданнейшего адреса, при чем даже этот путь кажется некоторым кадетам слишком революционным, и они предлагают заменить всеподданнейший адрес менее заметным выступлением в форме всеподданнейшего доклада царю председателя Думы Родзянко.[1]

Характерно для кадет и их решение относительно своей тактики в январской сессии Думы — решение «не делать от имени партии оппозиционных выступлений».

И действительно, как можно убедиться по отчету думской фракции к.-д., в январской сессии они «лишь в беглых намеках касались как вопросов обще-политических, так и связанных с ведением военных действий», более откровенно они выступали лишь в закрытых заседаниях бюджетной комиссии.

Переломным моментом в отношениях между буржуазией и царизмом явилось лето 1915 года и отступление русских войск из Галиции. Отход русской армии из Галиции летом 1915 года ясно показал буржуазии, что царское правительство не в силах осуществлять свою основную функцию в отношении русского империализма — именно организацию ведения войны.

Происходящий в конце мая 1915 года торгово-промышленный съезд по вопросу о войне и промышленности принимает резолюцию, в которой признает совершенно недостаточными «правительственные попытки» разрешить вопрос о снабжении армии. Съезд призывал «всю русскую промышленность и торговлю к объединению в дружной работе, чтобы дать армии все необходимое и во-время».

В мае и июне организуются военно-промышленные комитеты в Петрограде и Москве, а вслед за ними и в провинциальных городах.

В то же время значительно расширяют свою работу созданные еще в 1914 г. земский и городской союзы. От помощи раненым и беженцам они также переходят к работе «на оборону» в тесном контакте с военно-промышленными комитетами. В момент общей мобилизации промышленности, предпринятой после разгрома в Галиции, союз городов постановил «принять посильное участие в деле снабжения армии и делегировать своих представителей в военно-промышленный комитет» (постановление комитета союза 30 мая 1915 г.).

Съезд уполномоченных земств 5 июня 1915 г. признает необходимым объединение всех живых сил в деле удовлетворения нужд обороны. Аналогичное постановление выносит тогда же собрание представителей городов.

19 июня был утвержден проект объединенного отдела земского и городского союзов.

Объединение империалистической буржуазии и помещиков идет не только по линии экономической увязки деятельности союза городов и земского союза и создания объединенной организации Земгора,—но и по линии самой тесной политической координации между Земгором и военно-промышленными комитетами.

«Главные комитеты всероссийского земского и городского союзов, — говорил главноуполномоченный всероссийского земского союза кн. Львов

[1] См. № 2.

на съезде представителей военно-промышленных комитетов,— слились в одну организацию, московский военно-промышленный комитет идет рука об руку с ними, и мы не только согласуем свою работу, мы работаем вместе на началах равенства и доверия».

И, действительно, это было так. Земский и городской союзы даже персонально тесно были связаны с военно-промышленным комитетом. Их представители, в числе по 3 человека от каждой организации, входили в центральный военно-промышленный комитет; главноуполномоченный земского союза кн. Львов и городского союза Челноков являлись товарищами председателя московского военно-промышленного комитета (Рябушинского).

Итак, военные поражения несомненно послужили толчком к оживлению работы земского и городского союзов и к значительному расширению их функций. Они вызвали к жизни также и новую организацию буржуазии — военно-промышленные комитеты.

Дальнейшие поражения, вскрывшие неспособность царского правительства не только «довести войну до победного конца», но и просто ее вести — толкают буржуазию на политическую борьбу с царизмом.

Если первые месяцы войны прошли под знаком «патриотического подъема» и признания «несвоевременности» политической борьбы, а в январскую (1915 г.) сессию Думы буржуазия еще не решалась занять оппозиционное положение в отношении правительства [1] и вынести свою критику за пределы закрытых заседаний, то теперь она настойчиво требует создания если не «ответственного министерства», то хотя бы «министерства доверия».[2] Об этом открыто заявляют теперь все собрания и съезды.

О настроениях буржуазных классов за этот период дают представление материалы 3-й главы, которые охватывают собой период лета 1915 г. Именно в этот период буржуазные организации — земский и городской союзы, первоначальной, скромной целью которых являлась «помощь фронту» и которые до этого времени не выходили за пределы заботы о раненых, «впервые сочли необходимым расширить сферу своей деятельности и вступить на путь политических требований». Приведенные в 3-й главе материалы характеризуют процесс эволюции в работе буржуазных общественных организаций — переход от «деловой работы» (помощи раненым) к чисто политической борьбе с правительством. Однако, буржуазия имела полное право сказать, что ее «заставили» заниматься политикой. Записка № 8 отчетливо показывает, что вначале буржуазия всячески обходила даже самую мысль о конфликте с правительством. Она надеялась посредством работы «на оборону» добиться мирного сотрудничества с царским правительством и постепенного врастания в аппарат власти. В этом отношении характерны слова Тесленко: «Общественная мысль далека от устранения от работы правительственных органов, наоборот — всеобщее желание пойти с ними рука об руку». Но эти надежды не оправдались.

Буржуазия гораздо решительнее, чем прежде, начинает добиваться реформ, главная из которых — обновление власти.

Как показывают документы №№ 9 — 11, в этом именно смысле высказывается целый ряд собраний представителей крупного капитала. Вместо надежд на сотрудничество с властью, буржуазия, устами Рябушинского, заявляет о своем бессилии что-либо сделать «при существующем отношении» правительства, «не стоящего на должной высоте».[3]

[1] См. № 3.
[2] См. №№ 9, 10, 11, 20, 21.
[3] См. № 11.

Заготовляется даже список министров [1] на тот случай, если бы «глубокое убеждение в необходимости призыва лиц, облеченных доверием страны, проникло в сознание высшей правительственной власти», — на что буржуазия не теряла надежд. Требование «министерства доверия» выдвигает петроградская, а вслед за ней и московская городские думы.

Под этим же лозунгом формируется в Государственной Думе во время летней сессии 1915 года и «прогрессивный блок».[2] Последний был создан на почве «общей работы для удовлетворения нужд, вызванных войной», с временным устранением от обсуждения тех вопросов, по которым между партиями существуют непримиримые разногласия». В самом деле, что значили эти разногласия по сравнению с тем основным согласием, которое существовало у буржуазии по отношению к войне? Главным требованием «прогрессивного блока» становится создание власти, которая «опиралась бы на народное (читай: буржуазное) доверие и могла бы привести отечество к победе».

Политическое значение «прогрессивного блока» рисует Шульгин.

«Мы хотели, — пишет он, — стать между улицей и, я бы сказал, между армией, в которой сильнейшее недовольство на «тыл», т.-е. на правительство, — и властью...» «Наша цель была, чтобы массы оставались покойными, так как за них говорит Дума». Он сравнивает «прогрессивный блок» с той цепью, которая должна была сдерживать напор революционной толпы, не давая ему прорваться.[3]

Дальнейшие поражения правительства буржуазия оценивает не только как результат «неумения» царского правительства вести войну, но и его предательства и готовности заключить сепаратный мир.[4]

Между прочим, в отношении сепаратного мира опасения буржуазии были небезосновательны. Как раз в начале 1915 г. фрейлина М. Васильчикова отправила царю первое письмо, передающее предложение германо-австрийских правящих кругов о сепаратном мире. В это же время министр австрийского двора обращался к министру русского двора с аналогичным предложением. Зимою, в декабре 1915 г., в связи с приездом Васильчиковой в Петербург, слухи о сепаратном мире и тревога по этому поводу буржуазии особенно усилились. Особенно много говорилось о германофильстве двора,[5] о влиянии «темных сил», о предательстве «интересов России», т.-е. русского империализма, и т. д.

Стремление бюрократической верхушки к сепаратному миру несомненно опиралось на настроения части помещиков. Закрытие Дарданелл и трудность реализации урожая из-за разрухи транспорта и в связи с этим сравнительная дешевизна хлеба в заготовительных районах — должны были служить для помещиков достаточно сильным стимулом в их стремлениях как можно скорее ликвидировать войну.[6] Неудивительно, что эти реакционные помещики с такой ненавистью относились к «прогрессивному блоку», все усилия которого были направлены к тому, чтобы продолжать войну «до победного конца».

Однако, стремясь к сепаратному миру, царское правительство, как писал Ленин, «рассуждало правильно не только с узко-монархической, но и с обще-империалистической точки зрения».[7]

---

[1] См. № 9.
[2] См. № 12.
[3] В. Шульгин. «Дни». Л. 1926, стр. 85. Изд. «Прибой».
[4] См. №№ 16, 19.
[5] См. №№ 19, 56, 57.
[6] Покровский. «Очерки по истории революц. движения в России XIX — XX вв.». М. 1924, стр. 202. Изд. «Красная Новь».
[7] Ленин. «О сепаратном мире». Собр. сочин., т. 13, стр. 391.

По словам Ленина, «оно знало больше и видело дальше, чем буржуазные либералы». Помимо боязни и даже уверенности, что длительная война поведет к революционному взрыву, царское правительство гораздо лучше, чем буржуазия, было осведомлено о состоянии армии, финансовом и международном положении и потому, конечно, проявляло бо́льшую готовность заключить сепаратный мир. Последнее грозило срывом империалистических вожделений буржуазии.

Помимо осуществления империалистических целей, буржуазия, как мы уже указывали, была заинтересована и в самом процессе войны, которая расценивалась ею как в известной степени коммерчески выгодное предприятие. Военно-промышленные комитеты, всероссийский земский и городской союзы и другие патриотические организации являлись для буржуазии не только политическими объединениями, но и экономическими организациями по использованию коммерческих выгод войны. Об экономическом значении для буржуазии военно-промышленных комитетов и земского и городского союзов дают представление материалы второй главы. Как видно из записки № 4 о торжественном открытии московского военно-промышленного комитета, буржуазия стремилась закрепить за военно-промышленными комитетами роль главных распределителей заказов; «роль комитета, — говорит Челноков,— должна быть организаторская. Москве должно быть предоставлено право распределять заказы»; «заказы надо давать не в обрез: 100 тысяч ружей нужно — давайте на 200 тысяч». Буржуазия требует от правительства заказов «без ограничения» и полнейшего подчинения себе через военно-промышленные комитеты рабочих. Борьба за военные заказы идет и путем индивидуальной обработки отдельных министров. В этом отношении показательна записка № 5 — письмо Рябушинского к военному министру Поливанову,— одному из немногих царских министров, пользовавшихся доверием буржуазии и связанных с ней.

Особенный интерес представляет записка № 7, дающая возможность судить о том, какие же группы буржуазии объединялись военно-промышленными комитетами и играли в них руководящую роль. Военно-промышленные комитеты объединяли крупную буржуазию — верхушки финансового капитала, совершенно не связанного с мелкой и средней промышленностью. К последней заправилы военно-промышленных комитетов относились более чем пренебрежительно, зато правительство не прочь было поддержать неорганизованную среднюю промышленность в ущерб политическим организациям финансового капитала. Недостаток места не позволил нам привести материалы о борьбе между отдельными военно-промышленными комитетами. Центральный военно-промышленный комитет, заинтересованный в распределении заказов среди «своих» предпринимателей, часто обижал местные комитеты. В поступавших в департамент полиции сведениях о деятельности местных военно-промышленных комитетов нередко встречаются указания, что последние, имея вполне оборудованные предприятия, не могут добиться заказов из центра.

Если буржуазные организации не могли поделиться между собой и полюбовно распределить заказы между отдельными предпринимателями, тем труднее им было мириться с зависимостью от правительства в деле получения заказов. Источник прибылей буржуазии — государственная казна — была в чужих в руках, руках правительства, которое в любой момент могло прекратить выдачу заказов.

Верхушке финансового капитала, которая фактически владела всем производством страны, было крайне трудно мириться с таким подчиненным положением. Буржуазные организации, которые все более и более

охватывали экономику страны, претендовали не только на роль технических посредников между казной и предпринимателями, но и на роль самодовлеющей организации, руководящей всем народным хозяйством. В странах европейских «демократий», которым особенно симпатизировала русская буржуазия, финансовая олигархия стояла во главе всего управления государством; русская же буржуазия должна была этого только добиваться. Сосредоточие капиталов во время войны в ее руках и вследствие этого рост ее экономического и политического могущества делали неизбежной ее борьбу за полное подчинение себе политической власти.

Поэтому неудивительно, что как раз во время войны, на ряду с вопросами военного руководства, вопрос о «министерстве доверия» (у кадет) и «ответственном министерстве» (у прогрессистов) — приобретает для буржуазии и непосредственно практическое значение.

Пока буржуазные организации не выходили за пределы своих узких задач, пока они открыто не выступали в качестве претендентов на участие во власти, правительство с ними мирилось и давало им возможность широко развернуть «работу на оборону». Переход буржуазных организаций к политической борьбе обостряет их взаимоотношения с правительством.

Оппозиционность буржуазии усиливается как военными поражениями, так и дезорганизацией тыла и вызываемым последней массовым революционным движением. Не случайно первый напор буржуазной фронды на правительство приходится на лето и осень 1915 года. На этот же период приходится самый сильный с начала войны подъем массового рабочего движения. Число стачечников достигает в июне 80 тысяч, в августе — 54, а в сентябре — 113. На ряду с военными поражениями буржуазия предъявляет «бездарному правительству» иск за срыв «бургфридена» (гражданского мира).

Революционное выступление пролетариата в сентябрьской стачке поставило перед буржуазией вопрос о грядущей революции. Несмотря на разгон Думы, всполошивший болото буржуазной общественности,[1] московский городской голова Челноков разъезжал урезонивать стачечников, выступивших с протестом против разгона буржуазной Думы.

Из двух зол — реакция или революция — буржуазия выбрала меньшее (для себя) — реакцию.[2] Как отмечает охранка, выступление пролетариата подействовало «охлаждающим образом на тактику кадет».[3] В связи с ростом революционного движения среди масс буржуазия боится обострять вопрос о власти. Насильственное удаление «бездарного шоффера» (правительства) может стоить существования всей буржуазно-помещичьей машине, которой угрожает свалиться под откос революции. Выражая настроение «благоразумной и умеренной» части буржуазии, Маклаков выдвигает лозунг «расправы с шоффером после войны». Этот бессмысленный лозунг — бессмысленный уже потому, что «свое» правительство нужно было буржуазии как раз во время войны для благополучного ведения и использования самой войны, — по существу являлся отказом от какой бы то ни было борьбы, и в лучшем случае — обещанием после драки помахать кулаками.

Вопрос о борьбе с революцией становится для буржуазии не менее важным, чем вопрос о власти. Вопрос о власти становится в непосредственную связь с вопросом о борьбе с революцией. Поэтому в своей «борьбе» за власть буржуазия и старается сгладить острые углы, пойти на компромисс с правительством, воздействовать на него каким-нибудь обходным путем.

---

[1] См. №№ 15, 16, 18.

[2] Настроение буржуазии в этот период прекрасно характеризуется статьей В. Маклакова «Трагическое положение», см. приложение к докум. № 27.

[3] См. № 17.

Наиболее безболезненный путь для усиления своего влияния на власть русские империалисты видят в отдельных переменах и перетасовках в составе министров. Этот путь менее всего грозит серьезными потрясениями, поэтому буржуазия не оставляет его до самого последнего момента. Когда уже революция совершилась, Родзянко в телеграмме к царю «умоляет» его «опомниться» и пойти на уступки.

Накануне февральской революции, в отличие от революции 1905 г., всю буржуазию в целом можно рассматривать как контр-революционную силу. Однако, несмотря на это, по вопросам тактики между ее отдельными группами были значительные внутренние разногласия. Правое крыло буржуазии, связанное с капиталистическими помещиками, возглавляемое кадетами и октябристами, было более умеренным. В лице своего помещичьего крыла оно менее остро, чем промышленники, ощущало антагонизм с правительством, которое для них и без того «старалось» (последнее особенно ярко выявилось в проведении правительством твердых цен на хлеб, давших колоссальные барыши помещикам). Потому правая часть «прогрессивного блока» отстаивала необходимость более умеренной тактики и была против обострения отношений с правительством, призывая «отложить счеты с правительством до окончания войны».

Левое же крыло «прогрессивного блока», состоявшее из промышленников, тесно связанных с работой военно-промышленных комитетов и остро чувствовавших свою зависимость от правительства, было настроено гораздо более радикально. Возглавляемое Коноваловым и Рябушинским, это «левое» крыло, к которому примыкала более радикально настроенная часть к.-д. партии из провинциальных кадет и промышленной интеллигенции, связанной с работой «на оборону», — было куда более решительно в своем стремлении к захвату политической власти.

Борьба двух течений внутри буржуазных организаций выявляется уже с первых шагов деятельности «прогрессивного блока».[1] Особенно обостряется эта борьба под влиянием выступления пролетариата в сентябре. Она находит свое выражение на сентябрьских съездах (1915 г.) земского и городского союзов.[2] В это время, в связи с разгоном Думы, левое крыло буржуазии считает необходимым проводить «ультимативную тактику», т.-е. требование немедленного удовлетворения постановлений «прогрессивного блока», для чего оно предлагает тактику бойкота правительства вплоть до «временной приостановки деятельности всех общественных организаций, обслуживающих армию»; правое же крыло категорически высказывается против подобных методов борьбы, считая, что подобная тактика лишь «скомпрометирует общественных деятелей».

Однако, как отмечает записка № 16, и левое крыло «вряд ли будет проводить эту тактику» «из страха улицы», чтобы не дать ей предлога «вмешаться в дело».

Уже одно это свидетельствует о том, что, вопреки заявлениям охранки, тактика «левых» была менее всего рассчитана на то, чтобы «вызвать столкновение с правительством и страной». «Левое» крыло «прогрессивного блока», так же как и его правое крыло, свою тактику строило в расчете на необходимость предотвратить это столкновение.

Если Милюков, лидер правого большинства кадетской партии, необходимость «отложить счеты с властью до момента полного поражения

---

[1] См. № 13.
[2] См. № 21.

внешнего врага»[1] мотивировал тем, что «не поддерживать сейчас правительство значило бы шутить с огнем», «что достаточно неосторожно брошенной спички, чтобы вспыхнул страшный пожар»,[2] то левое крыло «прогрессивного блока» (в том числе и левые кадеты), настаивая на более решительной тактике и сближении с демократией, по существу преследовали те же цели. «Будем откровенны, — говорил лидер левых к.-д. Мандельштам, — в нашей среде есть много таких, кого пугает призрак революции... но именно эти-то страхи и должны были бы диктовать нам тактику, диаметрально противоположную той, какую проводит Милюков».[3] «Если мы не хотим, чтобы предстоящий народный суд над преступным правительством принял формы дезорганизации, хаоса, бессмысленного бунта, — мы не можем устраняться от народного движения, не можем не стремиться играть в нем руководящей роли. Чем больше мы успеем в деле организации масс, тем меньше жертв вызовет предстоящее движение, тем скорее достигнута будет полная победа над бюрократией».[4]

На ряду с более решительной тактикой и ставкой на сближение с «демократией», левое крыло буржуазной общественности, в лице прогрессистов и левых кадет, более «деловым» образом подходило к возможности бороться с рабочим движением. Для успокоения рабочего движения, в противовес держиморловской политике царизма, они выдвигали проект своего рода буржуазной зубатовщины. Делая ставку на своих лакеев — гвоздевцев и оппортунистов, — они пытались при помощи их не только овладеть рабочим движением и ослабить его, но также использовать его в целях воздействия на царское правительство для вымогания у него политических уступок.

Съезды земских и городских союзов в марте 1916 г. выдвигают своей очередной задачей «организацию» рабочего движения.[5] Коновалову поручается создание рабочего союза. На ряду с попыткой «организовать» рабочий класс, буржуазия не обходит своим вниманием и крестьянство. Она пытается также и его подчинить своему влиянию через кооперацию, которая по ее замыслам должна выполнять «не только экономическую роль, но и воспитательно-политическую».

Кадеты же (правое большинство) и октябристы более боязливо относились к рабочему движению, с недоверием поглядывая на укрощение рабочих Коноваловыми и Рябушинскими и не без основания опасаясь, как бы этот «зверь», вырвавшись из тесной клетки социал-соглашательства, не натворил бы бед. Борьба двух тактик и являлась главной причиной разногласий как внутри «прогрессивного блока», так и внутри кадетской партии.

В начале 1916 года оппозиционные настроения буржуазии, по сравнению с осенью 1915 г., несколько ослабевают. Выступления на съездах в марте 1916 г., по сравнению с сентябрьскими съездами (1915), носят более умеренный характер. Этот сдвиг в настроениях буржуазии отмечает и охранка.[6] Несомненно, большое влияние на успокоение буржуазии оказали временные успехи русских войск, к тому же в это время «общественные организации» ушли по горло в «деловую» работу по снабжению армии. Хотя борьба с правительством вокруг заказов не прекращалась, но высокие барыши этого периода заставляли о ней временно забывать.

---

[1] См. № 27.
[2] См. № 26.
[3] Подчеркнуто мной. *Б. Г.*
[4] См. № 33.
[5] См. №№ 38, 39.
[6] См. № 41.

В своей борьбе против «бездарного правительства», ведущего, по ее убеждению, страну к гибели и неспособного осуществить задачи империалистической политики, русская буржуазия пока ограничивается отдельными протестами. Показательны были ее попытки обращения за поддержкой к тесно связанным с нею империалистам Антанты. Она обращается с петициями ко всем приезжающим в Россию представителям «европейской демократии», жалуясь им на препятствия, чинимые русским правительством работе буржуазных общественных организаций «на оборону», и даже проектирует издание за границей интернационального бюллетеня для осведомления союзных правительств о ходе этой политической борьбы.

Резкое обострение отношений буржуазии с правительством приходится на осень 1916 г. в связи с усилением экономической разрухи и ростом революционного движения.

Перед лицом массового революционного движения осени 1916 г., таящего в себе уже все элементы грядущей революции, буржуазия судорожно ищет выхода.

Нашумевшая во время ноябрьской сессии Думы речь Милюкова: «глупость или измена»,[1] в которой он намекал на германофильство двора, бичевал «темные силы», которые, по его мнению, ведут страну к гибели, и подверг уничтожающей критике премьера Штюрмера, являлась форменным воплем запутавшейся в поисках выхода буржуазии.

Однако, несмотря на внешне революционную фразеологию, речи депутатов не выходили за пределы критики отдельных министров и требования персональных перемен в правительстве.

«Как бы ни относиться к речам, произнесенным тогда с кафедры Думы, — пишет в своих воспоминаниях Родзянко,[2] — нельзя увидеть там желания свержения власти, — но указания на необходимость перемены лиц и системы управления; — не желание переворота... но лишь сердечную боль и печалование о судьбах России, могучей и еще сильной, но неумело управляемой».

Буржуазия все еще готова была примириться на отдельных министерских перетасовках. Даже назначение Протопопова она считала «колоссальным неожиданным скачком со стороны власти», «капитуляцией (?), почти равносильной акту 17 октября» (слова Коновалова). Буржуазия (даже в лице своего левого крыла) выражала надежду, что «после министра октябриста не так уже страшен будет (для правительства) министр-кадет».[3] Но правительство не шло и на более чем скромные требования буржуазии. Уже давно миновала пора, когда под звуки иерихонских труб падали стены. Несмотря на решительный тон речей думских ораторов, стены царского правительства оставались нерушимыми. Правительство усиливает репрессии в отношении буржуазных организаций, применяет к ним экономический бойкот, который выражается в сокращении заказов военно-промышленным комитетам и передаче их неорганизованным, «диким», предприятиям или же совершенно аполитичным объединениям мелкой и средней промышленности, бывшим в загоне у центрального военно-промышленного комитета. Правительство, рассматривавшее буржуазные организации как опасных претендентов на власть, отнюдь не ограничивается по отношению к ним мерами экономического воздействия, но применяет все находящиеся у него в руках меры полицейских репрессий.

---

[1] I/XI 1916 г. К этой своей речи Милюков «скромно» приурочивает и начало революции. («История второй русской револ.», т. I, вып. I, стр. 34. София, 1921 г.)

[2] Родзянко. «Государственная Дума и февральская революция». «Архив русской революции». Берлин, 1922 г., т. VI.

[3] См. № 60.

За патриотическими организациями буржуазии устанавливается слежка,[1] деятельность их ставится под строгий надзор полиции.

Согласно постановления совета министров, даже на закрытых собраниях буржуазных организаций должны были присутствовать чины полиции.[2] Эти преследования не только подрывали авторитет буржуазных организаций, но наносили буржуазии и непосредственный материальный ущерб. Не говоря уже о сокращении заказов,[3] преследования правительства нарушили нормальный ход работ организаций «на оборону». Это крайне раздражало буржуазию, она вносила по этому поводу ряд запросов в Думу, апеллировала к военным властям и проектировала даже обращение к верховной власти.

Борьба правительства с буржуазией обостряется настолько, что дело доходит в декабре 1916 г. до разгона земского и городского съездов.

Недовольство буржуазии начинает все больше возрастать. Под влиянием усиливающейся разрухи, военных поражений и нарастающего революционного движения, не только буржуазия, но и помещики и даже некоторые представители придворной клики начинают понимать, что в условиях создавшейся революционной обстановки каждый лишний день приближает к гибели не только реакционное правительство, но и всю машину буржуазно-помещичьего государства. Вопрос о выходе из положения становится очень остро. Выход и спасение от революции буржуазно-помещичья фронда начинает искать в дворцовом перевороте.

Прологом к нему явилось убийство Распутина, которое, по мнению буржуазии, должно послужить царю «последним предостережением». Буржуазия надеялась, что с устранением наиболее крупной фигуры из «темных сил» она добьется у царизма уступок.

Насколько для буржуазной оппозиции назрел вопрос о дворцовом перевороте, видно из того, что подготовка его началась по двум линиям: со стороны промышленников и со стороны тесно связанной с ними военщины.

Вот как описывает настроение буржуазного общества в этот момент Милюков: «В обществе широко распространилось убеждение, что следующим шагом, который предстоит в ближайшем будущем, будет дворцовый переворот при содействии офицеров и войска.

«Мало-по-малу сложилось представление о том, в чью пользу будет произведен этот переворот. Наследником Николая II называли его сына Алексея, а регентом на время его малолетства — великого князя Михаила Александровича. После убийства генерала Крымова стало известно, что он в начале 1917 г. обсуждал в тесном кружке подробности предстоящего переворота.[4] В феврале уже намечалось его осуществление. В то же время другой кружок, ядро которого составляли некоторые члены бюро «прогрессивного блока», с участием некоторых земских и городских деятелей, обсуждал вопрос о том, какую роль должна сыграть после переворота Государственная Дума.

«Этот кружок также остановился на регентстве великого князя Михаила Александровича, как на лучшем способе осуществить в России конститу-

---

[1] См. № 74.
[2] См. №№ 63, 66.
[3] См. №№ 67, 69.
[4] Возможно, именно этот кружок и имела в виду охранка, когда в агентурной записке, относящейся уже к началу 1917 г., сообщала о «национальной партии», образовавшейся вокруг Пуришкевича с целью, путем дворцового переворота, спасти Россию от революции и позорного мира (дело петроградской охранки по к.-д. партии, агентурная записка от 16/I 1917 г. «Рутинцева»).

цнонную монархию. Значительная часть членов первого состава Временного Правительства участвовала в совещаниях этого второго кружка, некоторые же знали и о существовании первого».[1]

Вначале дворцовый переворот намечался на первые числа января, в связи с роспуском Государственной Думы. Как доносит охранка, «в течение праздничной недели, от 24 декабря по 3 января, в Москве происходил целый ряд частных совещаний представителей прогрессивно-промышленных кругов Москвы, московских кадетов и прогрессивных гласных московской городской думы».

Все эти совещания пришли к заключению о необходимости приурочить активное выступление, т.-е. дворцовый переворот, к моменту ожидавшегося тогда роспуска Государственной Думы.

По плану прогрессистов, в случае роспуска Дума не должна была расходиться, а апеллировать к стране и армии.

«Организацию распространения воззвания Государственной Думы в действующей армии примет на себя А. И. Гучков, при содействии известных ему офицеров запаса».

Однако, переворот, подготовлявшийся на первые числа января, не удался. Правительство, очевидно, предвидя возможность этого выступления, ограничилось только отсрочкой Думы до 14 февраля.

Характерно, что на время, когда намечался дворцовый переворот, буржуазия предполагала созыв своеобразного конвента.

Агентурная записка петроградского охранного отделения по кадетской партии и общественному движению 1917 г. определенно указывает на то, что дело в буржуазных кругах дошло до распределения портфелей.

К моменту созыва буржуазного конвента наиболее решительно настроенная часть буржуазных деятелей пытается привлечь на свою сторону широкие народные массы, в первую очередь — рабочих. Инициаторами этого выступления были прогрессисты. Они проектируют подготовку в день открытия заседания конвента в Государственной Думе «шествия народа к Таврическому дворцу», чтобы таким образом «засвидетельствовать urbi et orbi, что отказ Государственной Думы выполнить приказ о роспуске является результатом подчинения народных представителей своим избранникам, а не актом революционно-настроенной воли отдельных, хотя бы и сплоченных в думское большинство, враждебных правительству депутатов».[2]

Вызывая массы на улицу в целях поддержки Думы, буржуазия рассчитывала, что роспуск Думы явится прологом к тому самому перевороту, который, при наличии, как выражался Керенский, «дисциплинированности масс», должен был привести к передаче власти в руки буржуазии.

Итак, мы видим, что наиболее непримиримо настроенная часть буржуазии в лице прогрессистов довольно решительно шла на борьбу с правительством, пытаясь даже опереться на народные массы. Однако, эта тактика не могла привлечь к себе симпатии остальных групп буржуазии и помещиков. Против нее протестовало и большинство кадетской партии, не говоря уже о земцах-октябристах.

Эти группы не считали возможным вызвать на улицу те силы, которых они больше всего боялись, именно рабочих.

Под влиянием нового сильного подъема революционного движения с января 1917 г. правое крыло буржуазии начинает опасаться даже дворцо-

---

[1] Милюков, «История второй русской революции», т. 1, вып. 1-й, стр. 35 — 36.

[2] Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции. Особый отдел, д. № 307, л. А. О Государственной Думе 1917 г. (записка без номера).

вого переворота, так как последний, при отсутствии подходящих кандидатов на престол, может привести к республике. Дворцовый переворот, который, по первоначальным планам более решительно настроенных групп буржуазии, должен был заменить «настоящую» революцию игрушечной, поддержанной лишь «всего лишь одной-двумя сочувствующими перевороту воинскими частями»,—и тот для более умеренной ее части представляется весьма опасным.

Последняя все еще не теряет надежды на то, что царь «образумится», «поймет» и пойдет на уступки «общественному мнению».

В к.-д. органе «Речь», рядом с обращением к рабочим начальника петроградского военного округа Хабалова с запрещением демонстраций, помещено письмо в редакцию лидера правых кадет Милюкова, в котором он «предостерегает» рабочих против распространяемых будто бы от его имени «дурных и опасных советов — выступить 14 февраля с поддержкой Государственной Думы». Указывая, что эти призывы исходят из «темного источника», Милюков призывал рабочих «не принимать участия в демонстрациях 14 февраля и оставаться в этот день спокойными».[1]

Как доносила охранка, представители умеренного крыла буржуазии «придерживаются того мнения, что обострять отношения с правительством пока не представляется небходимым и что поэтому Государственной Думе надлежит, сохраняя временно лояльность, следовать «ноябрьской» тактике, т.-е. тактике парламентских речей, парламентского шума, который должен вырвать уступки. Эта группа, не желая осложнять войны внутренними распрями, готова итти на всякие компромиссы с правительством и старается поддержать себя и других уверенностью, что правительство при существующих условиях «не осмелится» выступать против «общественности», а тем более разогнать Думу».[2]

До самой последней минуты кадеты живут надеждой на министерские перемены, на то, что «все образуется» мирно и безболезненно.

В критическую для царского режима минуту буржуазия, поставленная лицом к лицу с народными массами, пытается спасти монархию. Когда наступили последние дни царского режима, и рабочие могли лишь насмешкой ответить на приказ Николая II о «немедленном прекращении беспорядков», буржуазия во главе с Милюковым стремится спасти если не Николая, который был уже обречен, то хотя бы династию. Основная ее задача — превратить революцию в дворцовый переворот.

В тот момент, когда власти уже фактически не существовало, 26 февраля, Родзянко обращается к царю с телеграммой, в которой убеждает его «немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство». «Молю бога, — заканчивает он телеграмму, — чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца».

И 27 февраля, когда Петроград был уже в руках революционных рабочих и организовался Совет, Родзянко послал новую телеграмму царю: «Положение ухудшается. Надо принять немедленные меры, ибо завтра уж будет поздно».

Временный комитет Государственной Думы формируется только под непосредственным давлением и страхом рабочей революции.

---

[1] «Речь» от 10. II. 1917 г.

[2] Ленинградский историко-революционный архив. Дело департамента полиции № 307. А., 1917 г. О Государственной Думе.

На плечах рабочей революции, вследствие предательства меньшевиков и эс-эров, буржуазия пришла к власти, но пришла уже тогда, когда перед Россией во весь рост стояли задачи, которые могла осуществить только пролетарская революция. Дни существования власти буржуазии уже были сочтены. Рядом с буржуазным правительством возникает Совет Рабочих Депутатов.

БУРЖУАЗИЯ

НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГЛАВА I.

БУРЖУАЗИЯ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ.

1.

Записка московского охранного отделения по общественному движению, № 22 (агентура «Блондинка»).

За последнее время, когда в Москве находились видные «кадетские» деятели: Милюков, Фальборк, Шингарев и др., был устроен ряд совещаний по общественным вопросам и к текущему политическому моменту; совещания эти устраивались на частных квартирах местных кадетских деятелей, в редакции «Русских Ведомостей» и в гостинице «Эрмитаж» за обедом.

Между прочим, одно из таких совещаний было устроено 15 сего сентября в Эрмитаже, где за обедом собрались местные кадеты, принадлежащие к членам местного центрального комитета партии и группирующиеся около него, и приезжие, были члены городской управы от Москвы, которые входят в общегородской союз; в числе их был В. Ф. Малинин, который в середине обеда заявил, что так как, выслушав речи присутствующих, он находит, что они собрались исключительно для политических вопросов, а не по делу общегородского союза, он не находит возможным оставаться и уехал, чем несколько испортил настроение собравшимся.

В числе других на этом обеде-совещании были Милюков, Шингарев, Фальборк, Кузьмин-Караваев, Щепкин, Астров, Кишкин.

Присутствовавший костромской городской голова в своей речи, очень резко отозвавшись по поводу «отвратительной» постановки дела слабосильных команд, допустил резкие выпады по отношению верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца Ольденбургского. В конце речи отметил с неудовольствием распоряжение правительства о недопущении раненых на частные квартиры.

На обеде много места уделено было чисто политическим вопросам; между прочим, отмечали неискренность правительства по отношению к Галиции, остановившись на том, как передана известная речь графа Бобринского в местной печати и затем в «Правительственном Вестнике».

Милюков на обеде говорил о том, что настоящая война открывает новую эру для русского общества, когда оно снова может приступить к социальному строительству, что теперь общество не может и не должно обрекать себя на пассивное отношение к общественным вопросам. Отметил, что до войны общество пребывало в полной апатии, теперь пробудилось, и к предстоящей мирной европейской конференции на ней должен будет раздаться голос организованного общественного мнения, а не только голоса правительственных чиновников.

Переходя к обсуждению вопроса о том, что должно сделать общество теперь, какими вопросами оно должно заняться, Милюков отметил, что к настоящему времени общество стоит пред разгромленными общественными организациями, которые надо снова возродить, под флагом и на почве пособия и помощи жертвам войны.

Этим общественным организациям, которые соберут снова разрозненные ныне демократические элементы, надлежит задуматься и разрешить сначала у себя (а затем и подготовить общество) — вопросы: 1) об организации царства Польского и 2) об организации Галиции, так как оба указанные вопроса представляют собой пробные камни той меры русской справедливости, которую может проявить русское общество.

Начальник отделения, подполковник *Мартынов*.

22/IX 1914 г.

(Д. № 27 ч. 46. Вх. 28 955.)

2.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о подготовляемом кадетами всеподданнейшем адресе.

Милостивый государь Алексей Тихонович.

Вследствие телеграммы департамента полиции от 30 октября сего года за № 1420, имею честь доложить нижеследующие полученные мною агентурные сведения:

Слух о подготовляемом кадетами всеподданнейшем адресе в известной степени совершенно верен. Мысль о таком адресе зародилась в Петрограде, при чем не в официальных кадетских кругах (Ц. К. и петроградского городского комитета), а в среде интеллигенции, примыкающей к кадетам. На эту тему в последнее время много говорили, но официально в руководящих партийных кругах вопрос не обсуждался, и никакого определенного решения по этому вопросу пока не принято.

Обсуждалась эта тема и в Москве, но также неофициально, при чем мысль о всеподданнейшем адресе, в Москве, не встретила сочувствия: указывается на полную бесполезность адреса.

Мысль о всеподданнейшем адресе явилась под влиянием следующих обстоятельств.

После известного исторического заседания Государственной Думы в общественных кругах царила твердая уверенность, что правительство ответит на патриотический подъем (между прочим, и кадет) каким-нибудь либеральным актом. После воззвания верховного главнокомандующего

к полякам со дня на день ожидали подобного же акта в отношении евреев и финляндцев. Затем настойчиво стали говорить об амнистии и вообще о ряде мер, направленных к «примирению с обществом». Когда все эти ожидания не сбылись, в радикальных кругах общества стало нарастать раздражение, сперва глухое, а в последнее время все более острое и явное. Это раздражение стало еще более острым тогда, когда выяснилось, что правительство не собирается созвать Государственную Думу и проводит ряд крупнейших законодательных мер в порядке 87-й статьи основн. законов. Особенно недопустимым,— об этом говорят в самом решительном тоне,— в кадетских кругах считают проведение в таком порядке закона о подоходном налоге. Наконец, острое раздражение вызвали известия о том, что законодательные предположения, касающиеся Финляндии, не только не сняты с очереди войной, но, наоборот, неуклонно проводятся в спешном порядке. Вся совокупность этих фактов резко изменила настроение тех кадетских кругов, которые в начале надеялись, что после исторического заседания Государственной Думы открывается новая страница в истории отношений правительства и общества. Полное разочарование и нараставшее раздражение стали выливаться в речах на тему, что против подобной тактики правительства необходимо так или иначе протестовать. Не указывалась конкретная форма протеста, но мысль о необходимости протестовать, познакомить правительство с складывающимся настроением общества, стала пускать корни.

Замечательно, что подобные толки были не только в среде кадет, но и в среде левых октябристов, которых кадеты стремились и стремятся заразить тем же настроением.

Когда мысль о протесте (или, как более смягченно выражались, декларации, знакомящей правительство с настроением и желаниями общества) стала кристаллизироваться в более определенную форму, некоторые заговорили о всеподданнейшем адресе.

По этому поводу вспоминали ту громадную роль, которую в свое время (1904 г.) сыграло выступление покойного профессора князя С. Н. Трубецкого, который в всеподданнейшем адресе познакомил верховную власть с настроением и чаяниями русской либеральной интеллигенции тех дней. Указывалось, что нечто подобное могло бы иметь место и сейчас,

Содержание адреса намечалось в таком виде: заявление о безотлагательной необходимости созыва Государственной Думы, указание на пагубность политики, вносящей в такой момент, вместо примирения, раздражение в среду инородцев (евреи, финляндцы), указание на рискованность чрезмерных репрессивных мер в отношении русских немцев (вопрос о ликвидации их землевладения), указание на необходимость привлечения общественных сил к обсуждению вопроса о будущем устройстве Галиции и царства Польского. В заключении адреса должна была быть в самой осторожной, но категорической форме выражена надежда, что глубокий патриотизм и величайшие жертвы народа исключают возможность продолжения реакционной политики и рискованных экспериментов власти, ведущих к конфликтам с народным представительством, вследствие игнорирования последнего.

Мысль о всеподданнейшем адресе была брошена. Кто же мог бы взять на себя осуществление этой мысли? По этому вопросу никакого определенного решения не принято; есть лишь ряд предположений, из них одно — добиться высочайшего приема депутации от общеземского и общегородского союза и на этом приеме от имени земств и городов («голос земли», как говорят по этому поводу) заявить об опасениях и неоправда-

вшихся надеждах общества. Поскольку в указанных организациях все более и более влиятельную роль играют кадеты, не исключена возможность подобной комбинации.

Далее высказывалась мысль, что, быть-может, было бы целесообразно в виду близости к верховной власти и громадному его влиянию, поручить председателю Государственной Думы М. В. Родзянко (лично или же с группой депутатов из лидеров партии) познакомить государя императора с настроением значительнейшей части общества. В этом случае была бы избрана не форма всеподданнейшего адреса, а форма всеподданнейшего доклада.

М. В. Родзянко не только в курсе этого вопроса, но ему сделаны были определенные предложения на этот счет.

Вообще использование громадного влияния Родзянко в данный момент признается в кадетских кругах весьма желательным.

Когда мог бы быть выбран удобный момент для вручения всеподданнейшего адреса или же выступления с всеподданнейшим докладом?

По этому поводу существует такое предположение. Циркулирует слух, что 6-го декабря опубликован будет особый высочайший акт, в котором выражена будет благодарность народу за патриотические воодушевления и жертвы и вместе с тем будут даны некоторые обещания или даже конкретные указания о новом курсе внутренней политики. Согласно циркулирующим слухам, все эти обещания будут носить весьма скромный характер. Вот тут-то, как указывают в либеральных кругах, и наступает удобный момент для выступления с заявлением о настроениях и требованиях общества.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что все толки о всеподданнейшем адресе носят именно характер толков, до сих пор ни во что законченное и определенное не выкристаллизовавшихся.

Необходимо еще отметить, что мысль о всеподданнейшем адресе в самой кадетской среде вызывает различные отношения. Одни считают такой адрес, с точки зрения результата, совершенно бесполезным, другие категорически высказываются против него, полагая, что в данный момент было бы величайшей бестактностью громко заявлять о недовольстве общества. В этих кругах именно и поддерживается мысль не о всеподданнейшем адресе, а о всеподданнейшем докладе, какой мог бы представить председатель Государственной Думы М. В. Родзянко.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

А. Мартынов.

4/XI 1914 г.

(Д. № 27.)

3.

Донесение начальника московского охранного отделения о совещании членов центрального и петроградского комитетов партии к.-д.

По поступившим ко мне агентурным сведениям, в 1-х числах сего января в Петрограде состоялось совещание членов центрального и петроградского комитетов конституционно-демократической партии с участием представителей от местных комитетов партии, находившихся в то время в Петрограде, на каковом совещании обсуждался вопрос, были ли бы, по

условиям момента, целесообразны оппозиционные выступления от имени партии в Государственной Думе при ожидающемся ее открытии к началу февраля сего года.

Решение этого вопроса в письменной форме было предложено на обсуждение как московского комитета партии, так и провинциальных комитетов.

В Москве этот вопрос обсуждался в местном комитете партии 1-го сего января.

Ответ на предложенный вопрос был вынесен повсюду отрицательный, и постановлено ни в коем случае не делать от имени партии оппозиционных выступлений, так как это, по общему мнению, произвело бы в широких кругах неблагоприятное впечатление и скомпрометировало бы партию.

Таким образом, решено, что партия не займет в Государственной Думе оппозиционного положения, но, однако, было признано целесообразным, что партия не считает себя в праве связывать отдельных своих членов, если они найдут нужным обратиться к правительству с теми или иными запросами, которые, в виду «неправильной» внутренней политики правительства, так сказать, «висят в воздухе»; представляются вероятными запросы об аресте депутатов с.-д. с точки зрения вопроса о депутатской неприкосновенности, об аресте Бурцева и т. д.

Считается возможным и вероятным, что запрос предъявлен будет трудовиками, и кадеты тогда сочтут своей обязанностью примкнуть к нему; хотя признается, что президиум не допустит обсуждения запросов, так как вся работа Государственной Думы будет отдана «бюджету», но, тем не менее, история запроса попадет в печать, и цель его будет достигнута.

Изложенный взгляд есть, между прочим, взгляд члена Государственной Думы Шингарева.

Об изложенном докладываю вашему превосходительству.

Подполковник *Мартынов.*

10/I 1915 г.

(Д. № 27 ч. 46 л. Б. Вх. 1082.)

ГЛАВА II.

«ОБЩЕСТВЕННЫЕ» ОРГАНИЗАЦИИ В РАБОТЕ НА ОБОРОНУ.

4.

Записка московского охранного отделения о торжественном открытии военно-промышленного комитета.

25 сего июня в Москве состоялось торжественное открытие местного военно-промышленного комитета, с участием выборных московских биржевого и купеческого обществ. В качестве почетных гостей присутствовали прибывшие из Петрограда: члены особого совещания по снабжению армии, председатель Государственной Думы М. В. Родзянко и секретарь того же совещания В. П. Литвинов-Фалинский. Открытие происходило в малом зале биржи, где собралось свыше 100 членов, в числе коих все крупнейшие промышленники Москвы. Заседание было объявлено закрытым для публики, а председателем его был избран П. П. Рябушинский.

П. П. Рябушинский. — Позвольте, господа, от лица всех вас приветствовать дорогого Михаила Владимировича, председателя Государственной Думы, почтившего нас сегодня своим присутствием.

М. В. Родзянко.—Те особые условия, в которых очутилась наша армия, вызвали необходимость организации общественных сил и промышленности. Вследствие этой необходимости, организованный в Петрограде центральный промышленный комитет получил высшую санкцию законодательным порядком по 87 ст. События в Галиции, неуспехи нашей армии — все вместе взятое привело к необходимости организовать тыл армии. Правительственным органом оказалось не под силу справиться с обеспечением армии всем необходимым. Соединенные усилия всех русских людей одни могут привести нас к победе. Как вы знаете, в Петрограде основано верховное совещание под председательством военного министра, туда же входят не только члены Государственного Совета и Государственной Думы, но также и представители промышленности, правда, в ограниченном числе, но это обусловилось самой необходимостью — нельзя создавать громоздкую организацию. Теперь организовываются по всем городам, даже весям, комитеты для пользы и нужд армии, которые сумеют быстро создать все необходимое. Центральный комитет в Петрограде, московский военно-промышленный комитет, союз городов и земский союз, — вот те четыре

крупнейших организации, какие созданы жизнью для работ по обеспечению тыла. Опасаюсь, что в процессе работ этих организаций могут возникнуть трения и недоразумения, возможность которых надо ныне же предупредить. Я думаю, что промышленность призвана для работ по обеспечению армии всем необходимым именно затем, что она знает те силы, какие есть на местах, то, что может быть вложено в это дело. Вы — представители промышленности, в ваших руках орудия производства родной страны. Вы знаете, что можно сделать и где достать для армии необходимое.

Быть-может, предметы, потребные для армии, можно будет производить через различные общественные организации — земство, союз объединенных кустарей, союз мелкой промышленности, крупную коммерцию. Например, колеса, необходимые для нужд армии, можно делать руками кустарей; теперь необходимы ружья — придется расширить их производство в крупных предприятиях как казенных, так и частных. Объединение установится путем сговора и соглашения между собой разных организаций, заказы, вероятно, смогут взять и разные заведения.

Как я сказал выше, для армии прежде всего и главнейше необходимы ружья. Для производства их как на казенных, так и на частных заводах, необходимы сверлильные станки, их у нас очень недостаточно. Болванки для стволов есть в любом количестве на южных заводах, но станков не имеется. Производством сверлильных станков занимаются казенные заводы — Ижевский, Сестрорецкий и Тульский, но все еще чувствуется в них страшный недостаток, а, ведь, заграничные ружья из Америки придут лишь в ноябре.

Следующее, что необходимо для армии, это — снаряды. Одно время сильно волновались по этому поводу; это волнение прошло, наступило успокоение, но теперь вновь возникла необходимость привлечь к этому делу частную инициативу. Снаряды необходимы тяжелые. Вот на что должна быть направлена ваша деятельность. Нужны снаряды 48 мм., до 6 — 8-дюймового калибра.

Третье, что представляется нужным производить, это — порох. Если он появится через 5 — 6 месяцев, то и это значительно поправит военное дело.

Прежде всего — точное исполнение сроков. Военное ведомство получает сведения о заказах, готовых к исполнению, и дает эти сведения в ставку, а на основании этих сведений делаются те или иные стратегические исчисления. Завод не исполняет своих обязательств, он запаздывает, и это путает расчет. Вам необходимо точно условиться о сроках исполнения заказов.

Я не сомневаюсь в том, что у вас, как и у всех русских людей, есть патриотическое чувство, оно же двигает и армией в ее беспримерной борьбе с врагом.

Вы сами испытываете этот подъем промышленности, он продолжится и в дальнейшем, он указывает тот путь, каким надлежит итти русской промышленности, чтобы освободиться от иностранного влияния. Промышленность с этого момента расцветет пышным цветком.

Рябушинский. — До сего развитию частной промышленности в России ставили препятствия; например, московское биржевое общество еще 9 декабря собрало совещание, на коем установило два положения:

1) Необходимо принять все меры к расширению казенных заводов.

2) Сделать некоторые поощрения для частной промышленности в этом деле.

Протокол этого заседания был направлен в ставку, в военное министерство, в главный штаб и т. д. Начальник главного штаба ответил, что

оба эти положения биржевого общества теоретические, и на этом и окончилось.

Родзянко. — Теперь такому ответу едва ли будет место. Дело в том, что на казенных заводах все станки заняты производством ружей. Частная промышленность, занятая производством их, может направлять станки на казенные же заводы. В верховное совещание был приглашен инженер Плотников, который сделал съемку чертежей. Теперь чертежи эти им напечатаны и могут быть разосланы всем в каком угодно количестве.

Рябушинский. — Заводы можно расширить разными способами, но не теми, какие практикуются в настоящее время; например, сейчас реквизируют в центральной России станки, как это было сделано на заводе Зингер. Если станки у нас отберут, как мы будем делать снаряды? Отсюда вопросы: насколько целесообразна реквизиция вообще, и другой — насколько целесообразно снимать станки с прекрасно оборудованных заводов.

Родзянко. — Реквизицией станков занимается главное артиллерийское ведомство.

Рябушинский. — Вы говорите о центральной роли в нашем деле верховного совещания, но на ряду с верховным совещанием мы слышали еще о другом комитете — великого князя.....

Родзянко. — Комитет должен быть один, двоевластие здесь не допустимо, и теперь этот вопрос улажен совершенно.

Рябушинский. — В настоящий момент вся Россия покрыта военно-промышленными комитетами. Будут ли представлены в Петроградском совещании промышленники целесообразно? Целесообразное расширение состава комитета явилось бы особо желательным. Затем, как будут распределяться заказы? После длительного ряда затруднений московскому военно-промышленному комитету удалось достать список предметов от интендантского ведомства, вчера был получен список от артиллерийского ведомства. Когда мы сообщим эти списки на места, то производство пойдет неравномерно: одних предметов будет изготовлено много, в других будет чувствоваться недостаток. Какими способами будет произведена передача заказов, вопрос этот имеет чрезвычайное значение. Мы выяснили, какие предметы будут производиться, но мы хотим знать, в каком количестве надо их производить, а также кто будет давать заказ?

Родзянко. — Может-быть, в ставке верховного совещания и недостаточно представлена промышленность, но вина тому — лишь новизна дела. Председатель совещания предполагает дать возможность широко использовать свое право на приглашение заинтересованных лиц. Совещания происходят в среду и субботу с 3-х часов дня; пусть московские промышленники приезжают на них. Все функции по распределению заказов, вероятно, будут возложены на верховное совещание. Вспомогательные функции — вне его компетенции. Совещанию прав на заключение контрактов с крупными заводами не предоставлено, заводы будут заключать эти контракты непосредственно с военным ведомством. Порядок будет такой: центральный (военно-промышленный) комитет распределяет заказы, завод же заключает контракты, помимо уже комитета, с министерством.

Рябушинский. — Военно-промышленные комитеты не должны исполнять одну роль подрячика или комиссионера, только лишь передавая заказы. Необходимо их привлечь к организации производства. Список предметов, потребных для армии, имеется, но как приступить к организации производства этих предметов? Ясно, что лишь через комитет это можно сделать,

комитетам должна быть предоставлена хозяйственная сторона дела — распоряжения. Купеческое общество успело поставить для интендантства 200 000 сапог только потому, что оно само раздавало заказы, и интендантство, как уже давно им сознано, ничего не имеет, чтобы опереться на общественные организации в поставке на армию. Этот порядок должен быть признан за правильный и в таком деле, как снабжение армии боевыми материалами. Как видите, интендантство в понимании действительных интересов стоит выше военного ведомства. Наши солдаты одеты, обуты, у них есть обед; но у них нет ружей и снарядов, — вот вам сущность различия двух пониманий роли общественных учреждений. Москва стояла всегда за то, чтобы заводы, работающие на государственную оборону, были перенесены с запада, с окраин, в центр. Ее, однако, не слушали, и вот результаты: взята Либава, теперь идет эвакуация Риги. В Риге целый ряд станков для нас необходимых, бездействует, а мы не только их не вывозим, но как-будто даже не смели до сих пор остановить привоз в Ригу металлов и т. п. Рига начала эвакуироваться, — и что же: какие же предметы вывозят в первую очередь? — Скот и лошадей. Каждый раз все делается наобум, порядка нет ни в чем. Раз теперь русские люди приступили к органической работе, то необходимо не стоять между разных течений, не поддаваться увлечениям минуты или делать предпочтения в сторону каких-то отживших групп. Необходимо дать ход и развитие промышленности, как действительной силе, могущей поддержать правительство и армию.

Родзянко. — Совещание вчера установило уже полномочия только одного лица о реквизиции; что же касается заказов, то разослать списки их, это — первая стадия работы. На вашей обязанности лежит еще найти группы, пригодные для их исполнения, и на местах должно итти через них.

М. В. Челноков. — Заключение контрактов в Петрограде ни к чему не приведет. Наша цель — организовать промышленность. Заказы надо давать не в обрез: 100 000 ружей нужно — давайте заказ на 200 000, ибо только в этом случае будет уверенность, что наберется 100 000. Петроград должен давать заказы в гораздо большем количестве, чем это он думает делать. Необходимо считаться с опозданиями. Роль комитета должна быть организаторская для крупной, средней и мелкой промышленности. Москве должно быть предоставлено право распределять заказы; пусть они на места идут не из далекого Петрограда, а отсюда. Зачем нам Петроград, когда мы сами устроим это лучше. Эвакуация Риги — вещь серьезная. Тут решительно ничего не делают; если верить газетам, вывозят только скот. Как работают, уже видно из того, что от вас (обращается к Родзянко) приехал Гольдштау и называл мне 1-й винный склад, а этот склад — распределительный пункт всей московской эвакуации, через него мы пропустили 700 000 раненых. А тут, видите ли, приехал — и подавай, иначе он ничего не может без него делать. Вообще неурядица, — ныне Кулебакинский завод имеет 5 печей, две работают, остальные стоят.

Предлагаю принять, что:

1) Комитет должен нести организационную работу.

2) Действительное количество надо точно определить (на заказы), но давать заказы в цифрах больших, чем требуется в данный момент.

3) Об эвакуации Риги отправить телеграмму военному министру.

Собрание приняло предложения.

Ю. М. Поплавский. — Коснусь двух вопросов — о станках и рабочих. Я замечаю, что происходит нечто неописуемое. Идет реквизиционная борьба чиновников с заводами. Артиллерийское ведомство вместо того,

чтобы самому заботиться раньше о себе, отнимает у других, с уже налаженных заводов снимает станки. Пусть бы обратились в Ригу: оттуда с одного лишь завода можно вывести 47 станков. Должна быть проведена немедленная реквизиция при участии члена комитета и артиллерийского ведомства. Подумать только, что в Риге 448 заводов, и из них 108 металлургических, 25 000 рабочих работали на оборону. Там отобрали станки, а Всеобщая компания электричества их реквизировала для себя, неработающих станков у нее оказалось 70. В царстве Польском был завод в Гуте Банковой, и немцы, когда заняли ее, то чуть ли не на второй день открыли здесь производство снарядов. Затем, чтобы вывезти из Риги два завода, и в том числе «Феникс», требуется в сутки 400 вагонов, для Риги же, всей Риги, дали 400, тогда как требовалось бы 10 000 вагонов в день. Если нельзя вывезти, то надо заводы взорвать, пусть только не достаются немцам.

В московском районе 20 — 30% станков стоит из-за недостатка рабочих. Вывезти станки из Риги необходимо, — важно там ничего не оставить. Когда брали Либаву, то был установлен пояс в 100 верст, через который никакие грузы не доставлялись из России, а и то немцы успели много захватить, ибо этот пояс был установлен только на бумаге. Я уверен, что если для Риги установят такой же пояс в 200 верст, то все равно немцы найдут, чем поживиться. Подвоз товаров в Ригу должен быть остановлен теперь же. В России ныне недостаток в рабочих выражается от 10 до 19%. И здесь делалось удивительное дело. Мы проверили 3218 списков для ратников, а министерство внутренних дел половину этих ратников вычеркнуло. При проверке списков ратников второго разряда снова получится каша. Надо установить право военных комитетов на проверку списков. Вот мои предложения собранию:

1) Нам надо оборудование, нужны станки и рабочие.

2) Все льготы рабочим должны предоставляться комитетами и никем иным.

В. П. Литвинов-Фалинский. — Выработанная программа совещания хороша, но все дело — новое и трудное, так что могут возникнуть некоторые недоразумения. Призыв ратников ополчения II разряда отсрочен. Когда совещание вырабатывало программу, то намечались два течения:

1) Придать ему строгий порядок, действовать методично.

2) Пусть будет некоторый беспорядок, лишь бы дело шло быстрее. Конечно, программа не без упреков, но вы придерживайтесь той точки зрения, чтобы действовать в каждом отдельном случае так, как это будет удобнее.

Рябушинский. — Комитет должен быть распорядителем, регулятором производства, а не действовать по инспирациям свыше. Заказы должно раздавать с возможными льготами, надо привлекать людей к производству.

Родзянко.—Когда я говорю о конфликтах в Петрограде, то имею в виду крупные заводы, а не мелкие. Относительно Риги — подписываюсь. Надо послать военному министру телеграмму. Действительно, Маклаков вычеркивал рабочих из списков. Работайте, как вам угодно; желаете централизовать — пожалуйста, децентрализовать — хорошо, желаете быть организаторами — чудесно, подрядчиками, — как угодно, но только работайте.

С. Н. Третьяков. — Здесь указывали, что та организация дела, какая практикуется интендантством, действительнее, чем у военного министра. Вот к чему вели предложения общественных сил. Необходимо итти тем путем, каким идет интендантство. Необходима организация общественных приемных комиссий.

Ю. Гужон. — По вопросу о рабочих я скажу, что это — самый первый вопрос, — их необходимо изъять из армии. Если не будет решено возвращение с фронта рабочих, то нам не стоит покупать станки и централизоваться, — ничего не выйдет из наших усилий. В Москве есть завод, где нехватает до 60% рабочего состава.

Родзянко. — На местах, по отношению к рабочим, есть еще большая опасность, — они уходят с заводов, почему, пожалуй, необходимо провести мысль о милитаризации рабочих, о прикреплении их к заводам. Если будут рабочие, то и мелкая промышленность может производить целый ряд мелких, нужных для армии, вещей.

Рябушинский. — Надо эту промышленность тоже организовать через комитет или союз. Выборные московских биржевого и купеческого обществ в заседании своем постановили обратить самое тщательное внимание правительства на то, исполняются ли казенными заводами и крупными частными заказы в той степени, в какой производство их дозволяет это сделать. Выборные постановили:

«Необходим тщательный контроль за действиями заводов как казенных, так и частных (крупных).»

Родзянко. — Ваши опасения небезосновательны. Теперь это будет поставлено надлежащим образом.

Рябушинский. — Вы слышали, что эвакуируются железнодорожные мастерские в Варшаве.

Н. В. Щенков. — Выборные решили довести до сведения правительства о деятельности частных заводов — Сормовского, Коломенского и др. Эти заводы производят гораздо меньше, чем могли бы производить в действительности.

Ю. Гужон. — Это — совершенно голословное обвинение Сормовских и Коломенских заводов.

Н. Ф. Беляев. — Вот почему и необходимо сейчас строгое и тщательное обследование положения производства на частных заводах, работающих на военное ведомство.

Рябушинский. — Наш гость устал. Позволяю себе объявить собрание закрытым.

Родзянко. — Низкий поклон Москве первопрестольной.

Начальник отделения, полковник *Мартынов*.

28/VI 1915 г.

(6 делопр., д. № 343, т. I.)

№ 5.

Письмо П. П. Рябушинского военному министру А. А. Поливанову.

Милостивый государь Алексей Александрович!

Пользуясь любезно выраженным вами желанием, позволяю себе высказать некоторые соображения на основании материалов, которыми я располагаю, как председатель московского военно-промышленного комитета. Мне думается, что решительная кампания, которая предстоит наступающей весной, может быть проведена успешно при условии устранения некоторых наблюдающихся недочетов в деле снабжения армии необходимыми предметами.

Получаемые с фронта сведения, прежде всего, свидетельствуют о том, что потребность войсковых частей в обуви не везде удовлетворена в полной мере: в некоторых частях (напр., в 1-м Сибирском корпусе, как мне передавали) ощущается острая нужда в сапогах; бывают случаи, когда солдаты в землянках сидят без сапог, так что солдаты, направляемые на передовые позиции, берут сапоги у тех солдат, которые возвращаются с позиций. Едва ли такие воинские части будут в состоянии выполнить ответственные задачи, которые предстоят с наступлением весны.

Вопрос о снабжении армии сапогами усиленно занимал внимание и интендантского ведомства, и военно-промышленного комитета; в этом направлении было многое уже сделано; снабжение армии сапогами было усилено, кожевенная промышленность была организована, и принят ряд мер к ее мобилизации на дело обороны. И, однако, не все препятствия еще устранены на этом пути, и предстоит принять ряд дополнительных мер и, прежде всего, обязать все кожевенные заводы работать товар исключительно для нужд армии, и если заводы вырабатывают ныне товар, не требующийся для армии, то обязать их владельцев приспособить свои заводы к производству для нужд армии. В виду недостатка в России кожевенного товара, необходимо разрешение правительства к вывозке и доставке из Америки выделанного кожевенного товара. Усиление производства сапог для армии было бы также достигнуто, если бы был выработан и проведен в армии облегченный и укороченный тип обуви, если бы было разрешено употребление для сапог конинной кожи и было бы допущено работать верхний сапожный товар из опойка, желательно — хромового.

Другим важным вопросом, возникающим в связи с предстоящей весенней кампанией, является обеспечение театра военных действий удобными путями сообщения. Решительные действия на фронте могут встретиться с крайними затруднениями в виде отсутствия удобных дорог, тем более, что неприятель, конечно, приложит все усилия к уничтожению железнодорожных путей. Организация восстановления железнодорожных путей и постройки полевых железных дорог должна поэтому привлечь к себе особенно серьезное внимание. Возникает сомнение, достаточно ли снабжен наш фронт необходимыми для этого материалами, в виде рельс, стрелок, скреплений и проч. Быть-может, и самое производство таковых на наших заводах недостаточно, чтобы обслужить нужды фронта, и надлежало бы теперь же, пока еще есть время, принять меры к усилению производства на заводах, к подвозу материалов на фронт и к дополнительному оборудованию ближайшего тыла узкоколейными путями, а также усилить и состав строительно-инженерных команд.

Кстати, я позволил бы себе обратить внимание вашего высокопревосходительства на отмечаемую приезжающими с фронта офицерами необходимость устройства запасных магазинов вблизи фронта; в прошлом году, в связи с ходом военных действий, запасные магазины были отодвинуты от фронта на 100 — 150 верст; указывают на необходимость теперь, с приступом к решительным действиям, устроить вблизи самого фронта небольшие магазины, которые могли бы обеспечить воинские части фуражом, сухарями, консервами и пр. на 5 — 6 дней. Приезжие офицеры указывают также на потребность в велосипедах, биноклях, хорошо изолированной телефонной проволоке и т. д.

Вопрос о ремонте орудий также стоит остро; мне кажется, что в этой области лучше сделать больше, чем не доделать, и я еще раз позволяю себе обратить ваше внимание на предложение московского военно-промышленного комитета, который через посредство московского военно-промыш-

ленного завода думает посильно помочь этой нужде и который в свое время входил с соответствующим ходатайством. Время уходит безвозвратно, в виду чего теперь же следовало бы воспользоваться услугами военно-промышленного комитета.

Покорнейше прошу ваше высокопревосходительство принять уверение в совершенном почтении и искренней преданности.

5/II 1916 г. *П. П. Рябушинский.*
(6 делопр. д. № 343 т. I.)

№ 6.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о 4-м объединенном совещании представителей общеземского и общегородского союзов и московского военно-промышленного комитета.

По поступившим ко мне агентурным сведениям, 6 сего декабря в Москве состоялось 4-е объединенное совещание представителей общеземского и общегородского союзов и московского военно-промышленного комитета, с участием некоторых членов Государственной Думы из входящих в состав особых совещаний при министерствах (три первых таких собрания имели место ранее в Петрограде). В 11 часов утра такое совещание происходило в помещении общегородского союза в Камергерском переулке, — исключительно, по делам этого союза, а в 2 часа для такое совещание собралось у князя Львова, на котором присутствовало, так сказать, ядро этих совещаний, в числе около 60 человек. В 6 часов вечера члены совещания обедали у П. П. Рябушинского.

Внешним поводом для этих собраний послужили возникшие в последнее время в правой печати и на съездах правых деятелей систематические нападки на деятельность названных общественных организаций в смысле учета их дефектов в деле расходования и отчетности казенных и общественных сумм, что несомненно указывает на предпринятый правыми деятелями поход против этих организаций для их раскассирования.

Совещание определенно высказалось за необходимость дать скорейший отпор патиску правых, для чего войти в теснейший контакт и общение с прогрессивной печатью и просить ее оказать содействие помещением статей и заметок, рисующих колоссальную роль вышеуказанных организаций в военном и общественном смысле; в самом ближайшем времени поместить ряд сообщений, освещающих финансовую и хозяйственную деятельность местных комитетов в блестящем виде и в таком же виде характеризующих их бухгалтерскую часть (подобного рода заметки и сообщения уже начали появляться в местной прессе с 8 сего декабря). Попутно было выражено порицание редакции московской газеты «Русское Слово», поместившей на-днях корреспонденцию из Харькова, в которой указывалось на крайнюю запущенность в делах одного из местных комитетов. В тех же видах реабилитации принято, тотчас же по заключении общих отчетов обоих союзов, независимо от распубликования их в газетах, послать эти отчеты в Государственную Думу и в Государственный Совет, а также и в те министерства, которые находятся в сношениях с союзами.

Совещанием было признано, что, благодаря неаккуратности уполномоченных на местах, запаздывающих с представлением отчетностей и оправдательных документов, в местных комитетах действительно не могли свое-

временно составить сводных отчетов и прислать их в главные комитеты союзов.

На совещании ясно определилась картина такой запущенности бухгалтерской части, что если бы государственный контроль безотлагательно учинил ревизию на местах, то доказательность такой неаккуратности стала бы очевидной; но тревога, поднятая здесь, на совещании, и травля правых на их съездах, надо думать, заставят «почиститься» и принять скорейшие меры к наведению хотя бы внешнего порядка: усилия в этом направлении в Москве уже заметны — бухгалтерский отдел главного комитета общегородского союза работает даже по почам, спешно приводя в порядок свою и местную отчетность из опасения правительственной ревизии.

Такова внешняя побудительная причина этих совещаний. Их внутренний смысл заключается в желании возможно теснее объединить деятельность всех трех названных организаций в широком общественном смысле, в виду слухов о намерении правительства ограничить сферу их настоящей компетенции и ввести их в русло исключительной помощи больным и раненым воинам. Предвидя возможность таких намерений правительства и желая в таком случае агитационно возбудить общественное мнение, они хотят вовлечь в этот конфликт и военно-промышленный комитет, деятельность которого в глазах общества представляется как бы более значительной, в особенности в деле снабжения армии боевым материалом. При обсуждении этих вопросов выяснилось полное соглашение всех трех организаций между собою, и такая солидарность обещает в дальнейшем их объединенные и планомерные выступления. Съезды этих организаций намечены в Петрограде в первой половине будущего января (около 15-го числа).

Как указано выше, в состав таких совещаний входят представители главного комитета общеземского и общегородского союзов и военно-промышленного комитета, представители местных комитетов по вызову главных комитетов обоих союзов и члены Государственной Думы, входящие в состав особых совещаний при министерствах. Личный состав этих совещаний будет как бы объединенным советом трех указанных организаций и будет иметь в Москве регулярные собрания по 2 раза в месяц, а при возможности и чаще; в экстренных случаях собрания объединенного совета будут созываемы по телеграфу. Такая конструкция этого нового общественного учреждения представляется весьма подозрительной и наводит на мысль о желании руководителей общественного движения создать как бы «исполнительный комитет» для планомерной, руководственной деятельности в борьбе этих трех организаций с правительственными начинаниями.

В кулуарных разговорах упоминалось, что последнее время в «прогрессивном блоке» образовалась заметная трещина, на что А. И. Шингарев выразил мнение, что такое явление даже благоприятно, так как заставит отпасть от «блока» колеблющиеся элементы, склоняющиеся вправо; той сплоченной спайки, которая так резко наблюдалась летом, теперь уж нет.

На обеде у П. П. Рябушинского, при обмене мнений по существу настоящего политического момента, представлялось интересным мнение самого Рябушинского: «вся, исходящая от статс-секретаря Горемыкина, реакция есть только провокация; правительство желало вызвать революцию в стране, будучи вполне убежденным, что сейчас ее легко будет разбить и даже убить в зародыше, а так как и военная кампания проиграна, что правительство прекрасно понимает, то такая революция дала бы перед союзниками оправдание на право заключения сепаратного мира. Как высказался Рябушинский, «Горемыкин не понимает, что он ведет политику только в интересах династии, для которой мир необходим немедленно,

когда победить революцию много легче, так как разбить ее после войны будет уже несравненно труднее».

В дальнейшем Рябушинский высказал мысль, что оба союза, несомненно, если не будут распущены, то будут обессилены и даже «обескровлены» — так не лучше ли упразднить самих себя, объяснив обществу и народу необходимость такого упразднения тем, что правительство ставит палки в колеса полезной общественной работе; необходимость и целесообразность такой меры налицо: так поступили «прогрессисты», выйдя из состава особых совещаний; так поступил общеземский союз в вопросе о беженцах.

Рябушинскому возражал Шингарев, доказывая необходимость оставаться на своих местах в общественной работе возможно дольше и оставить мысль о расплате на будущее; уйдя из особых совещаний, «прогрессисты» подтвердили этим, что у них именно те самые слабые нервы, которые всегда проигрывают войну, как об этом когда-то сказал германский фельдмаршал Гинденбург. Такой уход от работы, по мнению Шингарева, только развяжет руки правительству и поможет ему в его провокации. Правительство скажет обществу: ваши представители ушли, нам не с кем работать, и мы должны поэтому заключить мир.

Все эти разговоры за обедом и после него не имели официального характера и были только обменом мнений, при чем некоторые высказывали опасения, как бы правительство не надумало ввести своих официальных представителей в наиболее крупные общественные учреждения, обслуживающие ныне нужды войны, подобно тому, как оно, правительство, допускает участие представителей общества в свои учреждения, также обслуживающие эти нужды; так, например, в союзах могли бы присутствовать представители: от министерства земледелия — по продовольственному делу; от государственного контроля — по отчетности; от министерства внутренних дел — по вопросу о беженцах и т. д. Несомненно, если бы при таких условиях названные общественные организации устраивали бы свои собрания без этих правительственных уполномоченных, то такие собрания были бы явно нелегальными.

Об изложенном имею честь донести вашему превосходительству.

8/XII 1915 г. Полковник *Мартынов*.

(6 делопр., д. № 343 т. III. Вх. 35800.)

7.

Донесение начальника московского охранного отделения министру внутренних дел о взаимоотношениях центрального военно-промышленного комитета с организациями средней и мелкой промышленности.

Беседы руководителей центрального военно-промышленного комитета с представителями прессы привлекают к себе всеобщее внимание. Отмечается видимое желание комитетских заправил при содействии печати реабилитировать себя в общественном мнении от нападок, которым подвергалась последнее время деятельность центрального комитета. Наибольшее недовольство вызывала в обществе деятельность комитета, направленная исключительно к защите и поддержке крупной промышленности, в явный ущерб средней и мелкой. На этой почве между центральным комитетом и организациями средней промышленности нередко возникали сильные трения. Отголоском этих трений и явился запрос представителей прессы заправилам комитета о ненормальных отношениях между комитетом и пред-

ставителями средней промышленности. Как сообщали газеты, заправилы центрального комитета ответили журналистам, что они заботятся главным образом о развитии средней промышленности. В действительности дело обстоит совершенно иначе, так как произведенным по сему агентурным негласным обследованием удалось в настоящее время установить и выяснить нижеследующее.

Война 1914 года, пробудившая к жизни всю русскую общественность сверху донизу, захватила в прибой общественных сил и известную своей инертностью русскую промышленность. Когда стала мобилизоваться и работать на оборону государства крупная промышленность, представители средней промышленности тоже ухватились за брошенный лозунг мобилизации и решили к общему делу привлечь и мелкого производителя. Был образован петроградский комитет средней промышленности и при нем организованы отделы: литейный, металлообрабатывающий, кожевенно-шорный, тележно-экипажный, деревообделочный и парусиновых изделий. С большим сочувствием отнесся ко всей этой работе министр торговли и промышленности. Одновременно председатель комитета П. Исаков вошел в непосредственные сношения с петроградским городским комитетом по снабжению армии. Выяснилось, что городской комитет как раз занят вопросом объединения средних и мелких промышленников для привлечения их к делу снабжения армии предметами вооружения и вещевого довольствия. Создавалось таким образом широкое поле для совместной работы обоих комитетов, и город даже командировал 3-х представителей в совет съездов средней промышленности: А. Крижановского, А. Шингарева и А. Быкова; представителем от министерства торговли и промышленности туда же вошел Н. Деревенко — фабричный инспектор. Эти представители города и министерства должны были придать в глазах средних промышленников комитету больший авторитет. 28 приглашенных инженеров производили постепенно обследование предприятий, изъявивших готовность работать на нужды армии. Но одновременно с организацией и выяснением тех сил, которые должны быть мобилизованы, комитет также был озабочен и порядком получения заказов.

Очень скоро организации средней промышленности пришлось убедиться, что городской комитет, под давлением центрального военно-промышленного комитета, уклоняется от первоначально намеченного пути совместной работы и даже отозвал назначенных представителей своих из комитета средней промышленности. Этот факт привел комитет средней промышленности к убеждению, что если он сам не выступит на путь самостоятельного приобретения заказов, то он, весьма возможно, их еще долго иметь не будет и, в конце концов, может совсем остаться без заказов; тем более, что городской комитет почему-то все находился «в стадии организации...». А, между тем, те мастерские, которые, так сказать, были уже вызваны на работу, должны были во что бы то ни стало получить ее, чтобы не терять дорогого времени и, с другой стороны, чтобы не создавать охлаждения к пробудившейся готовности работать. Вместе с тем, списки предметов, изготовление которых признавалось необходимым артиллерийским, военно-техническим и интендантским ведомствами, указывали целый ряд работ, к изготовлению которых могли приступить объединенные мастерские средней промышленности. После непосредственных сношений с главным артиллерийским управлением, последнее предложило Петроградскому арсеналу, Сестрорецкому орудийному заводу передавать комитету имеющиеся заказы. Организация средней промышленности встретила к себе от казенного артиллерийского ведомства самое предупредительное отношение, какого бы она напрасно стала искать

в «общественных организациях», военно-промышленных и других комитетах. Доставлялись чертежи и инструкторы, облегчались задания и т. п. Такое же предупредительное отношение установилось со стороны военно-технического управления. Стал постепенно получаться целый ряд заказов, но все это выполнялось совершенно самостоятельно: центральный военно-промышленный комитет пальцем о палец не ударил, чтобы чем-нибудь хоть облегчить задачи комитета средней промышленности и, наоборот, всячески тормозил деятельность означенного комитета, что видно из нижеследующего.

Согласно отчета петроградского комитета средней промышленности, с 23 августа по 23 октября с. г. им принято и распределено заказов на общую сумму 5 034 200 руб., а всего со дня учреждения комитета — на 7 009 200 руб. Заказы эти получены от главного артиллерийского управления, главного интендантского управления, Сестрорецкого орудийного завода, Петроградского арсенала, военно-окружного интендантства, управления петроградского военного округа, петроградского вещевого склада и общества Красного Креста. Главная часть этих заказов относится к предметам боевого снабжения. Общее количество предприятий, привлеченных комитетом к работам по снабжению армии,— 75. Главная забота комитета, как и следовало, направлена к снабжению мастерских и заводов металлом и топливом. Покупка мелкими партиями металлов всегда невыгодна. Это привело комитет к следующему соображению: при центральном военно-промышленном комитете учреждено специальное «Бюро по распределению металлов», принявшее на себя посредничество между заводами, вырабатывающими металлы, и предприятиями, исполняющими заказы. 17 сентября с. г. комитет объединенной мелкой и средней промышленности обратился в бюро с указанием, что не недостаток металлов препятствует успеху работ мастерских средней промышленности, — так как на рынке металлы имеются в изобилии, — но постоянное колебание рыночных цен, не дающее средним промышленникам возможности произвести вперед какую-либо калькуляцию. Поэтому комитет средней промышленности предложил бюро такую схему: при получении от бюро металла, он оплачивает счета наличными, хранение же металлов до востребования бюро должно взять на себя. Но такое предложение бюро центрального комитета отклонило, уведомив только комитет средней промышленности, что он зачислен в число покупщиков жести, каковой у бюро не имеется. Иными словами, бюро по распределению металлов при центральном военно-промышленном комитете определенно отказалось от поддержки комитета средней промышленности, очевидно, с целью не создавать конкуренции крупной промышленности, покровительствуемой центральным комитетом.

Между различными затруднениями, встречаемыми средней промышленностью, немалую роль играла дороговизна покупаемого мелкими партиями сырого товара. Вновь комитет средней промышленности обратился с просьбою в вещевой склад центрального военно-промышленного комитета об отпуске кожевенного товара по расчету за наличные. Но на это предложение не было получено никакого ответа.

Комитет средней промышленности, в видах расширения и успешности производства военных заказов, образовал было две группы работ: одну — для постройки револьверных станков, другую — для токарных станков путиловского типа. 4 сентября с. г. комитет обратился в центральный военно-промышленный комитет с просьбой выдать авансом деньги в размере 12% заказа, но и это предложение было оставлено также без ответа.

Трения между комитетами крупной и средней промышленности не только не прекратилось, но обострилось еще более. Никакой взаимности

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА

и поддержки не проявлялось. Комитет средней промышленности испытывал затруднения в приобретении черных металлов и проектировал устроить у себя лужение железа. Для осуществления этого он просил у центрального комитета в ссуду 15 000 руб. для приобретения вальцов, обязуясь погасить эту ссуду в 10 месяцев. По расчетам комитета средней промышленности, он мог выпускать до 60 ящиков луженого железа в день, по 10 — 12 руб. за пуд. Просьба о ссуде в 15 000 руб. для центрального комитета, по своей ограниченности, не могла представить затруднения, но, тем не менее, была им решительно отклонена.

Для производства проволоки комитету средней промышленности понадобились станки. Военно-окружный комитет сообщил, что нужные станки имеются в распоряжении центрального военно-промышленного комитета и что последний таковые может уделить средним промышленникам без затруднения. Но и на сей раз повторилось прежнее: не только станков, но и ответа на свою просьбу об этом комитет средней промышленности от центрального комитета не получил.

Для более рельефного доказательства нежелания центрального комитета поддерживать среднюю промышленность, следует отметить, что на общие совещания центрального комитета члены комитета средней промышленности приглашаемы не были, за исключением одного собрания в бюро по распределению металлов.

На последних совещаниях центрального комитета с представителями провинциальных военно-промышленных комитетов, последние привели ряд фактов, ярко характеризующих отрицательное отношение заправил центрального комитета к средней промышленности. Так, например, центральный комитет не дал работы нижегородскому, орловскому и саратовскому комитетам, объединившим именно среднюю и мелкую промышленность. Представитель курского комитета сообщил, что названным комитетом собрано 400 000 руб. для оборудования средних предприятий к изготовлению военных припасов, но когда он попросил у центрального комитета заказа на дистанционные трубки, нужда в которых довольно велика, ему такой работы не было дано. Упал подъем настроения, и собранные деньги были розданы по рукам. Здесь же, при обсуждении вопросов, связанных с созывом всероссийского съезда военно-промышленных комитетов, было отмечено, что центральный комитет исключил из намеченного состава съезда петроградский комитет средней промышленности, повидимому, из боязни иметь оппозицию на съезде и подвергнуться справедливой критике.

Таким образом,—как говорят в обществе,—ответ представителям прессы о поддержке центральным военно-промышленным комитетом средней промышленности — оказывается фразой, не имеющей никакого реального основания и значения. Ничего не возражая против важности, для успеха снабжения армии снарядами и потребными вещами, объединения и мобилизации крупной промышленности средствами центрального военно-промышленного комитета,—в целях беспристрастия и правды необходимо указать, что устранение и оставление без поддержки средней промышленности никоим образом не может ускорить производства и что это несомненно влияет немало на чрезмерное повышение цен на производство предметов, необходимых для армии.

Об изложенном доношу вашему высокопревосходительству.

Полковник (подпись).

16/XII 1915 г.

(6 делопр., д. № 343, т. III. Вх. 36490б.)

ГЛАВА III.

ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕРВЫЕ ШАГИ «ПРОГРЕССИВНОГО БЛОКА».

8.

Записка московского охранного отделения по общественному движению, № 72 (агентура «Павлов»).

За все время работы «всероссийского земского и городского союзов» они впервые сочли необходимым вступить на путь политических требований на съездах 5 июня. По убеждению общественных элементов, объединенных в союзах, князь Львов в своей программной речи выразил лишь то, что думает теперь вся Россия, без различия партий,—т.-е. необходимость созыва Государственной Думы и совместной работы правительственных и общественных сил по организации обороны. То, что речи Львова и Н. И. Астрова имели одни и те же принципиальные основания, объясняется организованностью выступления обоих «союзов». Перед съездами и еще ранее, перед съездом торгово-промышленников в Петрограде, главные комитеты «союзов» имели экстренные заседания, и уже на них было решено поддержать будущие резолюции съезда промышленников. Речи Львова и Астрова были несомненно программными речами комитетов «союзов». То обстоятельство, что в общеземском и городском союзах имеются депутаты Государственной Думы, подвинуло их еще больше к выступлению. По взаимному соглашению решено было выступить прежде съезду промышленников, но перед тем как Федоров поехал на съезд в Петроград, уже было известно, что земский и городской союзы поддержат резолюцию петроградского съезда. Состоявшееся выступление промышленников в момент времени более ранний, чем выступили земский и городской союзы, обуславливалось двумя существенными причинами: 1) съезд промышленников не опирается ни на одну из тех постоянно действующих, если не считать совета съездов, организаций, какие могли бы подвергнуться правительственным гонениям, и закрытие съезда или во всяком случае крайне неприязненное отношение к нему не могло бы вовсе распространить гонение дальше, т.-е. не было бы опасений ни за одну из организаций, работа которых считается в данный момент значительно важной,—в данном случае «союзы» не были бы даже ском-

прометированы, а между тем у них являлась возможность таким образом учесть настроение сфер в ответ на резолюцию съезда промышленников, и 2) представители земского и городского союзов рассчитывали на бо́льшее доверие правительства к торговым и промышленным кругам, чем могли ожидать по отношению к себе.

По словам известного деятеля кадетской партии Н. В. Тесленко, работа промышленников, земского и городского союзов и общественных организаций имеет определенную цель — организовать тыл армии; все мысли и чувства направлены только к этому. Но такая организация не может итти в созданных бюрократией рамках, ибо последняя, мало того, что сама не умеет работать, но еще и мешает работать другим. Тот творческий размах, который будет проявлен во всех концах России, явится прежде всего политическим в том смысле, что ограничит деятельность канцелярий Петрограда и создаст возможность направить ее по тому пути, которого требуют задачи момента и обстановка после взятия Перемышля и Львова. Тот, кто умеет работать, и будет хозяином страны. Общественная мысль далека от устранения работы правительственных органов, напротив, — всеобщее желание — пойти с ними рука об руку, но думают, что общественные силы в этой совместной работе сумеют показать такие результаты, что пред всей страной станет очевидной разница между бюрократией и людьми из общества. Более того, при соприкосновении с общественными элементами бюрократия не сумеет удержаться на высоте общего размаха и пойдет за обществом в такой работе. Как земский и городской союзы заслонили собою Красный Крест в деле помощи раненым, так точно объединенная промышленность, торговля, земство и города сумеют создать такую организацию по снабжению тыла, что она заслонит работу канцелярий, а Государственная Дума, по предположениям общественных кругов, явится именно тем посредником, который соединит работу правительства и общества в одно целое.

Дума будет важна для земского и городского союзов и тем еще что, засвидетельствовав перед всей страной грандиозность работы, предпринятой союзами, она даст тем возможность значительно укрепить их позиции, а путем расширения работы для снабжения армии,—все большие, стороны деятельности отдельных земств и городов будут подчинены союзам. На первой очереди стоят закупки на армию и продовольственная кампания.

13/VI 1915 г.

(6 делопр., д. № 343, т. I. Вх. 17085.)

9.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о совещании у П. П. Рябушинского.

Ваше превосходительство, милостивый государь, Валентин Анатольевич!

По полученным мной из источников заслуживающих доверия сведениям, идущим из серьезных общественных кругов гор. Москвы, на этих днях председатель биржевого комитета, известный Павел Павлович Рябушинский, пригласил на небольшое совещание, состоявшее человек из 15

местных представителей торгово-промышленного класса и двух членов московской городской думы («правого» Щепкова и «прогрессиста» Третьякова), московского городского голову М. В. Челнокова.

Рябушинский в присутствии упомянутых лиц обратился к Челнокову с речью, в коей, указывая на серьезное внутреннее положение, переживаемое страной, на бездарность, полную бездеятельность правящих классов и неспособность правительственного элемента сорганизовать страну для победы, доказывал необходимость для всех общественных элементов, своевременность вступить на путь полного захвата в свои руки исполнительной и законодательной власти.

При этом Рябушинский обратился к Челнокову, как представителю московского городского общественного управления, с вопросом, намерен ли он, как лицо, облеченное доверием города, и как представитель нескольких крупных общественных организаций, поддержать всеми имеющимися у него силами и средствами названных организаций предложение Рябушинского.

Челноков, признавая справедливость общих выводов Рябушинского, ответил, однако, уклончиво. Сославшись, во 1-х, на данное им честное слово не пользоваться своим положением городского головы для чисто политических шагов и, во 2-х, на невыясненное для него политическое значение той группы лиц, которая вызвала его на эти объяснения, он заявил, что если и «правая» часть городской думы, и «прогрессивная» ее часть, целиком каждая, согласятся поддерживать предложение Рябушинского, то он пойдет им навстречу.

Можно предполагать, что указанная группа лиц в большинстве своем составляет единомышленников Рябушинского по местному военно-промышленному комитету или биржевому комитету. Челноков в своей среде характеризовал их, как «серых купцов», но, однако, считал для себя необходимым приезжать по вызову названной группы два раза на совещания. Первый раз ему Рябушинский изложил приведенную выше точку зрения на общее положение внутри государства, выдавая ее за свою, и во второй раз обратился от имени биржевого комитета к Челнокову, как представителю московского городского общественного управления.

По тем же сведениям, в ближайшем будущем на одном из заседаний московской городской думы Челноковым будут подняты положения, высказанные Рябушинским от имени московского биржевого комитета.

Есть возможность допустить, что, в результате, московской городской думой будет принято, в виде резолюции, требование полного обновления состава настоящего кабинета с готовым списком лиц на министерские посты, при чем список этот, идущий несомненно из тех же кругов московского торгово-промышленного класса, был вчера помещен в газете «Утро России» (прилагается к сему).[1] «Утро России» издается П. П. Рябушинским и отражает интересы названного торгово-промышленного класса.

---

[1] «Утро России», 13 августа 1915 г., № 222.

«Кабинет обороны».

Сегодня в думских кулуарах циркулировал следующий список лиц, проектируемых думской оппозицией в состав кабинета обороны:

Премьер-министр — М. В. Родзянко, министр внутренних дел — А. И. Гучков, министр иностранных дел — П. Н. Милюков, министр финансов — А. И. Шингарев, путей сообщения — Н. В. Некрасов, торговли и промышленности — А. И. Коновалов, главноуправляющий земледелия и землеустройства — А. В. Кривошеин, военный министр — А. А. Поливанов, морской министр — Н. В. Савич, государственный контролер — И. Н. Ефремов, обер-прокурор синода — В. Н. Львов, министр юстиции — В. А. Маклаков, министр народного просвещения — гр. П. Н. Игнатьев. (Соб. кор.)

В дальнейшем имеется намерение, исходящее из прогрессивных кругов городской думы и деятелей общегородского союза, сорганизовать по всей России, чрез местные городские думы в провинции, пользуясь связями общегородского союза, подобные же манифестации местных городских дум с теми же пожеланиями и требованиями обновления состава правительства.

Об изложенном считаю необходимым доложить вашему превосходительству. Дальнейшее обследование продолжается.

А. Мартынов.

4/VIII 1915 г.

(6 делопр., д. № 343, т. I. Вх. 22914.)

10.

Записка московского охранного отделения по общественному движению № 108, о частном совещании гласных московской городской думы (агентура «Блондинка»).

18 сего августа, в 6 часов вечера, в здании московской городской думы началось закрытое частное совещание гласных думы по вопросу о снабжении армии. Присутствовали только члены управы и гласные думы; представлены были все группы. Главенствовали кадеты, более умеренные были в разброде. Продолжалось это собрание до 11 часов вечера. Главной темой был и остался до конца вопрос снабжения армии; политические вопросы были затронуты постольку, поскольку они были в связи с названной темой. Было высказано много речей, и все единодушно констатировали удручающую картину хода общественных работ по снабжению армии; приводились факты, рисующие инертность и крайне медленный ход работ, с одной стороны, и препятствия, которые чинятся ведомствами, главным образом артиллерийским, общественным организациям в их работе. Приводились многие факты. Общий вывод был таков: если темп работы и общие условия останутся такими, какими они есть, то о ближайших результатах нечего и думать, и надлежащее снабжение армии станет вопросом далекого будущего. Оценка общественной работы в речах гласных думы наталкивала на самые пессимистические выводы.

В конце-концов, гласные приняли резолюцию, распадающуюся на две части: одна—касающаяся технических условий снабжения армии, и другая—подчеркивающая те общественные условия, в которых могла бы благотворно протекать техническая работа по снабжению армии. Последняя, политическая часть, формулирована и проведена кадетской группой. Поведение Челнокова в закрытом заседании — умеряющее, старался удерживать резких ораторов.

В открытом заседании, начавшемся речью Челнокова, заявившего, что было бы целесообразно воздержаться от повторения тех фактов, которые были выслушаны в закрытом заседании, было предложено принять резолюции, касающиеся технической части дела снабжения армии. Эти предложения и резолюции были единогласно Думой приняты. Резолюции говорили о развитии более интенсивной деятельности дела снабжения армии; о привлечении к этому делу мелких ремесленных и промышленных организаций; о достижении большего единения между организациями, работающими в деле снабжения армии. Затем Челноков предо-

ставил слово Николаю Ивановичу Гучкову, по заранее выработанному плану, который в своей речи высказал ряд политических пожеланий, на которых ему удалось объединить всю московскую городскую думу целиком, так как его предложения были приняты единогласно.

Начал Гучков с указания, что Москва, как и встарь, является сердцем России, и ее голос является голосом народной воли, поэтому голос Москвы должен прозвучать твердо, непоколебимо, от края до края, и должен быть услышан не только Россией, но и далеко за ее рубежом. Первым делом Москва должна заявить, что война должна быть доведена до победоносного конца, и мир не может быть заключен ранее того, пока не будут закончены те великие цели, которые взялись осуществить союзники во имя великих задач человечества. Для осуществления этой великой задачи необходим ряд условий, и первое условие, это — единение всего народа, слияние его в единую народную душу; далее необходимо, чтобы те, кто являются представителями воли народной, также были бы едины, и что все партийные трения должны исчезнуть; работа Государственной Думы должна протекать при условии единения всех политических групп. Пусть этот властный голос Москвы будет услышан народными представителями. Далее необходимо единение народного представительства с правительством, но с таким правительством, которое бы пользовалось полным доверием страны. Наконец, необходимо, чтобы во главе этого правительства было бы поставлено лицо, которое пользовалось бы доверием со стороны широких масс и народного представительства. Обо всех этих настойчивых пожеланиях Москвы, надеждах ее, должно быть доведено до сведения того, к кому в тяжелые годины всегда с верой обращались взоры народные,—до сведения монарха.

После Гучкова была кем-то из гласных произнесена незначительная речь, приглашавшая к единению и к присоединению к речи Гучкова, после чего состоялась баллотировка, заключавшаяся в прочтении Челноковым готовых формулировок речи Гучкова, принятых единогласно, с бурным аплодисментами. Челноков кончил так:

«Итак, господа, значит вы уполномачиваете московского городского голову довести обо всех пожеланиях первопрестольной до сведения монарха.

Засим разрешите обратиться к верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу с выражением тех чувств доверия, которые питает к нему московская городская дума, и той незыблемой веры, которую она питает к несокрушимой, доблестной армии».

После этого он спешно закончил и закрыл заседание.

В итоге, ожидавшиеся всеми выборы двух делегатов в московский коалиционный комитет не состоялись; возможно, однако, что такие выборы все же в недалеком будущем состоятся. Возможно также, что прогрессивная часть выберет таких делегатов от известной части городской думы. Можно допустить, что разлад в этом вопросе происходит из-за недостаточного доверия к личности Коновалова, демагогических заигрываний которого с рабочими побаиваются промышленники.

Что касается самого сегодняшнего заседания думы, то обращало на себя внимание то несоответствие в настроении и решениях, которое было в закрытом, а затем в открытом заседаниях думы. Первое закрытое засе-

дание было явно пессимистично и безнадежно по настроению и речам, а во втором — совершенно неожиданно и без всякой связи с закрытым заседанием,—прозвучали твердые оптимистические ноты, почему чувствовалось, что принятое решение заранее подготовлено небольшой группой, раньше формулировавшей все тезисы резолюции.

Ожидавшиеся требования коалиционного министерства не обсуждались и были заменены туманной формой требований «правительства, пользующегося доверием страны». Были высказаны пожелания более частых случаев экстренных собраний думы, в роде сегодняшнего.

За начальника отделения, помощник,

ротмистр *Знаменский*.

19/VIII 1915 г.

(6 делопр., д. № 1, 343, т. 1. Вх. 23452.)

11.

Записка московского охранного отделения по общественному движению № 110, об экстренном совещании представителей военно-промышленного комитета (агентура «Павлов»).

25 сего августа, от 2 до 6 часов дня, состоялось созванное П. П. Рябушинским экстренное совещание представителей военно-промышленных комитетов московского района, в котором приняли участие члены московского областного военно-промышленного комитета и представители 34 местных комитетов. Приглашенные на это совещание А. И. Гучков и А. И. Коновалов не прибыли. Совещание было открытым, и на него были допущены представители печати. Всего присутствовало свыше 100 человек.

Совещание открылось речью его председателя П. П. Рябушинского, который приблизительно сказал следующее:

«Общественная струя уже толкнула правительство на путь более интенсивной работы; теперь является необходимым направить это дело и по дальнейшему пути. Как вы знаете, общественные силы в деле обслуживания нужд войны до сих пор не несли никакой ответственности, так как работа общеземского и общегородского союзов обслуживала только дело призрения раненых, тем не менее и эта безответственная работа затмила деятельность в той же области правительственных учреждений. До сих пор дело снабжения армии целиком было в руках правительства, но так как теперь и мы выступили на помощь в этом деле, то часть ответственности за него падает и на нас, поэтому стране пора узнать, что мы бессильны что-либо сделать при существующих к нам отношениях самого правительства, не стоящего на должной высоте. Мы в праве потребовать, чтобы нам была дана возможность работать, раз на нас взваливают эту ответственность. Нас могут в будущем спросить, почему вы не сделали всего для обороны, имея все права. Таким образом, является опасность, что нас обвинят в том, в чем мы неповинны. Поэтому, в силу такой общей ответственности, мы должны обратить внимание на самое устройство правительственной власти, ибо власть не стоит на высоте своего положения. Сейчас у власти стоят люди, которые не в состоянии руководить сложным делом обороны, и наша задача—теперь—давлением на центральную власть добиться от власти испол-

нительной соответствующего направления. Наша армия может, наконец, потерять надежду, что она получит все необходимое. Наш комитет, обсудив этот вопрос вместе с другими общественными организациями, пришел к убеждению в необходимости, чтобы наш съезд определенно высказался по этому делу. Нам нечего бояться: нам пойдут навстречу в силу необходимости, ибо армии наши бегут перед неприятелем. Делать же это нужно, пока не поздно, ибо потом и лучшие люди не в состоянии будут поправить дело, если государственный организм наш омертвеет. Всякое противодействие нам должно быть заклеймено, как антинародное».

После этого вступления Рябушинский предложил совещанию принять следующую резолюцию:

«Съезд представителей военно-промышленных комитетов московского района, призванных всемерно содействовать снабжению нашей доблестной армии всем необходимым и тем способствовать доведению войны до победного конца, пришел, однако, к ясному убеждению в неизбежности перестройки самой руководящей правительственной власти и в необходимости немедленного призыва новых лиц, облеченных доверием страны, в совет министров. Для достижения этого является крайне необходимым, чтобы наше глубокое убеждение проникло в сознание высшей правительственной власти. Противодействие же или промедление в проведении в жизнь этого начинания, откуда бы оно не исходило, приведет, по определенному мнению всего съезда, к гибельным и непоправимым для России последствиям».

Эта резолюция составлена была Рябушинским и Спроткиным (председатель нижегородского военно-промышленного комитета).

Затем перешли к обсуждению предложенной резолюции по существу; первым высказался председатель тверской губернской земской управы Червен-Водали:

«В начале войны раздался клич общего единения, и народ этому поверил. Организация победы осталась за властью, власть же начала с неправды: она обманула нас в Государственной Думе, заверив устами бывшего военного министра, что снабжение армии стоит на должной высоте. Мелькнули и исчезли Мясоедовы и др., но не об одних Мясоедовых должна быть теперь речь. Надо взять пример с верховной следственной комиссии, которая не боится называть вещи своими именами. Созданием военно-промышленных комитетов ответственность пала и на нас. По моему мнению, в предлагаемой резолюции недостаточно ясно подчеркнута мысль о необходимости создания министерства обороны. Если в состав нынешнего министерства войдут одно-два лица с общественным настроением, то этим они лишь себя скомпрометируют, и введение этих лиц в министерство послужит только прикрытием деяний остальных министров и возложением за эти деяния ответственности на этих новых людей. Поэтому, вношу такую поправку: образование совета министров исключительно из лиц, пользующихся общественным доверием».

Спроткин сказал следующее: «В силу остроты момента и событий, великая ответственность встает перед нами, ибо народ наш спит беспробудно. Единственные люди, которые могут принять эту ответственность на себя, это—общественные силы, почему и необходимо требовать обновления всего министерства».

Рябушинский на эти соображения возразил, что он и предлагающие эту резолюцию лица именно и имели в виду требование обновления всего министерства, а не смены отдельных лиц, что, по его мнению, достаточно ярко выражено в предлагаемой резолюции, и он просит прослушать ее вторично.

Резолюция была принята единогласно, и было решено ограничиться только напечатанием ее в газетах, чтоб таким приемом демонстративно показать, что съезд обращается непосредственно ко всей стране.

Вслед за сим Рябушинский предложил съезду принять особое постановление, в котором отметить, что съезд приветствует нашу доблестную армию и ее верховного главнокомандующего и верит, что армия окажется на высоте своего положения, но сейчас же отказался от этого своего предложения, сообразив, что такое постановление как бы подчеркнет то обстоятельство, что съезд замалчивает выражение своих верноподданнических чувств.

Был объявлен перерыв, после которого съезд приступил к практической работе, по докладам с мест.

26 сего августа принятая резолюция будет оглашена в заседании московского военно-промышленного комитета. Если бы администрация воспрепятствовала напечатанию резолюции в газетах, решено воспроизвести ее на множительном аппарате и разослать на места.

Начальник отделения, полковник *Мартынов*.

25/VIII 1915 г.

(6 делопр., д. № 343, т. 1. Вх. 4196.)

12.

Донесение начальника петроградского охранного отделения в департамент полиции об образовании «прогрессивного блока».

Вследствие запросов департамента полиции от 7 ноября 1915 года за № 174971, 23 февраля сего года за № 101826 и 5 сего августа за № 108130, имею честь представить департаменту полиции нижеследующий материал, добытый при посредстве секретной агентуры вверенного мне отделения, по поводу создания в Петрограде «прогрессивного блока».

Переговоры о соглашении между различными фракциями Государственной Думы и Государственного Совета, с целью образования парламентского блока, начались с первого же дня открытия летней сессии Государственной Думы 19 июля 1915 года. Инициаторами соглашения явились лидеры Прогрессивной фракции—И. Ефремов и А. Коновалов. Основной политической мыслью инициаторов соглашения было желание создать в Государственной Думе и Совете такое большинство, на которое могли бы опереться в своих исканиях и вожделениях различные общественные организации.

После долгих переговоров и обсуждений проектов соглашения, намеченных различными организациями, для выработки общей программы «блока» была выбрана особая комиссия, в состав которой входили: члены Государственной Думы: П. Милюков, И. Ефремов, С. Шидловский, Н. Ростовцев и А. Савенко и члены Государственного Совета: Д. Гримм, В. Гурко, князь Оболенский, граф Д. Олсуфьев и В. Меллер-Закомельский. Комиссией была выработана программа блока, носящая характер компромисса, с равнением по наиболее умеренным элементам — группе националистов. 25 августа 1915 года программа парламентского блока была опубликована в печати в виде декларации, за подписью представителей всех фракций, вошедших в блок. Программа

блока, хранящаяся у секретаря Государственной Думы И. Дмитрюкова такова:

«Нижеподписавшиеся представители фракций и групп Государственной Думы и Государственного Совета, исходя из уверенности, что только сильная, твердая и деятельная власть может привести отечество к победе, и что такою может быть лишь власть, опирающаяся на народное доверие и способная организовать активное сотрудничество всех граждан, — пришли к единогласному заключению, что важнейшая и насущнейшая задача создания такой власти не может быть осуществлена без выполнения нижеследующих условий:

1) Создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы.

2) Решительное изменение применявшихся до сих пор приемов управления, основывающихся на недоверии к общественной самодеятельности, в частности:

а) строгое проведение начал законности в управлении;

б) устранение двоевластия военной и гражданской власти в вопросах, не имеющих непосредственного отношения к ведению военных операций;

в) обновление состава местной администрации;

г) разумная и последовательная политика, направленная на сохранение внутреннего мира, и устранение розни между национальностями и классами.

Для осуществления такой политики должны быть приняты следующие меры, как в порядке управления, так и в порядке законодательства:

1) В путях монаршего милосердия прекращение дел, возбужденных по обвинению в чисто политических и религиозных преступлениях, не отягченных преступлениями обще-уголовного характера, освобождение от наказания и восстановление в правах, включая право участия в выборах в Государственную Думу, в земские и городские учреждения и т. д., лиц, осужденных за те преступления, и смягчение участи остальных осужденных за политические и религиозные преступления, за исключением шпионов и предателей.

2) Возвращение высланных в административном порядке за дела политического и религиозного характера.

3) Полное и решительное прекращение гонений за веру под какими бы то ни было предлогами, и отмена циркуляров, последовавших в ограничение и извращение смысла указа 17 апреля 1905 года.

4) Разрешение русско-польского вопроса, а именно: отмена ограничений в правах поляков на пространстве всей России, незамедлительная разработка и внесение в законодательные учреждения законопроекта об автономии царства Польского и одновременный пересмотр узаконений о польском землевладении.

5) Вступление на путь отмены ограничений в правах евреев, в частности дальнейшие шаги к отмене черты оседлости, облегчение доступа в учебные заведения и отмена стеснений в выборе профессий. Восстановление еврейской печати.

6) Примирительная политика в финляндском вопросе, в частности перемены в составе администрации и сената, прекращение преследования против должностных лиц.

7) Восстановление малорусской печати; немедленный пересмотр дел жителей Галиции, содержащихся под стражей и сосланных, и освобождение тех из них, которые подвергались преследованию невинно.

8) Восстановление деятельности профессиональных союзов и прекращение преследования представителей рабочих в больничных кассах по подозрению в принадлежности к нелегализованной партии. Восстановление рабочей печати.

9) Соглашение правительства с законодательными учреждениями относительно скорейшего проведения:

а) всех законопроектов, имеющих ближайшее отношение к национальной обороне, снабжению армии, обеспечению раненых, устройству участи беженцев и другим вопросам, непосредственно связанным с войной;

б) следующей программы законодательных работ, направленных к организации страны для содействия победе и к поддержанию внутреннего мира:

Уравнение крестьян в правах с другими сословиями.

Введение волостного земства.

Изменение земского положения 1890 года.

Изменение городового положения 1892 года.

Введение земских учреждений на окраинах, как то: в Сибири, Архангельской губернии, Донской области, на Кавказе и т. д.

Законопроект о кооперативах.

Законопроект об отдыхе торговых служащих.

Улучшение материального положения почтово-телеграфных служащих.

Утверждение трезвости навсегда.

О земских и городских съездах и союзах.

Устав о ревизии.

Введение мирового суда в тех губерниях, где введение его приостановлено по финансовым соображениям.

Осуществление законодательных мер, в которых может встретиться необходимость при выполнении в порядке управления намеченной выше программы деятельности».

Устав этот подписан:

От прогрессивной группы националистов — граф В. Бобринский. От фракции центра — В. Львов. От фракции земцев-октябристов — И. Дмитрюков. От группы союза 17 октября — С. Шидловский. От фракции прогрессистов — И. Ефремов. От фракции народной свободы — П. Милюков. От группы центра Государственного Совета — В. Меллер-Закомельский. От академической группы Государственного Совета — Д. Гримм.

В Государственной Думе в парламентский блок входят более 300 депутатов из общего числа 442 членов Думы; в Государственном Совете точного количества членов блока не представилось возможным выяснить. Исполнительным органом парламентского блока является бюро, под председательством члена Государственного Совета В. Меллер-Закомельского. В состав бюро входили следующие 25 представителей отдельных фракций и групп, примкнувших к блоку:

Государственного Совета: Академической группы—Д. Гримм, М. Ковалевский (ныне умерший) и А. Васильев; внепартийных и группы центра — В. Гурко, М. Стахович, князь А. Оболенский, граф Д. Олсуфьев, А. Кони и И. Шебеко.

Государственной Думы: кадетской фракции — П. Милюков, А. Шингарев, Н. Некрасов; прогрессистов — И. Ефремов, В. Ржевский; октябристов и октябристов-земцев—С. Шидловский, Е. Ковалевский, Милютин, А. Звегинцев, Н. Ростовцев, Алексеенко, И. Годнев; группы центра—

П. Крупенский, В. Львов и прогрессивных националистов — А. Савенко и В. Шульгин.

Донося об изложенном департаменту полиции, имею честь доложить, что дальнейшее агентурное наблюдение за деятельностью блока имеется, и о всем заслуживающем внимания, будет неукоснительно доложено немедленно по получении сведений.

Генерал-майор (подпись).

13/VIII 1916 г.

(6 делопр., д. № 343, т. 3. Вх. 21797.)

15.

Донесение московского градоначальника управляющему министерством внутренних дел о собрании общественных деятелей 28 августа 1915 г.

Вчера, 28 сего августа, в квартире московского городского головы М. В. Челнокова с 2 до 5 час. дня происходило собрание общественных деятелей.

Московское земство представлял — Нарожницкий; общегородской союз — Астров; общеземский союз — Щепкин; город Москву — Челноков; присутствовали: Булочкин, Кишкин, Коновалов, князь Львов, Корнилов, барон Кноп-сын, Рябушинский П. и др., кои ныне устанавливаются.

Задача собрания — «осведомление о происходящих ныне в Петрограде переговорах общественных деятелей и представителей «прогрессивного блока» с правительством и выяснение позиции московских общественных организаций по этому вопросу.

Заседание началось с доклада на изложенную тему А. И. Коновалова, который в самых мрачных красках обрисовал переговоры с правительством, находя, что общественные деятели, обратившись с требованием о смене министров к самим министрам, естественно сделали ошибку и попали в тупик. Коновалов считает, что со стороны правительства происходит намеренная затяжка; правительство старается выиграть время до более благоприятного для него положения на нашем фронте и до заключения финансовых переговоров министра финансов Барка в Лондоне и Париже; от Государственной Думы стараются отделаться во что бы то ни стало и ищут только удобного момента. Таким образом, по мнению Коновалова, переговоры с правительством бесплодны.

После Коновалова выступил Челноков с большой, примиряющего характера, речью. Спрашивая у собравшихся, где выход из положения и исчерпаны ли все средства воздействия на правительство, Челноков заявил, что, по его мнению, еще далеко не исчерпаны все средства воздействия со стороны общества, что переговоры с правительством вести еще можно, и требования прогрессивного блока не должны ставиться ультимативно; что уступки со стороны прогрессивных групп возможны, в свою очередь, и соглашение с правительством возможно и может быть достигнуто; переходя к формам воздействия на правительство, Челноков заявил, что он полагает, что поднятая в настоящее время манифестационная кампания городских дум и других общественных организаций в стране

еще далеко не закончена; необходимо дальнейшее выступление общественных организаций, и в первую очередь — земств.

«В ближайшем времени» — по заявлению Челнокова — «в Москве предстоят съезды: обще-земского союза (7 сентября с. г.) и общегородского союза, и на съездах этих двух мощных организаций властно должны прозвучать требования, обращенные к правительству».

Челноков, лично, полагает, что «правительство колеблется и в такой момент не пойдет по пути диктатуры и разгона Государственной Думы».

После Челнокова выступил с речью П. П. Рябушинский. Он указал, что при данном правительстве никакая работа военно-промышленных комитетов, а также и других общественных организаций, обслуживающих армию, невозможна, и что этим организациям на каждом шагу создаются при данных условиях препятствия; благодаря неопределенности положения внутри государства, создается такое настроение в массах и рабочих кругах, что не исключена возможность, что в какой-нибудь день остановится вся работа.

После него говорил товарищ председателя общества фабрикантов и заводчиков московского района Ю. Поплавский, указавший, что среди рабочих, по его сведениям, замечается недовольство и начинается брожение; по его мнению, если бы не существующие политические условия, то производительность рабочего труда возросла бы в десять раз.

П. П. Рябушинский выступал еще на тему о русских финансах и рисовал их в самых мрачных красках; говоря о поездке Барка за получением для России денег за границу, Рябушинский говорил, что данное правительство терпит Думу «для приличия», желая показать, что Россия — цивилизованная страна, и немедленно изменит свое отношение к Государственной Думе, получив заем за границей. Находя, что при других условиях мы могли бы найти деньги и у себя путем внутреннего займа и нового выпуска государственных ассигнаций, Рябушинский указал, что, однако, такой прием возможен только для правительства, действительно пользующегося доверием страны, иначе внутренний заем не будет иметь успеха, а усиленный выпуск ассигнаций вызовет падение валюты, финансовый крах и, в результате,— революцию.

Выступивший от имени общественных организаций Москвы Астров проводил ту мысль, что в смысле объединения организованных общественных сил Москва уже сделала свое дело, сгруппировав в одно целое все общественные ячейки, группы и организации, а потому и смело может сказать, что имеет в своем распоряжении организованное общественное мнение первопрестольной столицы, почему, в случае необходимости, сумеет найти пути для реальной поддержки своих требований.

Коновалов в новой речи охарактеризовал настроение низов народа, как близкое к отчаянию, указав при этом, что необходимо скорее принять все меры, чтобы не довести народ действительно до такого морального состояния, когда он, охваченный отчаянием, может выйти на единственный для него возможный в таком положении путь — путь насилия и всяких эксцессов.

Следующая речь, князя Львова, как и речь Челнокова, была довольно умеренной, и сущность ее может быть формулирована так: он считает, что ближайшая задача руководящих и ответственных кругов общества должна заключаться в предупреждении и в предотвращении тех эксцессов отчаяния, на которые толкает общество и народ правительство, политика которого до последнего времени сводилась к дезорганизации общества и распылению его сил, к созданию анархии, ведущей к бессилию

к бездействию. Учитывая это, общественные организации и должны приложить все свои силы к удержанию общества в его организованном виде, чтобы тем предупредить его разложение и неизбежную за ним анархию, борьба с которой теперь и есть главнейшая задача момента, так как собственно у народа—одно сознание и одна дума—он хочет только победы. Что можно вполне рассчитывать на успех выполнения такой задачи для центральных кругов, доказывается колоссальной организационной работой в провинции, что будет фактически видно из тех материалов с мест, которые будут представлены на предстоящем съезде представителей «всероссийского земского союза».

Речь Львова была принята собранием несколько холодно; острили даже, что в ней сквозят уклончивость и «патриотические ноты будущего премьера».

Выход из этого положения Челнокову и его группе рисуется так: очевидно, государю императору, все внимание которого сосредоточено на делах фронта, неизвестно в подробностях о том, что делается внутри страны и в чем видят спасительный исход его лучшие гражданские силы; поэтому, когда на предстоящих съездах будут приняты резолюции, соответствующие программе «прогрессивного блока», необходимо изыскать средства и пути для доведения их до непосредственного сведения верховной власти. Необходимо поручить Челнокову и князю Львову убедить председателя Государственной Думы представить государю императору будущие резолюции обоих съездов. Постоянные настойчивые повторения требований об осуществлении этих резолюций с мест, о чем должны похлопотать руководящие деятели по связям общеземского и общегородского союзов, несомненно, в конце-концов, окажут свое влияние на центральное правительство, которое под давлением общественного мнения должно будет пойти на компромисс.

Помимо изложенного, на совещании у Челнокова, главным образом приехавшими из Петрограда участниками этого совещания, передавалось о том, что в настоящее время представители «прогрессивного блока» Ефремов и Милюков продолжают вести переговоры с правительством, при чем настроение у них по поводу результатов этих переговоров не столь пессимистическое, как было ранее, так как они считают, что кабинет пойдет на уступки, и соглашение, возможно, будет достигнуто, но Милюков считает, что и прогрессивным группам придется кое в чем поступиться.

В случае же неудовлетворения требований, выставленных «прогрессивным блоком», намечаются как бы два течения в тактике прогрессивных групп; одно из них, наиболее беспокойное, к коему примыкают такие лица, как Ефремов и Коновалов, говорит так: «Если Дума будет разогнана, обязанность народных представителей—не поддаваться этому разгону, объявить Государственную Думу продолжающей свои заседания и обратиться с объяснительным воззванием к народу».

Другая часть, выразителем мнения которой является Милюков, исходит из убеждения, что Государственную Думу правительство ни в коем случае не распустит, что сделать это для правительства совершенно немыслимо, но что если бы Государственная Дума была распущена, то этой группе все же представляется еще один выход из положения: Думский президиум, а также и все, что есть наиболее значительного и влиятельного в стране, должны обратиться к государю императору и заявить, что распоряжение правительства толкает страну в пропасть, что она накануне гибели, и что эта группа делает последнюю попытку предупредить ужасные последствия.

Между прочим, там же, побывавшими в действующей армии депутатами говорилось, что в армии очень интересуются положением дел внутри страны, и в случае роспуска Думы — вся армия встрепенется.

Независимо сего, считаю долгом доложить вашему сиятельству, что в настоящее время поступают из агентурных источников указания, что кругами местных общественных деятелей, а также редакционными кругами местных газет, получены сведения о несомненном решении правительства — не итти на какие-либо уступки требованиям, выразившимся в ряде резолюций различных общественных организаций. Сведения эти вызвали общее пониженное и тревожное настроение заинтересованных кругов.

Генерал-майор *Климович.*

Начальник отделения, полковник *Мартынов.*

29/VIII 1915 г.

(6 делопр., д. № 343, т. 2. Вх. 27553.)

ГЛАВА IV.

БУРЖУАЗИЯ ВО ВРЕМЯ СЕНТЯБРЬСКОЙ СТАЧКИ.

14.

Памятная записка московского охранного отделения по общественному движению в г. Москве с 1 июня по 1 октября 1915 г.

С началом настоящей войны во всех слоях общества возникло стремление притти на помощь действующей армии путем организации всевозможных благотворительных учреждений для призрения и лечения раненых и больных воинов. Во главе таких общественных начинаний стали две широкие общественные организации — «всероссийский земский союз» и «всероссийский союз городов», объединившие таким образом в этом деле всю земскую и муниципальную Россию.

В начале работа этих учреждений не уклонялась от своей прямой задачи, и ее в высшей степени полезные практические результаты обратили на себя внимание правительства и даже удостоились высочайшего одобрения. Но уже с весны текущего года, когда наши неуспехи на фронте обострили настроение общества, тотчас приписавшего такие неуспехи нераспорядительности и неумелости правительства, среди левых групп обоих «союзов» все настойчивее определялась мысль воспользоваться объединенными земскими и муниципальными силами для давления на правительство в сторону проведения желательных для них реформ нашего государственного строя. О такой тенденции—использовать готовую силу объединенного земства и городов для натиска на правительство в сторону своих вожделений—и до этого момента имелись определенные указания, но первоначально предполагалось произвести такой натиск по окончании победоносной войны; неуспехи на фронте, раскрывшиеся дефекты в деле снабжения армии и в деле охраны ее от военного шпионажа, вместе с тем расстройством экономической жизни населения, которое неизбежно является следствием войны, ускорили осуществление тайных намерений левых деятелей обоих «союзов», создав для них благоприятную почву для острой критики правительства и предъявления к нему определенных политических требований.

Все такие настроения и стремления общественных групп особенно ярко сказались в Москве, где сосредоточены руководящие и исполнительные центры главнейших общественных организаций. Выше было упомянуто,

что война внесла расстройство в экономическую жизнь населения, вызвав дороговизну всех продуктов потребления, и на почве этого печального явления в столице и в других местностях империи возникли волнения, несомненно, грозившие общественному спокойствию в тылу армии. Этими событиями не замедлили воспользоваться общественные организации, во главе с «всероссийским союзом городов», который постарался взять разрешение этого вопроса в свои руки путем созыва всероссийского съезда по вопросу о дороговизне и о снабжении армии, самым созывом такого съезда как бы подчеркивая неудачу правительства в упорядочении этого важного дела. Прекрасно сознавая тот громадный интерес, который представляет из себя вопрос о дороговизне жизни низших слоев населения, левые деятели обоих «союзов», а в особенности такая группа в общегородском союзе, сумела настоять, вопреки противодействию его председателя М. В. Челнокова и всех благомыслящих его членов, на приглашении к участию в съезде представителей от рабочих.

Несомненно, что путем такого приема эта левая группа искала сочувствия и поддержки своим начинаниям в борьбе с правительством в среде рабочего населения и как бы прощупывала почву, в какой степени она может в дальнейшем рассчитывать на единомыслие и помощь рабочих в этой борьбе. Независимо от такого вывода из положения, этот тайный план руководителей левой группы определенно был мне известен из точных указаний негласных источников, и я тогда же счел своим долгом обратить внимание на это обстоятельство г. товарища министра внутренних дел, заведывавшего полицией, личными письмами на имя свиты его величества генерал-майора Джунковского от 24 и 27 июня сего года за № 292002, 301371 и 301543.

Состоявшийся между 11—13 июля сего года этот съезд вполне подтвердил предварительно имевшиеся у меня сведения: уклонясь от своей прямой задачи, съезд принял ряд политических резолюций, из которых некоторые, как, например, вопрос о политической амнистии, были приняты под давлением рабочей группы, вообще повлиявшей на общий тон прений съезда и самих резолюций. Тем не менее, на съезде определенно выяснилось, что рабочие не склонны следовать за лидерами буржуазной революции и продолжают держаться своей непримиримой классовой позиции, стремясь использовать возможную политическую революцию в своих классовых интересах и для последующего захвата власти пролетариатом. Подробные сведения о съезде, его течении, его прениях, его резолюциях и тех настроениях для будущего, которые на нем определились, я тогда же представил г. министру внутренних дел запиской от 17 июля сего года за № 292128.

С этого момента деятельность общеземского и общегородского союзов определенно направилась в сторону «легальной» борьбы с правительством путем предъявления к нему программных политических требований как от себя, так и путем предъявления таких же требований с мест, где под руководством земских и муниципальных деятелей началась планомерная агитация за осаду власти.

Постоянная живая связь между главнейшими деятелями обоих «союзов» и левыми группами членов законодательных учреждений повела к тому, что с открытием последней сессии Государственной Думы эта осада власти нашла себе конкретную поддержку в большинстве членов обеих законодательных палат, объединившихся в лице так называемого «прогрессивного блока». Не удовлетворяясь теми начинаниями, которые проявила власть в отношении удовлетворения некоторых общественных пожеланий, инициаторы «натиска», рассчитывая на поддержку Думы и преувеличивая значение

сил, объединенных в лице обоих «союзов», повели агитацию за предъявление к верховной власти требований о коренном преобразовании нашего государственного строя на началах парламентаризма и всеобщего избирательного права.

На такой почве в Москве начались совещания различных общественных групп и кружков, открывшиеся совещанием 16 минувшего августа в квартире члена Государственной Думы А. И. Коновалова, с участием лидеров думской фракции партии к.-д., главноуполномоченных обоих «союзов» и лидеров других московских крупных общественных кружков. Это совещание высказалось за необходимость организации по империи особых «коалиционных» комитетов, руководимых московским центральным коалиционным комитетом, для создания повсеместной агитации в целях поддержки программы «прогрессивного блока». Здесь же организовался этот центральный комитет из 15 лиц, во главе которого стали: кн. Г. Е. Львов, М. В. Челноков, А. И. Коновалов и П. П. Рябушинский. Как план дальнейших активных действий, было принято избрание особой депутации из земских и городских уполномоченных для личного представления государю императору общественных пожеланий, наподобие такой же депутации 1905 г. Сведения об этом совещании тотчас же были сообщены по телеграфу в министерство внутренних дел и 22-го же августа за № 292336 подробно донесены мною г. министру в особой записке.

Планомерная агитационная деятельность «коалиционного комитета» не замедлила сказаться в местных выступлениях, почин которым сделала московская городская дума в экстренном заседании своем 18 того же августа, принявшая резолюцию об учреждении правительства, облеченного доверием страны, и о доведении обо всех пожеланиях общества до непосредственного сведения монарха. О таком настроении столицы и об этих выступлениях руководителей и ее крупных общественных организаций я тогда же донес г. министру по телеграфу 17 и 19 августа за №№ 289294 и 289299, от 22 августа за № 292328 представил о том же подробную записку.

В план воздействия на верховную власть в целях осуществления тех ходатайств, которые имела представить на ее благовоззрение особая депутация, входила поддержка этих ходатайств земской и муниципальной Россией соответствующими постановлениями общеземского и общегородского съездов, которые предполагалось созвать в надлежащее время, а самые их постановления и представить от лица этой депутации, как выборных уполномоченных. Роспуск Государственной Думы и последующие за ним события, в коих руководители «натиска» угадали направление политики правительства в сторону, не совпадавшую с их желаниями, заставили этих руководителей ускорить темп этого «натиска», и 7—9 минувшего сентября в Москве экстренно, по телеграфу, были созваны всероссийские съезды общеземского и общегородского союзов.

В связи с роспуском Думы и накануне открытия съездов в Москве состоялся ряд собраний земских, общественных и партийных групп и организаций, а также экстренное собрание московской городской думы. Все эти собрания были посвящены обсуждению вопроса, как реагировать на определившуюся политику правительства, при чем наиболее левые элементы настаивали на открытой борьбы с правительством путем прекращения деятельности всех обслуживающих фронт и тыл армии общественных организаций; более же умеренные, во главе с М. В. Челноковым, учитывая возможность воздействия на правительство постановлений будущих съездов и надеясь на благоприятные результаты личного обращения их депутации к монарху, старались провести сдержанный план действий, ограничиваясь только как бы

предостережением правительству. Последнее течение победило, результатом чего явился известный «приговор» московской городской думы, появившийся в печатных оттисках к вечеру 6 минувшего сентября, в котором было указано «скорейшее возобновление работ законодательных учреждений и создание правительства, которому могла бы верить страна». Подробные сведения о настроении в столице, о связанных с этим настроением активных выступлениях и о ближайших планах общественных групп и организаций я донес по телеграфу г. министру 3, 4 и 6 того же сентября за №№ 289329, 289332 и 289341. Подробные по сему делу сведения были представлены мною особой запиской на имя г. министра от 6 того же сентября за № 292479.

Сознавая всю нервность настроения в столице, созданную текущими событиями, и опасаясь неосторожными действиями вызвать анархистские проявления в низших слоях населения, организаторы обоих съездов решительно воспротивились участию в них представителей от московских рабочих, несмотря на все попытки левой группы своих членов допустить такое участие. В целях строгой лояльности этих съездов, их президиум не допустил к участию в них даже членов Государственной Думы, не состоявших членами съезда.

В общем, при всей страстности речей некоторых своих ораторов, оба съезда, благодаря сдерживающему руководительству своих председателей, прошли сравнительно покойно и приняли резолюции более умеренного характера, чем можно было ожидать от того настроения, которое предшествовало этим съездам. Попытка левой группы общегородского съезда провести свою резкую резолюцию решительно не удалась, и этой группе посчастливилось лишь провести в состав особой депутации своего кандидата Н. И. Астрова взамен проваленного ею А. И. Гучкова. В особую депутацию к верховной власти от общеземского съезда были избраны кн. Г. Е. Львов, бывший член 3-й Государственной Думы П. В. Каменский и председатель орловской губернской земской управы С. А. Маслов; от общегородского съезда—упомянутый выше Астров, М. В. Челноков и П. П. Рябушинский.

О всех частных и официальных собраниях членов обоих съездов, наблюдавшихся в них течениях и переменах в настроении их групп я ежедневно по телеграфу доносил г. министру внутренних дел, а по окончании съездов о всем, на них происходившем, подробно представил г. министру особой запиской от 9 сего сентября за № 292532.

После того как в общество и в печать проникли более или менее определенные слухи о том, что депутация съездов не удостоится высочайшего приема, организаторы этого дела стали измышлять способы для дальнейшего воздействия в целях проведения в жизнь своих вожделений; в числе таких планов фигурировал, между прочим, и план учинить самочинный съезд для выражения протеста, но этот план не встретил сочувствия большинства членов обоих «союзов», как опасный для спокойствия тыла. Также обдумывался план созыва нового съезда по вопросу о дороговизне, на какую тему и появились соответствующие статьи в печати обеих столиц; но все эти планы не получили определенного развития, и вопрос о последующей тактике пока остался открытым.

В самое последнее время члены депутации занялись составлением и редактированием всеподданнейшего адреса, не теряя надежды довести адрес тем или иным путем до сведения верховной власти. Сведения о всех этих начинаниях были представлены мною г. министру записками от 12, 25 и 27 минувшего сентября за №№ 289556, 292686 и 292700.

С началом войны, под влиянием общего патриотического подъема и последующих успехов наших на фронте, рабочее движение повсеместно заметно понизилось в такой степени, что даже сенсационный процесс членов думской большевистской социал-демократической фракции не вызвал каких-либо особых выступлений. Такое настроение держалось довольно продолжительное время и в большинстве рабочего населения Москвы, и только ряд последовательных наших неуспехов на фронте, разоблачение организованного военного шпионажа, случаи открытого немецкого засилья и агитация печати на этой почве вывели рабочую среду из равновесия, и она ответила на эти явления беспорядками в столице 27—29 мая сего года, которые, однако, если так можно выразиться, произошли из патриотических побуждений, и всякие попытки агитаторов придать этим беспорядкам противоправительственный характер не имели успеха. Но уже с июля сего года, после того как рабочие были приглашены к участию во всероссийском съезде о дороговизне, в наблюдаемых в столице рабочих кружках стало заметным некоторое оживление и желание использовать обострение общественного движения в пользу своих классовых интересов. Хотя рабочие и отказались итти совместно с общественными организациями буржуазных классов по пути их деятельности в глухой борьбе с правительством, но их руководители, преимущественно из членов «экономического совещания при общегородском союзе», учли желание общественных организаций опереться в своих политических требованиях на сочувствие широких масс и не замедлили подчеркнуть рабочим кружкам все их значение для буржуазии в смысле практической помощи ей в последующей, уже открытой ее борьбе за конституционный строй в полном его объеме. Под влиянием такой агитации в рабочих кружках получили перевес большевистские течения, а с ними вместе возникли и непримиримая позиция рабочих на съезде, и последующее за ним усиление агитации за преобладание пролетариата и за его первенствующую роль в будущей революции, учиненной по инициативе буржуазии. Относительно спокойные до того рабочие стали реагировать посильными выступлениями на политические события последних дней и уже на роспуск Государственной Думы ответили трехдневной протестной забастовкой. Как всегда это бывает, общее приподнятое забастовками настроение вызвало в этой массе и некоторое анархистское течение, вылившееся в уличных беспорядках против полиции, имевших место в столице 14—15 минувшего сентября. Хотя в этих беспорядках и не наблюдалось какого-либо организованного почина и определенного подпольного руководительства, тем не менее общий тон их, резкая озлобленность хулиганствующей толпы, вызвавшей своими действиями печальную необходимость прибегнуть к оружию, уже указывают на некоторый противогосударственный характер этого, пока еще случайного выступления, несомненно создавшегося на почве той противоправительственной агитации в обществе и в печати, которая стала лозунгом настоящего политического момента,

Такое приподнятое настроение рабочих слоев столицы наблюдается и посейчас, когда возникают отдельные забастовки на различных фабриках и заводах то на почве экономических недоразумений, то под предлогом памяти 9-го дня по убитым во время последних уличных беспорядков. Эти последние забастовки уже имеют определенный характер политического протеста и являются результатом усиления подпольной деятельности агитаторов. Это последнее соображение находит себе достаточное подтверждение в том, что в течение последних нескольких недель в Москве были заарестованы две подпольные печатни революционных организаций.

Надлежит отметить, что, под влиянием усилившейся противоправительственной агитации в общественных кругах, таким же настроением стала проникаться и учащаяся молодежь высших учебных заведений Москвы, которая реагировала на резолюции съездов и своими резолюциями.

Еще на съезде в июле сего года по дороговизне было замечено усиление активной деятельности руководителей кооперативных организаций в Москве и Московской губернии, при содействии которых и была проведена к участию на этом съезде группа рабочих так называемого народнического направления. Эта активность в дальнейшем проявилась особенно резко самочинной организацией «центрального кооперативного комитета», в личный состав коего вошли деятели, большинство которых давно известно по своим крайним политическим воззрениям. Этот центральный комитет поставил себе задачей объединение всех кооперативов в империи, чтобы создать готовую, огромную по своим размерам, организованную силу на случай активной поддержки общественных выступлений. Об этих начинаниях и планах «центрального кооперативного комитета» я подробно донес товарищу министра внутренних дел, заведывавшему полицией, 14 августа сего года за № 292291. В самое последнее время этот самочинный комитет выпустил печатное воззвание с критикой деятельности настоящего правительства, с требованием правительства, облеченного доверием общества и ответственного перед народным представительством, и с приглашением «народным силам спешно организоваться, чтобы взять в свои руки ответственность за будущее России». За деятельностью названного комитета имеется бдительное наблюдение.

Московский градоначальник, генерал-майор (подпись).

3/X 1915 г.

(6 делопр., д. № 167, ч. 46.)

15.

Шифрованная телеграмма начальника московского охранного отделения директору департамента полиции — об общественном настроении в связи с роспуском Думы.

Извещение о роспуске Думы встречено всеми кругами Москвы тревожно и с явным неудовольствием. В кругах местных общественных деятелей и политических групп пока никаких решений не принимается, таковые последуют Москве только в связи с теми решениями, которые будут привезены в Москву депутатами Думы, ожидаемыми здесь в большом числе на предстоящих седьмого сего сентября съездах общеземского и общегородского союзов. Как уже теперь намечается, политические резолюции этих съездов будут более решительными и более конкретными по сравнению с таковыми, вынесенными в Москве городской думой на известном совещании 18 августа. [1] На съездах намечается два течения: одно — ультимативное, с требованием немедленного удовлетворения постановлений «прогрессивного блока» и подкреплением этого требования полной временной приостановкой деятельности всех общественных организаций, обслуживающих армию; это течение муссируется теперь: Рябушинским, Поплавским и другими. Представители другого течения всячески возражают против

[1] См. № 11.

приостановки работ, так как это может нанести непоправимый ущерб армии и скомпрометирует тех политических деятелей, те политические группы, которые вызовут это движение; эта последняя точка зрения, видимо, принята на последних совещаниях влиятельных московских кадет в редакции «Русских Ведомостей». В этих кругах чувствуется боязнь разрушить общественную работу, обслуживающую армию. Обсуждение роспуска Думы идет в рабочих кругах: сегодня бастовало, в связи с этим и опубликованным призывом ратников второго разряда, в восьми предприятиях две тысячи триста шестьдесят человек. Были выставлены требования призыва полиции в войска. № 289330.

4/IX 1915 г.

(6 делопр., д. № 343, т. I. Вх. 25157.)

16.

Записка московского охранного отделения по общественному движению, № 115 (агентура «Анненков»).

В московских кадетских кругах, близких М. В. Челнокову, Н. И. Астрову и редакции «Русских Ведомостей», решимость правительства распустить Государственную Думу рассматривается, как определенный провокационный прием в целях заключения сепаратного мира: Челноков в своем близком кругу говорил, что министр финансов будто бы прислал уже из-за границы телеграмму о том, что, в виду слухов о близком роспуске Думы, он не нашел сочувствия своему предложению о займе. Когда телеграмма Барка стала известна в высших сферах, было решено обязательно распустить Думу, а затем, ссылаясь на отказ в займе и вызванные роспуском волнения внутри империи, выдвинуть вопрос о сепаратном мире, как результат прискорбной неизбежности, созданной не по вине правительства.

Вопрос о том, как и чем реагировать общественным кругам и их организациям на этот шаг правительства, пока остается открытым: решено выждать мнения лидеров «прогресивного блока», которые определятся на предстоящих 7-го сего сентября съездах обоих союзов. Группа, близкая к Челнокову, склонна держаться более умеренной тактики, не доводя дела до полного разрыва с правительством и до приведения в действие угрозы забастовкой общественных учреждений, обслуживающих нужды армии. Но эта группа, по численности своей, является, однако, не преобладающей; вторая, более многочисленная и яркая группа готова привести в действие даже эту забастовку, и если остановится перед ней, то из страха «улицы», которая тогда будет иметь предлог тоже вмешаться в дело. Возможно, что начавшиеся рабочие забастовки окажут на эту группу охлаждающее влияние, так как кадеты вообще боятся выступлений пролетариата. Преобладающее убеждение общественных групп Москвы таково, что, в конце-концов, правительство уступит, имея против себя объединенное противодействие таких сильных организаций, как оба союза, фактически держащие в своих руках весь тыл армии.

В среде московских кадет никто не ожидал, что рабочие массы ответят на роспуск Думы забастовкой, и это проявление было для них неожи-

данным. Кадеты не верят в прочность этого движения, по их мнению — стихийного и беспочвенного, не имеющего достаточно сильной своей организации и надежных руководителей.

Начальник отделения, полковник *Мартынов*.

4/IX 1915 г.

(6 делопр., д. № 343, т. I. Вх. 25383).

17.

Шифрованная телеграмма директора департамента полиции в ставку верховного главнокомандующего и управляющему министерством внутренних дел о влиянии сентябрьской стачки на тактику кадет.

Забастовка Петрограде, повидимому, прекращается, бастует две тысячи пятьсот. Москве к вечеру четвертого сентября бастовало тридцать одно предприятие с 17 794 рабочих, и стал трамвай вследствие забастовки 200 рабочих центральной электрической станции, намеревающихся бастовать три дня. Никакой организованной агитации революционных групп пользу возникшей забастовки нет. Забастовка возникла неровно, без демонстративных выступлений. Настроение населения, опасающегося за правильное удовлетворение жизненных потребностей, тревожное. Местная кадетская группа не ожидала выступления рабочих на роспуск Думы и не верит в его прочность, как стихийного, не имеющего организации и руководителей. Тем не менее, это выступление, повидимому, уже подействовало охлаждающим образом на тактику кадетской группы, которая, опасаясь дальнейших выступлений улицы, в лице Челнокова и его группы склонна держаться умеренной тактики, не доводя дела до забастовки организаций, обслуживающих армию. Завтра городская дума обратится к населению с успокоительным воззванием. Конечный вопрос о тактике группы решится на съездах после выступления на них лидеров «прогрессивного блока».

5/IX 1915 г.

(6 делопр., д. № 341, т. 2. Исх. № 804.)

18.

Донесение московского градоначальника управляющему министерством внутренних дел о собраниях общественных групп и организаций 5 сентября.

5 сего сентября в Москве состоялся целый ряд собраний земских, общественных и партийных групп и организаций, а также кружков частной инициативы, для обсуждения вопросов о текущем политическом моменте. Имели место следующие собрания:

1) Чрезвычайное собрание московской городской думы,

2) Чрезвычайное собрание московского губернского земства.

3) Заседание совета профессоров императорского московского университета.

4) Собрание московского отделения центрального комитета партии народной свободы.

5) Частное собрание адвокатов в консультационном бюро при московском окружном суде.

6) Частное совещание профессоров императорского московского технического училища.

7) Такое же совещание профессоров и преподавателей народного университета имени Шанявского.

8) Такое же собрание профессоров коммерческого института.

9) Частное совещание членов военно-промышленного комитета и

10) Два банкетных собрания в закрытых кабинетах: в «Большой московской гостинице» — группы гласных московской городской думы, и в ресторане «Прага» — группы земских деятелей.

Имеются сведения, что организуется на такой же почве собрание преподавателей средних учебных заведений столицы.

Общею целью всех этих собраний и совещаний была выработка редакции постановлений и резолюций по поводу настоящего политического момента, с целью затем предать эти резолюции широкой гласности посредством печати и довести их до сведения председателя Государственной Думы.

Первоначально в чрезвычайном собрании городской думы настроение гласных, под влиянием группы Н. И. Астрова и его единомышленников, было крайне возбужденным и склонным принять резолюцию этой группы в том смысле, что общество слагает с себя всякую ответственность за возможные последствия создавшегося положения и возлагает всю тяжесть этой ответственности на правительство, тактика которого в настоящий момент является тяжким преступлением против родины.

М. В. Челноков и его группа на это предложение возражали, что подобная редакция резолюции во всяком случае является преждевременной, так как еще не исключена возможность, что правительство пойдет на уступки. Если же такой компромисс не состоится, то «страшные» слова, заключающиеся в прилагаемой резолюции и которые в сущности являются последними словами общества, должны быть сохранены, как последний общественный аргумент. Мнение Челнокова и его группы одержало верх, и была составлена и принята резолюция в виде приговора московской городской думы. [1]

---

[1] Приговор московской городской думы в чрезвычайном собрании 5 сентября 1915 г.

Московская городская дума, взирая на ход развивающихся событий, преисполненная спокойного сознания долга перед страной, высказывает непоколебимое убеждение, что победа над вторгшимся в пределы России врагом может быть достигнута лишь при дружном единении всех сил страны и непрекращающейся ни на один день общей работе на помощь нашей армии.

Для достижения этой цели необходимо скорейшее возобновление работ законодательных учреждений и создание правительства, которому могла бы верить страна.

Обращаясь к возникшему в последнее время движению, сказавшемуся и на работах городских трамваев, московская городская дума присоединяется к обращению городского головы и с своей стороны горячо призывает рабочих немедленно вернуться к труду и тем вывести население Москвы из тягостного положения, которое ведет только к нашему ослаблению. Московская городская дума призывает всех помнить, что только в полном самообладании и в дружной работе всех—залог и осуществление всенародных надежд на светлое будущее России.

Московский городской голова М. В. Челноков.

В собрании московского губернского земства сначала графом Дмитрием Адамовичем Олсуфьевым, членом Государственного Совета, была предложена резолюция резкого содержания, но умеренные круги земства категорически отказались принять такую резолюцию и объявили, что если не будет принята резолюция более умеренного характера, то они сорвут заседание, уйдут из собрания и впредь откажутся голосовать какую бы то ни было резолюцию. Более умеренная группа победила, и была принята представляемая при сем в копии резолюция,[1] которая и послужит прототипом для всех последующих резолюций земских собраний империи.

Заседание совета императорского московского университета, по предложению ректора Любавского, постановило резолюцию, копия которой при сем представляется.[2] Есть слух, что на этих днях группа левых профессоров того же университета в отдельном собрании вынесет свою, более резкую резолюцию.

Совещание московского отделения центрального комитета партии народной свободы состоялось в квартире Н. М. Кишкина, под предсе-

---

[1] Резолюция экстренного губернского земского собрания.

Московское губернское земское собрание, в виду чрезвычайности переживаемых событий, считает своим гражданским долгом сделать следующее постановление:

Московское земство убеждено, что не может быть успеха в священном деле защиты отечества, если не будет согласия и единения внутри страны. Поэтому в настоящее время долг каждого гражданина—сохранить самообладание и спокойствие духа, ибо всякая смута внутренняя есть помощь врагу внешнему. Наши воины-братья умирают за нас на полях брани. Будем же и мы работать, не покладая рук, каждый во вверенном ему деле. Особенно важна непрерывность и напряженность труда во всех заводах и учреждениях, обслуживающих нужды армии.

В том же порядке мыслей московское земство придает первенствующее значение правильной и спокойной работе законодательных учреждений, — работе, свободной от всяких случайностей. Такая работа необходима для нужд армии, установления контроля над властями, устроения общего порядка и спокойствия в стране, а поэтому земство считает необходимым, чтобы перерыв в занятиях Государственный Думы был возможно кратковременным.

Да сохранятся в России подъем духа и то единение, коими запечатлено было начало войны. В вопросе о пути, ведущем к желанному единению, земство Московской губернии считает себя единомысленным с Москвой,—городом, уже сказавшим свое веское слово, нашедшее живой отклик во всех концах России. Россия нуждается во власти сильной и мудрой; отечество ждет, чтобы во главе правительства стало лицо, способное одушевить страну и вселить к себе общее доверие. Только правительство единодушное, пользующееся доверием общества, опирающееся на Государственную Думу и в согласии с нею работающее, будет иметь тот нравственный авторитет, без которого немыслима твердая и мощная власть, столь необходимая в дни тяжелой борьбы для победного ее окончания.

[2] Резолюция совета профессоров московского университета.

Совет императорского московского университета полагает, что ведущаяся ныне война с Германией имеет решительное значение для всей будущности русского народа. Вследствие сего, совет заодно с монархом, с Государственной Думой и Государственным Советом, заодно с русским обществом и народом, полагает, что борьба должна быть доведена до конца, что должны быть исчерпаны все материальные и духовные силы нации для отражения и обезоружения смертельного врага России и союзных с нею держав. Для того, чтобы эти силы и средства могли расходоваться наиболее целесообразно и производительно, необходимо единение всех русских людей. Нестроения, раздоры и внутренняя партийная борьба грозят России гибелью.

Желая посильно послужить делу национальной обороны, совет предлагает сотрудничество всех ученых сил и своих лабораторий правительственным и общественным учреждениям, работающим по обороне страны, и обращается к учащейся молодежи с горячим призывом по мере сил и разумения потрудиться в этом святом деле.

дательством князя П. Долгорукова, который в речи своей нападал на кадет, считая, что, войдя в состав «прогрессивного блока», они совершили ошибку, так как отказались от своей прямой программы. «Ясное дело, — сказал князь Долгоруков, — что правительство на уступки не пойдет, и кадеты таким соглашением только скомпрометировали себя в широких кругах, где им пока верили». Кишкин и его единомышленники возражали кн. Долгорукову в том смысле, что только такая тактика представляется единственно возможной и обещает успех.

В разговорах на этом собрании передавались петроградские слухи, что министры: князь Щербатов, Сазонов и Поливанов резко настроены против статс-секретаря Горемыкина и в частных беседах с депутатами из состава «прогрессивного блока» давали понять, что они всеми силами будут содействовать удалению настоящего председателя совета министров и проведению наиболее приемлемых пунктов программы блока. Эти слухи и дали перевес тактике более умеренной группы кадет в смысле продолжения той же выжидательной позиции и уклонения от каких-либо резких выступлений до выяснения всего положения и решения вопроса о том, останется ли у власти статс-секретарь Горемыкин. В этом последнем случае кадеты определенно высказываются за необходимость отозвания представителей своей партии из всех особых совещаний при министрах. Здесь же отмечалось, что такую же позицию займут и представители думской фракции прогрессистов при неуступчивости правительства.

Затем была оглашена и принята более умеренная резолюция, текст которой отпечатан в газетах.

В кулуарных разговорах по окончании официальной части собрания выяснилось, что во время переговоров представителей «прогрессивного блока» с правительством — со стороны блока можно было бы пойти на бóльшие уступки, чего, к сожалению, блок не сделал, так как переговоры вели Милюков и Ефремов и, как люди определенных политических принципов, не проявили достаточной гибкости в таком дипломатическом деле. В кандидатуру кн. Львова на пост председателя совета министров никто серьезно не верит, и кадеты не склонны особенно на этом настаивать. По вопросу о равноправии национальностей признается необходимым, чтобы сейчас был издан какой-либо государственный акт, который закрепил бы, хотя бы в порядке 87 ст. основных законов, уже осуществившиеся в этой области циркулярными указаниями распоряжения. Также необходимо в законном порядке оформить уже предрешенный вопрос об автономии Польши и об уничтожении всяких ограничений для поляков. В интересах умиротворения равно необходима и политическая амнистия; можно было бы издать какой-либо акт, не упоминая даже об амнистии, который бы освободил часть политических заключенных и облегчил бы участь более тяжких преступников в этой области.

На этих шагах правительства кадеты примирились бы на первое время, и эти акты создали бы возможность совместной работы их с правительством, при условии обязательного ухода статс-секретаря Горемыкина, единственным преемником коего из бюрократической среды считается статс-секретарь Кривошеин; никакая другая кандидатура на этот пост из бюрократии неприемлема.

Частное совещание адвокатов носило резкий и бурный характер нападок на правительство. По мнению значительной части ораторов, «создается безвыходное положение; все переговоры бледнорозовых либералов с правительством завели общество в тупик; собственно говоря, все эти переговоры есть систематический обман и отвлечение общественного

внимания от истинного положения вещей. Обществу внушают уверенность, что правительство пойдет на уступки, когда совершенно ясно, что этого не будет, пока к лицу правительства не будет поднесен увесистый кулак. Поднести же этот кулак может только демократия, а не либералы, которые умеют лишь «шаловливо грозить пальцем». Быть-может, настал момент, когда русскому обществу следует задуматься над вопросом: что неотложнее, и что должно быть осуществлено в первую очередь — уничтожение немца внутреннего или же немца внешнего, и настоящими событиями ответ напрашивается сам собою: именно немец внутренний и не дает нам разбить немца внешнего. Если же нам удастся устранить этого внутреннего немца, то, несомненно, немец внешний будет побежден».

Большинство участников этого собрания высказалось за необходимость продолжения войны до победного конца.

На собраниях профессоров и преподавателей учебных заведений, обозначенных под №№ 6, 7 и 8, были произнесены по адресу правительства довольно резкие речи, но не было принято никаких решений, так как не хватило кворума. Большинство мнений высказалось за требование осуществления программы «прогрессивного блока».

На совещании членов военно-промышленного комитета большинство участников также высказалось за невозможность работы при настоящем правительстве.

На банкетных собраниях земской и городской группы гласных в речах ораторов сквозила неуверенность в своих силах для борьбы с правительством и готовность пойти на уступки из боязни дальнейшего выступления на политическую сцену «улицы», что неизбежно повлечет за собою «дикую реакцию». Всеми, однако, была признана необходимость удаления статс-секретаря Горемыкина и призыв статс-секретаря Кривошеина, а также удовлетворение хотя бы смягченных требований «прогрессивного блока». Такая программа правительства удовлетворила бы эту группу.

По имеющимся сведениям, прибывший из Петрограда А. И. Гучков привез следующую резолюцию октябристов, которая будет оглашена на ближайшем собрании в Москве «центрального комитета союза 17 октября»:

а) необходимость довести войну до победоносного конца,— для чего требуется:

б) кабинет министров из лиц, пользующихся общественным доверием;

в) равноправие национальностей и

г) амнистия.

Из наблюдения за всеми описанными и предстоящими собраниями и совещаниями различных общественных групп можно составить заключение, что ныне как бы вновь нарождается объединенная организация общественных ячеек в одно целое, наподобие известного своей деятельностью «союза союзов».

С большим нетерпением в столице ожидают завтрашних съездов обоих союзов; первоначально они будут заседать отдельно, и кардинальным вопросом обсуждения для обоих будет вопрос об эвакуации раненых и призрении беженцев. Вечером ожидается пленарное заседание обоих съездов.

В столице циркулируют слухи о том, что в Петрограде бастует до 100 тысяч рабочих, и что выехавшие в ставку верховного главнокомандующего министры будут настаивать на приглашении в кабинет двух-трех общественных деятелей в качестве министров без портфелей или же в качестве товарищей министров. Также будут ходатайствовать об уда-

лении статс-секретаря Горемыкина и о призыве на его пост статс-секретаря Кривошеина и о безотлагательном созыве Государственной Думы.

Об изложенном, в дополнение к телеграфному донесению моему от 6 сего сентября за № 289341, имею честь представить вашему снятельству.

Генерал-майор *Климович.*

Начальник отделения, полковник *Мартынов.*

6/IX 1915 г.

(6 делопр., д. № 343, т. 2. Вход. 25557.)

ГЛАВА V.

СЪЕЗДЫ ЗЕМСКОГО И ГОРОДСКОГО СОЮЗОВ В СЕНТЯБРЕ 1915 Г.

19.

Донесение московского охранного отделения о заседании 6 сентября у М. В. Челнокова накануне земского и городского съездов.

Накануне открытия съезда в Москву съехались представители и вожди политических партий, входящих в состав «прогрессивного блока». Вечером 6 сентября на квартире у М. В. Челнокова состоялось подготовительное собрание. Собрание это открылось речью Милюкова, резюмировавшего обстоятельства, приведшие к роспуску Государственной Думы. Из последовавшего затем обмена мнений между членами совещания, в котором участвовали Челноков, кн. Львов, Гучков, Милюков, Шингарев, Коновалов, Маклаков, Щепкин, Новиков, сен. Иванов, Кузьмин-Караваев, Арефьев, Астров, Федоров, Сироткин и др., выяснилась следующая схема, вскрывающая истинное положение вещей. В противовес «прогрессивному блоку» и всей стране, жаждущей победоносного конца войны, образовался другой блок, черный блок, в состав которого входят германофильская придворная военная партия, меньшинство совета министров в лице Горемыкина и Хвостова и правые крылья обеих законодательных палат. Первой целью этот блок поставил захват в свои руки государя. Для этого необходимо было удаление от государя наиболее верных ему людей из так называемой русской придворной партии. В результате целого ряда интриг, глава русской партии, генерал Орлов, попал в ссылку на Кавказ. Его единомышленники — флигель-адъютанты Нарышкин и Дрентельн — разобщены с государем, и вопрос об их удалении если не совершившийся факт, то вопрос ближайших дней. Вторая цель придворной партии — создание бессильного и безвольного правительства, которое не хотело бы или не смело бы сказать государю правду в глаза. Для осуществления этой цели необходимо поддерживать во главе правительства такого старца, как Горымыкин, старость которого дает право утверждать перед государем, что устами Горемыкина, одной ногой стоящего в гробу и ничего уже в жизни не ищущего, глаголет сама истина. С другой стороны, необходимо удалить из состава правительства всех тех, которые могут помешать основному плану черного блока. Отсюда не только правдоподобные, но совпадающие с истиной слухи об уходе князя Щербатова и замене его «способным на все» Крыжановским. Под

видом бюрократизации правительства намечается именно укомплектование его таким способным на все правительством. Третьей целью блока было удаление великого князя Николая Николаевича и принятие на себя верховного командования государем. Достижение этой цели давало, кроме устранения весьма авторитетного, самостоятельного и здравомыслящего человека в лице великого князя, еще тот весьма важный результат, что государь становился непосредственно ответственным за поражение армии, каковое обстоятельство, при нерешительности государя, открывает возможность всегда отговорить его от принятия решительного сражения, которое подвергло бы риску целость армии. Это обстоятельство, в свою очередь, открывает надежду, что государя при известной обстановке легче будет уговорить изменить союзникам и заключить сепаратный мир, чем рискнуть на генеральное сражение. Из всех этих целей блоку уже удалось достигнуть осуществления первой и третьей. Государь в плену у черного блока, государь командует армией, на государя валятся все обвинения в неподготовленности русской армии, и от него в любой момент зависит согласиться на тельстивые предложения о заключении сепаратного мира, которые уже решены императором Вильгельмом. Заключение же сепаратного мира составляет основную цель всех стремлений черного блока. Сепаратный мир — мечта черного блока потому, что он наиболее отвечает их личным интересам. Для германофильской придворной партии, связанной тесными и неразрывными кровными и национальными узами с германской военной аристократией и вместе с нею преклоняющейся перед Вильгельмом, сепаратный мир, это—не только поддержание вековых и милых сердцу связей, но и сохранение своего положения при русском дворе и, с их точки зрения, укрепление царствующей династии, которой, в случае победы четверного согласия, грозит умаление прерогатив и постепенное аннулирование царской власти, как это имело место в Англии. Для членов кабинета в типе Горемыкина или в типе Крыжановского сепаратный мир также предпочтительнее победы четверного согласия. Статс-секретарю Горемыкину сепаратный мир не только сохраняет его положение, но и ведет к укреплению в России начал самодержавия, а для государственных людей типа Крыжановского—не все ли равно, какая судьба постигнет Россию,—им важно лишь с шумом и треском делать собственную карьеру и жить, упиваясь минутным торжеством своей личной силы. Наконец, для правых крыльев обеих палат сепаратный мир, помимо объединяющей черный блок обманчивой идеи, будто сепаратный мир ведет к укреплению самодержавной власти, имеет весьма реальные имущественные интересы. По роковой случайности, вожди наших правых партий являются крупными владельцами в приграничной с Германией полосе. Пожар войны прежде всего должен охватить их громадные поместья. Многих из них война превратит из богачей и миллионеров в людей весьма среднего достатка. Сепаратный мир, спасая от разорения юго-западный край и юг России, сохраняет неприкосновенными их богатства. Это переплетение весьма иллюзорных идейных интересов с очень крупными личными интересами спаивает всех членов блока в единое неразрывное целое, не останавливающееся ни перед какими приемами борьбы. Они всецело приемлют предложения императора Вильгельма заключить сепаратный мир с тем, чтобы взамен отторгнутой Польши предоставить России компенсации путем отвода в пользу России всех местностей Галиции с преобладающим русским населением. Таким образом будет достигнута историческая миссия России—объединить под скипетром русского государя все русские народности. Несомненно, что Россия должна преследовать именно эту цель — объединения русского народа, а не объединения русского народа

с польским. Таким образом Россия выйдет из этой войны не только без территориальных потерь, но даже с имущественными приобретениями, не говоря уже об усилении однородности ее национального состава. В государственном отношении утрата Польши с ее вечными стремлениями к сепаратизму, собственно говоря, может быть лишь приветствуема. У нас слишком много внутреннего дела, чтобы растрачивать русские силы на борьбу с окраинным и открыто отстаивающим свою политическую независимость культурным польским народом. Итти же на уступки и создавать автономную Польшу, — это значит, все равно, Польшу потерять. Сепаратный мир, предлагаемый императором Вильгельмом, не только выгоден для России в имущественном отношении. Он обещает и громадные государственные выгоды, так как теперешняя мировая война блестяще и неоспоримо доказала лишь, насколько гибельно было для России ее уклонение от традиционной дружбы с Германией, и как пагубно было ее либеральное увлечение дружбой с республиканской Францией и конституционной Англией. Теперешняя война доказала, что только железный союз двух императоров — германского и всероссийского — создает тот грозный молот, который в любой момент может раздавить весь мир. Только этот железный союз, покоящийся на действительной силе, может диктовать свою непреклонную волю всему свету. Император Вильгельм просит о таком союзе, и не согласиться на заключение этого союза, с точки зрения реальных интересов России, значит итти против России. Правда, в заключении сепаратного мира содержится, помимо реальных интересов, еще и нравственная сторона. Заключение сепаратного мира, с этической стороны, равносильно нарушению наших союзных договоров. Конечно, ни великодержавная страна, ни великодержавный государь не могут перед лицом истории принять на себя столь бесславных обвинений. Есть, однако, обстоятельства, которые сильнее личной воли монарха. Если в настоящее время по всему лицу земли русской широкой волной разольется общественное недовольство, если станут фабрики и заводы, если прекратится железнодорожное движение, словом, если начнется всеобщая забастовка, если порвется живая связь между армией и народом, если народ потеряет веру в армию, а армия потеряет веру, что за ее спиною стоит единый, могучий и спокойный тыл, то в этот момент наступят те обстоятельства, при которых заключение сепаратного мира станет неизбежным во имя спасения России. Отсюда вытекают все действия теперешней власти. Она явно стремится посеять всеобщее недовольство и вызвать всеобщую смуту, разъединить народ с армией и создать условия, при которых стало бы возможным, с одной стороны, заключение сепаратного мира, а с другой стороны—обращение армии, которая увидит себя предательски покинутой страной перед лицом врага, для усмирения внутренних беспорядков.

Эти информационные сведения, выяснившие для участников совещания положение в противоположном лагере, предопределили весь дальнейший ход событий на земском и городском съездах и привели к установлению следующих трех лозунгов: 1) полное самообладание и никаких внутренних смут, чтобы не дать противнику привести в исполнение его адский замысел; 2) возобновление сессии законодательных учреждений, чтобы гарантировать властность и возможность разоблачений, которые являются смертельным ядом для противника, осуществление замыслов которого возможно только без ведома страны, при работе в глубоком подполье; 3) создание правительства, облеченного общественным доверием, чтобы вырвать власть из рук тех, которые ведут Россию к гибели, рабству и позору; кроме того, чтобы немедленно парализовать планы противника, решено: 1) обратиться к населению с призывом о необходимости спокойствия и напряжения всех

сил к поддержке и единению с нашей героической армией, и 2) обратиться непосредственно к верховной власти с тем, чтобы открыть ей глаза и поставить ей условия, неисполнение которых развяжет руки обеим сторонам и навсегда обособит царя и его народ.

С утра 7 сентября и в течение следующих суток происходило ознакомление членов съезда, действительно представляющих земские и городские самоуправления империи, с результатами, к которым пришло подготовительное совещание на квартире у Челнокова. Разоблачения эти производят на членов съезда ошеломляющее впечатление. Общее возмущение непрерывно растет.

(6 делопр., д. № 343, т. 2. Вх. 26380.)

20.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о городском съезде.

Отчеты о первом дне заседаний съездов представителей «всероссийского земского союза» и «всероссийского союза городов», открывшихся 7 сего сентября в Москве, с большей или меньшей полнотой уже появились напечатанными в местных газетах. В настоящей записке приведены те сведения об этих заседаниях, которые по тем или иным соображениям не получили оглашения в печати.

Городской съезд, на котором присутствовало около 200 человек, открылся речью М. В. Челнокова, в которой оратор сначала привел ряд исторических данных о работе городского союза в тылу армии и о тех работах, которые предстоят теперь, в виду усилившегося притока больных и раненых воинов и наплыва в центр нескольких миллионов беженцев. «Но прежде чем приступить к этим практическим работам,—сказал Челноков,— наш союз не может не смущаться событиями, происходящими на фронте и внутри страны. Эти события настойчиво указывают, что наша родина на краю гибели, и мы не можем закрывать на это глаза. Мы должны сказать с полной откровенностью все то, что мы об этом думаем и в чем видим возможный выход из такого опасного положения,— итак, позвольте приступить к занятиям».

Такая речь, как бы подчеркнувшая политическое значение съезда, была тотчас же учтена более крайними его элементами, и большинство сейчас же высказалось за немедленное обсуждение текущего момента.

Уполномоченный от Петрограда, гласный петроградской городской думы М. М. Федоров, испросил слово в порядке дня и сказал, что теперь не время для деловых разговоров, а необходимо обсудить создавшееся в стране по вине правительства положение и найти из него выход, так как, если дело и в дальнейшем будет итти таким же путем, «то недалеко то время, когда штыки с фронта повернутся на Петроград, ибо имеются налицо все признаки, что мы накануне вооруженного восстания».

Следующую речь сказал Астров, читая ее по тетрадке. Эта речь содержала в себе убийственную критику всех мероприятий правительства, которое, по мнению Астрова, довело армию до разгрома; эта политика правительства обещает разгром России и внутри. Оратор подкреплял свои

соображения подбором фактических данных и закончил свою речь требованием передачи дела спасения России в руки общества.

После Астрова вновь выступил Федоров с краткой речью, в которой, между прочим, сказал: «Мы должны спасать Россию, а ее взялись спасать Распутины; мы накануне полной гибели, а спасти нас хочет Распутин».

После этих выступлений произнесли речи многие из городских голов. Общая сущность этих речей та, что Россия накануне гибели, если ею будет управлять настоящее правительство, почему необходимо руководство деятельностью правительства передать в руки общества, которое своим контролем подтянет кабинет. Вместе с тем также необходимо из среды делегатов съезда избрать особую депутацию, на которую возложить представление непосредственно государю о настоящем настроении всего русского общества и о тех требованиях, которые выработаны, как политическая программа объединенных общественных организаций, т.-е. представить к принятию и осуществлению программу «прогрессивного блока».

Следующая речь, А. И. Гучкова, основанная на массе фактов личных наблюдений, дала целую картину той беспомощности, в какую попала наша армия благодаря бездарному правительству. Выходом из такого положения, по мнению Гучкова, является скорейшее осуществление полностью программы «прогрессивного блока». «Подобно блоку, — сказал Гучков, — нам нужно всем скорее объединиться и организоваться, и эта организация нужна не только для борьбы с врагом внешним, но еще более— для борьбы с врагом внутренним—той анархией, которая вызвана деятельностью настоящего правительства. Не для революции мы призываем власть пойти на соглашение с требованиями общества, а именно для укрепления власти и в целях защиты родины от революции и анархии нам необходимо сделать последнюю попытку чрез наших представителей открыть верховной власти глаза на то, что происходит в России, и на возможные ужасные последствия».

Ему в резкой форме, по отношению к правительству, возражал петроградский присяжный поверенный Моргулиес, который находил посылку депутации к верховной власти бесполезной и унизительной для общества, так как ответ может быть заранее уже известен. «Время челобитных уже прошло, сейчас требуют, а не просят, и требования нужно подкреплять силою». Моргулиес предлагает также употребить все силы на объединение общества и его организацию для политической борьбы.

Моргулиесу возражали многие из городских голов, которые настаивали на обязательной посылке особой депутации к государю императору. Среди них господствует такая мысль, что правительство, напуганное призраком революции и подпавшее под влияние всяких Распутиных, начинает тайно вести с Германией переговоры о заключении сепаратного мира. Вся провинция наполнена и обеспокоена этими слухами и желает довести войну до победного конца, почему и нужно довести до сведения верховной власти о настоящем положении вещей и о необходимости обновления правительства.

Затем сказала речь г-жа Рутцен — сестра известного деятеля, бывшего депутата от Курской губернии. Она выступала в качестве делегата от какой-то общественной организации. Ее речь сводилась к тому, что отправкой депутации к государю общество сделает последнюю попытку переговоров с правительством, и если и тогда не будет уступок, «мы знаем, что нам нужно будет делать».

Выступивший с речью член Государственной Думы В. И. Дзюбинский проводил программу трудовой фракции, более левую, чем программа «прогрессивного блока».

Член Государственной Думы Шингарев свою длинную речь о текущем моменте закончил так: «Каждая наша война заканчивается победой общества и падением реакции, на что указывает вся история России; вспомните 1812 г., декабристов, Севастопольскую кампанию и, наконец, японскую войну. Теперь наступает решительный момент: для светлого будущего нужен еще один дружный натиск, и мы достигнем того, о чем мечтали лучшие русские люди».

Закрывая дневное собрание, Челноков резюмировал суть речей всех ораторов, оттенив сочувственно речи их левой группы, и предложил съезду не постановлять окончательной резолюции о посылке особой депутации к государю императору до совместного решения в положительном смысле этого вопроса по соглашению с земским съездом, что будет 9 числа, так как завтра — день деловой программы.

Заседание съезда представителей всероссийского земского союза открылось речью князя Львова на тему о переживаемых событиях на фронте и внутри империи. Как на боевой лозунг дня, кн. Львов указал на требования известного приговора московской городской думы и затем предложил собранию, на его усмотрение, заняться обсуждением деловой программы или же обсудить текущие события. Так как большинство съезда пожелало сначала обсудить политический момент, то кн. Львов предложил предварительно выслушать сообщение с фронта уполномоченного союза Льва Платоновича Демидова.

Демидов обрисовал в своей речи положение на фронте в высшей степени печальным: дезорганизация, недостаток снарядов и снаряжения, бессистемное командование и т. д. Тем не менее, по мнению Демидова, положение не безнадежное, и еще может быть исправлено организацией соответствующих условий.

Затем начались речи на тему о текущих событиях.

Резкую речь с критикой деятельности настоящего правительства сказал уполномоченный тверского земства, член Государственного Совета Владимир Иосифович Гурко, который категорически настаивал на необходимости смены настоящего министерства, ибо это министерство, «само находясь под хлыстом, не может вести твердый курс политики, направленной к победе над врагом».

Из остальных речей выделялись речи членов Государственной Думы Кузьмина-Караваева, Стемковского (представитель «прогрессивного блока»), Зузина и профессора кн. Е. Трубецкого.

Кузьмин-Караваев, признавая, что текущий момент—не время для конкретных политических лозунгов, так как еще не окончена война, настаивал на восстановлении работ Государственной Думы и создании ответственного министерства, как требований, объединяющих страну.

Стемковский предложил выработать такую резолюцию, которая своим содержанием объединила бы всю страну, подобно тому как известный приговор московской городской думы объединил все слои московского общества. Для создания ответственного министерства необходимо назвать конкретно имена тех лиц для состава нового правительства, которые желательны обществу и действительно пользуются его доверием.

Зузин заявил, что всякие резолюции — только слова; необходимо послать депутацию к царю и открыть ему глаза на истинное положение дел и на действительное настроение страны.

Кн. Трубецкой в своей речи указал, что лозунги о созыве Государственной Думы и об ответственном министерстве — не легенда, а укоренившееся в стране сознание неизбежной необходимости, так как дальнейшее

существование правительства в настоящем его составе — немыслимо. Единая Россия уже высказалась за его смену, почему съезд, как выразитель мнения трудовой, крестьянской России, должен возвысить свой голос и избрать комиссию для редакции резолюции в смысле предлагаемых требований.

Уполномоченный тульского земства Михаил Дмитриевич Ершов произнес речь, в которой доказывал, что обсуждение земским съездом политических задач есть самоуправство, выходящее за пределы его полномочий. Ему не дали говорить криками: «довольно» и т. д. Князь Львов едва водворил порядок.

Вечером того же дня в городской думе состоялось пленарное заседание обоих съездов, под председательством кн. Львова. Заседание было посвящено обсуждению вопроса о беженцах.

На это заседание явилась группа рабочих (около 70 человек), которая, чрез члена Государственной Думы Дзюбинского, просила допустить их на собрание съездов, хотя бы только с правом совещательного голоса. Дзюбинский сообщил об этом ходатайстве Челнокову и председателю пленарного заседания кн. Львову, но оба признали участие рабочих недопустимым ни в каком случае, как лиц, не принадлежащих к составу съездов. Когда Дзюбинский сообщил это решение рабочим, последние тут же постановили резолюцию, осуждающую поведение, в лице Челнокова, либеральной буржуазии, не допустившей представителей московских рабочих на съезд; в этой же резолюции заключалось и требование от рабочих о созыве Учредительного Собрания. Рабочие передали эту резолюцию в письменном виде Дзюбинскому для вручения Челнокову.

Тут же в кулуарах появился член Государственной Думы Керенский, который вступил в беседу с группой рабочих и приглашал их прекратить забастовку, так как петроградские рабочие уже возобновили свои работы, да и забастовка в настоящее время не имеет серьезного политического значения, так как рабочие должны теперь заняться своей внутренней организацией, чтобы создать действительную из себя силу для будущего планомерного выступления. Когда рабочие, создав такую организацию, действительно будут представлять из себя политическую силу, либеральная буржуазия не посмеет отклонить их участие в политических совещаниях, и их голос тогда будет услышан страною так же громко, как и голоса всех других слоев населения.

Член Государственного Совета Гримм и члены Государственной Думы Чхеидзе и Керенский также ходатайствовали о допущении их на съезды, но получили отказ по тем же основаниям, как и рабочие.

Об изложенном, в дополнение к телеграмме моей от 7 сего сентября за № 289347, имею честь представить вашему превосходительству.

8/IX 1915 г. Полковник *Мартынов*.

(6 делопр., д. № 343, т. 2 Вх. 25534.)

21.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции об общеземском и общегородском съездах.

9 сего сентября, с утра, общеземский и общегородской съезды занимались своей деловой программой, по исчерпании которой, также каждый в отдельности, приступили к обсуждению политических резолюций.

Составленную комиссией свою резолюцию общеземский съезд принял единогласно и почти без прений, которые возникли лишь по вопросу о том, надлежит ли посылать особую депутацию к верховной власти, или обратиться непосредственно к народу. Эта последняя мысль не нашла себе поддержки большинства съезда, который постановил обратиться к государю императору с особым представлением чрез своих уполномоченных. По соглашению с общегородским съездом, предполагаемая депутация будет состоять из 6 лиц, по 3 уполномоченных от каждого съезда. От общеземского съезда были избраны: кн. Г. Е. Львов, член 3-й Государственной Думы от г. Екатеринослава Каменский и председатель Орловской губернской земской управы Маслов. По своим политическим воззрениям, Каменский и Маслов — октябристы.

Съезд закончил свои занятия к 4 часам дня, и большинство его участников направилось на заседание общегородского съезда, который к этому времени, приступил к обсуждению своей политической резолюции.

С утра и до 4-х часов дня на общегородском съезде происходили совещания его комитета и отдельных групп по вопросу о выработке текста резолюции и о том, надлежит ли посылать особую депутацию к государю императору. От лица левой группы участников съезда, гласный петроградской городской думы Николай Николаевич Шнитников предложил текст резолюции, при сем представляемый, составленный в духе резкого осуждения всей деятельности настоящего правительства и с требованиями немедленной широкой политической амнистии, призыва к власти ответственного министерства и полной реорганизации существующего государственного строя на началах парламентаризма. По этим вопросам на предварительных совещаниях возникли бурные и страстные прения: шла упорная борьба правого и левого крыла между собою, и этот раздор в недрах самого съезда сказался впоследствии и при публичной оценке всех мнений и положений уже в открытом заседании, где и по вопросу о той или иной редакции резолюции, и по вопросу об образе активных действий продолжались те же страстные споры.

С подробной мотивировкой резолюции, предложенной комитетом союза (более умеренной), выступил член Государственной Думы Шингарев, который доказывал в своей речи необходимость держаться более умеренной и осторожной тактики и не выставлять требований, на удовлетворение которых власть не пойдет. Кроме того, те, которые предъявляют такие крайние требования, разрушают тем то единство разнородных общественных сил, которое с таким трудом удалось, наконец, осуществить в «прогрессивном блоке» членов Государственной Думы. Особенно энергично Шингарев возражал против требования о коалиционном министерстве, доказывая, что вполне достаточно ограничиться формулой «власть, облеченная доверием народа».

В защиту резолюции левой группы выступил петроградский присяжный поверенный Моргулиес, который в своей речи пытался доказать, что положенные в основу этой резолюции требования суть требования широких народных масс, и что во имя собственного спасения власть должна их принять. С речами в защиту той же резолюции выступили также: упомянутый выше Шнитников, делегат от г. Таганрога Аркадий Безчинский, член Государственной Думы Дзюбинский, представитель от г. Майкопа казак Иваненков и др.

При голосовании резолюции группы Шнитникова, из 152 голосов присутствовавших за нее было подано всего 33 голоса, и таким образом абсолютным большинством голосов была принята резолюция комитета,

при чем голосование было поименным. Видя такой провал своего выступления, левая группа присоединилась и своими голосами к резолюции комитета, которая, таким образом, считается принятой единогласно.

По принятии резолюции съезд постановил:

«Поручить особой депутации из 3-х лиц, совместно с представителями всероссийского земского союза, довести до сведения государя императора о тревогах и чаяниях, волнующих страну, и представить мнение съезда о необходимости: 1) довести войну до победного конца, 2) незамедлительного восстановления работ законодательных учреждений и 3) призыва к власти людей, пользующихся доверием страны».

Первоначально в депутацию от съезда были определенно намечены: М. В. Челноков, А. И. Гучков и П. П. Рябушинский; когда эти кандидаты были оглашены, названный выше Безчинский произнес громовую речь против Гучкова, как кандидата в эту депутацию, в которой, между прочим, сказал так: «Среди кандидатов в нашу депутацию указано имя человека, который едва ли может быть назван лицом, пользующимся общественным доверием. Мы помним его деятельность и его выступления в 3-й Государственной Думе, где он определенно высказался за недопущение депутатов левых фракций Думы в комиссию государственной обороны. Этот человек еще недавно в одной из своих речей перечислил авторов печальной памяти закона 3 июня 1907 г., но к именам этих авторов этот человек забыл прибавить свое собственное имя, так как всем известно, что закон 3 июня издан при его несомненном влиянии и соучастии». Речь Безчинского была покрыта дружными рукоплесканиями всего собрания, и Гучков был забаллотирован, а на его место в депутацию был избран Н. И. Астров.

Этому инциденту в кулуарах давалось такое объяснение: уже давно Гучков начал в Москве утрачивать свою популярность, как подозреваемый общественными группами в «министерском» карьеризме. Недоверие к Гучкову усилось в последнее время, когда он стараниями Рябушинского и его группы был проведен в председатели центрального военно-промышленного комитета. Гучкова и Рябушинского связывают личные отношения в такой степени, что даже после провала Гучкова в члены депутации Рябушинский предложил уступить ему свое место, на что, однако, съезд не согласился.

Интересно отметить, что Безчинский, взамен Гучкова, предлагал в делегаты Иваненкова, охарактеризовав его, «как личность определенных политических убеждений и сильной воли».

По характеристике членов съезда, близко знающих Астрова, его считают человеком радикальным более на словах, чем на деле, и даже убеждены, что он способен, как и Гучков «поправеть», если достигнет власти, к чему втайне и стремится. О Рябушинском мнение большинства таково, что эта личность только фрондирует и к серьезной политической роли не способна. Таким образом, из состава всей депутации к государю выделяется личность кн. Львова, которому и будет поручено представить его императорскому величеству ходатайство обоих съездов. Соответствующий всеподданнейший адрес будет составлен в самых почтительных выражениях.

При обсуждении вопроса о том, что надлежит сделать сейчас съезду, левая его группа предложила—не разъезжаться до возвращения с ответом депутации; более умеренные предлагали по возвращении депутации созвать экстренно, по телеграфу, новый съезд. Оба эти предложения встретили решительное противодействие в лице Челнокова и его группы, по предложению которого вопрос о будущей тактике предоставлен усмотрению комитета союза.

Съезд был закрыт в 9 часов 15 мин. вечера.

При оценке общего настроения съезда и настроения отдельных его групп необходимо отметить, что пока в его большинстве преобладает умеренное течение, руководимое Челноковым, которое и удержало съезд от тех резких выступлений, на которые его толкала левая группа. Эта группа, вполне понимая роль и значение Челнокова в деятельности съезда, неуклонно стремится поколебать его положение и намерена на будущем съезде поднять вопрос о переизбрании президиума общегородского союза. Несмотря на нежелание большинства союза, этой группе ($^1/_5$ часть съезда) удалось провести мысль о необходимости расширить личный состав комитета союза приглашением на него представителей от окраин, что увеличит его состав до 65 членов. Безчинский, Иванешков и пр. рассчитывают на то, что представители окраин усилят в комитете левый элемент.

Большинство участников съезда думают, что высочайший ответ едва ли будет благоприятным, и тогда, по мнению Иванешкова, необходимо будет немедленно созвать новый съезд, которым и будет указано, «что все пути для переговоров с правительством исчерпаны, и остается единственный путь — обращение к улице». Высказывая такое мнение, Иванешков и Безчинский подчеркивали тревожное и радикальное настроение казачества, которое, по их словам, «теперь далеко не то, каким оно было в 1905 году, когда казаки по распоряжению правительства пороли бунтующее население; теперь правительству опереться на него будет нельзя». Учитывая мысль съезда, в деловой его части ставившую в первую очередь вопрос о призрении беженцев, некоторые из членов этой группы предлагали расселить беженцев по деревням, с пособием на их содержание, но это предложение встретило решительное противодействие группы Челнокова и умеренных членов съезда, которые справедливо возражали, что такая мера, как водворение в русские деревни пришлых, совершенно чуждых и притом обозленных людей, только революционизирует население, что несомненно имела в виду левая группа, делая такое предложение.

В кулуарных разговорах Шингарев довольно откровенно высказывался о мнении своей партии по настоящему моменту. Между прочим, он говорил так: «Откровенно говоря, роспуск Государственной Думы вывел кадет из серьезного затруднения; ведь уже все вопросы, относящиеся к войне, были решены, и в этой области Думе, действительно, больше нечего было делать, поневоле приходилось перейти к обсуждению и решению социальных вопросов, в смысле оформления их в правовом порядке; а при решении таких вопросов на практике неминуемо последовал бы развал «блока», и таким образом перед всеми была бы демонстрирована действительная разобщенность общественных групп и отсутствие надлежащих сил для реального воздействия. Пока, до поддержки наших требований активно и демонстрации действительной силы общества перед властью, и надо показать ей единение общественных групп и партий. В сущности же «блок» висит на волоске. В этом не сомневаются такие его силы, как Милюков, Ефремов и пр. Они убеждены, что даже при практическом разрешении еврейского вопроса может возникнуть такой раскол, который поведет к распадению «блока».

По всем разговорам членов кадетской партии в кулуарах видно, что при малейшей уступчивости правительства они будут готовы пойти навстречу таким начинаниям.

Подводя общую оценку всему высказанному на обоих съездах и всем тем явлениям, которые на них определялись, умеренно-правые элементы

их участников убежденно говорят, что в действительности съезды говорят «страшные слова», не имея никакой реальной возможности провести их в действие благодаря той идейной разрозненности, которая пока еще наблюдается среди членов обеих крупных общественных организаций, а также и тому разрыву, какой пока еще существует между этими организациями и рабочей демократией; но не подлежит сомнению, что уже в ближайшем будущем, как это видно из примера этих съездов, левые элементы возьмут верх и, опираясь тогда на рабочую демократию, попытаются взять в свои руки руководительство всем движением и таким образом могут вызвать действительное столкновение между правительством и страною. По мнению этой более благоразумной группы членов обеих названных общественных организаций, ни в каком случае не следует допускать нового съезда по возвращении депутации от государя с каким бы то ни было ответом, так как такие съезды только способствуют объединению и организации будирующих массы левых элементов, к счастью, пока все еще разрозненных. Если бы в будущем встретилась действительная нужда в съездах для разрешения практических и чисто деловых вопросов, связанных с их задачами обслуживания тыла, эти съезды можно было бы разрешить при условии обязательного наблюдения за ними присутствием на них представителей высшей администрации. Если бы съезды уклонились от таких условий и контроля, у правительства была бы возможность воздействовать на центральные общественные организации напоминанием о том, что они работают при денежном пособии казны.

Об изложенном, в дополнение к телеграмме моей от 9 сего сентября за № 289356, имею честь представить вашему превосходительству.

Полковник *Мартынов.*

9/IX 1915 г.
(6 делопр., д. № 343, т. 2 Вх. 25949.)

22.

Резолюция общеземского съезда в Москве.

«В грозный час народного испытания мы, собравшиеся в Москве уполномоченные губернских земств, объединившихся во всероссийский земский союз, сохраняем непоколебимую веру в силу и доблестный дух родной армии и твердо уповаем на конечную победу, до которой о мире не должно и не может быть речи.

«Проникнутые сознанием великой ответственности перед отечеством, которая должна объединить всех его сынов, мы будем с неослабным напряжением продолжать развивать нашу работу на пользу армии. Но, будучи убеждены в возможности полного одоления врага, мы с тревогой видим надвигающуюся опасность гибельного разрушения того внутреннего единства, которое было провозглашено в самом начале войны с высоты престола, как верный залог победы.

«Опасность эта устранима лишь обновлением власти, которая может быть сильна только при условии доверия страны и единения с законным ее представительством.

«Незаменимая работа Государственной Думы по усилению обороны вселяла бодрость и уверенность в успех не только в глубинах народных, но в самой армии.

«В единомыслии с желаниями страны Государственная Дума наметила все пути, которые могут вывести Россию из ниспосланных ей испытаний. Но правительство не пошло на единение с Государственной Думой в ее небывало единодушных стремлениях; оно отвергло их и прервало деятельность, столь желанную всей стране.

«Необходимое для победы взаимодействие общественных и правительственных сил не осуществилось.

«Мы видим и чувствуем, как глубоко потрясено этим общественное сознание. Это обязывает нас вновь указать на необходимость скорейшего возобновления занятий Государственной Думы, которая одна может дать незыблемую опору сильной власти.

«Тогда только проявятся во всей полноте силы русского народа и его способность выдерживать самые тяжкие испытания.

«В сознании великой ответственности и долга перед родиной, пусть каждый из нас удвоит свои усилия, необходимые для достижения общей цели победы, и в дальнейшей напряженной работе да сохранятся нужные для спасения родины порядок и самообладание».

Резолюцию эту решено представить его императорскому величеству через депутацию в составе князя Львова, уполномоченного орловского земства Маслова и уполномоченного екатеринославского земства Каменского, при чем выражено пожелание, чтобы депутация общеземского союза представила резолюцию совместно с представителями общегородского союза.

Закрывая съезд, князь Львов предложил провозгласить «ура царю».

Все поднялись с мест и провозгласили троекратное «ура».

Съезд закрылся в 7 часов вечера.

15/IX 1915 г.
(6 делопр., д. № 343, т. 2.)

23.

Резолюция съезда представителей городов в Москве.

Съезд представителей городов России считает своим святым долгом в минуты тяжких испытаний горячо приветствовать нашу стойкую, доблестную родную армию. Пусть она знает, что все мысли и чувства граждан России слиты в стремлении к победе, в страстном желании всеми силами помочь героям в тяжелой борьбе, выпавшей на их долю. Попрежнему исполнен русский народ решимостью довести войну до конечной победы в полном единении с нашими верными союзниками. Роковым препятствием к конечной победе стоят все те же старые пороки нашей государственности: безответственность власти, ее оторванность от страны. Необходим решительный и честный поворот на новый путь. Этого требует долг перед родиной. На смену нынешнего правительства должны быть призваны люди, обеспеченные доверием народа; творческая работа народных представителей должна быть возобновлена безотлагательно, а внутренний мир и духовное единство в стране,— эти важные условия победы,— должны быть обеспечены примирением и забвением прошлой политической жизни и равенством всех граждан перед законом.

Представители городов России с твердой верой в будущность родины, с полным самообладанием и с покойным сознанием своей правды и силы будут продолжать вместе со своей страной свою неустанную и объединенную работу на помощь армии, памятуя, что всякий час перерыва работ отдаляет достижение победы.

Примечание. Съезд представителей городов России поручает особой депутации из 3 лиц совместно с представителями всероссийского земского союза довести до сведения государя императора о тревогах и чаяниях, волнующих страну, и представить мнение съезда о необходимости:

1) довести войну до победного конца,

2) незамедлительно восстановить работу законодательных учреждений, и

3) призыва к власти людей, пользующихся доверием страны.

В состав депутации от городов намечены: Челноков, Гучков и Рябушинский, а от земства: пока градоначальнику известны двое: кн. Львов и Астров.

(6 делопр., д. № 343, т. 2. Вх. 25947.)

24.

Из доклада членов депутации, избранной собранием уполномоченных губернских земств 9-го сентября 1915 г.

. . . . . .

11 сентября, согласно поручения лиц, избранных в состав депутации, кн. Г. Е. Львовым и М. В. Челноковым был препровожден в ставку верховного главнокомандующего всеподданнейший доклад о приеме депутации.

18 сентября кн. Г. Е. Львов и М. В. Челноков получили по телеграфу срочные приглашения прибыть к министру внутренних дел кн. Н. Б. Щербатову. 20 сентября главноуполномоченные союзов были принятым министром внутренних дел.

Кн. Н. Б. Щербатов сообщил кн. Г. Е. Львову и М. В. Челнокову, что государь император поручил ему передать, что его величество, высоко ценя труды и заслуги союзов, проявленные ими в настоящую войну, не находит, однако, возможным принять депутацию съездов по вопросам, не входящим в прямые задачи земского и городского союзов. Кроме того, государь император считает ненормальным вторжение в политику с обходом правительства его величества, а посему, не принимая депутацию, приказал министру внутренних дел просить главноуполномоченных союзов приехать в Петроград для сообщения пожеланий съездов министру в целях немедленного доклада его императорскому величеству.

В ответ на это кн. Г. Е. Львов заметил, что слова, переданные через министра на словах, при дальнейшей передаче, могут вызвать недоразумения и ошибки, и просил передать сделанное сообщение в письменной форме. На это кн. Н. Б. Щербатов ответил, что ему повелено ответ передать на словах.

Вслед за этим кн. Н. Б. Щербатов заявил, что государем ему поручено выслушать пожелания съездов.

На это кн. Г. Е. Львов ответил, что съезды уполномочили передать их пожелания непосредственно государю, что же касается самых постановлений, принятых съездами, то таковые министру внутренних дел известны.

Затем кн. Г. Е. Львов просил передать государю императору, что съезды признали состояние отечества столь тревожным, что сочли необходимым представить свои пожелания через особую депутацию. Съезды полагали, что решением непосредственно обратиться к государю они исполнили свой гражданский долг и веление совести; в непосредственном обращении к государю они видели то единение народа с царем, на которое государь император указал, как на самобытное начало русской жизни.

Кн. Г. Е. Львов заявил, что он не решается сообщить представителям земств известие об отказе, и просил передать государю надежду, что он примет депутацию, так как отказ глубоко опечалит страну.

В дальнейших переговорах было установлено, что кн. Н. Б. Щербатов доложит государю ответ главноуполномоченных союзов и сообщит им последующее решение.

26 сентября последовало увольнение кн. Н. Б. Щербатова от должности министра внутренних дел и новое изменение в личном составе совета министров, а 28 сентября кн. Н. Б. Щербатов передал лично кн. Г. Е. Львову, что того же 26 сентября он докладывал государю ответ главноуполномоченных союзов и получил указание, что вопрос о депутации считается ликвидированным.

Об изложенном члены депутации, в исполнение возложенного на них собранием уполномоченных 9 сентября 1915 г. поручения, считают своим долгом доложить собранию.

Кн. Львов, Каменский, Маслов.

25.

Обращение князя Львова к царю.

Ваше императорское величество. Мы, избранные от земств и городов русских, посланы сказать вам живую правду.

Когда над Россией разразилась военная гроза, и с высоты престола раздался призыв к объединению всех сил на отражение врага, народ русский, как один человек, встал на защиту целости и независимости своей родины, отложив все внутренние разногласия и распри. Порыв, охвативший тогда всю Россию, соответствовал истинной мощи русского народа.

В глубинах народных, государь, происходят постоянные накопления сил, и дух освобождения летает над нами. Великие реформы вашего деда, незабвенного царя-освободителя, заложили в обществе плодотворные начала самодеятельности. С тех пор растут освобожденные общественные силы. От поколения к поколению раздается призывной клич, зовущий к свободе, и вы, государь, внук царя-освободителя, признали в подданных ваших сознанное ими личное достоинство граждан и привлекли представительство народное к «преобразованию государственному». Силы народные за эти годы быстро выросли и развились. Война развернула государственную мощь русского народа, и под тяжкими ударами государственная сила его только крепнет. Народ русский научился верить в свои силы, знает, что в единении кроется их несокрушимость, и нападение грозного врага не смутило его. В единении сил Россия была спокойна. Могущественный и внушительный образ этого единения встал во весь рост перед всем миром. Его увидали наши союзники и наши враги, но, к великому несчастию оте-

чества нашего, его не хотело увидать наше правительство. Оно одно не пошло по пути, указанному с высоты престола. Одно оно только не присоединило своего голоса к общему воодушевлению, не вступило в единение с народом и встретило его горячую дружную работу на спасение родины со старым, закоренелым недоверием. В высоком напряжении своих духовных сил во имя победы, народ забыл все старые обиды и утеснения и устремился на помощь власти. Но правительство осталось неизменным. В то время, когда армия наша без снарядов вынуждена была отступать перед врагом, отдавая ему политые своей драгоценной кровью земли, правительство с ревнивой подозрительностью усмотрело в высоко-патриотическом движении народном опасность для власти, как-будто дело шло о власти, а не о целости, величии и чести России. Внутреннее хозяйство государственное приведено в полное расстройство, хаотическое состояние его грозит армии, грозит делу победы, а для правительства как-будто нет войны. Забыв общее благо, оно обнажило на русской государственности старую язву своей розни с обществом. По долгу совести и во имя спасения родины, мы должны сказать вашему величеству: государственное спокойствие дорогой нашей родины глубоко потрясено. Обособление и отчуждение власти от народа становится опасным, роковым.

Надежда на единение власти с народом исчезла. Растут недовольства и подозрения, множатся слухи о предательстве и изменах, слабеет на радость врагу вера в победу. Россия в великой тревоге.

Народ готов на всякие жертвы, он не остановится перед войной до полного одоления врага, до изгнания его из пределов земли русской. До последнего человека все в России готовы на ратный подвиг, все работают в сознании, что победа требует еще и национального подвига в неустанном напряжении сил здесь, дома. Велика готовность на жертвы и подвиги, но силы народные требуют руководства власти. Власть должна стоять во главе победного духа народного. Она должна вести страну к победе, и для этого она должна быть крепка, и сильна уважением к ней и доверием. Она должна соответствовать духу народному, должна вырасти из него, как живое растение из земли.

Ваше императорское величество. От вас ждет Россия в эти роковые дни проявления величия верховной власти в единении с духом народным. Восстановите нарушенный правительством величавый образ душевной целости и согласия жизни государственной. Обновите власть. Возложите тяжкое бремя ее на лиц, сильных доверием страны. Восстановите работу представителей народных. Откройте народу путь единения с властью и с вами, государь. Откройте стране этот единственный путь к победе, загроможденный ложью старого порядка управления.

И нам, как и вам, государь, не дорога жизнь, лишь бы была сохранена России. В святые минуты самых высоких и чистых стремлений народа доверьтесь могучей, великой любви к родине.

Правительство поставило Россию над страшной бездной.

В ваших руках ее спасение.

3/II 1916 г.

(6 делопр., д. № 343, т. 1. Вх. 5350.)

ГЛАВА VI.

ТАКТИКА К.-Д. В КОНЦЕ 1915 г. И НАЧАЛЕ 1916 г.

26.

Донесение начальника московского охранного отделения в департамент полиции о конференции партии к.-д. в июне 1905 г.

В дополнение к записке моей от 16 сего июня за № 291928, имею честь представить департаменту полиции более подробные сведения по некоторым моментам бывшей в Петрограде конференции партии народной свободы, полученные агентурой вверенного мне отделения только сейчас, так как, полагая, что данные о названной конференции своевременно поступят в департамент из петроградских агентурных источников, я не мог теперь более срочно и исчерпывающе получить их через свою агентуру.

Резолюция конференции о необходимости «полного единения власти и общества» была принята после страстных прений, в результате энергичного выступления в защиту ее лидера партии П. Н. Милюкова. В данном случае Милюков занял в партии правую позицию,— как острят теперь кадеты,—«ультра-правительственную». Лидер кадетов оказался более умеренным, чем даже прогрессисты и некоторые из октябристов и националистов.

С первых же моментов зарожденья в кадетской среде идеи о неотложности энергичного натиска на правительство и, в случае отказа в созыве Государственной Думы, созвать ее явочным порядком, — Милюков самым решительным образом боролся с этим крайним течением. Слова, что созванная явочным порядком Дума явилась бы «скверной и бледной копией выборгского воззвания» — принадлежат именно Милюкову.

Борясь с крайним течением среди к.-д., Милюков исходил не только из принципиальных соображений политического характера, но базировался на имеющихся в распоряжении центрального комитета к.-д. данных о настроениях на местах. Суммируя эти данные, частью в форме устных сообщений прибывших на конференцию местных деятелей, Милюков пришел к выводу, что «не поддерживать сейчас правительство — это значило бы шутить с огнем».

Вот в почти дословной передаче одна из речей Милюкова на конференции, которая объясняет всю тактику к.-д. в последние дни.

«В настоящий момент вся Россия повернута лицом в одну сторону — в сторону фронта, армии,—и делать попытки повернуть ее в другую сторону

было бы не только непозволительной, но и тщетной попыткой. Пусть Государственная Дума рвется притти на помощь армии, пусть она полна страстного желания исправить вопиющие ошибки бездарных героев тыла из военного министерства, но раз она соберется явочным, т.-е. революционным порядком, — это явится таким оглушительным взрывом среди общественно-политического затишья, что на секунду вся Россия повернется от армии в сторону народного представительства, повернется для того, чтобы с изумлением посмотреть на зрелище, которое может радовать только врагов наших. Обществу станет известно лишь то, что брошен вызов правительству, что объявлена война ему, что Дума призывает общество, народ бороться с правительством, но чем вызвана эта борьба, во имя чего Дума пошла на такие крайние меры — это останется для общества скрытым, ибо, ясно, печать не сможет и заикнуться об этом. А судьба самой «явочной» Думы? Ясное дело, — она без малейшего труда будет «распущена», т.-е. разогнана правительством. И получится бледная и скверная копия выборгского воззвания. В более спокойных общественных кругах отнесутся ко всей этой затее, как к шагу крайне неумному, свидетельствующему о политической незрелости; в кругах, более страстно относящихся к переживаемому патриотическому моменту, посмотрят на эту затею не только как на неумную, но и как на затею преступную, стремящуюся создать правительству затруднения в такой момент, когда всякое замешательство, всякое волнение, всякое разъединение — важный и опасный козырь в руках врагов России.

«Представим себе на одну минуту, что Государственной Думе действительно удалось собраться явочным порядком. Газеты успели оповестить об этом факте общество. Общество узнало и основное требование Думы — долой бездарных министров, долой бездарное правительство, которое обрекает армию на гибель в тот момент, когда доблестная армия грудью прокладывает себе путь к победе и славе. Но бездарное правительство не желает без боя уходить. Что же получается? Ясно, что требование Государственной Думы должно быть поддержано властным требованием народных масс, другими словами — в защиту его необходимо революционное выступление. Неужели об этом не думают те, кто с таким легкомыслием бросают лозунг о какой-то явочной Думе?

«Это именно легкомыслие того порядка, которое должно быть названо преступным. Лица, бросающие подобные лозунги, играют огнем,—они, очевидно, совершенно не учитывают того ужасного напряжения, в каком сейчас находится вся Россия, в ужасной слепоте не видят тех последствий, к каким привело и приводит это напряжение. Весьма вероятно, что правительство пока также не отдает себе отчета в том, что происходит там, «во глубине России», но мы, чуткие и интеллигентные наблюдатели, ясно видим, что мы ходим по вулкану, что характер сохраняемого равновесия таков, что достаточно легкого толчка, чтобы все пришло в колебание и смятение. Вся Россия сейчас — сплошная воспаленная рана, все — боль, все — горе, все — страдание. С одной стороны — величайшее, невиданное испытание на поле брани, с другой — величайшие испытания во внутренней жизни. Пусть скажут делегаты с мест, чего можно ждать на почве одной только дороговизны жизни. Здесь напряжение достигло последнего предела, здесь — в том состоянии, что достаточно неосторожно брошенной спички, чтобы вспыхнул страшный пожар. И храни нас бог увидеть этот пожар. Это не была бы революция, это был бы тот «ужасный русский б у н т, бессмысленный и беспощадный», который приводил в трепет еще Пушкина. Эта была бы та вакханалия черни, свидетелями которой мы были только-что в Москве. Это была бы новая волна той мути, поднявшейся со дна,

которая погубила прекрасные ростки революции в 1905 году. Какова бы ни была власть — худа или хороша, но сейчас твердая власть необходима более, чем когда-либо. Каждая политическая партия должна сейчас чувствовать всю крайнюю ответственность, лежащую на ней, и не предпринимать ложных шагов, совершенно не соответствующих ни духу момента, ни реальному соотношению сил.

«В лучшем случае «энергичный нажим на правительство» со стороны депутатов может оказаться холостым выстрелом, и в таком случае они станут участниками глупого фарса, в худшем — такой «нажим» может привести к таким ужасным последствиям, которые не только совершенно скомпрометируют поддерживавшие его политические партии, помогут в поднявшемся бурном вихре смести самое народное представительство.

«Все, что в данный момент можно сделать, это — стремиться раскрыть глаза правительству, языком неопровержимых фактов бороться с тою министерскою гнилью, которая ведет нашу армию к разгрому. Менее всего я оптимист, когда речь идет о правительстве, но у меня есть основания заявить, что правительство пойдет за страстно прозвучавшим голосом общественного мнения, и обновление кабинета и легальный созыв Государственной Думы и без особого нажима станут фактом. В данный момент слишком «нажимать» и слишком форсировать события — это значит играть огнем».

Речь Милюкова произвела огромное впечатление. Выступившие после Милюкова делегаты с мест вполне подтвердили, что настроение на местах таково, что «всего можно ожидать», что крайнее напряжение всех сил и боль могут вылиться в формах анархистских выступлений. Указывая на этот факт, местные деятели настойчиво подчеркивали роль в данном случае дороговизны и налоговых тягостей.

Полковник *Мартынов*.

17/VI 1915 г.
(6 делопр., д. № 27. Вх. 16941.)

27.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о заседании московского отдела центрального комитета к.-д.

29 минувшего сентября состоялось заседание московского отдела центрального комитета партии народной свободы, на котором обсуждалось текущее политическое положение и в частности настроение широких общественных кругов в связи с последними фактами и назначениями.

Выяснение настроения общества поставлено было, как очередная задача, петроградским отделом центрального комитета, который недавно обратился с соответствующим запросом ко всем провинциальным отделам партии, отдельным общественным деятелям, а также к органам печати, находящимся в связи с органами кадетской партии. Анкете этой в партийных кругах придается большое значение, так как она должна дать ответы на текущие политические вопросы не только в смысле выяснения отношения к ним различных общественных кругов, до самых низов включительно, но и в смысле определения той линии поведения и тех практических шагов, которые должны быть предприняты общественными кругами в борьбе с новым реакционным натиском со стороны правительства.

При обсуждении указанного вопроса в московском отделе всеми участниками подчеркивалось, что о настроении Москвы можно говорить самым определенным и уверенным образом, так как имеются авторитетные заявления видных общественных деятелей, находящихся в самой тесной связи с теми кругами, настроение которых они характеризуют.

В общей формуле настроение Москвы определяется, как резко оппозиционное. Только ничтожные количественно группы находят возможным оправдать политику правительства. Необходимо, однако, отметить, что эта оппозиционность далека от революционности в настоящем смысле этого слова, так как не выдвигаются ни революционные требования, ни революционная тактика действий. Наоборот, всеми кругами общества, сверху донизу, отстаивается необходимость отложить счеты с властью до момента полного поражения внешнего врага.

При обсуждении вопроса о господствующем настроении самым определенным образом подчеркнуто было одно обстоятельство, которое констатировано целым рядом деятелей,—именно рост антидинастического настроения. Особенно интенсивно рост этот замечается в низах общества, где он питается самыми нелепыми, дикими сплетнями и слухами. Проникшие в эти слои слухи о роли Григория Распутина и о влиянии его на настроение правительственного курса носят крайне неблагоприятный характер. На основании бесед с многими гласными городской думы, председатели обоих отделов находят возможным констатировать, что то же антидинастическое настроение, не заключающее никаких конкретных требований и выражающееся в крайне остром раздражении, наблюдается и в средних кругах московского общества. На основании отдельных заявлений из дворянской среды, есть основания полагать, что ростки этого движения заметны и здесь. Далее, было отмечено, что со всех сторон и из вполне заслуживающих доверия источников поступают сведения о росте того же настроения и в армии.

Одним из подтверждений указанного настроения может служить тот живейший отклик, какой встретила в самых широких кругах общества помещенная в № 221 газеты «Русские Ведомости» за текущий год статья члена Государственной Думы В. А. Маклакова, посвященная вопросу об отношении к верховной власти. По заявлению известного члена кадетской партии Кизеветтера. статья эта вызвала массовые выражения благодарности по адресу автора и редакции, номера же газеты с этой статьей специально ради нее были затребованы в значительном количестве.

В частности (чему было придано чрезвычайно важное и симптоматическое значение), со слов П. П. Рябушинского было отмечено, что вышеуказанная тенденция начинает все шире и шире захватывать как крупное московское купечество, так и старообрядческие круги.

Отвечая на вопрос о настроении Москвы, ораторы указывали еще на ту крайнюю нервность, которая царит во всех кругах общества и при первом же толчке может повести к ужасным проявлениям хаоса и анархии.

По вопросу о ближайших практических шагах в борьбе с реакцией комитет не нашел возможным сейчас высказаться определенным образом. Пока решено придерживаться выжидательной тактики, при чем позицию эту признано необходимым сохранить до созыва Государственной Думы.

Вместе с тем, однако, высказано общее пожелание о дальнейшем энергичном продолжении «натиска» общественных сил на правительство, а равно о принятии мер к тому, чтобы втянуть в эту кампанию и дворянство, т.-е. то именно сословие, которое правительство считает самым надежным своим оплотом.

В частности выражено пожелание о необходимости, в связи с переживаемыми событиями, созыва большого партийного съезда.

Вопрос об этом поднят не московским отделом в целом, а внесен в порядке отдельного предложения, которое подлежит еще дальнейшему обсуждению.

Об изложенном, с представлением при сем вышеприведенной статьи В. Маклакова, в копии, имею честь донести вашему превосходительству.

Полковник *Мартынов*.

2/X 1915 г.
(6 делопр., д. № 27 Вх. 28145).

Приложение.

«Трагическое положение».

Развитие техники создало это положение; в таком остром виде оно не могло быть прежде ни прямо, ни в аллегории.

Вы несетесь на автомобиле по крутой и узкой дороге; один неверный шаг, — и вы безвозвратно погибли. В автомобиле — близкие люди, родная мать ваша.

И вдруг вы видите, что ваш шоффер править не может; потому ли, что он вообще не владеет машиной на спусках, или он устал и уже не понимает, что делает, но он ведет к гибели и вас, и себя, и если продолжать ехать, как он, перед вами — неизбежная гибель.

К счастью, в автомобиле есть люди, которые умеют править машиной, им надо поскорее взяться за руль. Но задача пересесть на полном ходу нелегка и опасна; одна секунда без управления, — и автомобиль будет в пропасти.

Однако выбора нет, — вы идете на это. Но сам шоффер не идет. Оттого ли, что он ослеп и не видит, что он слаб и не соображает, из профессионального самолюбия или упрямства, но он крепко ухватился за руль и никого не пускает.

Что делать в такие минуты?

Заставить его насильно уступить свое место? Но это хорошо на мирной телеге или в обычное время, на тихом ходу, на равнине; тогда это может оказаться спасением. Но можно ли сделать это на бешеном спуске, по горной дороге? Как бы вы ни были и ловки, и сильны, в его руках фактически руль, он машиной сейчас управляет, и один неверный поворот или неловкое движение этой руки, — и машина погибла. Вы знаете это, но и он тоже знает. И он смеется над вашей тревогой и вашим бессилием: «Не посмеете тронуть!».

Он прав: вы не посмеете тронуть; если бы даже страх или негодование вас так охватили, что, забыв об опасности, забыв о себе, вы решились силой выхватить руль, — пусть оба погибнем, — вы остановитесь: речь идет не только о вас: вы везете с собой свою мать; ведь вы и ее погубите вместе с собой, сами погубите.

И вы себя сдержите; вы отложите счеты с шофером до того вожделенного времени, когда минует опасность, когда вы будете опять на равнине; вы оставите руль у шофера. Более того, вы постараетесь ему не мешать, будете даже помогать советом, указанием, содействием. Вы будете правы, — так и нужно сделать. Но что будете вы испытывать при мысли, что ваша сдержанность может все-таки не привести ни к чему, что даже и с вашей помощью шофер не управится! Что будете вы переживать, если ваша мать при виде опасности будет просить вас о помощи и, не понимая вашего поведения, обвинит вас за бездействие и равнодушие?

(«Русские Ведомости», № 221, 1915 г.). *В. Маклаков.*

28.

Доклад начальника петроградского охранного отделения товарищу министра внутренних дел о настроениях в партии к.-д.

В дополнение к донесениям моим от 9-го и 15-го сего октября за №№ 20817 и 189, настоящим имею честь представить вашему превосходительству нижеследующий, вновь добытый чрез секретную агентуру

вверенного мне отделения, осведомительный материал о настроениях и направлении деятельности руководящих представителей конституционно-демократической партии.

Интенсивные стремления разобраться в сложной и запутанной обстановке текущего политического момента и естественные различия во взглядах правого и левого крыла вышеназванной партии в конечном своем результате в настоящее время наметили в таковой три более или менее оформленных и сравнительно определившихся течения:

а) Самое умеренное в смысле своих требований и посему как бы правое течение, в коем объединились по преимуществу почти все старые лидеры названной партии. Задачи означенного течения депутат Государственной Думы Милюков определяет стремлениями «совершить мирную революцию за спиною и с санкции самого правительства, усыпив бдительность правящих органов последнего внешними и чисто показными изъявлениями верноподданнического образа мыслей кадет».

Основная идея тактики указанного партийного течения сводится к тому, чтобы, стоя исключительно на строго легальной почве, сделать ныне существующую законную власть как бы ненужной и излишней, путем постепенного захвата и передачи ее функций в руки различных общественных (земских и городских) организаций, с одной стороны, и систематическим дискредитированием деятельности правительственных органов постоянным противупоставлением образцовых действий общественных учреждений, с другой.

По мысли многих кадет, являющихся сторонниками указанного течения, подобный образ действий может дать особенно благоприятные результаты в данный момент, когда в самих правящих сферах наблюдается разлад и «сильная разноголосица» на почве неудач в области военных мероприятий.

Изложенным именно и объясняется то обстоятельство, что кадеты означенного более умеренного течения, в стремлении использовать разлад внутри самой власти, поспешили сблизиться и даже объединиться в думском блоке с некоторою частью правых элементов.

б) Второе течение, настаивающее на лозунге «ответственного министерства», протестует против сотрудничества кадет с правыми элементами и правительством, настаивает на необходимости разрыва думского блока с правыми депутатами, добивается выхода кадет из различных комиссий и совещаний по вопросам военного снабжения и требует резких выступлений в защиту положения евреев.

В то же время представители означенного течения стоят за необходимость обязательного соблюдения известного рода корректности и легальности в действиях.

Сторонниками означенного течения, по данным имеющегося агентурного освещения, являются по преимуществу интеллигентные провинциальные представители партии. Из старых лидеров партии к означенному же течению примыкает Мандельштам; к указанному именно течению относятся и высказанные им на московском банкете — в день десятилетнего юбилея партии — слова о «необходимости уступок со стороны большинства партии в пользу влиятельного меньшинства».

Принятые на московских съездах (общеземском и городском) резолюции представляют собою выражение взглядов означенного течения в партии кадет.

Определенно, между прочим, передают, что взгляды депутата Шингарева за последнее время сильно колеблются между двумя вышеуказанными течениями кадетской мысли.

в) Третье и самое крайнее течение отличается от воззрений сторонников «ответственного министерства» стремлениями выдвинуть на первый план необходимость для кадет широкой работы в народных массах, на почве развивающегося ныне усиленного кооперативного движения, и допуском в своей тактике нелегальных приемов борьбы, как, например: выпуска нелегальной агитационной литературы, подготовки и организации различного рода бойкотов, демонстраций и даже забастовок (бойкот налогов, непрошедших чрез санкцию Государственной Думы; забастовки и демонстрации с требованиями созыва последней и т. д.); подобные нелегальные действия, по мнению сторонников названного партийного течения, должны исходить не от официальных партийных органов (центральный комитет и думская фракция), а от имени отдельных «групп кадет».

Представителями означенного малочисленного и маловлиятельного течения являются, по данным агентурного освещения, исключительно провинциальные сторонники партии.

В связи с изложенным, в настоящее время, по данным агентурного освещения, в левом по преимуществу течении кадет возникли, как ближайшая тактическая задача, предположения о необходимости стремиться к расширению прогрессивного думского блока «влево», т.-е. исключению из его состава правых представителей (Савенко, Шульгина и некоторых других) и к сближению с трудовиками и меньшевиками всех оттенков и направлений. Помимо сего, сторонниками означенных тенденций высказываются пожелания искать приверженцев среди крестьян и рабочих, недостаток связей с коими предполагалось восполнить допуском в военно-промышленные комитеты представителей от фабрично-заводских рабочих.

Путем подобного расширения блока в первую голову преследуются задачи изменения политического курса в деятельности правительственной власти, дабы при последующей парламентской борьбе провести в состав кабинета кадет хотя бы частично. В связи с означенными намерениями на пост председателя совета министров кадетами в данный момент выдвигается кандидатура князя Львова, который, хотя и считается правым кадетом, однако пользуется громадной популярностью в кругах земских и городских деятелей.

В развитие изложенных выше предположений, «прогрессивный блок» намечает после созыва Государственной Думы заявить, что таковая, пока страна находится в опасности, не может быть распускаема и что правительство может «разогнать Думу» лишь с оружием в руках. Дабы найти соответствующую опору и поддержку своим вожделениям в армии и народе, кадеты, одновременно с указанием на «нераспускаемость Думы», заявят о разных льготах солдатам, необходимости наделения крестьян землею, в возможно неопределенных выражениях, и своем стремлении помочь рабочим проведением восьмичасового рабочего дня и увеличением заработной платы.

По данным агентурного освещения, кадеты в рядах действующей армии насчитывают весьма значительное число сочувствующих им элемен-

тов, при чем в указанном отношении особенно близко связанными с армией считают себя кадеты московские. Как на пример исключительно близкой связи кадет с армией указывают на следующее: недавно среди кадет начали усиленно распространяться слухи о намерении правительства в самом близком будущем ограничить сферу деятельности и компетенцию учреждений общеземского и общегородского союзов. Обеспокоенные в сильнейшей степени подобными слухами, кадеты поспешили обратиться за выражениями сочувствия в армию. Ныне, как передают, в кадетских кругах получены успокоительные и сочувствующие ответы не только от представителей армии, но даже якобы и от Пуришкевича, который, с своей стороны, будто бы указал, что армия безусловно на стороне кадет и ни в коем случае не поддержит намерений правительства в указанном направлении. Должно отметить, что в вопросе о сочувствующих связях в армии кадетами подразумевается не широкая армейская масса второстепенных и низших воинских чинов, а некоторые из крупных и пользующихся большим влиянием и популярностью высших начальствующих лиц.

В связи с указанными выше затаенными стремлениями кадет, возникли за последнее время вновь и слухи о желательности ухода представителей думского прогрессивного блока из всех комиссий, связанных с вопросом о войне и обороне страны; мотивами подобного намерения попрежнему же выставляются: отказ правительства изменить курс внутренней политики, задушенная преследованиями печать, массовые и необоснованные аресты и т. п.... [1]

23/X 1915 г.
(6 делопр., д. № 27 ч. 57 Вх. 30100-6).

29.

Письмо московского градоначальника управляющему министерством внутренних дел о совещании московских к.-д.

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь Алексей Николаевич.

17 сего октября состоялось совещание московских кадет, на котором Милюков выступил с докладом о тактике думской кадетской фракции.

Заседание это не было официальным заседанием московского отдела центрального комитета партии, а совещанием более широких кругов московского кадетства: кроме всех членов московского комитета, в совещании приняли участие находящиеся в данный момент в Москве члены (от Москвы) всех четырех Государственных Дум, а также более видные руководители и члены редакции «Русских Ведомостей». Совещание никаких определенных резолюций не приняло, и дело свелось к одному только оживленному обмену мнений.

Приезд Милюкова в Москву вызван следующими обстоятельствами. На-днях в Петрограде предстоит большое совещание к.-д. По форме это совещание явится заседанием думской кадетской фракции, но по существу это явится совещанием более широких кадетских кругов, так как, кроме всех членов Государственной Думы, в нем будут принимать участие в дру-

[1] Документ воспроизводится не полностью.

гие видные руководители и члены кадетской партии. Цель совещания — выработать новые тактические приемы, которые должны быть применены как в предстоящих заседаниях Государственной Думы, так и в особенности (если оправдаются слухи о кратковременности сессии) после роспуска ее.

В виду того, что до петроградского центрального комитета партии дошли слухи, что московские кадеты осуждают настоящую тактику как центрального комитета, так и думской фракции партии, и что на предстоящем совещании они займут более радикальную позицию, настаивая на более решительных выступлениях, — Милюков и поторопился путем личных бесед с более видными московскими кадетами предупредить неприятную для него критику и привлечь их на сторону проводимой им тактики.

В этом отношении совещание московских кадет 17 октября явилось чрезвычайно показательным. Несмотря на все усилия скрыть назревающие в недрах партии разногласия, это совещание показало, что дело идет гораздо дальше одних только теоретических разногласий в отдельных более мелких вопросах, но что имеется довольно значительная группа, которая совершенно откровенно говорит о все более и более определяющемся расколе. Представителями левой группы московских кадет на совещании явились Мандельштам, Обнинский и Кизеветтер. В этой группе давно уже существует острое недовольство Милюковым, который, как они выражаются, слишком «самодержавно» правит партией. В последнее же время это недовольство обострилось до крайней степени в виду той позиции, которую кадеты заняли в «прогрессивном блоке». Группа московских левых кадет с первых же дней существования «блока» отнеслась к нему отрицательно, доказывая, что позиция в нем кадет компрометирует партию, ибо она не смогла заставить приспособиться к себе более правых участников «блока», а, наоборот, сама приспособилась к ним, отказавшись от основных своих партийных требований. Эти протестующие голоса особенно стали громкими после выхода из кабинета кн. Щербатова и Самарина и после того, как последовал отказ в приеме депутации земского и городского съездов. С этого момента в рядах московских кадет стали раздаваться резкие нападки лично на Милюкова.

«Милюков завел партию в болото. Кадетская партия стала на ложную дорогу, ложной тактикой ровно ничего не достигнуто в борьбе с правительством и вместе с тем вырыта пропасть между кадетами и более левыми кругами общества, теми кругами, которые могут явиться единственной реальной угрозой правительству», — вот как формулировались нападки на Милюкова.

Эти же нападки раздавались и на совещании 17 октября.

В начале совещания Милюков выступил с пространным докладом о тактике думской кадетской фракции, в котором доказывал, что в настоящий момент фракции пришлось отказаться от каких бы то ни было резко оппозиционных выступлений, ибо такие выступления сыграли бы лишь в руку врагу и вредили бы делу поражения Германии. Возникновение «прогрессивного блока» и роль в нем кадет опять-таки продиктованы все тем же стремлением принести в жертву все ради торжества над внешним врагом. Что же касается упреков, что «блок» компрометирует кадетскую партию, то они глубоко несправедливы, ибо партия ровно ни от каких своих требований не отказывались, но именно ведет за собой более правых участников «блока», и в этом отношении достигнуты уже весьма реальные результаты. Впереди же этих результатов, несомненно, будет еще больше.

Переходя к вопросу о тактике настоящего момента, Милюков указал, что сейчас говорить о новых приемах борьбы еще преждевременно. Сейчас возможна только выжидательная тактика, так как и само правительство пока находится в состоянии полной неизвестности относительно дальнейших своих шагов; правительство идет ощупью и само не знает, в какую сторону заставят его повернуть события. Эта выжидательная позиция правительства и заставляет его возможно оттягивать созыв Государственной Думы, но так или иначе долго такое положение продолжаться не может, ибо нужно провести бюджет. Дума будет созвана, и весь вопрос только, на какой срок; если действительно окажется, что Дума нужна правительству только для утверждения бюджета и для санкционирования займов, и затем она будет распущена на продолжительный срок, тогда, действительно, можно будет сказать, что положение окончательно определилось, и тогда с совершенною непреложностью встанет вопрос о ликвидации настоящей тактики и выработке новых приемов борьбы.

По этим же соображениям Милюков высказывается против тех, кто настаивает на необходимости немедленного созыва большого партийного съезда, который должен определить дальнейшую тактику партии, и полагает, что пока целесообразно ограничиться большими фракционными совещаниями, в роде того, которое на-днях состоится в Петрограде.

С резкой критикой позиции Милюкова и его группы выступили Мандельштам и Обнинский. Особенно резко было выступление первого. Он прямо бросил упрек, что «партия заведена в болото».

Доказывая, что кадетам необходимо немедленно выйти из «прогрессивного блока», ибо основная цель его — соглашение с правительством — не достигнута, Мандельштам подробно остановился на вопросе о необходимости сближения кадет с более левыми элементами — с социал-демократами и трудовиками.

«Нужно итти рука об руку не с теми, кто явно бессилен,—говорил он,— а с теми, кто представляет реальную силу, кто может правительство заставить прислушаться к своим требованиям.»

«Перед нами — тупоумное правительство, которому совершенно недоступен язык логики, но которому понятен только язык энергичных жестов и чисто физического воздействия. Только наивные, упорно закрывающие глаза на истинную природу данного правительства, могут продолжать мечтать о возможности какого-то соглашения с правительством. Только слепцы могут надеяться, что могут привести к какому-нибудь результату переговоры с господами в роде Хвостова. Программу Хвостова можно определить в двух словах — демагогия и провокация. Эта шулерская игра краплеными картами. И неужели же можно говорить о целесообразности выжидательной тактики общественных сил, когда с абсолютной очевидностью выяснилась тактика правительства, сводящаяся к стремлению выиграть время, мороча общество? Пусть в этой тактике правительство идет своей дорогой, общество же тоже должно итти своей. И со стороны кадетской партии явится прямо историческим преступлением, если она не откажется от тактики замалчивания истинного положения вещей, и таким замалчиванием, отказом от борьбы будет оказывать поддержку настоящему правительству. Как участие кадет в «прогрессивном блоке» и путь позорного компромисса не дал ни малейшего результата и не мог

предупредить того, что обществу в лице земского и городского союзов власть нагло плюнула в лицо, так та же ложная тактика вовсе не служит делу обеспечения победы над Германией, а, наоборот, парализует и ослабляет силы общества в этой борьбе. В борьбе с правительством Горемыкина и Хвостова нужна совсем иная тактика,—именно равнение не направо, а налево, и на этот новый путь кадеты должны стать твердо и немедленно.»

Речь Мандельштама произвела на присутствующих огромное впечатление. Однако, реальные результаты она едва ли имела.

По самому характеру заседания (неофициальное партийное совещание) никакого голосования не происходило и никакие определенные резолюции приняты не были. Ясно обнаружилось только одно, что в недрах кадетской партии назревает глубокий раскол.

Этот раскол и те же споры о партийной тактике, несомненно, в более широком масштабе повторятся и на предстоящем петроградском совещании.

Как утверждают московские кадеты, на этом совещании левая группа будет представлена довольно сильно, и она приложит все усилия, чтобы заставить Милюкова ликвидировать настоящую тактику.

Во всяком случае, как указывают московские кадеты, если предстоящая сессия Государственной Думы будет кратковременна и Дума будет распущена на неопределенный срок, резкий поворот фронта кадет явится неизбежным.

Донося об изложенном, пользуюсь настоящим случаем просить ваше высокопревосходительство принять уверения в совершенном почтении и искренней преданности.

Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

19/X 1915 г. *Е. Климович.*

(6 делопр., д. № 27 Вх. 31334).

30.

Записка московского охранного отделения по общественному движению, № 22 (агентура «Анненков»).

Лидер кадетской партии П. Н. Милюков в близком кругу своих единомышленников так излагал настроение и направление «прогрессивного блока» до открытия сессии Государственной Думы:

В настоящее время вся тактика думского «прогрессивного блока» должна свестись к отчаянной борьбе с существующей исполнительной властью, не стесняясь даже некоторыми партийными уступками и компромиссами, чтобы показать добрую волю блока пойти на какое-либо соглашение с правительством и все нежелание правительства в действительности, а не на словах только, пойти на такое соглашение. Необходимо показать стране наглядный пример несовместимости правильной организации тыла и фронта с регрессивными привычками правительства. Если же существующая власть, несмотря на требования Государственной Думы, останется у кормила правления, то «прогрессивный блок» обязан мобилизовать все свои силы, чтобы путем широкой огласки в печати и посредством энергичной критической работы в Думе заставить эту власть в конечном результате подчиниться во всех своих действиях строгому контролю общественных организаций, вообще, и Государственной Думы, в частности. Только при этих условиях Милюков видит единственную возможность довести войну до победного конца.

«Всем известно,— говорит Милюков,— что взяточничество и всякого рода спекуляции вошли сейчас чуть ли не в обычное явление, сделались как бы обыкновенными коммерческими предприятиями. Поэтому, чтобы уничтожить «аферы тыла», нужны строжайшие меры предупреждения и пресечения, вплоть до военно-полевых судов над виновными; а так как виновные в этих преступлениях в большей своей части являются «близкими людьми» правящих сфер, то вышеуказанные меры возможны только при широкой гласности и свободе печати.»

Позиция блока должна быть решительна и категорична; если же по ходу работы станет ясным, что общая совместная работа народа с правительством все-таки не налаживается, то тогда,— думает Милюков,— Государственная Дума, в союзе с общественными организациями (общеземский и общегородской союзы), «вступит на более активный путь», хотя этот путь и представляется крайне опасным и чреватым слишком серьезными последствиями для обеих сторон.

Такой совместный натиск на правительство Государственной Думы и названных выше общественных организаций в настоящее время представляется практически легко осуществимым, так как теперь уже налажены правильные, постоянные, личные и письменные сношения «прогрессивного блока» с главными комитетами обоих союзов.

В области международной политики Милюков усматривает сейчас довольно сносную конъюнктуру; во всяком случае, взятие Эрзерума отразилось морально очень выгодно на союзнических отношениях. Что же касается положения нейтральных держав, то, по его мнению, все здесь останется без перемен, по крайней мере, до новой ощутительной удачи на фронтах.

. . . . . .

По поводу тех же будущих отношений правительства к народному представительству и возможности их совместной работы М. В. Родзянко говорил в редакционных кружках, что после своей беседы со статс-секретарем Штюрмером он вынес убеждение, что правительство готово пойти на уступку блоку, при условии, что блок сам готов также пойти на компромиссы.

Кроме рассмотрения и утверждения бюджета, главной задачей Государственной Думы будет политика, но без узкого политиканства. На вопрос, что он понимает под словом «политиканство», Родзянко объяснил, что под эту рубрику подходят несвоевременные и чрезмерные, фактически невыполнимые при настоящем правительстве, требования, выражаемые крайними думскими группами.

На противодействие недавно организовавшемуся думскому блоку правых Родзянко смотрит как на очень необдуманный с их стороны шаг: ибо своей деятельностью, фактически бессильные, морально они идут против наипопулярнейших в народе требований, каким является, например, «фактическое, а не бутафорское» раскрытие мошенничества в тылу армии.

В заключение Родзянко, как и Милюков, взывает к самой широкой гласности, в особенности настаивая, чтобы были устранены препятствия, чинимые правительством к свободному появлению в печати отчетов о думских заседаниях и текстов отдельных речей депутатов. Сейчас, по мнению Родзянко, думская и общественная критика равны работе, созидающей победу.

Начальник отделения,

10/II 1916 г. полковник *Мартынов.*

(6 делопр., д. № 27 ч. 46 л. Б. Вх. 291267).

31.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о VI съезде партии к.-д.

В московских и петроградских газетах появились отчеты о состоявшемся в Петрограде с 18 до 22 сего февраля VI съезде конституционно-демократической партии. Более или менее точные по существу дела, эти отчеты, однако, только до некоторой степени отражают в себе то, что в действительности имело место на этом съезде, скрывая как истинное настроение этой партии, так и ее сокровенные задачи. Представляемые сведения моей агентуры восполняют те пробелы, которые, по тактическим соображениям, не были напечатаны в газетах.

Сведения о съезде представителям печати дал лично П. Н. Милюков, при чем просил их не сообщать ничего, сверх того, что он официально сообщает от имени Центрального Комитета. Целью Милюкова и его группы является скрыть ту упорную борьбу и те страстные нападки, какие им пришлось выдержать со стороны левого течения в партии. Хотя в конечном итоге победа на съезде, повидимому, осталась за Милюковым, но эта победа менее всего свидетельствует об устойчивости принятых тактических принципов. Упорные стремления левой группы, представленной на съезде главным образом провинцией, сводятся к тому, чтоб подвинуть партию на путь более решительной борьбы с правительством, рука-об-руку с более левыми течениями — социал-демократами и трудовиками.

Не в столь категорической форме, но против какого бы то ни было сближения с настоящим правительством высказались единогласно все представители Москвы. Маклаков прямо указал, что настроение Москвы сверху до-низу таково, что малейшее «заигрывание» со статс-секретарем Штюрмером способно безвозвратно похоронить в глазах Москвы престиж кадетской партии. Как полгода тому назад, так и сейчас Москва требует коренного обновления кабинета и замену его общественными деятелями.

Особенно непримиримую позицию в отношении правительства заняли представители Киева, Одессы и Кавказа. Характеризуя настроение широких масс в своих районах, они указывали, что «власть держится только каким-то чудом, и что малейший толчок может вызвать катастрофу. Ненависть к правительству так велика, что нужно прилагать энергичные усилия, чтоб не дать раньше времени вспыхнуть революционному взрыву. Только немедленный уход статс-секретаря Штюрмера и министра внутренних дел могут если не предотвратить, то несколько ослабить силу взрыва по окончании войны».

В таких же мрачных красках картину народного негодования рисовал и Родичев.

Характерную речь произнес Шингарев.

«Настроение страны таково, — заявил он, — что страшно подумать о ближайшем будущем. Боль и негодование народа достигли предела. Не видя выхода, масса способна пойти по пути отчаяния. Вся наша задача сводится к тому, чтоб не дать проявиться этому отчаянию раньше времени, не дать в страшном взрыве народного отчаяния похоронить возможную победу над Германией. Но, преследуя эту задачу, мы не должны терять чувства меры. Мы должны страшиться того, чтоб после войны, когда начнется строгий суд над преступным правительством, нам не был

послан упрек, что мы сами оказывали ему поддержку и замалчивали его страшные преступления. Борясь за победу и во имя этого стремясь сохранить во что бы то ни стало внутренний мир, мы не должны заходить так далеко, чтоб оказаться совершенно изолированными от крайних левых течений. Мы должны установить с ними теснейший контакт, и именно для того, чтобы рука-об-руку с ними как предупредить преждевременный взрыв, так и направить его затем таким образом, чтоб оказалась осуществленной полная и окончательная победа над внутренним врагом, над теми, кто счастливил страну Горемыкиными и Штюрмерами. (Подлинные слова.)

«С этой точки зрения было бы величайшей ошибкой итти навстречу лисьей тактике статс-секретаря Штюрмера. Нужно раз навсегда установить, что такое Штюрмер: для нас он в 100 раз хуже Горемыкина. Там все было ясно, там не было провокации, там была безумная ставка реакции, безумный ее вызов революции — или погибнуть, или победить. Революции после войны могло бы и не быть, ее сделал неизбежной Горемыкин; не было более страшного потрясения трона, чем Горемыкин. Не будем же помогать его преемнику Штюрмеру исправлять страшные ошибки власти. Мы можем только констатировать, к чему она привела и себя, и страну, — на край пропасти.

«Говорят, что Штюрмер умней Горемыкина. Возможно, но в лице Горемыкина мы имели, по крайней мере, прямолинейную и честную власть. Штюрмер же это — воплощенная провокация. Что мы можем получить из рук Штюрмера? Абсолютно ничего. Ибо его задача — о б м а н у т ь и в ы и г р а т ь в р е м я. Наш долг ответить на эту преступную и бесчестную игру тем, чего она заслуживает, — глубоким и громко выраженным презрением. С таким правительством не ведут переговоров,—переговоры, соглашения, взаимные обязательства возможны только с честным врагом, в данном же случае ответ на по-лисьи протягиваемую руку может быть только один: требование немедленного ухода.

«Это требование должно быть категорически заявлено каждый раз с трибуны Государственной Думы,— и только на основе этого требования возможно упрочение нашего престижа в широкой массе и сближение с более левыми политическими течениями. Власть сама себя завлекла в пучину, пусть она тонет; э т о й в л а с т и, т а к о й власти мы не можем бросить и обрывка веревки. Это было бы преступлением с нашей стороны, и колебания в этом случае нам не простила бы ни современность, ни история.»

Речь Шингарева, в сущности, была направлена против Милюкова, который в фракционных совещаниях не один раз колебался и не прочь был вести переговоры с правительством. Речь Шингарева имела громадный успех, и именно она обеспечила принятие первого пункта резолюции съезда: п р о д о л ж а т ь б о р ь б у с п р а в и т е л ь с т в о м д о о б н о в л е н и я е г о л и ц а м и, п о л ь з у ю щ и м и с я д о в е р и е м н а р о д а.

Далее, благодаря настоянию Шингарева же, прошло предложение о необходимости большего сближения кадетов с другими демократическими партиями, т.-е. с социал-демократами и трудовиками. Пока позиция кадет в этом вопросе определилась таким образом: необходимы совещания на местах кадет с представителями крайней левой, необходимо выяснение сил и внутренней ценности последних и, в зависимости от этого, определение возможности и степени сближения. В Петрограде же и в Москве намечены совещания, на которых должны быть выработаны принципиальные основы общей с крайними левыми тактики.

В частности, съездом признаны вполне приемлемыми домогательства рабочих в военно-промышленных комитетах.

Донося об изложенном вашему превосходительству, имею честь присовокупить, что дальнейшие агентурные данные о том же съезде будут мною представляемы дополнительно, по мере их поступления.

Полковник *Мартынов*.

25/II 1916 г.
(6 делопр., д. № 27 Вх. 6209).

32.

Сводка московского охранного отделения о «настроении общества» на 29 февраля 1916 г.

1. Настроение общества.

Было бы большой ошибкой судить о настроении русского общества в настоящий момент по внешним проявлениям этого настроения. Если судить только по таким внешним проявлениям, то легко притти к выводу, что настроение общества не дает ни малейших поводов для беспокойства и опасений, что это—настроение спокойствия при отсутствии резкой враждебности к правительству, настроение, не таящее в себе революционных замыслов и подготовки к их осуществлению. Отдельные проявления недовольства и раздражения, редкие, мимолетно вспыхивающие и столь же быстро затихающие, — например, забастовки в Москве, уличные беспорядки вплоть до попытки строить баррикады (на Тверской площади), — при беглом и поверхностном взгляде также не дают оснований для особых опасений: может представиться, что все подобные вспышки являются отражением настроения лишь ничтожного меньшинства населения и не захватывают широкой его массы. Бесспорно, подобный взгляд был бы большим самообманом. Положение гораздо серьезнее и настроение общества гораздо более тревожно, чем это может представиться, если судить по отдельным внешним проявлениям этого настроения. Мимолетные острые вспышки — это, бесспорно, те симптомы, которые свидетельствуют о болезненном процессе, происходящем во всем организме, которые предупреждают, что в надлежащий момент и при надлежащих условиях это острое и глубоко распространившееся недовольство и раздражение с чрезвычайной легкостью может быть использовано в революционных целях. Именно на этом и строят все свои расчеты руководители революционного движения. С непоколебимой уверенностью говорят они о неизбежности революционного движения после войны и к этому моменту готовятся.

Зная настроение руководителей революционного движения, начиная с крайних левых и кончая кадетами, можно с уверенностью сказать, что в настоящий момент и вплоть до окончания войны правительству нечего опасаться особых осложнений в внутренней жизни. В либеральных кругах русского общества слишком велика ненависть к Германии и Вильгельму II, представляющихся им оплотом реакции в России, и поэтому стремление этих кругов довести войну до полной победы является вполне искренним. Отсюда молчаливый лозунг — не делать ничего такого, что могло бы осложнить положение правительства, могло бы вредно отразиться на положении на театре военных действий, отсюда же искреннее стремление притти на помощь армии (деятельность

общеземского и общегородского союзов, военно-промышленных комитетов). В этом и только в этом, а не в сознании фактического своего бессилия, как это склонны думать некоторые, объяснение того, что все последние шаги правительства — роспуск Государственной Думы, увольнение кн. Щербатова, Самарина, Кривошеина, отказ в приеме депутации городского и земского союзов — были приняты оппозиционными кругами с тем внешним спокойствием, на которое, пожалуй, трудно было рассчитывать. Совершенно определенные факты свидетельствуют, что не кем иным как именно кадетами, напряжены были все усилия, чтобы сдержать и ослабить готовившиеся вспышки острого раздражения, и делалось все это во имя идеи расплаты с правительством после войны.

Не далее как на-днях в одном из заседаний думской фракции к.-д. Милюков, сдерживая более нетерпеливых и раздраженных членов фракции, приводил такой аргумент:

«Ради бога, не поддавайтесь на провокацию правительства: всеми силами души стремясь к сепаратному миру с Германией, правительство стремится вызвать осложнения в стране. Эти осложнения развязали бы ему руки: с одной стороны, ссылаясь на рост революционного движения в России, правительство объяснило бы перед союзниками невозможность продолжения кампании; с другой стороны, ответственность за проигрыш кампании оно возложило бы на революционные и оппозиционные круги: победа, мол, была обеспечена, но ваше преступное поведение помешало нам довести ее до конца. Не поддавайтесь же на подобную провокацию топущей реакции, не стройте ей желанных мостков, не снимайте с нее всей тяжести ответственности за новый военный разгром. Сейчас нам остается одно — все терпеливо снести, глотать самые ужасные пилюли, не обострять, а, наоборот, сдерживать клокочущее настроение, и все потому, что при предстоящей близкой расплате положение правительства представляется безнадежным, и торжество русского либерализма — полным и безусловным. Правительство само неуклонно толкает себя в пропасть и с этой стороны было бы совершенно нецелесообразно какими-либо тревожными эксцессами раньше времени открывать ему глаза на ужасное безумие его игры».

В этих словах разгадка и объяснение кажущегося спокойствия кадет, которые вдруг удивительным образом оказались правее прогрессистов и даже многих октябристов.

Брошен определенный лозунг: расплата после войны и расплата не только с данным правительством в смысле данного кабинета министров, а именно с верховной властью. Ярко и определенно бросил этот лозунг, — вернее, формулировал прочно сложившееся настроение, — член Государственной Думы В. А. Маклаков, пустив в общественный оборот крылатое слово о расплате после войны с «шоффером» (см. произведшую страшную сенсацию статью его в «Русских Ведомостях»).

Было бы большой ошибкой игнорировать, не придавать самого серьезного значения этим наглым угрозам. Эти наглые угрозы — не простое бахвальство революционно-настроенных кругов, а результат твердой их уверенности, основанной на знакомстве с настроением широких масс, в среде которых в последнее время престиж верховной власти действительно пал. Это обстоятельство в десятках заявлений с мест с полной определенностью констатируется в анкете о настроении общества, предпринятой осенью сего года ц. к. к.-д. партии. И с величайшим прискорбием приходится констатировать, что именно в Москве, — этой недавно прочнейшей опоре трона, — факт угрожающего падения престижа верховной власти находит себе полное подтверждение.

В данном случае приходится говорить даже более чем о падении престижа верховной власти, — налицо признаки начавшегося и неуклонно развивающегося антидинастического движения, вернее, быть-может, не столько движения против династии в целом, не столько движения с определенно выраженным республиканским характером, сколько движения острого и глубокого раздражения против особы государя императора, ныне царствующего. И все факты последнего времени в ужасающей степени усилили это настроение. Вращаясь в различных кругах общества, с болью приходится констатировать, что если бы реагировать на все случаи наглого и откровенного оскорбления величества, то число процессов по 103 ст. достигло бы небывалой цифры. И это — настроение столько же низов, тяготеющих к крайним левым, сколько и буржуазии средней и высшей, руководимой кадетскими кругами.

Моментом резкого перелома, поворота в сторону полного разрыва с верховной властью, крайнего обострения отношения к особе государя императора явился отказ в приеме депутации общеземского и общегородского союзов. На съездах союзов, бывших в августе текущего года, резко подчеркивалось, что делается последняя попытка раскрыть глаза монарху, которого политика Горемыкина толкает в пропасть, и когда депутации в приеме было отказано, в руководящих оппозиционных кругах было принято твердое решение не делать более ни малейших шагов к общению с монархом, так как события должны теперь пойти мимо него, так как он сам поставил себя в положение, когда единственным выходом является «расплата».

Первая задача по окончании войны — убрать «безумного шоффера», толкающего страну в пропасть, вырвать из его рук руль (слова из статьи Маклакова). Эту задачу от имени кадет провозгласил член Государственной Думы Маклаков. Эту задачу, как задачу ближайших дней, с наглой откровенностью в присутствии министра внутренних дел провозгласил в бюджетной комиссии Государственной Думы от имени с.-д. Чхеидзе. В этом направлении сейчас происходит самая деятельная работа, пусть невидная, трудно уловимая по своим внешним проявлениям, но тем более опасная по последствиям.

Обращаясь к фактам, поскольку речь идет о Москве, питающим неуклонное падение престижа верховной власти, необходимо отметить следующее.

Быть-может, никто, — даже самые невоздержанные революционеры в своих прокламациях, — не причинили столько зла, не содействовали в такой ужасной степени падению престижа верховной власти, очернению особы монарха, как все то, что рассказывал чуть ли не на всех улицах и перекрестках о причинах своего ухода бывший обер-прокурор св. синода Самарин. Подробности о той роли, какую играет в государственной жизни переживаемого момента пресловутый «старец» Распутин, были тяжелыми ударами и оскорблениями не только государя императора, но — в особенности — государыни императрицы Александры Федоровны. Злой или, быть-может, глупый язык «преданнейшего монархиста» Самарина был великолепно использован руководителями революционного движения, и если ближайшим результатом болтовни Самарина явилась демонстративная выходка московского дворянства (избрание в выборщики в Государственный Совет ген. Джунковского) и известный адрес московской городской думы, то сейчас грязные сплетни о царской семье стали достоянием широкой улицы. Болтовня Самарина и подробности о Распутине, заключающиеся в книге бывшего иеромонаха Илиодора (пока в Москве в списках циркулируют

отдельные наиболее «пикантные» страницы из этой книги) это — такой козырь в игре революционеров, значение которого приходится учитывать более чем серьезно.

Вместе с чувством крайнего неуважения к особе государыни императрицы Александры Федоровны необходимо еще отметить и распространенное в массе чувство озлобления в отношении ее, как к «немке». Государыню императрицу — и даже в интеллигентных кругах — считают вдохновительницей и руководительницей кампании в пользу сепаратного мира с Германией.

О чувствах массы в отношении государыни императрицы яркое свидетельство дают те чувства, какие московская масса питает в отношении ее сестры, великой княгини Елизаветы Федоровны. Только усилиями полиции в майские дни предупрежден был разгром на Ордынке помещения, занимаемого великой княгиней, и в высшей степени прискорбным является то обстоятельство, что факт этот был разглашен и подвергся злостным пересудам благодаря крайне неуместной беседе бывшего московского градоначальника генерала Адрианова, помещенной в самой распространенной газете «Русское Слово».

Чутко прислушивающиеся к фактам подобного рода и делающие из них надлежащее употребление руководители революционного движения использовали также в целях удара по особе монарха помещенную на-днях тоже в «Русском Слове» беседу министра внутренних дел А. Н. Хвостова, именно ту часть беседы, где говорится об амнистии. Слова А. Н. Хвостова о том, что он не только не против амнистии, но даже в Государственной Думе в совете старейшин в начале войны высказывался в пользу нее, получили такое истолкование: вот, мол, даже правые допускают возможность амнистии и только один государь император против нее. По всей вероятности, беседа с А. Н. Хвостовым изложена в «Русском Слове» неточно и нуждается в поправке, пока же из нее делаются самые зловредные выводы, направленные против государя императора.

Государя императора делают ответственным за все наши последние неудачи на театре военных действий. Его отождествляют с ген. Сухомлиновым, на него — после решительного отказа утвердить вопреки настояниям ген. Поливанова помощником военного министра А. И. Гучкова [1] — возлагают тяжкую ответственность за все дальнейшие последствия, за все жертвы, которые приносит и еще должна принести армия. Этот взгляд не только деятельно укрепляют здесь, в тылу, но его столь же деятельно стараются привить армии.

Зловредные попытки не останавливаются на этом: пуская в ход все средства, чтобы очернить государя императора, не останавливаются перед широким распространением сплетни, что лично государь является инициатором происходящих закулисно переговоров о сепаратном мире с Германией. Эта сплетня, — находящая полную веру в низах, — удар по царскому имени, значение которого трудно учесть.

С особым прискорбием приходится отметить, что падение престижа верховной власти, крайнее оскорбление чувства привязанности к особе монарха наблюдается в той среде, где некогда эти чувства были особенно сильны, — именно в среде московского старообрядчества и патриархального купечества. «Даже этот вековой оплот царя потерял последнюю веру в него», — громко кричит лидер прогрессивных старообрядцев, пользующийся громадным влиянием в среде крупной московской буржуазии, член

[1] Таковы упорно циркулирующие слухи. (Примеч. в подлинном.)

Государственного Совета П. П. Рябушинский. Тот же факт констатирует, в своем ответе на анкеты ц. к., московский отдел к.-д. партии.

Беспристрастные, объективные наблюдения над московской жизнью приводят к выводу, что все подобные заключения едва ли много преувеличены.

Говоря о настроении широких масс, необходимо уделять серьезнейшее внимание явлению крайней дороговизны, которое, как возбудитель острого раздражения, играет едва ли не решающую роль.

II. Планы и расчеты кадет.

Прислушиваясь ко всем толкам о ближайших тактических задачах, исходящих из руководящих кругов к.-д. партии (Милюков, Шингарев, Челноков, Александров и др.), поражаешься не только твердой уверенности этих кругов в неизбежности революционного движения после войны, но и такой же уверенности в неизбежности после войны полного торжества и осуществления всех домогательств оппозиции.

Правительство само завело себя в тупик, и мы бьем теперь наверняка, — это слова Шингарева, недавно сказанные в фракционном совещании.

Однако, уверенность в неизбежности революционного движения менее всего связана у кадет с желанием этого движения. Наоборот, страх перед революцией, перед требованиями крайней левой — чрезвычайно велик у кадет. Об этом свидетельствуют откровенные заявления в своей среде самого Милюкова. Уверенность кадет в неизбежности революционного движения связана с уверенностью, что «находящееся в безвыходном тупике правительство» быстро капитулирует при первых же признаках движения, и, таким образом, революция будет предупреждена в самом начале, окажется почти бескровной, почти без всяких жертв. Уверенность в быстрой капитуляции правительства базируется еще на том, что поддержка требованиям русской либеральной буржуазии будет оказана и со стороны наших союзников — Англии и Франции.

Фраза кадет: «Мы теперь бьем наверняка», исходит именно из этих расчетов. Этим планам и расчетам придается настолько существенное значение, что на них необходимо остановиться подробнее.

В кадетских кругах указывают, что провал революции 1905—1906 гг., роспуск 1-й Государственной Думы, в значительной степени вызван был тем обстоятельством, что накануне созыва 1-й Думы правительству удалось реализовать во Франции крупный заем. «Бесстыдная, жадная французская буржуазия финансировала русскую реакцию», — так определяют кадеты значение указанного займа. Известно, что в ту пору кадеты в лице специального эмиссара, кн. П. Д. Долгорукова, прилагали в Париже крайние усилия, чтобы «провалить» этот заем.

В 1906 г. все усилия раскрыть глаза французской буржуазии, в лице правительства и парламентских деятелей, на всю пагубность для дела русской свободы предоставления громадных сумм реакционному русскому правительству, все эти усилия оказались тщетными. Теперь Франция пожинает плод тогдашней своей «близорукой политики». Финансируя русскую реакцию, Франция сама создала себе такого союзника, каким она его теперь видит: отходящим без снарядов из Галиции, сдающим крепости, как карточные домики, делающим в момент смертельной опасности попытки на скорую руку что-то создать, что-то спасти. Французские миллиарды, данные в расчете на русскую мощь, оказались в руках реакционного правительства брошенными в болото. И теперь это запоздало поняли не только

во Франции, это поняли также и в Англии. Дважды подобной ошибки не делают, и теперь реакционному, безответственному перед Государственной Думой, не пользующемуся доверием страны правительству, ни Франция, ни Англия после войны денег не дадут. Вот здесь-то и создается для правительства безвыходный тупик. По окончании войны одна только уплата процентов по займам потребует полмиллиарда руб. Далее, необходимы колоссальные средства на восстановление разрушенных крепостей по западной границе, постройка новых крепостей, постройка целого ряда железных дорог стратегического значения. Вообще ликвидация войны потребует колоссальных средств, и эти средства могут быть получены только путем внешних займов. И здесь-то начинается «удар наверняка», здесь-то вырастает значение Государственной Думы, начинается торжество домогательств русского либерализма. Без Государственной Думы и при условии конфликта с ней правительство не получит за границей ни одной копейки.

Таков ход рассуждений кадет. Но в данном случае приходится говорить не только о теоретических рассуждениях, но и о предпринимающихся уже реальных шагах для осуществления этого плана.

Этот план, в смысле необходимости вступить по этому вопросу в ближайший контакт с парламентскими деятелями Франции и Англии, обсуждался недавно в Москве в особых совещаниях у члена Государственной Думы А. И. Коновалова и у члена Государственного Совета П. П. Рябушинского. Обсуждение того же вопроса происходило и в Петрограде в к.-д. фракции. Есть данные, которые свидетельствуют, что соответствующая работа уже сейчас началась в Париже и Лондоне.

Рассчитывая на упрочение положения Государственной Думы в силу указанного обстоятельства в будущем, кадеты вместе с тем полагают, что по мере приближения войны к концу, по мере приближения момента мирного конгресса, правительство вообще должно будет проявлять все большую и большую терпимость в отношении Государственной Думы, так как в момент конгресса оно без Думы оставаться не может, все свои требования на конгрессе — и, между прочим, перед Англией и Францией — оно будет подкреплять ссылкой на русское общественное мнение в лице народного представительства. Конфликт с Государственной Думой накануне конгресса страшно ослабил бы международную позицию России, и это, как надеются кадеты, прекрасно понимает само правительство.

Возлагая серьезные надежды на указанные внешние, международные обстоятельства, кадеты вместе с тем не теряют времени в работе по внутренней организации. Основными органами этой организации являются земский и городской союзы и военно-промышленные комитеты в лице их центральных комитетов и многочисленных местных организаций. Успехи, достигнутые в этом отношении, кадеты считают громадными.

По определению Милюкова, «происходит мобилизация русской общественности, мобилизация сил русского либерализма».

Все усилия руководителей городского и земского союзов направлены к тому, чтобы воспрепятствовать разрушению этих организаций не только в данный момент, во время войны, но и после войны, когда на очередь в чистом виде выступят определенные политические задачи. Для этой цели прилагаются все усилия, чтобы подчеркнуть все громадное значение и связать союзы возможно теснее, с одной стороны, с армией, с другой — с широкой массой населения. Первая цель достигается работой на фронте и в ближайшем тылу, вторая — демонстративно выдвигаемой заботой об интересах масс в форме борьбы с дороговизной.

Громадная популярность обоих союзов, как в армии, так и в массах, свидетельствует, что задача руководителей союзов в этом отношении вполне достигнута.

Мобилизуя силы русского либерализма в недрах общеземского и городского союзов, а также военно-промышленных комитетов, в последнее время делается попытка — и, что замечательно, исходящая именно от буржуазии — мобилизовать силы рабочего класса. Инициатива этой попытки исходит от центрального военно-промышленного комитета, который поддерживает и всячески муссирует идею необходимости созыва всероссийского рабочего съезда. Съезд этот должен быть созван — этот факт считается предрешенным — под флагом военно-промышленного комитета. Деятельное содействие созыву этого съезда оказывают: бывший председатель 3-й Государственной Думы А. И. Гучков, член Государственной Думы А. И. Коновалов, член Государственного Совета П. П. Рябушинский.

К каким осложнениям и последствиям может привести этот съезд, как исходный момент и толчок в организации широких рабочих масс, лучше всего свидетельствует та тревога, какая существует в среде более благомыслящей части московских фабрикантов и промышленников: они отдают себе ясный отчет в последствиях этого шага.

(6 делопр., д. № 27 Вх. № 6350).

33.

Донесение начальника московского охранного отделения о собрании левого крыла московских к.-д.

В воскресенье 28 февраля на квартире присяжного поверенного М. Мандельштама, лидера левого крыла московских кадет, состоялось собрание указанной группы, приглашенной лидером для выслушания сообщения о состоявшемся в Петрограде 18—23 февраля съезде к.-д. партии.

В начале февраля на квартире же Мандельштама состоялись два собрания левых кадет, на которых выработана была точка зрения и даны полномочия Мандельштаму для выступления на съезде от имени группы. На этих собраниях вопрос о тактике был оставлен открытым, и Мандельштаму предоставлено было действовать в зависимости от общего настроения и обстоятельств, какие выяснятся на съезде. Он получил лишь одну общую руководящую директиву: указать на опасность, в смысле потери популярности в массе, полного сближения в «прогрессивном блоке» с умеренными партиями и настаивать на необходимости более тесного сближения с демократическими партиями, каковы с.-д. и трудовики.

О том, как он, Мандельштам, выполнил полученные директивы, он и доложил 28 февраля.

На собрании в квартире Мандельштама присутствовало человек 25—30.

Свой доклад Мандельштам начал с критики позиции Милюкова, как она намечена в докладе его, прочитанном на съезде. Мандельштам повторил перед собранием то, что он заявил на съезде, а именно:

«Тактика правого крыла к.-д. партии, руководимого Милюковым, грозит безнадежно скомпрометировать партию в глазах не только широких демократических кругов населения, но и в глазах либеральной интелли-

генции. Признаки падения престижа партии имеются уже на-лицо. О Милюкове говорят, что своей тактикой он заводит партию в тупик, в болото, превращает ее в нечто весьма близкое к октябристам. С этими указаниями, идущими из общественной среды, лидерам партии, дорожащим влиянием и будущим своей партии, приходится очень и очень считаться. Коренная ошибка Милюкова заключается в том, что он абсолютно незнаком и не желает знакомиться и считаться с настроением широких кругов своей партии. Он видит перед собой только думскую фракцию к.-д.,— людей, совершенно погрузившихся в петроградскую атмосферу, и по ним судит о всей России. Даже с настроением Москвы Милюков не желает считаться. А между тем это настроение таково, что еще несколько шагов в том же направлении — и Москва окажется для к.-д. потерянной в пользу более левых партий. Об этом забывать отнюдь не следует, ибо новые выборы в Государственную Думу не за горами.

«Милюков уверен, что он спасает партию от гибели, а между тем он ее только губит. От чего он ее спасает? От гнева бюрократии? От гнева той бюрократии, которую после войны без остатка сметет волна народного гнева? Ужасная ошибка Милюкова в том именно и заключается, что он, не понимая всей бесплодности игры, старается внушить бюрократии доверие к к.-д., старается у нее что-то выиграть, выторговать, и в то же время, связывая себя с более умеренными, в корне антидемократическими партиями, теряет доверие и престиж в широких демократических кругах общества.

«Чего своей тактикой Милюков достиг до сих пор? Абсолютно ничего. И, продолжая ту же игру, он рискует остаться в еще более неловком положении. Хочется прямо сказать — в смешном положении обманутых наивных людей.

«В своих политических расчетах Милюков исходит из того, что есть. Между тем, нужно исходить из того, что неизбежно должно быть, что неизбежно вытечет из справедливого народного гнева. Милюкову из своего кабинета неясно и неизвестно, что нас ждет, что будет; мы же, ближе стоящие ко всем кругам общества, знающие его настроение не только из газет, ясно видим, что после войны должна быть расплата, что после войны так более оставаться не может, что после войны должны будут уйти все те, кому народ на своем суде вынесет строгий приговор. Судьей будет именно весь народ, это будет именно не революция, а суд,— строгий, справедливый суд. И кто видит неизбежность этого, кто видит, как все выше и выше поднимается волна народного гнева, для того ясно, какой курс должна принять к.-д. партия. Ясно, что она должна блокировать не направо, а налево, должна пойти рука об руку с демократическими партиями. Если мы этого не сделаем, события пойдут мимо нас, мы потеряем руководящую роль в них.

«Будем откровенны: в нашей среде есть много таких, кого пугает призрак революции, кто в революции видит одну только пугачевщину. Но именно эти-то страхи и должны были бы диктовать нам тактику, диаметрально противоположную той, какую проводит Милюков. Если мы не хотим, чтобы предстоящий народный суд над преступным правительством принял формы дезорганизации, хаоса, бессмысленного бунта, мы не можем устраняться от народного движения, не можем не стремиться играть в нем руководящей роли. Чем больше мы успеем в деле организации, тем меньше жертв вызовет предстоящее движение, тем скорее достигнута будет полная победа над бюрократией.

«В ближайшем будущем события пойдут таким темпом, что все требования «прогрессивного блока» окажутся детским лепетом. Как московская

купчиха боялась слов «жупел» и «металл», так «прогрессивный блок» боится слов — ответственное министерство. А между тем центр тяжести — в этом, и только в этом. Если мы не достигнем этого, мы ровно ничего не достигнем, мы окажемся постыдно обманутыми, все останется попрежнему. Не будем же помогать правительству нас обманывать. Пойдем рука об руку с теми, кто ставит вопрос гораздо дальновиднее и целесообразнее, чем это делает «прогрессивный блок».

«Можно бы ничего не иметь против «прогрессивного блока», но только в том случае, если бы он не рыл пропасти между нами и левыми демократическими партиями. Но он именно роет эту пропасть. И, пока не поздно, нам нужно перейти на другой берег пропасти. Иначе, скомпрометировавшая в глазах народа, к.-д. партия рискует окончательно остаться на берегу умеренных, антинародных политических партий. Это было бы несчастием и для партии русской интеллигенции, и для народа.

«Что нужно понимать под сближением с левыми демократическими партиями? Значит ли это, что к.-д. должны с ними слиться? Ничуть, это значит только то, что к.-д. должны принять самое энергичное участие в той громадной организационной работе, которая уже началась и лихорадочно осуществляется в стране. Пока к.-д. делают только часть этой работы, — они организовали городскую и земскую Россию (союзы),—но ведь остается еще неорганизованной рабочая и сельская Россия, не организованы еще отдельные профессиональные группы интеллигенции. Вот эта-то работа сейчас и ждет нас, ей мы должны отдать свои силы. Именно под этим углом зрения мы должны определить свою роль в организующихся «всероссийском рабочем» и «всероссийском кооперативном» союзах. Если мы не можем занять в этих союзах решающей руководящей роли, то мы не можем позволить, чтобы они совершенно прошли мимо нас. И достигнуть этого мы можем, лишь идя навстречу требованиям демократии.

«Тактика Милюкова всецело и исключительно опирается на «прогрессивный блок.» Это — пагубная ошибка: мы должны опереться на широкие народные массы».

По словам Мандельштама, его речь произвела на съезде огромное впечатление. После него совершенно в том же духе, с указаниями на настроение страны, высказались представители Киева и Одессы. При голосовании резолюции о необходимости сближения с левыми демократическими партиями, за нее высказалось 46, против 27, воздержалось 14; таким образом, за более энергичную тактику высказалось большинство (всего на съезде участвовало 87 человек).

Однако, победа на съезде левой группы не оказалась полной. Высказавшись за необходимость сближения с левыми в довольно неопределенной форме, без более детальных конкретных указаний, съезд, по требованию Милюкова, проголосовал отдельно вопросы: о роли к.-д. в «прогрессивном блоке» и об отношении к принципу ответственного министерства. И здесь победа осталась за Милюковым: за участие в блоке высказалось подавляющее большинство — 73; отказ от принципа «ответственное министерство» в пользу принципа «министерство, пользующееся доверием страны», принят 51 голосом против 32, при 4 воздержавшихся.

Полковник *Мартынов.*

1 августа 1916 г.
(6 делопр., д. № 27 ч. 46 л. 8).

---

*

ГЛАВА VII.

СЪЕЗДЫ ЗЕМСКОГО И ГОРОДСКОГО СОЮЗОВ В МАРТЕ 1916 Г.

34.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции об общественном движении.

По сведениям моей агентуры, обслуживающей настроение кругов, близких к крупнейшим общественным организациям (общеземский и общегородской союзы, московский военно-промышленный комитет и т. д.), в настоящее время в Москве и Петрограде наблюдаются следующие течения общественной мысли, вызванные ближайшим открытием сессии Государственной Думы.

Перед последней поездкой М. В. Челнокова в Петроград — официально для участия в совещаниях по пересмотру положения об общеземском и общегородском союзах и для возбуждения некоторых ходатайств по делам о нуждах московского городского управления,— в Москве состоялся ряд совещаний общественных деятелей для снабжения отъезжающего Челнокова надлежащими программными инструкциями, в виду того, что Челноков, независимо от исполнения официальной задачи своей поездки, должен был принять участие в намеченных в Петрограде к тому времени совещаниях группы «прогрессивного блока» и кадетской фракции Государственной Думы.

Такие совещания состоялись в Москве в квартирах Челнокова и Н. И. Астрова, а также в редакции газеты «Русские Ведомости». По своему составу совещания эти являлись более или менее групповыми: так, в квартире у Астрова собирались преимущественно представители прогрессивной группы московской городской думы («астровцы»), в редакции «Русских Ведомостей»—кружок лиц, обслуживающих это издание, и только у Челнокова собрание носило смешанный характер, так как в нем участвовали, кроме представителей двух указанных выше групп, и члены местного отдела центрального комитета кадетской партии.

Главными вопросами всех этих совещаний были вопросы об отношении к правительству в период предстоящей сессии и о том, какие предъявить к правительству общественные требования, именно — требовать ли ответственного министерства или министерства общественного доверия.

На совещании кружка «Русских Ведомостей» (состоялось оно до совещания у Челнокова) замечалось колеблющееся настроение, хотя решена необходимость принципиального провозглашения максимальной программы блока, но, практически, не выдвигать в первую очередь острых вопросов.

На совещании группы «астровцев», состоявшемся на другой день после совещания у Челнокова, также определилось более или менее умеренное направление, так как представители этой группы решили — до выяснения в окончательном виде позиции правительства по отношению к Государственной Думе — не применять тех крайних мер, которые были надуманы раньше в смысле наводнения президиума Государственной Думы политическими требованиями и петициями с мест; такая поддержка Думы страной последует только тогда, когда определенно выяснится какой-либо конфликт правительства с народным представительством, и над подготовкой таких выступлений ныне усиленно работает Н. И. Астров.

На совещании у Челнокова все эти течения определились в окончательной форме, и здесь, почти без споров, были приняты следующие руководящие решения:

1) по возможности избегать всяких конфликтов с правительством;

2) выступить с предъявлением минимальной программы «прогрессивного блока»;

3) ни в каком случае не требовать учреждения ответственного министерства; и

4) не связывать себя никакими обязательствами пред статс-секретарем Штюрмером.

На указанных выше петроградских совещаниях мнение московских общественных кругов сыграло крупную роль, хотя настроение местных прогрессистов в Петрограде оказалось значительно левее.

Ожидают, что в первую очередь в открывающейся сессии Государственной Думы будет внесен на рассмотрение обрабатываемый ныне Шингаревым проект законоположения об общеземском и общегородском союзах — в интересах обеспечения существования этих общественных учреждений и после войны, и для того, чтобы обезопасить эти учреждения от всяких репрессивных посягательств, выдвинув всенародно их заслуги в деле оборудования тыла и армии, а также, чтобы упредить своим законопроектом рассмотрение проекта правительства об этих союзах.

По поводу ожидаемых имперских съездов общеземского и общегородского союзов ныне установлено, что вся подготовительная работа по этому делу закончена. На немедленном съезде этих организаций настаивает провинция, в особенности юг. М. В. Челноков всячески сдерживает такое нетерпение, указывая, что немедленные съезды только повредят делу легализации обоих союзов, над чем теперь усиленно работают их руководители, так как на этих съездах неумеренные выступления с политическими речами и вызовами провинциальных деятелей, в роде Безчинского (выступал с крайними политическими речами на съездах в сентябре минувшего года), только сорвут все труды истинных работников общественного дела.

Недоброжелатели Челнокова говорят, что его точка зрения на скорейший созыв съездов объясняется его боязнью, что на этих съездах будет перезбран личный состав главных комитетов обоих союзов, что неминуемо повлечет за собою устранение его, Челнокова, от должности главноуполномоченного.

Кн. Г. Е. Львов изготовил особую записку о дезорганизации тыла, которую в бытность свою в Петрограде уже представил г. военному министру или лично, или чрез А. И. Шингарева.

Об изложенном имею честь представить вашему превосходительству.

7/II 1916 г. Полковник *Мартынов.*

(6 делопр., д. № 343 т. 1 Вх. № 5677).

35.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о заседании главного комитета союза городов.

7 сего февраля в Москве состоялось очередное заседание главного комитета всероссийского союза городов, с участием представителей провинциальных городов, под давлением которых главный комитет постановил созвать в Москве на 12, 13 и 14 будущего марта всероссийский съезд представителей общегородского союза. Это постановление главного комитета появилось затем в хронике московских газет.

М. В. Челноков, при обсуждении вопроса о своевременности такого съезда, отнесся к нему отрицательно, находя созыв съезда несвоевременным и слишком неожиданным для правительства; по его мнению, прежде чем решить окончательно вопрос о времени съезда, необходимо съездить в Петроград для позондирования почвы в этом направлении. Вообще Челноков продолжает держаться мнения о необходимости умеренной тактики, расходясь в этом отношении с кадетской партией, в особенности с А. И. Шингаревым, который в настоящее время против компромиссов с правительством и стоит за решительные действия.

При обсуждении вопроса о созыве съезда в главном комитете выяснилось, что постановлением о его созыве брошен как бы демонстративный вызов г. министру внутренних дел, который некогда высказался за недопустимость такого съезда в Москве. В случае, если бы г. министр воспретил этот съезд, решено немнуемо поднять об этом воспрещении запрос в Государственной Думе; но если бы, основываясь на газетных сообщениях, созыву съезда в Москве воспротивился г. командующий войсками московского военного округа, вызвав к себе для личных объяснений М. В. Челнокова, как главноуполномоченного общегородского союза и председателя его главного комитета, то возможно, что намеченный съезд и не состоится, без всяких осложняющих дело инцидентов.

На рассмотрение съезда будут предложены следующие вопросы:

1) Отчеты главного комитета общегородского союза и его областных и фронтовых комитетов. При обсуждении этих отчетов будет подчеркнута инсинуация правых организаций, утверждающая, что в этих отчетах существуют, будто бы, явные упущения и непорядки.

2) О легализации общегородского союза в смысле скорейшего проведения чрез законодательные палаты положения об этом союзе, как о постоянном учреждении.

3) Экономическое положение страны и борьба с дороговизной. При обсуждении этих вопросов ожидаются острые выступления по адресу правительства и администрации, с указанием на расстройство в стране хозяйственного порядка, угрожающее анархией, и с вынесением конкретных предложений в этой области.

4) Расстройство железнодорожного движения, с указанием на неумелые действия центральных и местных органов министерства путей сообщения, в связи с вопросами о скорейшей организации водного и гужевого сообщений.

5) Вопрос о беженцах, в связи с обсуждением тех стеснений, которые встречает союз в упорядочении этого дела в лице петроградских совещаний и татианинского комитета; и

6) вопрос об отказе верховной власти в приеме депутации сентябрьских съездов. При обсуждении предложения по этому поводу, М. В. Челноков высказался против поднятия такого вопроса на съезде, считая дело исчерпанным, но представители провинциальных городов упорно настаивали на необходимости возбудить этот вопрос на предстоящем всероссийском съезде.

Судя по настроению этого совещания главного комитета, нужно ожидать, что намеченный съезд будет чисто политическим и может получить шумный, митинговый характер. Постановляя решение о его скорейшем созыве, его инициаторы весьма интересовались тем, как отнесется теперь к этому съезду г. министр внутренних дел в особенности имея в виду ожидаемую поддержку со стороны Государственной Думы, которую сейчас распустить не представляется возможным ввиду невозможности немедленного прекращения нынешней сессии.

Об изложенном имею честь представить вашему превосходительству.

Полковник *Мартынов*.

15/II 1916 г.
(6 делопр., д. № 343 т. 1 Вх. № 5382).

36.

Шифрованная телеграмма московского охранного отделения директору департамента полиции об открытии общеземского и общегородского съездов.

Открывшиеся сегодня общеземский и общегородской съезды определенно выразили свое противоправительственное настроение и намерения заставить правительство, опираясь на Государственную Думу и на силы общественных организаций, пойти на уступки программе «прогрессивного блока». Общий лозунг, выразившийся во всех докладах и в отдельных речах ораторов—ответственное правительство. На земском съезде князь Львов в приветственной речи объявил: «Отечество в опасности. Очевидно отпадение от общих народных стремлений правительственной власти, почему взоры России с отрадным чувством обращаются к Государственной Думе, твердость и стойкость единодушных стремлений которой да послужит незыблемой опорой государственной жизни». На городском съезде Челноков констатировал вредную работу правительства, только мешавшего работе общественных организаций, снабдив свою речь конкретными примерами такого вредного вмешательства. Эта деятельность правительства заставила нас,—говорит Челноков,—еще на сентябрьских съездах поставить вопрос об его удалении и замене правительством, пользующимся доверием народа. Теперь мы еще раз и в еще более категорической форме должны заявить наши требования об ответственном правительстве, о прощении политических преступлений, об уравнении в правах всех граждан. Такие выступления главных уполномоченных обоих союзов как бы заранее предопределили сущность и тон речей всех остальных ораторов обоих съездов. Особенно резко говорил на земском съезде член Государственной Думы Харламов; на городском съезде огромное впечатление произвела речь городского головы города Тифлиса Хатисова, который заявил, что на Кавказе

нет правых, а имеются только левые и крайние левые, и весь Кавказ не просит, а требует. На том же съезде с резкой критикой правительства выступил особенно ярко известный Астров, который, говоря о вакханалии тыла, употребил выражение, что в этой вакханалии поддевки смешались с мантиями. Проекты окончательных резолюций с требованиями ответственного правительства уже редактируются в особых комиссиях обоих съездов. Подробности почтой. № 289142.

13/III 1916 г.
(6 делопр., д. № 343 т. 1 Вх. № 8038).

57.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции об открытии IV всероссийского съезда союза городов.

Сегодня, 12 сего марта, в 2 часа дня, в помещении литературно-художественного кружка (Большая Дмитровка), открылся IV всероссийский съезд союза городов.

На съезд прибыло 210 делегатов. С первого же момента своего открытия съезд принял резко выраженную политическую окраску.

Открывая съезд, главноуполномоченный союза, московский городской голова Челноков, привел подробные данные о той громадной работе на фронте и в тылу, какую выполняет союз. Эту громадную работу союз должен был принять на себя потому, что со времени возникновения войны правительство оказалось совершенно несостоятельным. Ничего не подготовив само, оно, тем не менее, на каждом шагу проявляло вредную деятельность, мешая работе общественных организаций. Здесь Челноков подробно перечислил все случаи противодействия правительства в работе Союза. «Мы не стремились развивать свою деятельность до тех рамок, в какие она вылилась в настоящее время. Вначале мы собирались помогать раненым, и только. Но когда мы увидели, что правительство ведет страну к гибели и готовит армии разгром, мы из инстинкта самосохранения, из инстинкта государственности, того инстинкта, который чужд правительству, принуждены были вмешаться, взять дела в свои руки. Мы не хотели заниматься политикой, но нас заставили сделать и это. Когда мы увидели, что правительство не помогает, а только мешает нам, мы должны были поставить вопрос об удалении этого правительства и замене его таким правительством, которое пользовалось бы доверием народа. Мы вначале верили, что С.-Петербург действительно стал Петроградом, но теперь для нас совершенно ясно, что эти господа ровно ничего не забыли и ровно ничему не научились. И с этими господами, следовательно, нам более говорить не о чем. Ни от одного требования, заявленного нами на нашем сентябрьском съезде, мы теперь не отказываемся, напротив, мы заявляем эти требования с еще большей решительностью. Вам известна судьба, какая постигла нашу делегацию, — ее не захотели выслушать,— и, тем не менее, в настоящее время, поддерживаемые всей страной, мы еще раз и в еще более категорической форме должны заявить наши требования об ответственном правительстве, о прощении политических преступлений, об уравнении в правах всех граждан без различия национальностей и вероисповедания».

Речь Челнокова была покрыта бурными аплодисментами. Отношение съезда к выдвинутым требованиям определилось совершенно ясно.

После речи Челнокова последовали приветствия съезда со стороны различных организаций. Первым выступил представитель финляндского союза городов. Съезд устроил ему бурную овацию, выразив таким образом протест против политики правительства в отношении Финляндии.

Приветствуя съезд от имени военно-промышленного комитета, А. И. Коновалов произнес речь, полную резких выпадов по адресу правительства.

«Правительство,— заявил он,— сеет рознь и тем толкает страну к гибели; мы должны приложить все усилия к тому, чтобы сплотиться. Это нужно не только для того, чтобы победить страшного внешнего врага, это столько же необходимо для того, чтобы победить врагов народа вообще, повести страну к полному возрождению. Мы должны сплотиться плечом к плечу, установить стройную общественную организацию и дисциплину,— и победа несомненно останется за нами».

Развивая ту же мысль, товарищ председателя московского военно-промышленного комитета Третьяков заявил, что в целях организации общественных сил необходимо еще более тесное сплочение военно-промышленных комитетов, городского и земского союзов. Это — те ячейки, вокруг которых в конце-концов объединится все русское общество.

Затем выступил с большой речью тифлисский городской голова Хатисов. Речь эта явилась страшным обвинительным актом против правительства. Он нарисовал ужасную картину бездействия местной власти, благодаря которой Кавказ в первые дни войны являл картину полной дезорганизации. И если бы не подоспели общественные силы в лице городского союза, дело могло бы кончиться катастрофой. Только благодаря союзу кое-как удалось урегулировать положение беженцев и наладить снабжение Кавказа продовольствием.

Все это должно служить доказательством, что Кавказ должен получить, наконец, земское самоуправление; правительство не в состоянии больше сдерживать стремления к общественной работе кавказского общества.

«Мне кажется,— закончил Хатисов,— что здесь, в центре, у вас настроение гораздо менее бодрое, чем у нас, на Кавказе. Знайте, что на Кавказе нет правых, на Кавказе есть лишь умеренно-левые и крайние левые. И весь Кавказ не просит, а требует. И эти требования должны исходить и от имени всероссийского городского союза. Чем громче и решительнее мы заявим наши требования, тем скорее нас услышат».

После Хатисова выступил донской казак Макаров (из Александрова-Грушевска). В своей речи Хатисов обмолвился, что доблесть казаков на войне — выше похвал, и этим они заставляют общество забыть о подвигах тех же казаков на улицах русских городов, где они выступали, как усмирители. Эти слова задели за живое Макарова, и он выступил с небольшой речью, в коей выяснил настоящее настроение донского казачества: «С болью нужно признать, что был момент, когда казачество выступало против народа. Но это было и прошло, и никогда более этого не будет. У казачества раскрылись глаза. Оно поняло, что правительство держало его во тьме, приберегая для «особых случаев». Но мы не хотим более служить орудием в руках правительства. Наше первое требование теперь— дайте нам земство, дайте его для того, чтобы мы могли просветить светом все казачество и заставить его служить правде и истине».

Слова Макарова произвели на съезде громадное впечатление, и его выступление вызвало бурные аплодисменты.

Затем выступил с пространным докладом о деятельности союза в тылу Н. И. Астров. Вся речь его была направлена против правительства. Настоящий момент он определил так: мы находимся в политических потемках, в которых совершаются самые темные дела. Правительство попало в руки шутов, проходимцев и предателей (намек на Распутина [1]. И такому правительству мы не можем более сказать: «Опомнитесь, сознайте свои ужасные грехи перед родиной»; такому правительству мы можем сказать только одно слово: «уйдите».

Затем Астров прочел текст проекта резолюции. В резолюции выдвигаются требования: немедленная замена настоящего правительства правительством, пользующимся доверием народа, полная амнистия по политическим делам и уравнение в правах всех граждан без различия вероисповедания и национальности.

Дневное заседание закончилось в $7^1/_2$ час.

На съезд специально прибыл из Петрограда П. Н. Милюков. Цель его приезда—действовать умиротворяюще на крайнее левое крыло съезда. В беседах с членами съезда Милюков указывал на ту страшную опасность, какую для общественного спокойствия могут иметь резкие резолюции съезда. Милюков указывает, что резолюции съезда могут послужить «искрой, от которой возникнет большой пожар. Это было бы прежде всего величайшим несчастием для армии. Не нужно итти на полный разрыв с правительством, нужно пока быть более умеренными, собираясь с силами для решительного выступления после войны».

Влиянию Милюкова, между прочим, следует приписать то, что съезд постановил отправить приветствие армии в лице государя императора. Между тем, вначале было течение демонстративно игнорировать особу государя, отправив телеграммы командующим отдельными армиями.

Однако, несмотря на влияние Милюкова, есть все основания ожидать на съезде резких выступлений. Левое крыло съезда очень значительно. Ожидается яркое выступление члена Государственной Думы Дзюбинского...

Предложенный Астровым от имени главного комитета союза проект общей резолюции, переданный затем для окончательного редактирования в особую коммисию, прилагается при сем в отдельном оттиске.

Вечернее заседание городского съезда главным образом было посвящено обсуждению отдельных тезисов предложенного Астровым проекта общей резолюции.

Первым говорил член петроградской городской управы Новиков, который сказал, что назревающие крупные исторические события требуют «правды слов и правды жизни». Вот почему мы должны определенно требовать ответственного перед страной и Думой правительства, даже перед такой Думой, какая есть. Наши требования должны осуществиться, так как за нами имеются реальные силы—«мобилизованный народ и мобилизованная армия».

Представитель гор. Тюмени В. И. Колокольников так определил очередную задачу момента: демократизация законодательного представительства и уравнение в правах всех граждан, населяющих Россию.

Представитель гор. Харькова Б. П. Куликов объявил, что, выпося свою резолюцию, съезд не должен говорить эзоповским языком, которого

[1] Именно в этом пункте своей речи Астров употребил выражение о «вакханалии тыла, где поддевки смешиваются с мантиями». (Примеч. в подлинном.)

не допускает важность переживаемого момента. Вот почему он требует, чтобы в речах съезда тезис «прощение государственных преступлений» был определенно заменен словами «всеобщая политическая амнистия».

Представитель Ростова-на-Дону А. С. Безчинский указал на необходимость определенно подчеркнуть в резолюции, что всякое преследование национальностей есть политика реакции, применяемая правительством только для укрепления своего положения.

На эти указания ораторов Астров в своей речи заявил, что он вполне присоединяется к их пожеланиям в смысле придания более определенного тона резолюции съезда.

Остальная часть вечера была заполнена чтением докладов по отдельным деловым вопросам съезда и политического интереса не представляла.

Состоявшийся в то же время общеземский съезд, на котором присутствовало в общем также около 200 человек, открылся приветственной речью главноуполномоченного князя Г. Е. Львова. Эта речь откровенным объявлением «отечества в опасности» и возложением спасительных надежд и упований на единодушную работу Государственной Думы произвела на присутствовавших глубокое впечатление.

Затем собрание единогласно постановило отправить верноподданническую телеграмму его императорскому величеству верховному главнокомандующему государю императору и великому князю Николаю Николаевичу.

Городскому съезду отправлена следующая приветственная телеграмма:

«Собрание уполномоченных губернских земств, объединившихся во всероссийский земский союз, шлет свое горячее приветствие съезду представителей городов. Собрание уполномоченных твердо верит, что общественные силы страны, объединенные в общей одушевленной работе на помощь нашей великой армии, обеспечат ей решительную победу, которая одна может открыт родине путь к свободному и светлому будущему».

Городской съезд в свою очередь приветствовал всероссийский земский союз следующей телеграммой:

«IV всероссийский съезд городов приветствует всероссийский съезд земского союза, желает ему успеха в работах и верует, что в совместной работе обоих союзов лежит залог успешного выполнения громадных задач, стоящих перед родиной».

Затем от имени центрального военно-промышленного комитета с приветственной речью к съезду обратился член Государственной Думы А. И. Коновалов.

Обрисовав работу всех слоев населения для организации победы, для обеспечения тыла, Коновалов подчеркнул те причины, которые не дали возможности проявиться этой работе во всей ее полноте. «Мы непоколебимо верим в общественные силы России и мы не можем не скорбеть, что деятельность общественных организаций на дело победы не развернулась до тех широких пределов, которые могли бы быть достигнуты. Мы не можем не видеть, что у власти стояли элементы, неспособные вызвать в стране энтузиазма и подъема, у власти стояли элементы, дезорганизующие страну, ослабляющие ее действенную энергию, вносящие развал, междоусобицу и распрю, стоящие препятствием на пути наивысшего напряжения национальных сил». Свою речь Коновалов закончил выражением убеждения, что только ответственное перед страной правительство может вывести родину из тяжелого положения и дать ей победу над внешним врагом и обеспечение порядка в тылу путем внутреннего возрождения страны.

За Коноваловым с обширной речью выступил товарищ председателя всероссийской сельскохозяйственной палаты Л. Н. Капацинский.

Далее собрание перешло к выслушанию докладов уполномоченных на фронте: И. П. Демидова, Е. А. Елачича и С. П. Ордынского.

Главнейший интерес представила речь Демидова, который указал, что так как мы ведем войну на истощение, то ее не может вести одна армия, и такая война требует напряжения всех сил народа, почему особенное значение имеет организация спокойного и сильного тыла. Теперь нужно задать вопрос, все ли сделано в тылу так, чтобы обеспечить победу, так как надо же, наконец, понять, что мы должны или победить, или погибнуть. Только работа всего общества на интересы армии и фронта, не стесняемая в своем размахе правительством, может спасти страну.

Вечернее заседание съезда было занято прениями по общим вопросам. В этих прениях особое внимание обратили на себя речи П. В. Каменского и В. А. Харламова.

Каменский указал, что он, как живой свидетель высочайшего посещения Государственной Думы, подчеркивает то высокое воодушевление, которое это посещение вызвало у всех членов Думы. К сожалению, это воодушевление не может удержаться на своем подъеме, так как имеется постоянное средостение между народом и его царем в лице безответственного правительства.

Харламов сказал, что правительство не осилило задачу обеспечения для России победы, так как оно стоит вне страны, особняком, и притом разъединено и в своей собственной среде, в то время как вся Россия объединилась для победы. И в то время, когда совершилось такое историческое объединение, мы видим поход власти, направленный против Государственной Думы и против общественных организаций. Мы видим полную разруху власти, которая бросает в народную массу демагогические лозунги тогда, когда необходимо особенно сохранить спокойствие страны, почему мы обязаны громко сказать, что для победы необходимо такое правительство, которое должно работать рука об руку с обществом.

После прений была оглашена общая резолюция, выработанная особой комиссией, которая и была принята единогласно всем съездом, а затем вновь возвращена в комиссию для отредактирования в окончательной форме.

Эта резолюция прилагается при сем в особом оттиске.

Далее был оглашен доклад членов депутации, избранной собранием уполномоченных губернских земств 9 сентября 1915 года, по поводу отказа верховной власти в приеме этой депутации. Копия сего доклада, подписанного князем Г. Е. Львовым, П. В. Каменским и С. Н. Масловым, при сем прилагается.

Об изложенном, с представлением поименованных выше копий докладов и речей, имею честь представить вашему превосходительству в дополнение к телеграмме моей от 12 сего марта за № 289142.

Вр. и. д. начальника отделения,

помощник его, ротмистр *Знаменский.*

13/III 1916 г.

(6 делопр., д. № 343, т. I Вх. № 8041).

38.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о банкете участников общеземского и общегородского съездов.

13 сего марта, в 7 часов вечера, в Москве, в ресторане «Прага», состоялся товарищеский банкет участников общеземского и общегородского съездов в количестве около 80 человек. Интерес банкета заключался не столько в тех речах, какие были на нем произнесены, сколько в откровенном обмене мнениями делегатов по поводу переживаемого политического момента.

На банкете состоялось демонстративное чествование представителей окраин, при чем бурные овации были устроены представителям Польши, Финляндии и Кавказа.

Большую, но очень туманную речь произнес Милюков. Он призывал к единению, к организации сил, которые столько же нужны для одоления врага, сколько и для внутреннего устроения. С большим оптимизмом говорил он об этом «внутреннем устроении», т.-е. об одолении настоящего правительства. Обратившись к представителю Финляндии, он заявил, что Финляндия из рук русского общества получит все то, что у нее отняло правительство. Обращаясь затем к Лединцкому, как представителю Польши, Милюков высказал: «Русское общество сумеет сдержать свои обещания. Для него эти обещания—не пустые слова, не «клочки бумажек», как это делает правительство, а святой долг чести». Эти слова Милюкова были покрыты бурными аплодисментами.

Милюкову отвечал представитель Финляндии Бьерборг. Он заявил, что правительство провозгласило лозунг «finis Finlandiae», но вся Финляндия верит, что будет не «finis Finlandiae», а нынешних министров, влекущих великую страну к гибели.

Следующий оратор, глава польской колонии в Москве, Лединцкий, благодарил представителей русского либерального общества за благожелательное отношение к Польше и выразил уверенность, что поляки вместе с русскими будут бороться за достижение и обновление их общей родины.

Вслед за тем с большим подъемом произнес речь тифлисский городской голова Хатисов, заявивший, что на Кавказе нет правых, а имеются только умеренно-левые и крайние-левые. Свою речь Хатисов закончил так: «Теперь правительству не удастся более, как в 1905 г., натравливать одну кавказскую нацию на другую, бросить с пожами татар на армян, и т. д. Все кавказские народы теперь прекрасно понимают, кто их общий враг; пусть знает Россия, что в борьбе с обнаглевшей, бесстыдной бюрократией бойцы Кавказа будут в передних рядах». Участники банкета устроили Хатисову бурную овацию.

Далее с речью выступил член московской городской управы Н. И. Астров, высказавший, что война разрушит последний оплот бюрократии, так как союзник правительства и правых — Германия — будет разбита; в то же время, по словам оратора, русское общество получает в своих стремлениях такую опору, как либерально настроенные Англия и Франция.

По окончании банкета значительная часть провинциальных делегатов сгруппировалась вокруг гласного Петроградской думы Новикова, который подробно разъяснял им ту роль, какую будто бы играет Распутин

в жизни страны. Рассказ Новикова вызвал глубочайшее возмущение слушателей, из среды коих раздавались возгласы: «Все это приблизительно мы уже слышали, но не знали, что грязь доходит до таких пределов. Считаем долгом раскрыть, по приезде домой, глаза всем, кто еще не понимает, куда поклонники Распутина ведут страну».

Нельзя также не отметить и то обстоятельство, что по окончании обеда группа делегатов, обступив Милюкова, задала ему вопрос: «Как совместить с кадетской программой то, что в «прогрессивном блоке» конституционалисты-демократы стоят не за формулу «ответственное министерство», а за «министерство, пользующееся доверием народа».

Милюков ответил буквально следующее: «кадеты вообще, это — одно, а кадеты в блоке — другое. Как кадет, я стою за ответственное министерство, но, как первый шаг, мы, по тактическим соображениям, ныне выдвигаем формулу — «министерство, ответственное перед народом». Пусть мы только получим такое министерство, и оно силою вещей скоро превратится в ответственное, парламентское министерство. Вы только громче требуйте ответственного министерства, а мы уже позаботимся, какое в него вложить содержание».

Наблюдение за всем тем, что имело место на этих съездах и выяснилось в речах ораторов, в кулуарных беседах и в обмене мнениями на частных собраниях отдельных кружков, представляет уже в настоящее время возможность предусмотреть, какими способами названные общественные организации намерены осуществить выраженные ими вожделения и воздействовать на правительственную власть.

Центром тяжести, основным пунктом резолюции общегородского съезда являются вовсе не требования ответственного министерства, амнистии и равноправия инородцев, а тот план организации, при посредстве которой съезд считает возможным добиться осуществления своих домогательств. Организация же намечена в резолюции так: «Пусть к земским и городским силам, вступившим в дружное единение, и к силам работающей с ними рука об руку объединенной промышленности присоединятся новые, еще неиспользованные силы крестьянской деревни, кооперативов, рабочего труда и торговли». Хотя в резолюции засим и выражено: «Пусть будет им дана возможность свободно организовываться для дела обороны и для поддержания нормального хода хозяйственной жизни страны», — но действительная цель этой организации выяснилась вполне лишь во время бурных закрытых совещаний в комиссии, вырабатывавшей текст резолюции.

Специально прибывший для сего на съезд лидер конституционно-демократической партии Милюков всеми силами старался удержать съезд от вынесения резкой резолюции с требованием ответственного парламентского министерства. «Не нужно, — говорил он, — выдвигать требования, которые испугают правительство и на которые оно никогда не пойдет. Ответственного министерства нам никогда не дадут, а министерство, пользующееся доверием народа, имеет очень много шансов на осуществление».

На это лидер левого крыла, кадет, член Государственной Думы, Некрасов с запальчивостью ответил: «Никто ни на одну минуту не сомневается, что без совершенно реальной угрозы мы никогда не получим ни ответственного министерства, ни министерства, пользующегося доверием народа. Мы можем только получить какой-нибудь новый вариант из Штюрмеров и Хвостовых. Поэтому бессмысленно играть с правительством в тонкую дипломатическую игру, а нужно сразу ясно и определенно заявлять свои

конечные требования. И, заявляя эти требования, нужно не ждать, что правительство «снизойдет» к ним, а нужно позаботиться о создании такой организации, которая заставила бы правительство принять их».

Как должна быть построена такая организация, об этом Некрасов с полной откровенностью заявил в своем докладе о снабжении армии в одном из открытых заседаний съезда. «Городская и земская Россия уже объединились и сложились в мощные, прочные организации. То же сделали и промышленники в военно-промышленных комитетах. Но всего этого мало. Еще не организован совершенно торговый класс. Делает первые шаги, под крылом военно-промышленных комитетов, организация рабочих. Имеется масса мелких, отдельных ячеек, но еще не объединены в одну всероссийскую организацию кооперативы. Перед нами, таким образом, задача создания целого ряда новых всероссийских союзов — рабочего, кооперативного, торгового и др. И когда они возникнут, тогда все они вместе с всероссийским городским и земским союзами должны из своей среды выделить высший орган, который явился бы для всех их единым направляющим, координирующим центром. Это будет как бы штаб общественных сил всей России».

Этот центральный орган Некрасов не назвал более определенно, но в частных беседах у более откровенных членов съезда срывалось то слово, которое в данном случае с полной ясностью определяет характер всей затеи: намечаемый центральный орган — «союз союзов», с теми же целями и заданиями, какие он имел в 1905 году.

План объединения в один общий союз всех союзов, как уже возникших, так и имеющих еще возникнуть, обрисовали в открытых секционных заседаниях профессор Мануйлов, Астров, Прокопович и Чайковский (бывший эмигрант, народоволец).

Особенно интересны и ценны откровенные признания последнего. Говоря о громадном росте кооперации в деревне, Чайковский отметил, что роль ее здесь не только экономическая, но и воспитательно-политическая. «Сейчас,— заявил он,— нет иных путей подхода к крестьянской массе, как только чрез кооперативы».

Вот чем объясняется та страстная защита необходимости внесения в резолюцию, при перечислении новых намеченных организаций, слов «крестьянская деревня», с какою выступили лидер трудовиков Дзюбинский и кадет Кузьмин-Караваев. Не для «дела обороны», а совсем для других целей им важно сорганизовать деревню, дело же обороны — лишь прекрасное прикрытие всех этих планов.

О том, что затевается в недрах Военно-Промышленных Комитетов в отношении рабочих, с полной откровенностью говорил в кругу более лево-настроенных членов городского союза Коновалов: «Под флагом военно-промышленных комитетов возрождаются рабочие организации. На предстоящем рабочем съезде родится всероссийский союз рабочих. Это будет стройная организация, начиная с мелких ячеек на местах и кончая высшим органом — как бы советом рабочих депутатов».

Из частных бесед членов съезда, в особенности же из речей на банкете, вытекает, что дело не ограничится созданием и общим объединением всех вышеперечисленных 7 организаций (городской и земский союзы, военно-промышленные комитеты, всероссийский крестьянский союз, всероссийский рабочий союз, всероссийский кооперативный союз, всероссийский торговый союз). Ко всем этим союзам присоединятся еще национальные организации. В этом направлении сделано уже чрезвычайно много.

Под флагом помощи беженцам сформировалась чисто-политическая польская организация (совет съездов), во главе которой стоит Ледницкий. Организация эта находится в теснейшей связи с конституционно-демократической партией.

Совершенно такой же характер носят организации латышей и литовцев. Что касается Кавказа, то относительно их национальных организаций тифлисский городской голова Хатисов заметил: «У нас давно все готово; нужен только толчок, чтобы скрытое стало явным».

Совершенно явственно та же цель привлечения к объединенным союзам национальных организаций сквозит и в принятой съездом резолюции по еврейскому вопросу.

Наконец, вполне определенно истолковывается приезд на городской съезд представителей финляндского городского союза. Относительно этих представителей в среде деятелей съезда определенно говорили, что это—«особая миссия», имеющая целью сблизить финляндские политические организации с русскими.

Наконец, в речах гласного петроградской городской управы Новикова и члена Государственной Думы Некрасова более или менее определенно были высказаны сокровенные мысли, на чью именно конечную поддержку при осуществлении своей политической программы надеются руководители общественных организаций. Новиков в первый же день открытия городского съезда в речи своей сказал:

«Наши требования должны осуществиться, так как за нами имеются реальные силы — мобилизованый народ и мобилизованная армия».

Некрасов в заседании того же съезда 13 марта, подвергнув критике деятельность правительства, сказал следующее:

«Могу заявить, что такая преступная деятельность правительства по достоинству оценена в армии. Там все видели, поняли и сделали необходимые выводы. Если мы, в конце-концов, добились того, что нас принуждены терпеть, то этим мы обязаны властным голосам, которые раздались из среды высшего командного состава армии в нашу пользу. Вся армия поняла, какую колоссальную работу выполняет общество в тот момент, когда правительство беспомощно сложило руки. В этом понимании залог победы не только над внешним врагом, но и залог внутреннего обновления».

Об изложенном, в дополнение к телеграмме моей от 14 марта за № 289147, имею честь донести вашему превосходительству.

Вр. п. д. начальника отделения,

помощник его, ротмистр *Знаменский.*

6/III 1916 г.

(6 делопр., д. № 343 т. 1 Вх. № 8554).

39.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции об организации кооперативного и рабочего союзов.

На недавнем всероссийском городском съезде было принято чрезвычайно важное постановление о безотлагательном приступе к организации центрального комитета, объединяющего в себе все уже существую-

щие (городской и земский союзы и военно-промышленные комитеты), так и имеющие возникнуть (кооперативный, рабочий, торгово-промышленный и крестьянский союзы) общественные организации.

Официальная мотивировка необходимости такого объединяющего центрального органа — руководство организацией продовольственного дела в стране. Но скрытый смысл этой затеи (создание союза союзов) достаточно откровенно был выявлен на съезде в речах члена Государственной Думы Некрасова, профессора Мануйлова, Астрова, Чайковского и других.

Немедленно по окончании этого съезда было приступлено к подготовительным работам по организации намеченных новых союзов. Относительно всероссийских кооперативного и рабочего союзов в среде инициаторов этого дела нет никаких сомнений; организацию рабочего союза взял на себя член Государственной Думы А. И. Коновалов, и союз этот должен возникнуть на предстоящем рабочем съезде; никакой задержки не может быть и со всероссийским кооперативным союзом, — здесь вся остановка лишь в легализации центрального кооперативного комитета. Несколько сложнее обстоит дело с созданием всероссийского торгово-промышленного союза, так как эта задача выдвинута только в самое последнее время, и широкая масса промышленников и торговцев оказывается в этом отношении достаточно неподготовленной. Однако, за дело их организации дружно взялись, и в последние дни у товарища председателя московского военно-промышленного комитета Третьякова происходили (в тесном кругу лиц) предварительные собрания более видных московских промышленников и торговцев. Стало также известным, что П. П. Рябушинский (находящийся ныне в Крыму) и А. И. Гучков (находящийся ныне на Кавказе) разослали от себя много циркулярных писем на имя крупных представителей торгово-промышленного мира с горячим призывом примкнуть к торгово-промышленному союзу. Подобные же письма рассылает и А. И. Коновалов. В ближайшем времени в Москве предстоит еще ряд совещаний по этому поводу. Большие совещания по этому делу предполагают также устроить в Нижнем-Новгороде и в Одессе. Во всяком случае, дело создания торгово-промышленного союза считается довольно легко осуществимым.

Гораздо сложнее, по откровенному признанию инициаторов, обстоит дело с созданием всероссийской крестьянской организации. Созданию этой организации придается громаднейшее значение, а между тем, как выразился на одном из совещаний известный кадет Д. И. Шаховской, «здесь приходится все начинать сначала».

Тот час же по окончании общегородского съезда в квартире кн. Шаховского состоялся ряд частных совещаний, на которых обсуждался вопрос о путях и средствах создания крестьянского союза. Известный деятель Н. В. Чайковский (бывший эмигрант-народоволец) высказал мысль, уже брошенную им и на городском съезде, что «единственный подход к крестьянской деревне лежит через мелкие кооперативные организации». Мысль эта была вполне принята участниками совещания. Однако, рядом с этим путем, С. Н. Прокоповичем предложен был и другой путь: он обратил внимание на ту громадную роль, которую в данном случае могли бы сыграть земские агрономы и вообще третий земский элемент. В результате обсуждения этого вопроса родилась мысль о привлечении к делу «московского общества сельского хозяйства», под флагом которого можно было бы созвать всероссийский сельско-хозяйственный съезд с участием агрономических деятелей, а также более сознательных представителей

крестьянства, и, уже на этом съезде, в окончательной форме, выкристаллизировать идею и заложить основы крестьянского союза. Мысль Прокоповича была встречена сочувственно, и кн. Шаховскому было поручено повести соответствующие переговоры с московским обществом сельского хозяйства, в результате чего состоялись 25, 26 и 27 сего марта совещания при названном обществе по продовольственному вопросу.

По внешности эти совещания преследовали узко-практические задачи, но в действительности за этой внешностью кроется явственный политический мотив. Об этом не говорили в открытых, официальных заседаниях, но этого не скрывали в откровенных кулуарных разговорах.

Но и без того связь происходивших при московском обществе сельского хозяйства совещаний с недавним всероссийским городским съездом совершенно явственна: по предложению съезда это общество на последнем совещании избрало 3-х представителей в центральный продовольственный комитет, куда войдут и представители всех настоящих и будущих общественных организаций. Задача этого центрального продовольственного комитета, согласно принятой на совещании резолюции, «совершенно изъять из рук правительства продовольственное дело и передать его группе общественных организаций».

В случае осуществления этой затеи, будет создана следующая сложная и планомерная общественная организация по такой схеме:

Местными продовольственными организациями главным образом должны служить местные кооперативы, а также санитарные попечительства (где таковые имеются), обывательские комитеты, комитеты избирателей в Государственную Думу и попечительства о бедных. Вся работа этих учреждений будет централизована в областных и в общегородских организациях, которые пока намечены в проекте, и тип их еще не установлен.

Наконец, в качестве всеобъединяющего центра и «купола, венчающего здание», будет служить всероссийский центральный продовольственный комитет, в состав коего должны войти представители от следующих общественных организаций: центрального военно-промышленного комитета, главных комитетов общеземского и общегородского союзов и представители от центральных кооперативных организаций (народный банк и московский, союз потребительных обществ).

Разработать весь этот план в деталях должен всероссийский сельскохозяйственный съезд, созыв коего в Москве предполагается в самом ближайшем времени.

На районных собраниях московского общества кооперации в настоящее время уже ведется работа по обсуждению продовольственных вопросов, т.-е. производится подготовка по проведению в жизнь общего плана общественных организаций по этому делу.

На ряду с обществом «Кооперация», в той же области и в том же направлении работают и московские санитарные попечительства.

Надо полагать, что в ближайшем будущем контакт между деятелями, работающими по этому делу в указанных общественных организациях, усилится, и тогда следует ожидать начала каких-либо практических результатов в этом направлении.

На эту злободневную тему в московской газете «Русские Ведомости», № 70 за текущий год, уже появились статьи: выдержки из речи в Государственной Думе лидера трудовой фракции В. И. Дзюбинского о необходимости созыва всероссийского крестьянского съезда и статья кн. Д. Шаховского под заглавием: «Очередные задачи в области сель-

ского хозяйства» — о необходимости созыва всероссийского сельскохозяйственного съезда.

Об изложенном, с представлением при сем вырезок из № 70 «Русских Ведомостей», имею честь донести вашему превосходительству.

Полковник *Мартынов.*

28/III 1916 г.
(6 делопр., д. № 347. Вх. 10949.)

40.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о частных собраниях торговцев и промышленников.

По полученным мною агентурным указаниям, в последнее время в Москве было несколько частных собраний торговцев и промышленников по вопросу об объединении и создании особого торгово-промышленного союза, вызванных известными постановлениями общеземского и общегородского съездов о необходимости объединения торгово-промышленного класса и делегировании представителей этого класса в особый центральный комитет, объединяющий все общественные организации для урегулирования тяжелого экономического положения страны и продовольственного вопроса. Горячую поддержку этой идее объединения — и именно под политическим углом зрения — оказали известные общественные деятели П. П. Рябушинский и А. И. Гучков, которые разослали многочисленные письма и циркуляры с таким предложением.

Происходившие по этому поводу частные собрания в известной степени уже определили отношение торговцев и промышленников к намеченной затее политиканов из городского и земского союзов. Отношение это такого рода, что вызывает плохо скрываемое раздражение и разочарование в кадетских кругах.

Одно из таких частных собраний происходило у товарища председателя московского военно-промышленного комитета С. Н. Третьякова. Собрание это можно считать неудачным, так как на 120 слишком разосланных приглашений на собрание явилось всего 25 — 30 человек, при чем большинство явившихся предпочитали слушать, избегая проявлять свое отношение к идее объединения. Никто прямо не отрицал желательность и возможность такого объединения, но было совершенно очевидно, что политические мотивы этого объединения не вызывают особого энтузиазма, а практические последствия его многих заставляют очень и очень задумываться.

Прекрасно выясняет позицию массы торговцев и промышленников в этом деле один из видных ее представителей, издатель газеты «Русское Слово» И. Д. Сытин:

«Думаю,— говорит он,— что в задуманных размерах из этого дела ничего не выйдет. Как политическую декларацию, торгово-промышленный союз организовать, конечно, можно, но в смысле поддержки массы торговцев и промышленников в нем не будет никакого содержания. Это будет именно декларация и только. Почему? Очень просто. Торгово-промышленный класс объединиться, сложиться в мощную всероссийскую организацию очень не прочь, но у него нет нит ни малейшего желания итти

в этом отношении в поводу, на помочах у интеллигентов, политических теоретиков из городского и земского союзов. У них—одни задачи, у нас — другие. Пока война, конечно, у всех — одна общая политическая задача. А дальше — ясно — все пути врозь. Они пойдут рука-об-руку с рабочими и революционерами, а нам это не по пути. Да и сейчас, разве не наивность с их стороны, что они надеются «оседлать» представителей и торгового класса. Зовут войти в центральный комитет для урегулирования экономического положения и борьбы с дороговизной. Ясное дело, что большинство торговцев и промышленников сразу насторожится, испугавшись, как бы не связать себя, не оказаться под началом у неимеющих никакого отношения к торгово-промышленным интересам интеллигентов, которые начнут устанавливать цены, диктовать обязательства, вводить новые порядки. И выйдет объединение на свою же голову, объединение против своих же интересов. Довольно того, что военно-промышленные комитеты заваривают с рабочими такую кашу, что после и не расхлебаешь, а тут еще и торговцам преподнесут политическое объединение приказчиков. Нет, это уже слишком опасно, больно далеко они заходят. Так смотрит подавляющая масса средних торгово-промышленников, а крупные представители класса, которые сыты по горло и которым опасаться нечего, — тем, конечно, отчего не поиграть в союз, — вот из них он и сорганизуется. А широкие массы пока подождут и приглядятся...».

Это рассуждение Сытина, типичного представителя среды, весьма показательно,— оно было откровенно, в самом тесном кругу.

Как говорят, подобное же сдержанное, уклончивое отношение к этому делу проявилось и в Петрограде на одном из собраний, устроенных А. И. Коноваловым.

Работа по созданию торгово-промышленной организации, конечно, не оставлена, но первые шаги этой работы принесли совершенно неожиданное разочарование кадетам, так как на бывших в минувшем марте съездах общеземского и общегородского союзов говорили о торгово-промышленном союзе, как об организации, которая легко и быстро будет вызвана к жизни.

Выявившиеся на тех же съездах планы заставили опасливо насторожиться не только торгово-промышленный класс,— толки о создании крестьянского союза, о необходимости созыва крестьянского съезда заметно встревожили дворянскую, помещичью среду. По этому поводу недавно в Москве было небольшое собрание у А. Самарина, где высказывались опасения, что «игра начинает заходить слишком далеко, и безграничным мечтам нужно бы во-время положить предел» (подлинные слова Самарина).

Об изложенном, в дополнение к донесению моему от 28 минувшего марта за № 291583, имею честь представить вашему превосходительству.

Полковник *Мартынов.*

16/IV 1916 г.

(6 делопр., д. № 343 т. 2. Вх. 11397.)

41.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции об общественном настроении после мартовских съездов.

Со времени последних (в марте с. г.) съездов наиболее видных общественных организаций прошло 3 месяца; за это время, под влиянием целого ряда сложных условий, в которых протекает общественная жизнь,— в настроении левых (особенно кадетских) кругов произошли довольно существенные сдвиги.

В этих кругах стало заметно ощущаться как бы ослабление интереса к политике вообще, чувствуется разочарование в возможности проведения в жизнь тех планов и надежд, осуществление коих еще несколько месяцев тому назад (мартовские съезды) казалось таким близким и сравнительно достижимым.

Практический и сравнительно короткий опыт как бы показал въявь лево-политическим теоретикам, что дело организации масс и дело объединения разнородных по существу общественных групп — далеко не столь простое и легкое и, главное, не так легко достижимое, как это казалось им вначале.

В последнее время все сильнее и сильнее дают себя чувствовать такие препятствия в самой общественной среде, которые вначале, с одной стороны, видимо, не были учтены и предвидены, а с другой, под влиянием большего общественного порыва не давали себя знать.

Эти препятствия, начинающие давать себя чувствовать все острее и все определеннее, приводят не только к замечаемому ныне упадочному настроению, но и к сознанию необходимости изменения недавних методов борьбы с правительством и к поискам новых путей и способов такой борьбы.

В настоящее время руководители лево-общественного движения, в силу чувствуемой ими необходимости изменить тактику, пытаются обосновать и создать новый ясный план для текущего и последующих моментов, но мысль этих руководителей пока находится без движения и без определенной точки опоры для развития плана ближайшего будущего.

В этих условиях замечается — при сохранении в полной силе прежнего непримиримого отношения к правительству — ослабление чисто внешних проявлений враждебности к нему; в некоторых случаях и в среде более умеренных лиц из указанного выше лагеря чувствуется даже как бы готовность к совместной с правительством работе.

Останавливаясь более подробно на причинах намечающегося поворота в настроении руководителей московского лево-буржуазного движения, необходимо отметить нижеследующие обстоятельства:

1) Наши успехи на боевом фронте.

Эти успехи все явственнее подчеркивают необходимость и возможность полной победы над неприятелем и в свою очередь затрудняют тот натиск на власть, который чувствовался таким удобным и возможным год назад.

2) Поправение некоторых общественных кругов.

Это поправение (или, вернее, бо́льшая умеренность) заметно ощущается в связи со страхом пред возможностью революционных, после войны, эксцессов, о чем в свое время достаточно громко говорилось всюду.

Заигрывание некоторых руководителей военно-промышленных комитетов с рабочим пролетариатом достаточно тревожит московские торгово-промышленные круги и заставляет их более сдержанно и опасливо относиться к сближению с кадетскими и другими левыми кругами.

3) Все более и более прогрессирующая дифференциация общественных классов, вскрывающая резкие противоречия в их интересах, особенно остро чувствуемые в переживаемое время. Опыт военного времени показал, что не только нет ни малейшей возможности примирить интересы рабочих и предпринимателей, но явственно и резко начинает выступать ряд противоречий — между промышленниками и сельскими хозяевами, между промышленниками и торговцами, между домовладельцами и квартиронанимателями, между представителями отдельных национальностей и т. д.

Вместо ожидавшегося процесса объединения разнородных общественных классов и групп, которое теоретиками из лево-общественных кругов предполагалось направить в одно русло, ведущее к захвату власти объединенными силами, — намечается процесс разъединения, разрозненности общественных сил, при чем это разъединение угрожает перейти в более планомерную борьбу на почве защиты своих узко-классовых экономических интересов.

С ходом войны, с усложнением условий, в которых протекает жизнь внутри страны, этот процесс идет заметно к расширению и развивается все быстрее.

Это обстоятельство, не предусмотренное руководителями лево-общественного движения и сильно чувствуемое в организационно-объединенных, возникших за время войны, союзах и комитетах, существенным образом обусловливает пессимистическое настроение их и заставляет в свою очередь невольно отказаться от намеченных путей борьбы с правительством.

4) Как на последнее обстоятельство, заставляющее руководителей лево-общественного движения изменить свои планы, надо отметить появившиеся в печати выдержки (а по рукам—и полностью, в рукописях) из известного обзора департамента полиции, касающегося общественных организаций, в котором были раскрыты все планы полностью.

Разоблачения, появившиеся в печати в связи с этим обзором, и данные самого обзора сильно охладили названные круги, произведя там, с одной стороны, большой переполох, а с другой, заставя быть осторожнее; более умеренные и сдержанные круги из этой среды, дорожащие своим общественным положением, неприятно пораженные осведомленностью правительства, становятся за последнее время более осторожными, уклоняются от явного смешивания их с более крайними элементами и опасливо стараются избегать своего участия в недавно так частых различных совещаниях.

Изложенный процесс некоторого изменения общественного настроения особенно явственно и последовательно сказался на попытках создания «центрального продовольственного комитета», долженствовавшего, по идее руководителей этой затеи, объединить почти все существующие российские общественные организации.

С первых же шагов, осуществление этой идеи встретило скрытое противодействие в самой же общественной среде.

Первыми уклонились от объединения на такой почве торгово-промышленные круги, испугавшиеся общественного (вернее, кадетского) контроля над своей деятельностью, которая во многих случаях стоит на границе недопустимой и беззастенчивой спекуляции.

По тем же мотивам крайне инертно отнеслись к этой идее и сельскохозяйственные круги.

Вместе с тем, в недрах кооперативного движения, особенно сельского, стало обнаруживаться чисто практическое, деловое течение, чуждающееся политики, и таким образом, кооперация, как удобный подход к крестьянской массе, не оправдывает в полной мере тех надежд, которые на нее возлагались.

Отрицательное отношение рабочих кругов к проекту «центрального продовольственного комитета» и совместным выступлениям в нем в контакте с общественными силами также обнаружилось с самого начала.

Народившийся новый комитет с первых же шагов должен был констатировать свою мертворожденность, отсутствие точек опоры в общественной среде и, таким образом, бесплодность всех своих планов и начинаний. В настоящее время этот комитет влачит свое существование в составе полутора десятков своих членов и не проявляет жизни, занимаясь разработкой каких-то проектов, судьбой которых в московских общественных кругах перестали интересоваться, считая его нежизненным, а после появившихся разоблачений, в связи с опубликованием обзора со сведениями департамента полиции,— и подлежащим ликвидации, хотя от этого шага удерживает то обстоятельство, что слишком было бы неудобно самим руководителям дела отказаться от столь рекламированного общественного начинания.

В последнее время, в связи с изложенным, руководители земского и городского союзов, разочаровавшись и изверившись в возможности быстрого натиска на правительство, приходят к выводу, что единственный путь сохранения союзов, нужных им как опорная база, это — уйти сейчас в чисто практическую работу по обслуживанию армии. Князь Львов и М. В. Челноков усиленно заявляют, что они не стоят в связи с «праздными болтунами», которые «нелепой болтовней» компрометируют союзы в глазах правительства.

В связи с изложенным необходимо отметить намечающийся поворот в настроении лево-буржуазных кругов в польском вопросе.

По мере того, как стали выясняться безграничные требования польских кругов, настаивающих на автономии, по своей широте приближающейся к почти полному отделению от России, — в среде даже «кадетствующих» общественных деятелей стало наблюдаться известное охлаждение к полякам и более осторожное, сдержанное отношение к вопросу о польской автономии.

Как бы в ответ на это течение в среде поляков слышатся обвинения левых русских общественных деятелей в «скрытом черносотенстве».

Полковник *Мартынов.*

19/VII 1916 г.
(6 делопр., д. № 343 т. 2. Вх. 20093.)

ГЛАВА VIII.

БОРЬБА ПРАВИТЕЛЬСТВА С БУРЖУАЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ.

42.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о настроениях общества в связи с походом правительства на общественные организации.

Ваше превосходительство, милостивый государь, Евгений Константинович.

В последнее время общественные круги и печать уделяли много внимания так называемому «походу», якобы затеваемому правительственными кругами против общественных организаций, главным образом в лице земского и городского союзов и военно-промышленных комитетов.

Местная пресса, в последние дни, после предупреждения, полученного здесь от главного управления по делам печати — не помещать будирующих статей на эту тему, - в значительной степени лишена возможности будоражить общественное мнение и привлекать к этому вопросу внимание широких обывательских масс.

В среде же общественных деятелей, левого лагеря, продолжаются оживленные толки о предполагаемом «нажиме» на общественные организации.

В этом смысле весьма характерным я считаю новое направление мысли этих кругов, которое получило весьма определенное выражение в одной из бесед секретаря городского союза Волк-Карачевского, известного департаменту полиции по моим сообщениям.

Считая, что в настоящее время, когда над всем доминируют интересы фронта, и все и вся приносится, и должно быть принесено, в жертву этим интересам, несвоевременно и неуместно вызывать в обществе и в широких обывательских кругах больших протестных действий против все усиливающейся реакции правительственных кругов; с другой же стороны, необходимо дать понять «зарвавшимся правительственным кругам», что раздражать далее широкие массы обывателя нельзя, что общественное мнение единодушно в оценке действий правительства, угнетающего общественную самодеятельность и мешающего общественным силам проявить себя в деле обороны страны.

В видах этих Волк-Карачевский проводит ту мысль, что, в случае если правительство фактически доведет до конца и не остановится перед мерами дальнейших запрещений и нажимов на общественные организации, то на эти меры необходимо ответить единодушной и повсеместно проведенной кратковременной (на несколько часов) забастовкой протеста.

По мнению Волк-Карачевского, всякая другая забастовка, в настоящее время была бы неуместна, повредила бы интересам армии и потому была бы осуждена; забастовка же протеста, показавшая сознательность массы в ее демонстративной, кратковременной остановке работ в знак осуждения правительственных кругов и предупреждающая эти круги о необходимости считаться с общественными требованиями, повлияла бы на правительство в желаемом направлении.

В кадетских кругах говорят о полной возможности проведения такой забастовки протеста; во всяком случае мысль эта будет популяризироваться.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать вашему превосходительству чувства моего глубокого уважения и искренней преданности.

Ваш покорный слуга

9/V 1916 г. *А. Мартынов.*

(6 делопр., д. № 343 т. 2. Вх. 14133.)

43.

Шифрованные телеграммы товарища министра внутренних дел иркутскому генерал-губернатору по вопросу об образовании местных комитетов земского и городского союзов.

1) № 4304. По всеподданнейшему докладу министра внутренних дел 16 августа 1914 года последовало высочайшее соизволение на разрешение городам входить в состав всероссийского союза городов при условии ограничения деятельности помощью больным и раненым, образование же областных комитетов ни всеподданнейшим докладом, ни высочайшим соизволением не предусмотрены. Посему применение к образованному областному комитету действующего закона об обществах и союзах зависит от вашего превосходительства, так как в действиях своих в этом отношении вы не подчинены министерству внутренних дел, а таковые могут быть обжалованы лишь правительствующему сенату. Имеющие последовать распоряжения вашего превосходительства благоволите сообщить для сведения. № 135663.

За МВД тов. *Степанов.*

24/V 1916 г.

2) № 4917. Областные комитеты образовались явочным порядком в Петрограде, Москве, Киеве, Ростове; вопрос о легализации их не возбуждался. При признании вами необходимости легализации, таковая может быть проведена только в порядке закона 4 марта 1906 года. № 135687.

31/V 1916 г. За МВД тов. *Степанов.*

(6 делопр., д. № 343 т. 2. Исх. 135687.)

44.

Письмо командующего войсками московского военного округа Мрозовского заместителю товарища министра внутренних дел А. В. Степанову.

Милостивый государь, Александр Васильевич.

На письмо ваше от 11 сего мая за № 105383, имею честь уведомить о нижеследующем:

До настоящего времени я не имею постановления совета министров от 7 апреля о воспрещении съездов и совещаний, и во избежание недоразумений мне необходимо знать, имеет ли оно безусловный характер запрещения, относится ли и к тем организациям, кои на основании утвержденного устава пользуются правом созыва собраний, или же оно имеет целью, чтобы все собрания испрашивали предварительное разрешение власти с представлением программ, и, в таком случае, кто именно будет давать разрешение.

Следующим вопросом является способ извещения многочисленных организаций в Москве, т.-е. изданием ли обязательного постановления, или это будет исполнено иначе. Пока по моему приказанию градоначальник уведомил о запрещении съездов: городской и земский союзы и военно-промышленный комитет.

В случае если постановление совета министров от 7 апреля обозначает не безусловное запрещение съездов и собраний, а имеет в виду исключение возможности на них речей и резолюций политического характера, съезды же и собрания чисто делового характера могут допускаться с подлежащего разрешения, я полагаю:

1) по выяснении указанных мною выше недоразумений, объявить общественным организациям тем или другим способом, что на все съезды и собрания (или на некоторые из них) необходимо заблаговременно испрашивать разрешение правительственной власти с представлением программ, без чего съезды и собрания, не исключая закрытых, будут считаться нелегальными, а устроители и председатели будут привлекаться к ответственности, с указанием, к какой именно:

2) исключение возможности вообще на съездах и собраниях уклонения от разрешенных программ может быть достигнуто присутствием представителя власти с правом закрытия и усилением ответственности председателя и устроителя.

Что касается съездов и собраний военно-промышленного комитета городского и земского союзов, то представляется целесообразным введение в состав бюро и главных комитетов представителей министерств, заинтересованных или связанных с деятельностью названных общественных организаций, как-то: военного, внутренних дел, земледелия, путей сообщения государственного контроля, финансов и торговли. Введение представителей правительства является, с одной стороны, вполне естественным, в виду громадных средств, отпускаемых казной этим организациям, а с другой стороны — окажет сдерживающее влияние на работу их, при чем, в случае если на разрешенном съезде или собрании окажется уклонение от намеченной программы, то представителю министерства внутренних дел должно быть предоставлено право предостережения и закрытия съезда и собрания; съезды и собрания без представителей министерства считаются нелегаль-

ными. Для предупреждения агитации и в интересах общественного спокойствия при установлении нового порядка казалось бы полезным издать правительственное сообщение о том, что введением представителей министерств имеется в виду более тесное сотрудничество правительства с общественными организациями при выполнении задач, вызываемых текущей войной.

Если же постановление совета министров носит характер безусловного воспрещения всех съездов и собраний, то мне необходимо получить указание, каким способом должны быть извещены об этом постановлении разного рода организации в г. Москве. Гарантией выполнения постановления совета министров может служить лишь усиление ответственности председателя, устроителей и участников нелегального съезда или собрания и, кроме того, следует воспрещать в газетах помещение отчетов о нелегальных съездах. Приняв во внимание многочисленность организаций, может оказаться на практике, что власти о многих собраниях будут узнавать лишь по окончании таковых; для устранения таких случаев, кроме указанного выше увеличения ответственности, других мер, кроме усиления наблюдения и назначения в состав организаций представителей власти, указать не могу.

При этом считаю своим долгом упомянуть, что в виду вызванного военными обстоятельствами нервозного настроения общества, раздраженного в особенности все усиливающейся дороговизной предметов первой необходимости в сфере продовольствия и одежды и их недостатком, не стесняющегося объяснять дороговизну разрозненной и неумелой деятельностью правительственных агентов и попустительством, оказываемым будто бы разного рода спекуляторам, казалось бы необходимым держаться планомерной системы при проведении запрещений съездов и собраний, в особенности если такое запрещение ослабит деятельность обществ, работающих по вопросам снабжения армии и тыла.

Ослабление деловой работы таких организаций, несущих и разделяющих известную ответственность с правительством, как бы перенесет всю ответственность на правительство, в виду чего желательно поставить общественные организации в такие условия, чтобы они, сохраняя свой деловой характер в пределах, указанных правительством, отнюдь не могли бы отклоняться в сторону политики.

Прошу ваше превосходительство принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

И. Мрозовский.

28/V 1916 г.
(6 делопр., д. № 343 т. 2. Вх. 16263.)

45.

Письмо товарища министра внутренних дел начальнику петроградского военного округа кн. Н. Е. Туманову.

Милостивый государь, князь Николай Евсеевич.

В дополнение к письму от 28-го минувшего мая за № 105845, имею честь уведомить ваше сиятельство, что совет министров 8-го сего июня признал желательным издание в Москве и Петрограде обязательного постановления о том, чтобы никакие собрания не допускались без испрошения на то особого разрешения подлежащего главного начальника военного округа и притом обязательно были подчинены действию закона 4 марта 1906 года о публичных собраниях.

Вместе с тем, члены допущенного при означенных выше условиях собрания должны неуклонно руководствоваться представленной ими главному начальнику военного округа для предварительного обозрения программой собрания, которая должна носить строго деловой характер.

К сему имею честь присовокупить, что только вышеизложенные условия могут служить гарантией того, что действующее постановление совета министров о воспрещении съездов получит надлежащее применение, а члены разных обществ и союзов будут лишены возможности направлять свою деятельность в обход означенного постановления.

Прошу ваше сиятельство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

(подпись)

28/VI 1916 г.

(6 делопр., д. № 343, т. 2.)

46.

Из письма директора департамента полиции московскому градоначальнику В. Н. Шебеко.

Милостивый государь, Вадим Николаевич.

Накануне происходившего в июле месяце минувшего года всероссийского съезда союза городов мною, в бытность московским градоначальником, было объявлено под росписку главноуполномоченному всероссийского союза городов М. В. Челнокову содержание телеграммы бывшего управляющего министерством внутренних дел кн. Щербатова, в коей указывалось на то, что ответственность за порядок и недопущение на съезде каких-либо противозаконных проявлений со стороны участников такового возлагается на него, М. В. Челнокова. В этой телеграмме князем Щербатовым было, между прочим, рекомендовано М. В. Челнокову не допускать к обсуждению вопросов об изменении состава русского правительства.

. . . . . .

14/VI 1916 г. *Климович.*

47.

Письмо заместителя председателя московского военно-промышленного комитета С. А. Смирнова председателю совета министров Б. В. Штюрмеру.[1]

Милостивый государь, Борис Владимирович.

Из письма г. московского градоначальника от 21 мая сего года стало известно, что совет министра внутренних дел признал съезды вообще нежелательными в настоящее время, по соображениям общегосударственного характера. Основываясь на этом, г. московский градоначальник просил меня, как заместителя председателя московского военно-промышленного комитета, предварительно уведомлять о всех предстоящих по комитету съездах и совещаниях, для коих ожидается прибытие иногородних уча-

[1] Записка аналогичного содержания была послана председателем общеземского союза кн. Г. Е. Львовым военному министру Д. С. Шуваеву. Кроме того в Гос. Думе был внесен запрос министрам военному и внутренних дел о тех препятствиях, которые ставятся правительством деятельности всероссийских союзов, земского и городского.

стников, с перечнем подлежащих обсуждению вопросов, на предмет возможности их допущения.

Это признание нежелательности вообще в данное время съездов и совещаний, которое исходит от министра внутренних дел, и вытекающие отсюда, как следствие, мероприятия, создают весьма неблагоприятные условия для деятельности московского военно-промышленного комитета призванного служить, волею истории, великому делу государственной обороны.

Московский областной военно-промышленный комитет заключает в своем составе целую совокупность местных комитетов и групп, разбросанных по обширному пространству шестнадцати губерний центральной России, и может успешно осуществлять задачи, находящие себе выражение в высочайше утвержденном положении, лишь путем согласованной работы всех элементов, составляющих этот общественный механизм. Основным условием этой согласованности является возможность взаимного общения московского областного военно-промышленного комитета и местных комитетов и групп. Общение это достигается не только посредством постоянных письменных сношений, не только путем посещения заседания московского комитета отдельными представителями местных военно-промышленных организаций, но и в форме живого слова, непосредственного обмена мыслей; поэтому в интересах дела и необходимы областные съезды и совещания по различным специальным вопросам текущей работы. Опыт годичной деятельности московского военно-промышленного комитета с полной очевидностью доказал, какое благотворное влияние произвели на все развитие практической работы областные съезды, дважды бывшие в Москве, а затем два совещания: одно по вопросу о распределении заказов интендантского ведомства на обозное имущество и другое — состоявшее из представителей военно-промышленных комитетов в заводских районных совещаниях.

Кроме того, если принять во внимание, что число местных военно-промышленных комитетов неуклонно возрастает с течением времени, и если к тому же учитывать то обстоятельство, что деятельность московского военно-промышленного комитета усиливается в соответствии с усложняющимися требованиями переживаемого нами исторического момента, то тем повелительнее диктуется необходимость непосредственного общения центра и местных комитетов и групп. В виду этого всякое затруднение, которое московский военно-промышленный комитет встречает на пути созыва областных съездов и специальных совещаний, исключительно преследующих цели наилучшей организации страны ради победы, — служит серьезным препятствием в мобилизующей деятельности военно-промышленных комитетов и групп московского района, представляющего собой средоточие отечественной промышленности.

Целый ряд неотложных вопросов, выдвинутых за последнее время практической работой московского военно-промышленного комитета, обусловил необходимость созыва областного съезда, который должен был состояться 26-го и 27-го сего месяца. Согласно вышеупомянутого письма г. московского градоначальника от 21 мая, была представлена комитетом программа вопросов, — предмет занятий предполагавшегося областного съезда. Программа эта, состоявшая из семи пунктов, касалась финансового положения московского военно-промышленного комитета, а также местных комитетов и групп, состояния заказов, продовольствия армии, железнодорожных перевозок, взаимоотношений местных военно-промышленных организаций и московского комитета, наконец, деятельности рабочих представителей в военно-промышленных комитетах. Письмом от 16 июня сего года помощник московского градоначальника уведомил, что означен-

ный областной съезд разрешается, «но лишь по первым шести вопросам представленной комитетом программы, при условии подчинения съезда правилам о публичных собраниях по закону 4-го марта 1906 года и недопущения выступления из пределов деловой программы».

Московский военно-промышленный комитет, ознакомившись с содержанием письма г. помощника московского градоначальника от 16 сего июня, имел по этому поводу суждение и в результате не нашел возможным созвать предполагавшийся областной съезд на условиях, указанных в упомянутом письме.

Правила о публичных собраниях по закону 4-го марта 1906 г. совершенно неприменимы к областному съезду военно-промышленных комитетов, ибо заседания съезда лишены характера публичного собрания, при чем эти собрания являются закрытыми для лиц, не располагающих полномочиями представителей военно-промышленных комитетов и групп. Помимо этого, военно-промышленные комитеты, подобно государственным установлениям, ведающим дело обороны на основании закона, действуют не в силу временных правил 4 марта 1906 г. об обществах и союзах, а руководятся особым высочайше утвержденным положением и приложенным к нему наказом, одобренным советом министров: § 20 этого наказа определенно предусматривает возможность для комитета созыва областных съездов.

Также не находит оснований и сокращение представленной комитетом деловой программы съезда, коснувшееся пункта о деятельности рабочих представителей в военно-промышленных комитетах. Благодаря этому сокращению нарушилась вся совокупность вопросов, составляющих содержание деятельности мобилизованной для обороны отечественной промышленности. Мобилизация промышленности предполагает, очевидно, и мобилизацию промышленного труда, поэтому и было важно, чтобы предполагавшийся областной съезд московского района рассмотрел с точки зрения целесообразности и практической применимости ряд мероприятий, имеющих своей задачей способствовать наилучшей организации промышленного труда в предприятиях, занятых работой на государственную оборону.

Наконец, указание на «недопущение выступлений из пределов деловой программы» свидетельствует о том, что русская общественная самодеятельность поставлена в весьма стеснительные условия, окружена атмосферой недоверия. Практическая работа представителей мобилизованной общественности, повинующихся велениям гражданского долга и всю энергию своих действий отдающих своей родине, ограничена условиями, удовлетворить которые фактически не представляется возможным.

В заключение нельзя не признать, ваше высокопревосходительство, что вся будущность нашей родной земли, самые жизненные интересы русского государства повелительно указывают, что переживаемая нами ныне война должна быть завершена решительной победой, и во имя этой великой национальной цели, требующей от русского народа неисчислимых тяжелых жертв, необходима вся полнота высшего напряжения всех общественных сил, которым должно быть обеспечено доверчивое содействие правительственной власти.

Примите уверение в совершенном к вам, ваше высокопревосходительство, почтении.

Заместитель председателя московского
военно-промышленного комитета *Сергей Смирнов.*

23/VI 1916 г.

(6 делопр., д. № 343, т. 3. Вх. 21645.)

48.

Заметка газеты «Русское Слово» о съездах общественных организаций.

В правительственных кругах был снова подвергнут обсуждению вопрос о собраниях и съездах общественных организаций. Как передают, большинство членов кабинета склоняется к той мысли, что так как правила 4 марта не отменены, то вопрос о разрешении созыва съездов общественных организаций должен быть пересмотрен. На съезды общественных организаций надлежит командировать лиц более высокого административного ранга, чем пристава, как это делалось до сих пор. Помощники градоначальников, вице-губернаторы и т. д. могли бы лучше ориентироваться в затрогиваемых на съездах вопросах и сглаживать те недоразумения, которые возникают. В ближайшем очередном заседании совета министров вопрос этот будет подвергнут обсуждению. Интересно отметить, что вопрос о запрещении съездов земского и городского союзов и военно-промышленных комитетов пересмотрен не будет.

(«Русское Слово» 30 июня 1916 г.)

49.

Шифрованная телеграмма начальника московского охранного отделения директору департамента полиции.

По только-что полученным мною агентурным указаниям Александр Гучков и князь Львов, усматривая в прекращении заказов общественным организациям опасные признаки успокоенности правительства и предвестники «сухомлиновщины», предпримут энергические шаги в печати, среди членов законодательных палат и в особом совещании к устранению такого настроения. Можно ожидать открытого письма за подписями Гучкова, Смирнова, князя Львова и Челнокова, в котором внимание общества будет привлечено на отношение правительства к делу заготовки предметов снаряжения армии. Оживленные сношения по этому вопросу между указанными лицами идут непрерывно. Подробности почтой. № 289389.

26/VII 1916 г. Полковник *Мартынов.*
(6 делопр., д. № 343 т. 2. Вх. 20512.)

50.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции.

Предоставление администрации права командировать на всякие общественные собрания своих уполномоченных с правом закрывать такие собрания, если это будет признано ими необходимым, — вызвало глухое раздражение среди деятелей земского и городского союзов.

В настоящее время в этих организациях обсуждается вопрос о том, как реагировать на эту меру правительства, при чем наиболее страстно

настроенные лица предлагают противодействовать этой мере таким путем, чтобы доводить до конца лишь те заседания названных общественных организаций, на которых не будет представителей администрации; те же собрания, на которые явятся представители администрации, закрывать властью их председателей даже в тех случаях, если обсуждению этих собраний будут подлежать даже неотложные дела.

Предлагающие этот план противодействия хотят таким путем наглядно показать обществу фактическую невозможность работать под контролем администрации; если от такого приема произойдет заминка в деятельности союзов на фронте, то тогда явится возможность обвинить в глазах населения административную власть, которая, по словам М. В. Челнокова, «толкает страну в гибели и поражению».

По мысли тех же лиц, в ответ на такую меру правительства, общественные организации снова должны выдвинуть боевой лозунг: «немедленный созыв Государственной Думы и отказ работать совместно с безответственным министерством».

Главноуполномоченный земского союза кн. Львов проводит мысль о непосредственном обращении с протестом против такой меры к верховной власти.

Никаких окончательных решений по этому поводу еще не принято, и задуманные планы протеста и их формы пока являются поспешными заключениями на почве раздражения.

Дальнейшее агентурное наблюдение в этой среде продолжается.

Об изложенном имею честь представить вашему превосходительству.

16/IX 1916 г. Полковник *Мартынов.*

(6 делопр., д. № 343, т. 3. Вх. 23741.)

51.

Донесение начальника московского охранного отделения в департамент полиции о письме А. И. Гучкова в ставку верховного главнокомандующего.

Доношу департаменту полиции, что, по словам приезжавшего на днях в Москву председателя рабочей группы центрального военно-промышленного комитета Гвоздева, председателем названного комитета А. И. Гучковым отправлен в ставку верховного главнокомандующего всеподданнейший доклад или письмо на имя высокопоставленного лица, в коем деятельность г. председателя совета министров — министра иностранных дел Б. В. Штюрмера — подвергнута уничтожающей критике, при чем г. председатель совета министров в докладе назван «исполнителем воли из Берлина».

По словам того же Гвоздева, по мнению близких к Гучкову лиц, этот доклад будет иметь решающее значение, и в ближайшие дни нужно ожидать больших перемен.

В чем эти перемены выразятся и кого именно коснутся, конечно, предсказать очень трудно, но во всяком случае весьма сомнительно, чтобы все осталось по-старому.

Полковник *Мартынов.*

26/IX 1916 г.

(6 делопр., д. № 343, т. 3. Вх. 24207.)

ГЛАВА IX.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РУССКОЙ БУРЖУАЗИИ С СОЮЗНИКАМИ.

52.

Записка московского охранного отделения по общественному движению, № 157 (агентура «Павлов»).

Прилагаемая к сему записка под заглавием «О работе московского промышленного района на нужды обороны государства» [1] составлена членом московского военно-промышленного комитета Ю. И. Поплавским для представления ее посетившей Москву иностранной военной миссии и содержит в себе поэтому наиболее подробный материал о результатах работы московского промышленного района за все время деятельности названного комитета.

Как известно, намерение комитета представить эту записку иностранной миссии не встретило одобрения ее стороны командующего войсками московского военного округа, почему она и не была представлена этой миссии официально; но П. П. Рябушинский, находящийся в личных дружеских отношениях с английским послом, послал ему конфиденциально копию этой записки, с указанием на образ действий в этом деле генерала от артиллерии Мрозовского и на то, что такой прием со стороны московских властей объясняется нежеланием правительства подчеркивать перед Европой все значение русской мобилизованной промышленности о деле снабжения армии.

Таким образом, в обращении имеются всего 4 экземпляра этой записки: один экземпляр находится у ее автора Ю. И. Поплавского, второй — у П. П. Рябушинского, третий — у английского посла, и четвертый — представляемый.

К сему же представляется копия сообщения орловского городского военно-промышленного комитета от 16 сего декабря за № 128 на имя председателя московского областного военно-промышленного комитета, содержащего в себе секретные указания на злоупотребления при получении заказов от военного ведомства.

Начальник отделения, полковник *Мартынов*.

27/XII 1905 г.
(6 делопр., д. № 343, т. 3. Вх. 24.)

---

[1] Записка нами намеренно опущена, так как содержит главным образом данные об экономич. и технич. стороне деятельности моск. военно-промышленного комитета.

53.

Записка московского охранного отделения по общественному движению о совещании представителей общеземского и общегородского союзов, № 61 (агентура «Крюков»).

2 сего мая, в 4 часа дня, пред отъездом в Петроград, у московского городского головы Михаила Васильевича Челнокова состоялось совещание представителей общегородского и общеземского союзов по вопросу об ожидаемом со стороны правительства стеснении деятельности союзов.

Собрание это прошло при повышенном настроении; по адресу правительства раздавались все время резкие упреки. Особенно резкие речи по адресу правительства говорил Николай Астров, доказывавший необходимость не медлить более с отпором правительству, которое все более беззастенчиво напирает на общественные организации.

На собрании был подвергнут специальному обсуждению вопрос о том, как реагировать на намерение правительства — ни в коем случае не допускать созыва съездов всех общественных организаций.

Кишкин предлагал немедленно заявить о намерении союзов в первой половине июня сего года созвать съезд обоих союзов для обсуждения чисто деловых, практических вопросов.

По мнению Кишкина, твердое заявление об этом намерении было бы лучшим ответом на появляющиеся слухи о намерении правительства не разрешать съездов.

Кишкин предлагал никаких предварительных переговоров о созыве съездов с правительством не вести и объявить только программу съездов, подробно мотивировать неотложную, вызываемую условиями переживаемого момента, необходимость съездов. Если бы правительство запретило, тем не менее, такой объявленный съезд,— тогда вопрос будет перенесен на определенную реальную почву, и будет видно, что придется делать руководителям союзов, пока же деятели союзов стоят пред какими-то «слухами», определенных заявлений со стороны правительства нет, и поэтому совершенно определенной политикой со стороны союзов нужно заставить правительство сделать ясное заявление и вывести «правительство на чистую воду». По мнению Челнокова, необходимость в таком съезде городского союза снова назрела: заявления об этом начинают поступать с мест. Все обостряющаяся дороговизна на все продукты и предметы необходимости и резко обнаруживающийся недостаток продуктов вызывает новые задачи для городов, объединенных в Союз; эти новые задачи не были предусмотрены по условиям времени на последнем (мартовском) съезде.

Между прочим, из поступающих письменных документов с мест видно, что некоторые города выдвигают вопрос о критическом финансовом положении и изыскании мер к финансовому объединению городов под руководством городского союза.

По мнению Челнокова, и рабочий вопрос, предусмотренный в программе неразрешенного совещания представителей «Бюро Труда» (имевшего собраться 31 марта с. г. в г. Москве) также должен бы быть подвергнут новому и детальному обсуждению съездов как городского, так и земского союзов.

Николай Астров выступил на собрании с предложением относительно возможного воздействия на правительство. По его мнению, необходимо заблаговременно подготовить общественное мнение и организо-

вать планомерный отпор в форме протеста всех организованных общественных сил. К такому протесту необходимо, по его мнению, привлечь также городские думы, земские собрания, сословые учреждения. Все протесты надо направлять и адресовывать на имя председателя Государственной Думы и их же широко оглашать в печати.

По мнению Астрова, как результат этих массовых протестов родится, возникнет сильное общественное движение, и правительство, быть-может, поспешит изменить свое решение нажима раньше, чем будут применены более решительные меры.

Бахрушин предложил осведомить о борьбе правительства с организованной общественностью правительства, парламенты и общество союзных держав; в особенности Бахрушин возмущался нападками и намерениями правительства в отношении военно-промышленных комитетов, как особенно возмущающих все общество.

В частности, по отношению к Франции, по мнению Бахрушина, это могло бы быть сделано в форме обращения к помощнику военного министра Тома, который прекрасно осведомлен в настоящий приезд в Россию о положении дел в России и мог бы выдвинуть пред французским правительством вопрос о воздействии на русское правительство в желаемом для общественных организаций смысле.

Бахрушин хотя и сознает, как он заявлял на собрании, что такая мера есть крайность, но на такие шаги толкает само правительство, которое, мешая общественным силам, проваливает не только дело России, но и дело наших союзников; исходя из этих соображений, возможно поэтому и моральное воздействие, и давление со стороны французского и английского правительств на правительство русское.

Протест общественности, раз он будет проведен, должен быть услышан союзниками и привлечь их внимание. Союзники должны понимать, с каким правительством в России они имеют дело и ведут рука-об-руку борьбу. Этим приемом русское общество покажет, наконец, общественному мнению на Западе, что русское правительство, это — одно, а русское общество — другое.

Бахрушин передал, со слов Коновалова, о беседах последнего с французским министром Тома. Коновалов в продолжительной беседе, происходившей в Петрограде, старался через Тома «раскрыть глаза» французскому правительству на то, что происходит в России. Тома заявил Коновалову, что ему лично все это давно известно в подробностях, но французское правительство в целом только теперь начинает надлежащим образом понимать, к какой пропасти русское правительство ведет и Россию, и все дело союзников.

Сообщение это, сделанное Бахрушиным, было выслушано с большим вниманием и произвело громадное впечатление.

После речи Бахрушина выступил Челноков, заявивший, что обращение к правительствам и парламентам Франции и Англии, конечно, не может быть сделано официально в форме передачи копий протестов русских общественных организаций; что если это и делать, то только лишь в чрезвычайно тактичной и осторожной форме, и скорее частным путем.

«Вынесение сора из избы» за границу и в такое время, которое мы переживаем, это — такая крайность, на которую, по мнению Челнокова, решиться нужно очень и очень подумавши и говорить об этом преждевременно.

Бахрушин после речи Челнокова заявил, что он придает распространению протестов в Англии и Франции только характер крайней, исключительной меры, которая может быть вызвана крайними же мерами правительства.

Собрание, по выслушании ряда речей и обмена мнениями, не пришло ни к каким решениям и постановлений никаких не вынесло. Решено выждать дальнейшего подтверждения слухов о походе правительства на общественные организации.

Секретарь городского союза, известный Волк-Карачевский, получил поручение подготовить материал для записки, которую, быть-может, придется представить правительству; в этой записке должна быть развита мысль, опираясь на фактические данные, что все бывшие и проектируемые съезды созывались и созываются исключительно для обсуждения чисто практических вопросов и в этом отношении развили и развивают громадную работу.

Политическая же часть и сторона съездов лишь неизбежно вытекает из этой работы и в общем занимает скромное место во всей деятельности союза.

Исходя из развиваемых положений, записка должна доказать и развить мысль, что без съездов деятельность как союза в целом, так и главного его комитета немыслима, так как без соответствующих директив съездов она оказалась бы неправомерной; только от имени съездов руководящие органы союза получают полномочия для своей практической деятельности. Таким образом, запрещая съезды, правительство в корне разрушает всю деятельность союзов.

Последняя мысль должна доминировать в записке и составлять ее основную мысль.

Начальник отделения, полковник *Мартынов*.

3/V 1916 г.
(6 делопр., д. № 343, т. 2. Вх. 13040.)

54.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции.

Ваше превосходительство,

милостивый государь, Евгений Константинович.

В московских общественных кругах обращено внимание на опубликованное во всех московских газетах письмо товарища председателя московского военно-промышленного комитета Смирнова на имя помощника французского военного министра Альбера Тома.[1]

---

[1] Письмо С. А. Смирнова к Альберу Тома.

Товарищ председателя московского военно-промышленного комитета С. А. Смирнов, замещающий председателя комитета, обратился к Альберу Тома со следующим письмом:

«От имени московского областного военно-промышленного комитета позволяю себе приветствовать вас, ваше высокопревосходительство, а в лице вашем великий французский народ, — этот народ — поборник за лучшие идеалы человечества, — и доблестную французскую армию, которая покрыла себя бессмертною славой в настоящей мировой войне, когда Германия и союзные с нею державы, навеки заклеймившие себя

Письмо это вызывает в московских как левых, так и правых кругах оживленные толки; в левых кругах о письме говорится в сочувственном тоне; правые круги, возмущаясь письмом, находят в нем желание апеллировать к вмешательству союзников в наши внутренние дела.

позором в деле насилия над многострадальным, но героическим населением Бельгии и Сербии, дерзают в целях захвата вести уже длительную, кровавую и ожесточенную борьбу, попирая элементарные требования права и святые законы человеколюбия.

Русское общество издавна питает глубокие и горячие симпатии к прекрасной Франции, неизменно и чутко следит за всеми проявлениями ее общественно-политической жизни и вместе с тем непрестанно посвящает себя изучению блестящей французской литературы и науки, с восторгом останавливал свое внимание на отдельных гигантах французской художественной и научной мысли.

Когда вспыхнула настоящая мировая война, и когда союзная с нами доблестная Франция послала своих первых сынов-героев на поле сражения, русская общественность с воодушевлением наблюдала, с какой энергией и с какой настойчивостью французское правительство, французское общество, французская промышленность, — словом, вся Франция — приступили к мобилизации всех сил для изготовления средств снаряжения армии, отважно охранявшей каждую пядь родной земли от злобного натиска врагов.

Русская общественность, преданная чувству любви к своему народу и к своей армии, стяжавшей себе своими подвигами удивление всего мира, создала за время войны целый ряд общественных организаций, поставивших своей целью оказывать всемерную помощь русской армии всем необходимым.

Московский военно-промышленный комитет, являясь одной из таких общественных организаций, за время своего десятимесячного существования развил многостороннюю деятельность на пути осуществления своих задач. В сферу действия московского областного военно-промышленного комитета входит вся центральная промышленная Россия, за время войны изготовившая на сотни миллионов рублей предметов снаряжения и снабжения армии. Этот комитет объемлет 16 губерний: Московскую, Владимирскую, Тверскую, Костромскую, Смоленскую, Рязанскую, Орловскую, Ярославскую, Калужскую, Тульскую, Воронежскую, Саратовскую, Курскую, Симбирскую, Минскую и Тамбовскую. В каждой из этих губерний раскинута целая сеть местных военно-промышленных комитетов и военно-промышленных групп, и все эти организованные ячейки связаны живой непрерывной связью с московским областным военно-промышленным комитетом.

Те многочисленные и специальные задания, которые ставят себе военно-промышленные комитеты, отчасти выясняются уже из одного лишь перечисления отделов, образующих в своей совокупности московский военно-промышленный комитет. Отделов этих наш комитет насчитывает 19: снарядный, механический, химический, сапожно-аммуничный, хлопчато-бумажный, льняной, шерстяной, шелковый, по обеспечению фабрик и заводов рабочим составом, по перевозкам и топливу, продовольственный, изобретений, чертежный, по обследованию деятельности промышленных предприятий и по эвакуационным вопросам, отдел промышленного труда, справочный отдел, юридическое бюро, бюро печати, контрольный отдел.

Если бы вы, ваше высокопревосходительство, как руководитель делом снабжения армии в союзной и дорогой для нас Франции, заинтересовались ознакомиться детальнее с организацией и деятельностью московского военно-промышленного комитета в области работы его на оборону России, поставившей себе целью добиться во что бы то ни стало решительной победы вместе со своими союзниками над германской коалицией, то разрешите просить вас, ваше высокопревосходительство, не отказаться принять от московского военно-промышленного комитета препровождаемые при сем печатные труды, характеризующие работу нашего комитета во всем ее объеме с самого начала возникновения этой общественной организации до последнего момента. Вместе с тем, в этих трудах вы могли бы найти и материал для суждений о том, в каких традиционных условиях протекает деятельность русских общественных организаций, — в том числе и московского военно-промышленного комитета.

В заключение позвольте выразить вам, ваше высокопревосходительство, чувство большого и искреннего удовлетворения, что вы посещаете нашу древнюю Москву, — это средоточие, это сердце России, — и позвольте от имени московского областного военно-промышленного комитета высказать вам, что мы преклоняемся перед беззаветным героизмом великой французской армии и что мы непоколебимо уверены в победе России и Франции и их доблестных и могущественных союзников над Германией, первой обнажившей меч и тем нарушившей блага мира и культурного прогресса».

(«Русские Ведомости», № 102, 4/V 1916 г.)

В левых общественных кругах распространяется мнение, что письмо это симптоматично как первая открытая попытка обратить внимание представителей французского правительства и общества на происходящую в России борьбу между правительством и обществом, с целью вызвать соответствующее давление на русское правительство со стороны французского.

В письме на имя Тома особенно обращает на себя внимание фраза: «Вместе с тем, в этих трудах вы могли бы найти и материал для суждений о том, в каких традиционных условиях протекает деятельность русских общественных организаций, в том числе и московского военно-промышленного комитета».

Первоначально указанное письмо было составлено и редактировано Поплавским, и в этом проекте письма та же мысль была выражена еще резче, так как в нем Поплавский подчеркнул целый ряд обвинений против действий правительства в отношении военно-промышленных комитетов; там излагались все препятствия, какие деятельность общественных организаций в помощь армии встречает со стороны правительства. Однако, когда проект этого письма, в редакции Поплавского, был обсуждаем в московском военно-промышленном комитете, то многие члены комитета не согласились с такой формой письма, находя недопустимым обращаться с жалобами к министру хотя бы союзного государства, и тогда письмо было переработано в том виде, в каком оно было помещено в газетах и в котором заключается только один намек, который мною отмечен выше.

Вместе с тем, во всех материалах, в протоколах заседаний военно-промышленного комитета, представленного Тома, отмечены все места, которые заключают в себе противодействие правительства начинаниям военно-промышленного комитета.

Согласно поступивших в мое распоряжение агентурных данных (сообщенных мной департаменту полиции в агентурной записке от 3-го сего мая за № 291852), было видно, что известный А. И. Коновалов еще в Петрограде нарисовал Тома в тенденциозном освещении картину борьбы правительства с общественными организациями, и нужно допустить, что Тома приехал в Москву с известным уже сложившимся мнением о роли правительства в деле организации сил на оборону.

Когда упомянутый Поплавский в личной беседе с Тома предложил ему сделать для него перевод на французский язык наиболее характерных в этом отношении мест из протоколов военно-промышленного комитета, то Тома заявил ему, что он просит предоставить ему все материалы полностью; что во Франции он сам сделает перевод и лично составит доклад своему правительству по этому вопросу.

Тома, кроме того, заявил Поплавскому, что все эти сведения для многих членов французского правительства не являются новостью, но что теперь он имеет возможность представить им и фактический материал, полученный в России от очевидцев.

Как Вивиани, так и Тома, по его словам, убедились за время пребывания в России, что русское общество лишено было возможности сделать все то, что оно могло бы сделать и к чему оно так сильно стремилось, и что французское правительство с горечью принуждено констатировать этот факт.

Эту свою беседу с Тома Поплавский доложил почти всем членам московского военно-промышленного комитета.

Докладывая об изложенном, считаю необходимым обратить внимание вашего превосходительства на опубликованное в сегодняшних газетах

(6 с. мая) письмо на имя Н. Пашича в смысле сопоставления с его содержанием названного выше письма на имя Альбера Тома.

В письме на имя Н. Пашича нет никаких намеков на борьбу русского правительства с общественностью, так как, по положению Пашича, такое обращение к нему было бы бесцельно.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать вашему превосходительству чувства моего глубокого уважения и искренней преданности.

Ваш покорнейший слуга *Мартынов.*

6/V 1916 г.

(6 делопр., д. № 343 т. 2. Вх. 1396.)

55.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о проекте издания за границей информационного бюллетеня.

Ваше превосходительство, милостивый государь, Евгений Константинович.

В кругах, близких к члену Государственной Думы А. И. Коновалову, в настоящий момент обсуждается вопрос об издании за границей особого информационного органа для осведомления представителей западно-европейских правительств, парламентов, общественных деятелей, ученых, журналистов и т. д. о сущности и ходе развития борьбы в России между правительством и либеральными общественными силами.

Выпускать этот орган проектируется в Париже или Лондоне, как непериодическое издание, в форме объемистых циркуляров, по мере накопления материала и в зависимости от выдвигаемых жизнью вопросов.

Программа подобных информационных листов следующая: 1) фактический материал, касающийся борьбы реакционного правительства с освободительными стремлениями общества; 2) характеристика, основанная на фактах, руководящих представителей правительства; 3) статьи, выясняющие сущность стремлений русского либерализма; 4) характеристики наиболее крупных фигур из левого политического лагеря, которые при смене правительства могли бы быть призваны к власти; 5) выяснение позиции русского либерализма в различных международных вопросах; 6) выяснение различия точек зрения и тактических приемов русского буржуазного либерализма и крайних левых течений; 7) систематизированная, для наиболее легкого ознакомления, хроника деятельности Государственной Думы и Государственного Совета; 8) характеристика русских правых течений с откровенной характеристикой более видных правых деятелей и т. д.

Короче, цель издания — всяческое очернение русского правительства, превознесение деятелей освободительного движения, с предусмотрительным предложением обстоятельных их характеристик на тот случай, если бы «при смене правительства они могли бы быть призваны к власти».

Издание, независимо от того, будет ли оно выходить в Париже или Лондоне, проектируется одновременно на французском и английском языках.

Издание будет бесплатно рассылаться всем государственным деятелям, парламентариям, общественным деятелям, редакциям и т. д.

Основная цель издания — обеспечить сочувствие и содействие борьбе русского либерализма с русским правительством со стороны правительств и общественного мнения Франции, Англии и Соединенных Штатов Америки.

Систематическое информирование Северо-Американских Соединенных Штатов признается столь же необходимым, как и информирование Франции и Англии. Главная цель агитации — предупреждение возможности для русского реакционного правительства заключения после войны крупных внешних займов. Подобные займы могут быть заключены не только во Франции и Англии, но и в Соединенных Штатах (здесь даже вероятнее всего), поэтому привлечение американского общественного мнения к содействию требованиям русского либерализма представляется настоятельно необходимым. Относительно того, что в Америке, где влияние евреев очень велико, успех намеченной агитации более чем обеспечен, в этом у инициаторов затеи не существует ни малейшего сомнения.

Мысль о необходимости издания за границей подобного информационного органа возникла в кадетской среде, когда выяснилось, что представители правительств, парламентские деятели и вообще общественные круги во Франции и Англии имеют более чем смутное представление о сущности требований и ходе борьбы русского либерализма с правительством; неосведомленность заходит так далеко, что в беседах, например, с русскими журналистами видные французские и английские государственные и общественные деятели, даже принадлежащие к либеральным партиям, смешивали русские правые и левые партии, считая первые за выразителей большинства русского народа.

Особенно поучительны для русских либералов были в этом отношении беседы, какие во время недавней поездки в Лондон вели с Асквитом и Ллойд-Джорджем русские журналисты Вас. И. Немирович-Данченко и гр. Алексей Н. Толстой.

Некоторые западно-европейские государственные и общественные деятели, после того как они в совершенно новом для них освещении познакомились с русскими делами, прямо заявляли, что было бы крайне желательно систематически информироваться о русских делах не из рук русского правительства, а из рук лучших представителей русского народа.

Предложение заняться редактированием за границей указанного информационного органа было сделано Бурцеву. Пока на эту тему ведутся только переговоры,— определенного ответа Бурцев еще не дал.

Средства для издания обещает доставить Коновалов, предполагающий собрать их путем подписки в либеральных торгово-промышленных кругах. По предварительному подсчету, полагают, что на издание потребуется не более 30 — 40 тыс. ежегодно. Такая сумма, как надеются, может быть легко собрана.

Еще одна подробность, — если намеченный орган начнет выходить, то с первых же номеров его самое серьезное внимание будет уделено той роли, какую в русской политической жизни и в придворных кругах играет Распутин. Коновалов надеется, что ему удастся получить от Илиодора те сенсационные материалы о Распутине, которые находятся в его распоряжении.

Ваш покорнейший слуга *Мартынов*.

9/V 1916 г.
(6 делопр., д. № 20, ч. 46.)

56.

Сведения охранного отделения при управлении петроградского градоначальника об общественном настроении в связи с приездом союзнической делегации.

Приезд в Петроград союзнической делегации вызвал в различных кругах столичного населения всевозможные толки, продолжающие по настоящий момент волновать общество. Этот приезд связывают как с вопросом об окончании войны, так и с предстоящими якобы в скором времени важными переменами в области внутренней политики; особенно много слухов циркулирует по поводу бесед членов делегации с представителями думских фракций. Широко распространился рассказ о беседе генерала Кастельно с лидерами «прогрессивного блока»; по наиболее известной версии, беседа носила следующий характер: несколько депутатов «прогрессивного блока» обратились к генералу Кастельно с просьбой высказаться по поводу дальнейшего направления войны. Один из депутатов (Некрасов) сказал будто бы:

«Мы, народные представители, нисколько не сомневаемся в победе над врагом наших доблестных союзников... Мы ручаемся, что вся прогрессивная Россия смотрит на дело так же, как и мы: войну надо продолжать до полной победы, не вступая ни в какие компромиссы с Германией и инспирируемыми ей державами... Однако, нас в высшей степени беспокоит то, что мы не можем быть уверены в нашем правительстве: боюсь, что оно все еще не рассталось с германскими симпатиями и не склонно довести Германию до полного истощения; мне и моим товарищам кажется, что наше правительство больше боится наших союзников и их победы, чем Германии... Мы знаем, что подобного рода опасения недавно существовали и у союзников, теперь нам хотелось бы знать, исчезли они или нет...».

На это якобы генерал Кастельно отвечал так:

«Если у нас, по дороге в Россию, и были некоторые сомнения в настроении России, поскольку мы могли судить о нем по газетным сведениям, то все эти опасения рассеялись после того сердечного приема, который мы нашли в среде депутатов Думы. Еще раз мы видим, что симпатии России и ее союзников неизменны и с каждым днем укрепляются все больше. Я счастлив видеть то проявление любви, с каким ваша нация встретила нас, скромных представителей французской армии: встреча показала, что мы для вас столь же желанные гости и друзья, сколь и вы для нас. Что же касается ваших опасений относительно вашего правительства, то, поверьте, нас не меньше волнует его двусмысленное поведение. С одной стороны, мы до сих пор не имели случая сомневаться в искренности намерений русского правительства, с другой — те слухи о борьбе придворных партий и темных влияний, которыми переполнены столбцы заграничных газет, заставляют нас все время быть на-стороже: германские агенты так долго муссировали различные «новости» о намерениях царского правительства, что трудно допустить мысль, будто эти слухи ни на чем не были обоснованы. Да, кроме того, поведение многих министров, особенно Штюрмера и Протопопова, показывает, что в России есть еще сильная партия сторонников Германии, лишенная возможности явно агитировать за мир, но усиленно работающая теми путями, которые закрыты для международной дипломатии. За границей давно появляются статьи, доказывающие, что Германия имеет в России очень видных сторонников, и мы об этом не раз делали доклады вашему правительству. Подобные слухи принудили прави-

тельства союзных держав тоже озаботиться некоторыми мерами предосторожности, о которых мы сообщили вашему правительству: в виду того, что некоторые круги вашего высшего общества стоят за немедленный сепаратный мир с Германией, мы довели до сведения вашего правительства, что Германия, предлагая России мир с условием вернуть Польшу и Прибалтийский край, одновременно предложила Франции заключить мир, в виду ненадежности союза с Россией, близкой к сепаратному миру; при этом Германия не скрывала, что если мы заключим мир, то она все силы направит на Россию, где рассчитывает найти компенсации за понесенные военные убытки. Наше правительство сделало об этом сообщение царскому правительству и указало на то, что вмешиваться во внутренние дела России оно никогда себе не позволит, но существование слухов о немецкой партии в России, связанное с определенными именами, прославившимися своим германофильством, не может не волновать союзников, особенно когда германские газеты приветствуют, как «благоразумное решение», назначение на ответственные посты лиц, заявивших неоднократно о своем уважении к «прусскому государственному порядку». Мы указали, что все это не может не волновать общества Франции и Англии и заставляет нас быть все время на-стороже, как бы новые Сухомлиновы не аннулировали своей преступной политикой все жертвы ваши и наши. Из бесед с вашими военными чинами я знаю, что военные власти вполне преданы искренней дружбе с нами и не допускают мысли о том, чтобы Россия изменила союзу, но и они не скрывают, что во внутренней жизни России есть много явлений, угрожающих союзу; они, как и мы, признают недопустимость современной политики Протопопова, вызывающей повсеместное недовольство, которое не может не отразиться на работе по обеспечению тыла. Мы не касаемся вашей партийной борьбы: такая борьба вполне нормальна во всяком культурном государстве, но мы протестуем против нее тогда, когда видим, что эта борьба грозит перейти в борьбу между Россией и Германией внутри страны. У нас, во Франции, горячо интересуются вашей парламентской борьбой и прекрасно понимают, что борьба ведется не только за министерство, но и за государство, во всей стране между партией прогресса и партией германской: французское общество прекрасно понимает, кто друг и кто враг Франции. Поэтому можете быть уверены, что мы примем все меры к тому, чтобы предохранить союзное с нами государство от немецких интриг: за $2^1/_2$ года войны мы близко узнали и полюбили вашу благородную нацию, поэтому можете быть уверены, что мы не дадим Германии путем подкупа и интриг разрушить наш союз, скрепленный кровью ваших и наших солдат на нескольких фронтах войны. И если ваше правительство, ослепленное германскими обещаниями или проникшееся жалостью родственников к Гогенцоллернам, захочет разрушить наш союз, то будьте уверены, что в нас вы всегда найдете близких союзников, готовых всегда оказать помощь дружественной нации. Наша делегация подтверждает своим приездом в Россию, что мы не допустим ни у себя, ни у вас германской пропаганды, и с вашей помощью, как делегатов нации, устраним все то, что может угрожать союзу...».

Эта речь генерала Кастельно, передаваемая в разных версиях по всему Петрограду, пользуется огромным успехом, хотя вряд ли некоторые ее версии могли быть сказаны генералом Кастельно: по одной версии, например, будто бы генерал Кастельно позволил себе резкую критику правительственной политики в связи с убийством Г. Е. Распутина и назначением министром внутренних дел А. Д. Протопопова.

Не меньшим успехом пользуется среди широких кругов публики рассказ о попытках Англии повлиять на внутренние русские дела.

Наиболее [распространена] следующая версия, исходящая, повидимому, из думских кругов.

Сэр Бьюкенен получил будто бы из Англии очень важные и достоверные сведения, что в России вновь усилилась германская партия, имеющая во главе много видных сановников; по требованию английского правительства Бьюкенен должен был сообщить обо всем этом русскому правительству и узнать, какие гарантии даст высшая власть тому, что она обещала прежде и в исполнении чего сейчас колеблется. С этой целью Бьюкенен говорил с председателем Государственной Думы Родзянко, который сказал ему, что, «хотя фактов никаких нет, но в обществе не прекращают говорить о существовании в придворных кругах партии, стоящей за сепаратный мир и за сближение с Германией, так как иначе Россию ждет якобы английское иго». Бьюкенен вслед затем якобы испросил аудиенцию, во время которой он произнес речь, выслушанную будто бы государем императором очень холодно:

«Ваше величество. Английское общество в последнее время взволновано слухами, проникшими в нейтральную печать, о том, что в России главное направление политики перешло к партии, являющейся сторонницей немедленного сепаратного мира с Германией. Эти слухи побудили великобританское правительство поручить мне доложить вашему величеству о том, что циркулированию подобных слухов должен быть положен конец, а для этого необходимо, по мнению моего правительства, чтобы Россия еще раз подтвердила о своем твердом намерении окончить войну не ранее союзных держав и представила бы доказательства того, что подобная декларация — не только слова... Лучше всего было бы подтверждением намерений русского правительства посещение Англии кем-либо из высокопоставленных особ. Мое правительство поручило передать вашему величеству, что английская нация была бы счастлива видеть у себя государыню императрицу с одной из великих княжен: подобное посещение показало бы неосновательность всех слухов, распускаемых врагами нашими о враждебном настроении к английскому народу русского двора... Передавая это желание вашему величеству, я должен от себя прибавить, что расстроенное здоровье мое заставляет меня просить правительство о поручении мне более легкого и менее ответственного дела, чем сейчас: мои симпатии к России, моя глубокая преданность англо-русскому союзу дают мне надежду, что мои труды по укреплению союза между двумя великими державами не пропадут даром и послужат основанием к еще большему союзу Англии с Россией...».

После этого будто бы Бьюкенен был отпущен из Царского Села очень сухо: никакого положительного ответа на предложение он не получил, Вслед затем Бьюкенен посетил Родзянко с двумя членами «прогрессивного блока» и вел с ним продолжительную беседу на тему о современном политическом положении России. Беседа эта распространялась одними, как беседа Родзянки, другими — как Милюкова.

По словам Бьюкенена: «то, что переживает сейчас Россия, — очень печально, но вовсе уже не так трагично, как стараются нарисовать себе некоторые пессимисты: безусловно, германофилы заметно усилились и расширили способы своего влияния. Однако, тем, что германофилы тесно связаны с вашей «черной сотней», они обречены в значительной части своих попыток на неудачи: крайне-правые у вас вовсе не пользуются поддержкой большинства общества и опираются на маленькую кучку интриганов, которая никогда не осмелится вредить нашему союзу открыто. Гораздо опаснее то, что кучка действует тайно, запугивая ваше правитель-

ство ужасами предстоящей революции и тем обрекая страну на разгул политических страстей. Я лично уверен, что прогрессивным партиям скоро придется поставить ультиматум правительству: или большинство Думы должно получить возможность руководить делами страны, или правительство должно совершенно отойти от дел... Лично про себя скажу, что я не в силах дольше оставаться в России: меня утомили те интриги, которые ведутся во дворце против Англии: не проходит ни одной почты из Англии, чтобы я не получил оттуда указаний на то или другое выступление нейтральных германофилов, опирающихся всегда на русские правые круги. Я очень люблю Россию и, смею думать, знаю ее, поэтому мне бывает бесконечно жаль получать сведения о том, как ваше правительство путем ложной информации обманывает русское общество... Но я уверен, что это долго не может продолжаться: убийство Распутина показало, что даже в ваших верхах есть люди, сознающие гибельность политики, основанной на разъединении сил страны... Быть-может, пройдет несколько месяцев, и ваше правительство пойдет на уступки, передаст власть тем, кто ее достоин... Мы, ваши союзники и друзья, только тогда поверим в цельность союза, когда увидим, что роль германофилов сыграна навсегда... Моя поездка в Царское была, по мнению многих, неудачна, но я рад тому, что мое правительство в твердых выражениях высказало свой взгляд на дело, и что этот взгляд совпал с моими убеждениями: пока правительство будет руководиться в своей политике не твердыми политическими принципами, а случайными людьми, до тех пор мы не будем вполне полагаться на достоверность известий, сообщаемых нам официальными представителями власти. Дело Бьюкенена показало ясно, где враги союзников и где друзья; я не могу указывать на тех, кто стоит за Бьюкенена, но я думаю, что и вы сами хорошо знаете их имена и больше меня чувствуете тот вред, который они приносят России и союзу с Англией: переделать историю не в силах отдельные единицы, как бы много не было им дано силы... Будем же надеяться, что русскому народу удастся, наконец, сделаться полноправным политически и решать самостоятельно свои политические задачи. Это — моя сокровенная мечта, с которой я покину Россию, где мне не пришлось осуществить и сотой части того, что я хотел... Но всегда я сохраню в сердце хорошее воспоминание о великой стране, о ее людях, а главное, об ея литературе, которая стала мне родной... Относительно окончания войны могу вам сказать, что она очень близка к окончанию: быть-может, до окончания остались не месяцы, а недели. Я не могу вам открыть всех причин моей уверенности, но скажу только, что последние сведения из Англии говорят о полном истощении всех рессурсов Германии: недостаток во всем, начиная с боевых припасов и кончая пищевыми, сдавливает с каждым днем все теснее Германию, и близок момент, когда ей придется просить мира во что бы то ни стало. Сейчас Германия начала вновь зондировать почву относительно мирных переговоров и неофициальным образом сулит каждому из союзников золотые горы, но все эти посулы нам хорошо известны, и, конечно... мы ничем на них не отвечаем, кроме презрения. Больше всего надежд возлагает Германия на Россию, где она думает достигнуть успеха в виду осложнения вашей внутренней жизни, и в этом отношении роспуск Думы был бы для германцев, по мнению моему, большим козырем, так как усилил бы политические страсти внутри страны. Однако, результаты роспуска Думы скоро вряд ли смогут отразиться на войне: для Германии важен каждый день, и к моменту важных событий в России Германия, вероятно, уже будет доведена до полного истощения и не сможет использовать ваши внутрен-

ние события. Как бы то ни было, ждать, что война продлится до весны, напрасно: у Германии осталось сил только на один удар, и она его готовила против Франции, но и он ей не под силу в виду того, что союзники всюду приготовились к принятию удара... Поэтому ей и остается одно: интриговать всюду, где есть соответствующая атмосфера, чтобы путем подкупов облегчить для себя условия мира и посеять в союзниках рознь и недоверие друг к другу. Особенно усиленно она направила свои силы пропаганды на Россию: связанная с вашим правительством родственными связями, имеющая в верхних слоях общества поклонников прусского режима, Германия больше всего может надеяться на то, что проведет при мире Россию и добьется такого мира, который поможет скоро забыть военные неудачи. Германия за $2^1/_2$ года войны все еще не потеряла надежды играть по окончании войны ту же роль на вашем рынке, что до войны. И от самой России будет зависеть: дать ли снова полную свободу германской торговле и промышленности, или способствовать союзникам в превращении Германии во второстепенную державу... Но все же, по моему мнению, нет никаких оснований смотреть на вещи пессимистически: скоро будет момент, когда мы будем говорить не «мы победим», а «мы победили».

Широкое распространение по Петрограду подобных речей, быть-может, даже и не сказанных теми лицами, кому их приписывают, показывает, что публика продолжает жить в области слухов: с ноября 1916 года публика в широких размерах проявляет интерес к политиканству, удовлетворяя его не бледными сообщениями газет, а всевозможными литографированными («речи» депутатов) и рукописными «новостями», передающимися по всей столице и приводящими в смущение тех, кто прежде не доверял анонимным источникам. Слухи о «ближайших событиях» создали ту почву, на которой теперь наблюдается странное ожидание обществом «событий первой важности», приурочиваемых то к 9-му января, то к 12-му, то к 24-му, то к 1 февраля, 8, 14 и т. д. Слухи заполонили собою обывательскую жизнь: им верят больше, чем газетам, которые «по цензурным условиям не могут открыть всей правды». Благодаря этому публика уверена в истинности всевозможных «бесед»: если в ноябре были скептики, недоумевающие, каким образом могла стать известной беседа, ведшаяся с глаза на глаз Родзянко с министром внутренних дел А. Д. Протопоповым, те теперь все без исключения верят в истинность беседы Бьюкенена с Родзянко или Милюковым. За последние дни в городе появился ряд новых слухов «из высоко-авторитетных источников»: упорно говорят об отравлении генерала Алексеева. По словам какого-то «доктора», все признаки болезни генерала Алексеева показывали, что ему в организм введен какой-то яд, однако, окружающие его врачи не приняли никаких мер и «дали генералу умереть». «В ближайшее же время помрут еще генералы, которые насолили немцам; как их ни берегут, все же немцы отравят: на днях к одному генералу приехал новый адъютант, назначенный по просьбе одной фрейлины; генерал пригласил его к своему столу; во время обеда у адъютанта выпал пузырек с ядом, пузырек разбился, и жидкость потекла по ковру, с которого была после передана в аптеку, где признали ее ядом». Подобные рассказы, тревожа общество, содействуют росту слухов о германской партии, якобы готовой к тому, чтобы захватить в России власть.

Из другой области идет слух о бывшем будто бы на днях покушении на министра внутренних дел А. Д. Протопопова: «прогрессивный блок» будто бы послал министру внутренних дел письмо, в котором предлагал

«для спасения жизни и для избавления России от возобновления террора снизу» подать в отставку. Вслед затем якобы стало известно, что министр внутренних дел отказался последовать совету блока и в резкой форме сообщил, что он «не нуждается в няньках и опекунах». Тогда будто бы через 3—4 дня (слух распространился не раньше 28 января) на министра бросился какой-то человек с револьвером (в форме офицера), но был обезоружен. «Но это ничего не значит, его все равно убьют»—заканчивают обычно рассказчики. Циркулирование подобного нелепого слуха ясно выражает настроение общества, страшно жаждущего вести разговоры на «политические» темы, но не имеющего никакого материала для подобного рода бесед. Слухи растут с каждым днем: из «официальных» источников передают о назначении великого князя Николая Николаевича верховным главнокомандующим, о намерении его императорского величества государя императора взять в свои руки обеспечение тыла, и пр. Всякий, кому не лень, распространяет слухи о войне, мире, германских интригах и пр.,—не видно конца даже всем этим слухам, которыми живет изо-дня в день столица.

28/I 1917 г.

(Дело канцелярии петроградского градонач-ка по к.-д. партии и общественному движению.)

ГЛАВА X.

БУРЖУАЗНАЯ ОППОЗИЦИЯ ОСЕНЬЮ 1916 ГОДА.

57.

Сводка начальника петроградского губернского жандармского управления на октябрь 1916 года.

Исключительная серьезность переживаемого страною исторического момента и те неисчислимые катастрофические бедствия, коими могут угрожать всему жизненному укладу государства возможные, в близком будущем, бунтарские выступления озлобленных тяготами повседневного существования низов населения империи, по убежденным мнениям лойяльных элементов,— властным образом диктуют крайнюю необходимость спешных и исчерпывающих мер к устранению создавшейся неурядицы и разрежению излишне сгустившейся атмосферы общественного недовольства.

Половинчатость в решениях и какие-либо полумеры случайного характера, как показал опыт последнего времени, при настоящих условиях совершенно неуместны, так как, не разрешая вопроса по существу, таковые лишь более запутывают и без того осложненные взаимоотношения власти и населения на местах и еще сильнее напрягают волну общего озлобления и недовольства в массах, в достаточной степени подготовленных к самым диким эксцессам при первом же удобном и неудобном случае.

По представлению и убеждению умеренных и лойяльных групп населения, правительственная власть, в изыскании необходимых для успокоения страны, исчерпывающих и спасительных мероприятий, должна проявить ту особенную осмотрительность и решимость, какая обязательна и может быть уместна лишь у одра тяжело больного. Малейший признак нерешительности или колебаний при разрешении означенного сложного и спешного вопроса грозит тяжелым и печальным исходом, последствия коего в данный момент даже не могут быть и учтены. Отсюда — естественная необходимость постановки правильного диагноза развившейся болезни, точная оценка причин создавшегося в стране настроения и того, каково это настроение в действительности.

Ответ на первый вопрос (*причины создавшегося кризиса во внутренней жизни страны*) ясен и разрешается всеми без исключения согласно и определенно.

Небывалый и общий подъем патриотического энтузиазма, характеризовавший собою первый и начальный период длящейся уже третий год

мировой борьбы, естественным образом, как бы исключал возможность и необходимость вдумчивого и сознательного отношения к возможным последствиям длительной кампании и тем неизбежным лишениям, какие могли выпасть на долю бесконечного по пространству и мало подготовленного в техническом отношении тыла действующих армий, — в данном случае, территории всего государства.

В порыве шовинистических чувств, заставлявших общее внимание приковываться исключительно лишь к жизни и успехам театра военных действий, мысль о необходимости своевременно озаботиться организацией тыла и подготовить средства к урегулированию уклада внутренней жизни страны на все время длительной кампании, в силу логического хода явлений и событий, как бы отодвигалась на задний план и уступала в первенстве и значении доминировавшим тогда у всех без исключения заботам об удовлетворении срочных и обязательно-необходимых потребностей действующего фронта: не было ни времени, ни места для «штатских интересов и разсуждений»,—всеми и всем бессознательно управляла лишь несколько позднее осознанная и впоследствии официально формулированная в кадетском лозунге мысль о достижении скорой и решительной победы.

Сведя постепенно на-нет шумливые и бескопечные проявления шовинистического энтузиазма первых дней войны и в резких штрихах подчеркнув полное несоответствие теоретически-кабинетных расчетов мирного времени колоссальному в действительности масштабу современной войны, летняя кампания 1916 года привела массы, под воздействием ряда неудач на театре военных действий, к более осмысленному и внимательному отношению как к самой войне, так равно и к тогда уже угрожавшей неурядице неподготовленного тыла, но опять-таки, в силу официально в это время провозглашенного и всеми подхваченного лозунга — «все для победы» — с еще большей настойчивостью заставила искать выхода из создавшегося тяжелого положения в новых усиленных и спешных заботах о нуждах действующего фронта, во многих случаях и зачастую—без крайней необходимости, в ущерб важному и необходимому для той же победы тылу.

Блестящие результаты наступления армий генерала Брусилова весною текущего 1916 года и современное положение дела снабжения действующего фронта определенно указывают, что взятые на себя правительством и широкими общественными кругами задачи в указанном направлении выполнены более чем успешно. Вопрос о питании армий военными припасами может считаться разрешенным и налаженным должным образом. Но за то и постепенно назревавшее расстройство тыла, — иными словами, всей страны, — носившее хронический и все прогрессировавший характер, достигло к настоящему моменту того максимального и чудовищного развития, которое определенно и уже теперь начинает угрожать достигнутым на действующем фронте результатам и обещает в самом скором времени ввергнуть страну в разрушающий хаос катастрофической и стихийной анархии.

Систематически нараставшее расстройство транспорта; безудержная вакханалия мародерства и хищений различного рода темных дельцов в разнообразнейших отраслях торговой, промышленной и общественно-политической жизни страны; бессистемные и взаимно-противоречивые распоряжения представителей правительственной местной администрации; недобросовестность второстепенных и низших агентов власти на местах; и, как следствие всего вышеизложенного, неравномерное распределение продуктов питания и предметов первой необходимости, неимоверно прогрессирующая дороговизна и отсутствие источников и средств питания у голо-

дающего в настоящее время населения столиц и крупных общественных центров,—все это, вместе взятое, характеризуя в ярких исчерпывающих красках результат забвения тыла, как первоисточник и причины тяжкого болезненного состояния внутренней жизни огромного государственного организма, в то же время определенно и категорически указывает на то, что грозный кризис уже назрел и неизбежно должен разрешиться в ту или иную сторону.

Характерным подтверждением изложенному может служить и отмечаемое сейчас в массах населения особо встревоженное настроение. К началу сентября месяца сего года среди самых широких и различных слоев столичных обывателей резко отметилось исключительное повышение оппозиционности и озлобленности настроений. Все чаще и чаще начали раздаваться жалобы на администрацию, высказываться резкие и беспощадные осуждения правительственной политики.

К концу означенного месяца эта оппозиционность настроений, по данным весьма осведомленных источников, достигла таких исключительных размеров, каких она, во всяком случае, не имела в широких массах даже в период 1905—1906 гг. Открыто и без стеснения начали раздаваться сетования на «продажность администрации», неимоверные тяготы войны, невыносимые условия повседневного существования; выкрики радикальствующих и левых элементов о необходимости «раньше всего уничтожить внутреннего немца и потом уже приниматься за заграничного»—начали встречать по отношению к себе все более и более сочувственное отношение.

Тяжелое материальное положение рядового обывателя, обреченного на полуголодное существование и не видящего никакого просвета в ближайшем будущем, заставило его сочувственно и с редким вниманием относиться ко всякого рода планам и проектам, основанным на обещании улучшить материальные условия жизни. В результате создалась обстановка, в высшей степени благоприятствующая всякого рода революционной пропаганде и начинаниям и более чем правильно оцененная активными руководителями левых и иных противуправительственных групп; трудно отрицать и возможность скрытой в такой благоприятной обстановке работы тайных германских агентов, уже давно и неоднократно возвещавших всему миру, что Россия—накануне революции, что Петроград более чем близок к вооруженному восстанию в целях добиться немедленного заключения мира, и т. п.

Несомненно, слухи подобного рода значительно преувеличены в сравнении с истинным положением вещей, но все же положение настолько серьезно, что на него должно и необходимо обратить внимание незамедлительно. Столичные кадетские круги, весьма хорошо знакомые с экономическим положением обывателя, давно уже предсказывают, что Россия близка, если не к революции, то, во всяком случае, к крупнейшим беспорядкам, могущим возникнуть повсеместно, если не будут приняты соответствующие предупредительные меры.

За последнее время в ряде различных комитетов, обслуживающих беженцев, в продовольственных комиссиях, в городских попечительствах о бедных и других разнообразнейших учреждениях, близко соприкасающихся с обывателем и знакомых с его нуждами и настроением, все без исключения выражают определенную уверенность в том, что «мы накануне крупных событий», в сравнении с коими «1905 год — игрушка», что „система правительства держать обывателя в неведении потерпела полный крах: обыватель пробудился и, вместо ожидаемого «ура», кричит «караул»“, и т. п.

В виду того, что подобного рода речи в настоящее время раздаются буквально во всех слоях населения, не исключая и таких, кои в прежние

годы никогда и ничем не выражали своего недовольства (например, отдельные круги даже гвардейского офицерства),— необходимо считать в значительной степени правильной точку зрения кадетских лидеров, определенно утверждающих со слов Шингарева, что «весьма близки события первостепенной важности, кои нисколько не предвидятся правительством, кои печальны, ужасны, но в то же время и неизбежны...».

При подобного рода обстановке общественного недовольства и тревоги, для правильной и вдумчивой ориентировки в создавшемся положении, особенный и исключительный интерес представляет оценка переживаемого страною исторического момента руководителями и активными деятелями наиболее серьезных и могущих оказать влияние на движение политических партий. Безусловно сходясь в том, что в данный момент Россия живет ненормальной жизнью, неизбежно клонящейся к экономическому и политическому краху страны, эти партии все же резко расходятся по вопросу о том, что именно делает жизнь страны ненормальной, и какие меры необходимы для полного и радикального устранения означенных ненормальностей.

Как известно, на собраниях рабочей группы «центрального военно-промышленного комитета», а также и на подготовительных собраниях и совещаниях комитета бирж труда, обычно присутствуют представители всех без исключения течений революционного подполья. В частных беседах, а иногда даже и в заранее подготовленных особых рефератах и докладах, ораторы на означенных собраниях дают подробные картины того, каким представляется в их глазах положение России в настоящее время.

Представители крайнего течения социалистов - революционеров, готовившие свои доклады к предполагавшимся московским совещаниям рабочих групп военно-промышленных комитетов, дают в этом отношении такого рода картину:

«Война с каждым днем все более и более вскрывает внутренние противоречия строя России и ежедневно увеличивает на десятки тысяч число противников войны и милитаризма. В Германии и России одинаково голодают массы, в то время как несколько сот человек безумно обогащаются за счет пауперизма этих же масс. В Германии поняли, что дальнейшая война несет за собою рабство пролетариата, какого еще не видела всемирная история; поэтому там все более внимательно прислушиваются к лозунгу: «мир во что бы то ни стало», так как от скорейшего мира зависит само существование народа.

«У нас этого еще не понимают: лишь пустые места легальных газет да переполненные тюрьмы свидетельствуют, что и русский народ начинает понимать сущность войны. Но разрозненность партийных программ, отсутствие надлежащей организованности среди отдельных классов населения, невозможность вести пропаганду и пр.—заставляют социалистов-революционеров, не ослепленных «Романовским золотом», видеть дело не так, как оно кажется социал-демократам и другим левым партиям: в России невозможна сейчас революция по примеру 1905 года, но зато более чем возможна соединенная революция военно-пролетарских масс.

«Успех пропаганды социалистов-революционеров в армии, о котором с каждым днем поступают все новые и новые данные, заставляют нас ждать, что начало революции положат те солдаты, коих насильно сделали из вчерашних рабочих, и те рабочие, которые подчинены каторжному режиму военно-полицейского государства, и которых, под страхом пуль и штыков, заставляют работать те же самые штыки и пули. Пусть правительственные агенты скрывают то брожение, которое охватило армию, пусть

военные суды ежедневно поглощают новые и новые жертвы,—ни рабочих, ни солдат не обманут посулы Гвоздевых, Гучковых и прочих предателей...

«Тем хуже будет правительству, чем дольше оно будет вести войну: два года раскрыли глаза всем наивным, верившим в возможность «бескровной победы» демократии над царизмом, теперь таких людей нет... Да и кого могут убедить лживые фразы о выгодности войны для рабочих? Тех ли рабочих, кои взяты на войну и кои тысячами гибнут от антисанитарных условий, глупости и продажности командиров, а то и просто предательства? Или тех рабочих, кои, «спасая Россию» изготовлением снарядов, видят, как их дети и жены мрут от недостатка питания и дороговизны? Или, быть-может, жен, сестер и детей солдат, заполнивших собою кадры проституток?».

В других подобных же докладах, излагаемых обычным цветистым языком подпольной литературы, к вышеизложенному прибавляются статистические данные, почерпнутые из статей кадетов и социал-демократов: о росте смертности на 150% среди столичного населения, о повышении на 400—500% проституции, о повышении на 100% венерических заболеваний в местах нахождения и обучения войск, и т. д. К сожалению, некоторые факты,—например, об успешности пропаганды идей пацифизма среди солдат и военнообязанных рабочих, о росте всеобщего недовольства дороговизной и недостатком продуктов, об усилении среди левых партий «пораженческих» групп и тенденций и пр.,—верны, и социал-революционные агитаторы правильно учитывают, что настоящий момент наиболее благоприятен для подготовления сырой почвы к посеву революционно-социалистических идей и бредней...

Почва для подобного рода эксцессов вполне готова: экономическое положение массы, несмотря на огромное увеличение заработной платы, более чем ужасно. В то время как заработная плата у массы поднялась всего на 50% и лишь у некоторых категорий (слесаря, токаря, монтеры) на 100—200%, цены на все продукты возросли на 100—500%. По данным, собранным больничной кассой завода «Треугольник», заработок рабочего до войны, считая посуточно, был:

Чернорабочего .	1 руб.—1 руб. 25 коп.;	теперь же—	2 руб. 50 коп.—3 руб.
Слесаря	2 » —2 » 50 »	»	4 » — » —5 »
Монтера	2 » —3 » — »	»	5 » — » —6 »

и т. д.

В то же время и стоимость предметов потребления рабочего изменилась следующим невероятным образом:

Угол оплачивался	2—3 руб. в месяц;	теперь же—	8—12 рублями.
Обед (в чайной)	15—20 коп.	»	1 руб.—1 руб. 30 коп.
Чай	7 коп.	»	35 коп.
Сапоги	5—6 руб.	»	20—30 руб.
Рубаха	75—90 коп.	»	2 руб. 50 коп.—3 руб.

и т. д.

Даже в том случае, если принять, что рабочий заработок повысился на 100%, то все же продукты повысились в цене на 300% в среднем. Невозможность добыть даже за деньги многие продукты питания и предметы первой необходимости, трата времени на простой в очередях при получении товаров, усилившиеся заболевания на почве скверного питания и антисанитарных жилищ (холод и сырость, благодаря отсутствию угля и

дров), и пр.—сделали то, что рабочие, уже в массе, готовы на самые дикие эксцессы «голодного бунта».

Но, помимо тяжелого экономического положения, «политическое бесправие» рабочих сделалось за последнее время совершенно «невыносимым и нетерпимым»; отсутствие простого права свободного перехода с одного завода на другой, по мнению социал-демократов, превратило пролетариат в «бесправное стадо», пригодное лишь к «убою на войне». Запрещение рабочих собраний—даже в целях устройства лавочек и столовых,—закрытие профессиональных организаций, преследование активных деятелей заводских больничных касс, приостановление рабочих органов и печати,—и пр., заставляют рабочие массы, руководимые в своих действиях и симпатиях наиболее сознательными и уже революционизировавшимися элементами, резко отрицательно относиться к правительственной власти и протестовать всеми мерами и средствами против дальнейшего продолжения войны.

Наиболее чутко относящаяся ко всякому движению «партия народной свободы» давно уже собрала огромные материалы, рисующие очень мрачные стороны текущей русской действительности.

На основании этих материалов кадетами делались соответствующие доклады как в партийных организациях, так равно и в тех общественных учреждениях, где они могли рассчитывать найти много сочувствующих (земские собрания, съезды деятелей земского и городского союзов, комиссии Государственной Думы и пр.). Особенно интересным в данном случае является взгляд А. И. Шингарева, высказанный им в конце августа месяца сего года в беседе с приезжавшими в столицу из провинции общественными деятелями:

«Правительство продолжает делать ошибки и ведет очень двойственную игру, которую многие из кадет называют определенно «преступной». Отложив созыв Государственной Думы, правительство этим самым лишило центр возможности поддержать начинания самого правительства... Думали, что страна состоит из маленьких детей, которые не понимают, чего ради отложен созыв Государственной Думы. Думали, что смогут обойтись без Госуд. Думы, и провалились... Все начинания правительства, проведенные по 87 ст., показывают ясно недоверие к Госуд. Думе, боязнь справедливой критики, опасения раскрытия злоупотреблений... Результат—налицо: нация почти вся целиком не верит нынешнему правительству и, к сожалению, начинает уже не верить и Госуд. Думе, многие члены коей запятнали свое имя разными не-этическими поступками... Откладывание созыва Госуд. Думы со дня на день, раскрытие новых злоупотреблений, нелепые меры в борьбе с дороговизной и недостатком продуктов и т. д.—создали то, что в стране вдруг почувствовался рост политической оппозиции (например, это очень заметно на усилении агитации при выборах)... Я боюсь, что правительство доведет дело до того, что и Госуд. Дума не сможет ничего сделать для успокоения волнующихся масс.

«Кадеты прекрасно сознают нелепость и недопустимость при нынешних обстоятельствах переговоров о мире, но что же они могут сделать, если со всех сторон раздадутся грозные крики: «долой войну или долой правительство». Левые от нас требуют, чтобы мы открыто объявили о своем недоверии правительству; но разве не будет смешно, что мы, больше других партий понимающие необходимость для России единения и напряжения всех усилий при нынешних тяжелых обстоятельствах, будем сами разрозненивать эти силы. Да я лично и не верю, чтобы серьезная партия решилась сейчас отказаться поддерживать правительство, находящееся более чем в критическом положении. Лишь важные события, как-то: роспуск

Государственной Думы, проведение новых налогов и т. п.—могли бы заставить нашу партию выступить с протестом».

В конце сентября месяца уже многие кадеты выступали в печати с заявлением о невозможности дальнейших отсрочек в деле созыва Гос. Думы; в думских же комиссиях, сведения о резолюциях и решениях коих широко распространились среди различнейших кругов русского общества, прямо указывалось на опасность от каждого дня промедления.

Но, если кадетские парламентарии видят опасность, главным образом, в отсутствии деятельности Госуд. Думы, то совершенно другие выводы о настоящем моменте делаются кадетскими уполномоченными земского союза, рисующими чудовищные картины жизни тыла и настроения войска. В указанном направлении особенно характерен доклад уполномоченного, ездившего в Ригу и др. места для ознакомления с постановкой дела доставки в армию съестных припасов. По его словам, настроение в армии якобы очень тревожное, отношения между офицерами и солдатами крайне натянутые, почему неоднократно имели и имеют место даже кровавые столкновения; держат себя солдаты в тыловых частях крайне вызывающе, публично обвиняя военные власти во взяточничестве, трусости, пьянстве и даже предательстве. Повсюду тысячами встречаются дезертиры, совершающие преступления и насилия в отношении мирного населения, с сожалением говорящего о том, что «напрасно не пришли немцы», что «немцы навели бы порядок» и т. д.

По словам того же уполномоченного, в Ревеле было несколько случаев стрельбы пехотинцев по пограничникам, а также и по матросам: дело в некоторых случаях доходило чуть ли не до форменных сражений. Тыловые офицеры, оставленные по протекции заведывающими обозами, поездами, этапными командами и т. д., поражают, по словам кадетских уполномоченных, своей «необразованностью, наглостью и отсутствием выдержки»; среди них царят «кутежи, картежная игра и разврат». Солдаты презирают своих офицеров, особенно прапорщиков, в смысле воинского воспитания и развития зачастую стоящих гораздо ниже подчиненных им солдат. Даже высший командный состав в тыловых частях и учреждениях состоит из малоопытных людей, окруженных мошенниками и взяточниками: сплошь и рядом наблюдаются все учащающиеся случаи оставления в тылу солдат за крупные суммы.

Раненые, с коими приходилось зачастую сталкиваться уполномоченному, определенно говорят, что дух армии был бы великолепен, если бы был хотя несколько выше состав офицеров. Про тыл раненые рассказывают просто невероятные вещи: требование взяток с раненых за доставку на пункт, ограбления раненых санитарами и пр... По мнению уполномоченного, все им виденное определенно рисует картину разложения армии, а это предвещает и скорый конец войны. Злоба солдат на то, что с родины плохо или даже совершенно не доходят известия, безгранична, особенно под влиянием побывавших в отпусках солдат, рассказывающих различного рода небылицы про те места, где им приходилось проезжать.

Земских служащих, доставляющих продукты, солдаты забрасывают вопросами: правда ли, что в Петрограде и Москве голод, что «купцы» выселяют солдаток на улицу, что немцы дали министрам миллиард за обещание уморить возможно большее число простых людей, и т. п. Даже германские прокламации, с их фантастическими бреднями, стали за последнее время находить среди солдат доверяющие круги читателей. Помимо этого, наблюдается и настоящая пропаганда, сводящаяся, главным образом, пока к убеждениям дезертировать. По мнению этого уполномоченного,

«всякий, побывавший вблизи армии, должен вынести полное и убежденное впечатление о безусловном моральном разложении войск. Солдаты указывают на необходимость мира уже давно, но никогда это не делалось так открыто и с такой силой, как сейчас. Офицеры часто даже отказываются вести команды в бой, в виду опасности быть убитыми своими же людьми».

Хотя в подобного рода рассказах уполномоченного многое и кажется мало вероятным, однако, необходимо относиться к его сведениям с большой дозой доверия, так как ряд врачей, вернувшихся из действующей армии, делали доклады в том же духе и в тех же тонах: полное разложение организации тыла, рост недовольства, всеобщая усталость от войны,—таковы были основные мотивы всех этих докладов.

Не менее печальные картины рисуются кадетскими уполномоченными и по закупке продуктов внутри России. По словам одного из них, «всюду полная разруха»: крестьяне, запуганные реквизициями, недовольные вмешательством в торговые сделки губернаторов и полиции, не хотят продавать хлеб и другие припасы, опасаясь, что им заплатят «по таксе». Никаким уверениям в том, что им заплатят по правильной расценке и сообразно с их требованиями, они не верят. Вследствие этого оказывается, что в провинции совершенно нет продуктов: крестьяне, узнав на опыте цены на «городские товары» (сахар по 1 р. 50 к. за фунт, чай по 4 руб. за фунт, колбаса по 2 р. за фунт и т. д.), не хотят продавать свои товары, так как боятся продешевить. В результате—цены повсюду растут, а товары исчезают.

Дороговизна чувствуется в деревне не меньше, чем в городе; кроме того, в деревне она влечет за собою невероятные слухи, еще более фантастические, чем в городе; крестьяне охотно верят слухам о вывозе кожи, хлеба, сахара и пр. к немцам, о продаже половины России графом Фредериксом тем же немцам и т. п. А между тем, все это делает настроение деревни очень беспокойным.

По словам другого уполномоченного, «деревня сейчас переживает серьезнейший момент, впервые и так ярко вскрывший в русской истории антагонизм города и деревни: на дороговизну рабочих рук на заводах деревня ответила отказом продавать по старым ценам пищевые продукты... Отношение деревни к войне, с момента возникновения таковой, было весьма неблагоприятным, ибо там более чувствовался увод ратников, чем это ощущалось в городе. Теперь же в деревне уже и не верят в успех войны; по словам страховых агентов, учителей, торговцев и пр. представителей деревенской «интеллигенции», «все ждут не дождутся, когда же, наконец, окончится эта проклятая война». Крестьяне охотно беседуют на политические темы, чего до начала войны, после 1906 года, почти совершенно не наблюдалось, и говорят о том, что «надо повесить Сухомлинова, вздернуть 10—15 генералов, и мы бы стали побеждать...» «Настроение деревни стало резко оппозиционным не только по отношению к правительству, но даже и к другим (не деревенским) классам населения: рабочим, чиновникам, духовенству и т. д...».

По словам третьего уполномоченного, вернувшегося из поездки в Поволжье, «в деревнях наблюдается революционное брожение в роде того, которое имело место в 1906—1907 гг.: повсюду обсуждаются политические вопросы, делаются постановления, направленные против помещиков и купцов, устраиваются ячейки разных организаций... Конечно, объединяющего центра пока нет, но надо думать, что крестьяне объединятся через кооперативы, которые ежечасно растут по всей России. Таким образом крестьянство, несомненно, окажется весьма действительным участником новаго и неизбежного движения...».

По словам других кадет,—особенно из числа лиц, являвшихся к приезжавшим на родину депутатам,— «по всей России наблюдается одно и то же: всюду понимают, что при старых порядках не победить немцев, что одной ликвидацией немецкого землевладения не поможешь, что необходимо вмешательство самой нации в войну... Конечно, не во всех губерниях и не в одинаковой степени ярко проявляется это движение: на севере мы видим демократические кооперативы, исполняющие обязанности мелкой земской единицы; в средней полосе России действуют больше земские учреждения; на юге выступают единичные личности. Движение, которое вначале было чисто экономическим, ныне стало политическим и в будущем может вылиться в серьезнейшее движение с определенной программой».

По мнению многих видных депутатов (Шингарев, Александров и др.), в случае отказа правительства войти в соглашение с «партией народной свободы» или в случае неприемлемости условий правительства, до «революции осталось всего лишь несколько месяцев, если только таковая не вспыхнет стихийным порядком гораздо раньше»: повсюду настроение достигло такого оппозиционного характера, что достаточно какого-нибудь пустячного предлога, чтобы вызвать бурные беспорядки ожесточившихся народных масс; беспорядки, конечно, вызовут кровавые подавления вооруженной силой, а последнее приведет к повсеместным протестам и еще более диким эксцессам. Получая из Румынии тревожные известия о наступлении там германцев, кадеты, на основании «вполне осведомленных источников» и данных, сообщают, что положение дел на румынском фронте «безнадежно», в виду якобы плохой подготовленности к войне румын, и что возможность приостановки военных действий до весны в том положении, в каком таковые находятся в настоящее время, грозит самыми опасными последствиями, так как «страна не в силах вынести еще одной зимней кампании».

Таким образом «для революции», по мнениям кадет, имеется более чем достаточно материала; созыв же и вероятный роспуск Государственной Думы могут сыграть в настроениях масс решающую роль. И в то же время, рассчитывая, при перемене внутренней политики, привлечением масс к общественной и государственной работе, хотя бы «локализовать» на время всякие «недоразумения» и «протесты»,—сами кадеты выражают сомнения в том, чтобы правительство могло согласиться на кадетских министров и полную ломку давнишнего направления внутренней политики; у них даже возникают, вслух не произносящиеся, речи и мысли о том, допустят ли до этого другие политические партии, совершенно не разделяющие взглядов кадет на причины общественного недовольства и средства к ликвидации выражений такового. Чувствуя приближение важнейших событий, кадеты, кажется, надеются на свои силы и на свое влияние в стране более, чем следует,—упреки в этом отношении они уже слышали неоднократно и слышат и теперь от всех других политических партий и течений страны.

Ко всему изложенному выше необходимо добавить, что настоящий политический момент во внутренней жизни государства считают серьезным и опасным не только левые и прогрессивные партии, предсказывающие неизбежность скорой и «беспощадной» революции, но даже и партии умеренные и . . . правые.

(6 делопр., д. № 167 ч. 67.)

58.

Сводка директора департамента полиции по циркулярной телеграмме тов. министра внутренних дел об общественном настроении.

Поступающие во вверенный мне департамент полиции из различных источников сведения о настроении различных кругов населения страны в последнее время стали носить весьма тревожный характер.

Вследствие сего мною было поручено одновременно всем подведомственным департаменту полиции розыскным органам империи представить доклады, основанные как на агентурном освещении, так и на фактических данных о том, в каком виде представляется на местах переживаемый нашим государством момент и, в частности, об общем настроении населения, об отношении его к войне, к центральному правительству, к Государственной Думе, в связи с предстоящим возобновлением занятий последней, и о положении революционного движения в обслуживаемом каждым из розыскных органов районе.

Приступая к краткому докладу вашему превосходительству сводки полученных от губернских, областных и городских жандармских управлений и охранных отделений донесений, последовавших в ответ на означенное мое предложение, считаю необходимым прежде всего отметить, что в подавляющем большинстве случаев донесения эти рисуют внутренние настроения страны и населения вообще и отдельных слоев его в весьма сходном между собою виде, розняясь лишь в определении степени напряжения положения.

Столь же согласно определяются во всех без исключения донесениях и главнейшие причины всех переживаемых настроений, каковыми причинами признается то положение, в котором находится продовольственный вопрос и неразрывно связанная с ним беспримерная, непонятная населению, чудовищно растущая дороговизна. Все остальные тяжелые явления нашей действительности текущего периода представляются лишь следствиями этих причин, а потому естественно является заключение, что, с урегулированием продовольственного вопроса и вопроса о дороговизне предметов первейшей необходимости, внутреннее состояние страны, если и не примет совершенно нормального вида, все же даст возможность более или менее спокойно довести войну до желательного конца.

Наибольшая степень раздражения и озлобления масс под влиянием указанных причин наблюдается в обеих столицах. Сравнение настроения населения Петрограда и Москвы и отношения его к центральному правительству в данное время и в период 1905—1906 гг. устанавливает, что теперь оппозиционность настроений достигла таких исключительных размеров, до которых она далеко не доходила в широких массах в упомянутый смутный период. Вся тяжесть ответственности за переживаемые родиной невзгоды возлагается ныне уже не только на правительство, в лице совета министров, но даже и на верховную власть.

Такое необычайно повышенное настроение населения столиц дает основание начальникам охранных отделений заключить, что в случае, если не изменятся обстоятельства, вызвавшие подобную нервозность как в Петрограде, так и в Москве могут вспыхнуть крупные беспорядки чисто стихийного характера. Происходящие ныне в Петрограде забастовки чисто стихийного происхождения как бы подтверждают правильность такого заключения.

Таким же напряженным, но все же в несколько меньшей мере, нежели в столицах, рисуется настроение во внутренней России. Здесь, однако, необходимо оговорить, что в данном случае речь идет лишь о городах, так как в деревнях, по согласному свидетельству донесений, в большинстве случаев, вследствие весьма благоприятно сложившихся для крестьян экономических условий, не только не наблюдается повышенного настроения, но отмечается даже довольство населения и спокойное или, скорее, безразличное отношение почти ко всему тому, что так тревожит городское население.

Общее же недовольство в городах, а также даже среди казаков земли войска Донского, настолько разрослось вширь и вглубь, что, по единогласному отзыву начальников розыскных органов, стихийные беспорядки могут вспыхнуть повсеместно при ближайших к тому поводах или под влиянием слухов о возникновении таких беспорядков в столицах. Характерным представляется заключение начальника кронштадтского жандармского управления о том, что возрастающая дороговизна и недостаток продуктов первой необходимости создают обстановку, при которой даже в крепости, находящейся на осадном положении, возможно возникновение среди рабочих беспорядков, при чем на подавление их войсками гарнизона рассчитывать нельзя, ибо последние состоят из новобранцев, ополченцев и запасных, для которых интересы гражданского населения явятся более близкими и понятными, нежели выполнение воинского долга. Есть указания на то, что и стражники в некоторых местностях являются не вполне надежными и что в острый момент они могут покинуть службу.

Во внутренней России продовольственная неурядица и дороговизна объясняются неумением или нежеланием центрального правительства урегулировать эти вопросы, почему отношение к нему также, в подавляющем большинстве случаев, крайне отрицательное. С недоверием относятся и к представителям местной администрации, чины же полиции открыто порицаются за явное якобы взяточничество и содействие, оказываемое спекулянтам во всех их экспериментах в отношении обывателей, вместо помощи последним в борьбе с мародерами.

В связи с описанным находится и наблюдаемое повсеместно и во всех слоях населения как бы утомление войной и жажда скорейшего мира, безразлично, на каких бы условиях таковой ни был заключен.

Такому охлаждению высокопатриотического настроения начала и первого года войны (даже среди крестьян), помимо некоторых неудач нашего оружия, содействуют в значительной степени частые призывы ратников, особенно старших возрастов, а также злоупотребления при призывах, благодаря чему люди вполне здоровые, но состоятельные или имеющие протекцию, во множестве избавляются от несения службы в действующих войсках, устраиваясь в тыловые учреждения и переполняя их. Как результат охлаждения к войне, можно рассматривать растущее дезертирство из армии и массовые сдачи в плен («уходы в плен»).

Кроме приведенных общих причин недовольства населения, указываются также некоторые частные, касающиеся отдельных местностей или отдельных народностей.

Так, например, на юге России, в местностях, где находятся немецкие колонии, население первирует кажущаяся медленность в осуществлении ликвидации немецкого землевладения, каковая медленность объясняется силою немецкого влияния на центральное правительство.

Той же боязнью немецкого засилия объясняют эстонцы свое недоверие к правительству, что, будто, заставляет их искать сближения с нем-

цами, значение которых в Прибалтийском крае, по мнению эстонцев, и после войны будет прежнее, почему останется и экономическая зависимость крестьян от немецких помещиков.

Армяне недовольны центральным правительством за то, что, по их мнению, оно подготовляется отклонить автономию Армении.

Попрежнему отрицательно отношение к русской власти в Финляндии, которая, однако, не возлагает уже надежд, как ранее, на русские оппозиционные партии (кроме финляндских социал-демократов, рассчитывающих на помощь российского пролетариата), а надеется более на «давление» из-за границы.

Наконец, настроение туземного населения Туркестанского края представляется также значительно повышенным и нервным, долженствующим, при наличии могущих произойти осложнений с Афганистаном и Китаем, вылиться даже в формы открытого выступления против русского владычества в крае.

Обращаясь к оценке отношения к Государственной Думе, должно сказать, что судя по донесениям с мест, отношение народных масс к ней в последнее время серьезно изменилось, ибо деятельность Думы в прошлую сессию сильно разочаровала массы: в борьбе с наиболее насущными вопросами (дороговизной, продовольственными затруднениями) Дума ничего не сделала, а то, что сделала (закон о мясопустных днях) лишь еще ухудшило положение.

Такое ослабление веры в народное представительство в широкой народной массе особенно озабочивает кадет, которые собираются в предстоящей сессии продемонстрировать перед народом, что они являются столь же деятельными, как и левые партии.

Наконец, что касается революционного движения в империи, то в отношении его розыскные органы отмечают, что в настоящее время, благодаря призыву в войска массы партийных деятелей и распылению непризванных членов революционных партий по общественным учреждениям, работающим на оборону,—революционные организации, как таковых почти нигде не существует. Попытки отдельных партийных деятелей или небольших групп их к налаженню революционной работы, пользуясь легальными возможностями (например рабочих групп военно-промышленных комитетов), благодаря внимательному наблюдению за ними, удовлетворительно освещаются розыскными органами.

Положение это подтверждается и сведениями, находящимися в распоряжении департамента полиции, который, со своей стороны, неукоснительно информирует розыскные органы о всех намерениях революционных партий и инструктирует эти органы в деле борьбы с революционными выступлениями.

Сопоставляя все вышеприведенные признаки назревающего нового смутного периода с ходом вообще революционного движения в России, обязуюсь доложить вашему высокопревосходительству, что признавая создавшееся положение безусловно в высшей степени напряженным и в значительной степени угрожающим государственному порядку и общественной безопасности возможностью возникновения в разных местностях империи, в особенности в столицах, крупных беспорядков, департамент полиции, со своей стороны, полагает, однако, что нарастающее движение в настоящее время еще носит характер э к о н о м и ч е с к и й, а н е р е в о л ю ц и о н н ы й. К такому выводу приводят департамент полиции нижеследующие соображения.

Совокупность всех имеющихся в департаменте полиции данных об общественно-оппозиционном и революционном движениях устанавливает, что хотя, действительно, весьма энергичные и планомерные действия руководителей и главных участников этих движений под предлогом обороны

и спасения России от гибели направлены к изменению существующего строя, но, во-первых, как оппозиционные, так и революционные силы сами, вследствие распыленности их, не сорганизовались и не объединились для решительных выступлений в данный момент или в ближайшем будущем, а во-вторых, несмотря на все попытки представителей революционного и оппозиционного движения им до сего времени не удалось революционизировать в должной мере и сорганизовать крестьянские массы и, надо полагать, не удастся этого сделать в близком будущем, благодаря указанным выше благоприятно сложившимся для деревни экономическим условиям. Между тем, как показал революционерам опыт возбуждения частичных вооруженных восстаний в 1905 году, подобного рода выступления без участия в них крестьянских масс не могут достигнуть поставленных целей и неизбежно повлекут за собою лишь новый, и на этот раз окончательный, по их мнению, разгром революции.

Такое положение вещей в революционном лагере, в связи с неимением в распоряжении революционеров оружия для вооружения боевых дружин, и делает близкие революционные выступления неосуществимыми.

Тем не менее, не говоря уже о тех неисчислимых последствиях, которые могут вызвать и неорганизованные чисто-стихийные выступления масс, настроение переживаемого момента опасно потому, что оно является наиболее благоприятным для подготовления массовых организованных выступлений, в виде частичных вооруженных восстаний, по окончании войны, в продолжительный и тяжелый период демобилизации, когда боевые революционные кадры будут легко пополняться массами дезертиров, а вооружение для них доставляться в изобилии из войск теми революционными элементами, которые влились в войска во время войны, а также и теми воинскими чинами, которых этим революционным элементам удастся, благодаря полному отсутствию наблюдения за революционным движением в войсках, привлечь на сторону революции.

Об изложенном имею честь доложить вашему высокопревосходительству.

30/x 1916 г. Директор *Васильев.*

(6 делопр., д. № 167, 19.)

59.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о выступлениях А. И. Коновалова среди московских промышленников.

Неделю тому назад в Москве был член Государственной Думы А. И. Коновалов. О его выступлениях в настоящее время идет много толков в среде московских торговопромышленников. Кроме участия в занятиях московского военно-промышленного комитета, Коновалов старался энергично воздействовать на фабрикантов и заводчиков также путем более интимных личных бесед.

В этих беседах Коновалов рисовал самыми мрачными красками настоящее положение страны. На основании сведений, якобы имеющихся в центральном военно-промышленном комитете, Коновалов предсказывает неизбежность революционного движения. Только глубокий патриотизм и сознательность относительно освободительных целей настоящей войны до поры до времени сдерживают рабочий класс. Что касается крестьянской массы, то здесь налицо все признаки анархии.

«На другой день после мира, — горячо доказывал Коновалов, — у нас начнется кровопролитная внутренняя война. И весь ужас этой войны будет в том, что она будет протекать стихийно. без плана, без какого бы то ни было центрального руководительства. Это будет анархия, бунт, страшный взрыв исстрадавшихся масс. В России уже сейчас нет никакого правительства. К тому же времени положение еще много ухудшится. При первых революционных взрывах правительство окончательно растеряется и бросит все русское общество на произвол судьбы. Вот почему все, кто сознает неизбежность того, что ждет нас после войны, теперь же должны подумать о самозащите, об ослаблении грозных последствий анархии. Спасение в одном — в организации себя, с одной стороны, в организации рабочих — с другой. Если мы будем смотреть на организацию рабочих враждебно, мешать ей, то мы лишь будем содействовать анархии, содействовать собственной гибели. Объявляя в такой момент рабочим войну, мы рискуем превратить всю русскую промышленность в развалины. На правительство надеяться нечего, мы окажемся лицом к лицу с рабочими, — и тут совершенно бесспорна их сила и наше бессилие. Не лучше ли в таком случае путь соглашения, путь трезвых уступок как с одной, так и с другой стороны. Фабриканты и заводчики, боящиеся примирительных камер, сами не сознают той ужасной опасности, перед которой они станут после войны».

Далее Коновалов коснулся роли военно-промышленных комитетов по окончании войны.

«Правительство, — говорит Коновалов, — поставило себе целью ни в коем случае не допустить существования комитетов после войны и во что бы то ни стало разрушить их. Но правительство, очевидно, плохо себе представляет, что ждет нас в промышленной жизни на другой день после мира. Если бы оно себе это представляло, оно несколько иначе смотрело бы на ту роль, какую после войны придется играть военно-промышленным комитетам. Эти комитеты мобилизовали промышленность и они же должны демобилизовать ее. Без комитетов демобилизация промышленности превратится в ее разрушение; без определенного плана демобилизации, который могут выработать только комитеты и никто кроме них, эта демобилизация превратится в анархию, выбросит на мостовую десятки, сотни тысяч рабочих, со всеми ужасными последствиями подобного явления. И правительство, и многие фабриканты и заводчики относятся отрицательно к рабочим группам при военно-промышленных комитетах, но кто ясно себе представляет, что должно наступить на другой день после войны, тот поймет, какое безумие вооружать против себя и разгонять эти группы. В момент анархии они могут слишком и слишком пригодиться».

Как свидетельствуют даже в группе Поплавского, вообще относящейся враждебно к Коновалову, все эти его запугивания произвели очень сильное впечатление на многих промышленников, — особенно его указания на беспомощность перед анархией правительства и фактические указания, с ссылкой на конкретные данные, на неизбежность грандиозного рабочего движения в стране.

Об изложенном доношу вашему превосходительству.

Полковник *Мартынов.*

20/IX 1916 г.

(6 делопр., д. № 643 т. 3 Вх. 23734.)

60.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о совещаниях у А. И. Коновалова.

В настоящее время в московских общественных кругах особый интерес вызывают к себе совещания, устраиваемые в квартире известного А. И. Коновалова, на которых собираются от 30 до 40 человек из членов местной кадетской группы, некоторых гласных московской городской думы (ее левого крыла), таких же земцев, бывших профессоров московского университета, ушедших оттуда в народный университет Шанявского, журналистов либерального лагеря и некоторых представителей крупной московской буржуазии — личных знакомых Коновалова.

Таких совещаний до сих пор было три: 5, 6 и 9 сего октября; первые два были посвящены выяснению общего политического положения, а последнее — продовольственному вопросу.

По заявлению самого Коновалова, цель его совещаний — «оживить пульс московской политической жизни, внесение в нее большей определенности и систематичности», а главное — «сближение буржуазных либеральных кругов с демократическими элементами». Коновалов бросает руководителям московских к.-д. упрек в инертности, доктринерстве и академичности, а главное — отчуждение от демократии, страх перед ней. В этом отношении, по мнению Коновалова, его совещания должны сыграть крупную политическую роль: «на них должен быть заложен мост между к.-д. и левее стоящими группами — с.-д. и трудовиками».

Роль крайней левой на совещаниях Коновалова играют так называемая «группа Прокоповича и Кусковой» («беззаглавцы», беспартийные социалисты) и чисто интеллигентские группы с.-д., руководимые известными Муравьевым и Никитиным.

На первых совещаниях, довольно в беспорядочной форме, обсуждалось настоящее политическое положение. Резкой критике подверглась деятельность г. председателя совета министров, при чем к его личности проявилось самое отрицательное отношение. Об А. Д. Протопопове говорилось скорее в иронических тонах. В общем, однако, участники совещания признавали назначение А. Д. Протопопова министром внутренних дел «колоссальной победой общественности, о которой несколько месяцев тому назад трудно было и мечтать».

По этому поводу Коновалов выразился так:

«Капитулируя перед обществом, власть сделала колоссальный, неожиданный скачок. Самое большое, на что можно было рассчитывать, это на назначение какого-нибудь либеральничающего бюрократа. И вдруг — октябрист Протопопов, по существу чуждый бюрократическому миру. Для власти это капитуляция почти равносильная акту 17 октября. После министра-октябриста не так уже страшен будет министр-кадет. Быть-может, через несколько месяцев мы будем иметь министерство Милюкова и Шингарева. Все зависит от нас, все в наших руках; предстоящая сессия Государственной Думы должна быть решительным натиском на власть, последним штурмом бюрократии. Государственная Дума должна быть поддержана столь же решительными заявлениями из общественной среды, как то: земств, городских дум, городского и земского союзов, военно-промышленных комитетов, торгово-промышленного класса, различных обществ, — и власть не может не дрогнуть. Более благоприятный момент для штурма власти

едва ли повторится. Власть страшно растерялась перед продовольственной анархией, и, в то же время, военное положение в данный момент весьма мало благоприятно. О каком-либо компромиссе с Штюрмером не может быть и речи. По адресу его в Государственной Думе может быть только одно слово: «Долой, вон! Под суд!».

Приведенные слова Коновалова дают ясное представление о температуре и настроении его «совещаний».

Характеризуя создавшееся в стране настроение, как крайне напряженное, таящее возможность страшного взрыва, Коновалов, между прочим, выразился так:

«Десятилетия самой интенсивной революционной пропаганды не могли бы сделать того, что сделала беспрерывная министерская «чехарда». Власть сама расшатала последние свои устои и раскрыла глаза на свою сущность самому темному и инертному обывателю. Особенно убийственное впечатление произвели два последних назначения — гр. Бобринского и А. Д. Протопопова. Оба эти назначения в глазах народных масс — красноречивейшие революционные прокламации. Назначением гр. Бобринского власть сказала помещикам: не стесняйтесь, пожалуйста, грабьте во-всю. Назначением Протопопова власть сказала плутократии, банковским шулерам и спекулянтам-промышленникам: не бойтесь, власть на вашей стороне. Все это народ прекрасно понял, и революционерам остается лишь горячо поблагодарить правительство за энергичную помощь в деле революционизирования народных масс».

Между прочим, Коновалов, на основании многочисленных своих бесед с представителями различных кругов московского общества, отмечает факт заметного полевения Москвы.

«В настоящий момент,—выразился Коновалов—температура Москвы неизмеримо выше, чем была даже в 1905 — 1906 гг. От былого монархического настроения Москвы не осталось и следа. Налицо даже все признаки антидинастического настроения. На ближайших выборах в Государственную Думу, несомненно, к.-д. окажутся для Москвы слишком правыми».

Последний факт подтверждали и другие участники этих совещаний.

Между прочим, на указанном совещании снова подтвердилось намерение к.-д. на выборах уступить, в виде яркой демонстрации, одно место с.-д.

Заключение Коновалова о заметном полевении Москвы совпадает с таким же заключением Милюкова. Приехав в Москву на специальное кадетское совещание, Милюков, помимо осведомления у московских к.-д., имел ряд встреч и бесед с видными представителями различных кругов московского общества. Все эти встречи имели целью выяснение настроения Москвы, которому в руководящих к.-д. кругах придают большое политическое значение. О своих наблюдениях, вынесенных из Москвы, Милюков, по приезде в Петроград, довольно громко говорил в бюджетной комиссии Государственной Думы.

«Я б никогда не поверил, — заявил Милюков, — если б не слышал собственными ушами, что Москва стала говорить таким языком. Я знаю Москву несколько десятилетий, и если б мне кто-нибудь двадцать лет назад сказал, что с настроением Москвы произойдет подобная метаморфоза, я счел бы это за неумную шутку. Самые инертные по природе, самые темные круги заговорили языком непримиримых революционеров. Можно думать, что настроение Москвы в этом отношении опережает настроение России в целом, ибо до тех решительных выводов, до которых доходят в Москве, пока, повидимому, еще не доходят ни в Петрограде,

ни в провинции. В отношении правительства настроение Москвы абсолютно безнадежное, от него больше ничего не ждут, не верят, что здесь возможно примирение и соглашение. Беспрерывная министерская чехарда убедила Москву, что наступает момент, когда нужно говорить о спасении государства. Прямо дико было слышать по этому поводу заключения, исходящие из такой среды, как московские старообрядцы. Именно дико, ибо они стали говорить языком, который до 1905—1906 гг. можно было слышать только в швейцарских эмигрантских кругах. Если бы представители правительства слышали этот язык, им должно было бы стать страшно, они поняли бы тогда, чем они шутят, что̀ ставят на карту. О народных низах говорить нечего: это — одна сплошная воспаленная рана. Страшно становится за завтрашний день, так как мы хорошо помним, на что способны московские низы, доведенные до отчаяния и ярости. Нужны неимоверные усилия и много времени, прежде чем Москва несколько остынет. Но к былому настроению — это совершенно бесспорно — Москва никогда уже не вернется, от былых монархических чувств Москвы остался слабый, едва заметный след. И Москва желает продемонстрировать эти свои чувства, она не может и не хочет молчать. До сих пор шансы с.-д. в Москве стояли очень низко: кроме узко-рабочих кругов и незначительной кучки интеллигенции, с.-д. партия для Москвы не существовала. Но вот новейший факт: о с.-д. заговорили в патриархальных Замоскворецких кругах, у Рогожской и Преображенской застав. Это звучит как шутка, но смысл этой шутки слишком выразителен для правительства. Ясное дело, что все эти круги с с.-д. не имеют ровно ничего общего, в отношении социальной программы с.-д. они, конечно, более чем непримиримы, но в политической программе с.-д. есть *один пункт, который они считают необходимым напомнить правительству*. Этот пункт, как яркая демонстрация, должен, по их мнению, послужить ответом на последние издевательства, на беспрерывную министерскую чехарду...».

Последнее совещание у *Коновалова* было посвящено продовольственному вопросу.

Совещание это явило картину полнейшей растерянности и беспомощности представителей общественности в деле борьбы с экономической разрухой. Обвиняя правительство «в отсутствии определенного плана», участники совещания у *Коновалова* ярко продемонстрировали, что у них у самих нет ровно никакого плана, никакой подготовки для разрешения этого сложного вопроса.

Вместе с тем, все речи участников совещания (и в том числе профессоров *Мануйлова* и *Кизеветтера*) лишний раз подчеркнули глубокое лицемерие к.-д. Идя «штурмом» на правительство, бросая по его адресу страстные обвинения, к.-д. в интимных своих беседах признают, что наблюдающаяся сейчас экономическая разруха — явление чисто стихийного порядка, полное урегулирование которого не по силам ни правительству, ни общественным организациям. Согласно обстоятельного финансового и экономического анализа профессора *Мануйлова*, ужасающая дороговизна на три четверти вызвана крушением золотой валюты, и с этой стороны самая решительная борьба с дороговизной заранее обречена на паллиативы. Спекуляция, как признало большинство участников совещания, не основная причина дороговизны, а производная.

Переходя к практическим мероприятиям, все, что могло придумать Коноваловское совещание, это — создание местных общественных комитетов, объединяющим центром для которых явились бы городской и земский союзы.

Пока принято указанное принципиальное положение, детальное его обсуждение отложено до ближайших совещаний.

Об изложенном имею честь представить вашему превосходительству.

12/X 1916 г. Полковник *Мартынов.*

(6 делопр., д. № 27 ч. 46 л. Б.)

61.

Письмо главноуполномоченного всероссийского земского союза кн. Г. Е. Львова председателю гос. думы М. В. Родзянко.

Милостивый государь Михаил Владимирович.

Председатели губернских земских управ, собравшиеся в Москве 25 октября для обсуждения продовольственного дела, сочли своим долгом подвергнуть обсуждению общее тревожное политическое положение страны. Вот итог их единодушного мнения.

Год тому назад, на сентябрьском собрании уполномоченных губернских земств, представители России, в сознании своей ответственности и долга перед родиной, указывали на гибельность созданного правительством разъединения власти с народом. Высказавшиеся тогда опасения получили теперь осуществление, и правительственная политика дала свои роковые плоды. Могучий патриотический подъем всей страны остался неиспользованным властью, правительство не пошло даже на совместную работу с Госуд. Думой, которая являла собой яркое отражение охватившего все слои населения единодушия. За время войны правительство пребывало сперва в открытой, а затем и нескрываемой явной борьбе с народным представительством и всеми организованными общественными силами. Пожар мировой войны все более разгорается, стали перед Россией новые и сложные задачи. В то же самое время осложняется и наша внутренняя жизнь. Страна переживает последовательно острое расстройство в области транспорта, производства необходимых для населения предметов и, наконец, даже продовольствия.

Разъединенные, противоречивые, лишенные определенного плана и мысли, и действий распоряжения правительственной власти неуклонно увеличивают общую дезорганизацию всех сторон государственной жизни. На местах все эти распоряжения вызывают чувство недоумения, раздражения, а иногда и прямо возмущения и озлобления. Все распоряжения высшей власти как бы направлены к особой цели — еще больше запутать тяжелое положение страны. Такой характер высшего управления ясно проявляется в продовольственном вопросе, принимающем все более острое и опасное положение. Такой же характер носят условия, в которые поставлено за последние полгода производство мобилизации. Осуществление целого ряда мероприятий, связанных с нуждами войны, невольно приводит к выводу о допускаемой правительством не только бесцельной, но и прямо преступной растрате людских, материальных сил страны. Беспрерывная смена министров и высших должностных лиц государства в тех условиях, в которых она происходит, в связи с постоянным изменением проводимой этими лицами политики, ведет к прямому параличу власти. Не пощажена даже и область международных отношений, с которой отныне окончательно связана участь России, та область, где нужна наибольшая твердость и устойчивость, где особенно нужен государственный опыт и, прежде всего, искренняя, невызывающая в стране никаких подозрений преданность интересам родины. Под влиянием всего этого в стране вполне созрело

сознание, что стоящее у власти правительство не в силах закончить войну и подготовить предстоящую ее ликвидацию с соблюдением истинных интересов России. Происходящая в правительстве частичная смена лиц не вносит изменений в общий правительственный курс. Она лишь в корне дезорганизует власть и подрывает последние остатки ее авторитета. Но этого мало. Мучительные, страшные подозрения, зловещие слухи о предательстве и измене, о тайных силах, работающих в пользу Германии и стремящихся, путем разрушения народного единства и сеяния розни, подготовить почву для позорного мира, перешли ныне в ясное сознание, что вражеская рука тайно влияет на направление хода наших государственных дел. Естественно, что на этой почве возникают слухи о признании в правительственных кругах бесцельности дальнейшей борьбы, своевременности окончания войны и необходимости заключения сепаратного мира. Таково глубокое тревожное сознание, которое объединило всех собравшихся в Москве председателей губернских земских управ при обсуждении современного положения в России. С негодованием отвергая всякую мысль о бесславном и гибельном для будущих судеб России мире, они видят и долг чести, и залог спасения родины в неуклонном продолжении войны до конечной победы, рука об руку с теми народами, которые вместе с нами ополчились за право и свободу. Земские люди исполнены веры в конечный успех бранного подвига русской армии, но они ясно сознают, что главная опасность нынешнего положения и ответственность за судьбу родины должны стать источником дальнейшего напряжения всех народных сил и ее спасения. Начало войны и период после галицийского отступления показали, чего может достигнуть русский народ, сознавший надвигающуюся на Россию опасность. Председатели губернских земских управ пришли к единодушному убеждению, что стоящее у власти правительство, открыто подозреваемое в зависимости от темных и враждебных России влияний, не может управлять страной и ведет ее по пути гибели и позора, и единогласно уполномочили меня, в лице вашем, довести до сведения членов Госуд. Думы, что в решительной борьбе Госуд. Думы за создание правительства, способного объединить все живые народные силы и вести нашу родину к победе, земская Россия будет стоять заодно с народным представительством. Примите уверение в искреннем уважении и преданности.

29/X 1916 г. *Кн. Львов.*

(6 делопр., д. № 343, т. 4.)

62.

Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции об октябрьской конференции партии к.-д.

По поводу состоявшейся в Петрограде с 22 по 24 минувшего октября общей конференции конституционно-демократической партии мною получены следующие агентурные сведения.

Появившиеся в газетах «Речь» и «Русские Ведомости» отчеты об этой конференции проредактированы П. Н. Милюковым и в общем верно отражают те фактические решения, какие были на ней приняты. Но в этих отчетах, с одной стороны, замалчиваются некоторые вопросы, обсуждавшиеся на конференции, а с другой стороны — совершенно неправильно освещается общее настроение участников конференции. Отчеты к.-д. официозов представляют дело так, что на конференции господствовало замеча-

тельное единодушие, что резолюции принимались почти единогласно и т. д. В действительности же дело обстояло далеко не так.

Об этом свидетельствует доклад одного из председателей конференции кн. Павла Дмитриевича Долгорукова, прочитанный в Москве в частном собрании к.-д. (неофициальное заседание московского комитета со специально приглашенными более видными членами партии). Указанное собрание происходило на квартире кн. Долгорукова 29-го октября.

Отмечая настроение конференции, кн. Долгоруков заявил следующее:

«В конце-концов, П. Н. Милюкову удалось, как и всегда, победить своих противников и повести их за собою. Но удалось это после длительной и страстной борьбы. Конференция показала, что левое крыло партии все более и более усиливается, и нападки этого крыла на Ц. К. партии приобретают все более несдержанный характер. Левые к.-д. в смысле дисциплины подвергаются страшному испытанию, и хотя о расколе говорить преждевременно, но некоторые левые к.-д. не боятся говорить об этом вслух. Если на конференции победило течение, представляемое Милюковым, то только благодаря поддержке московской группы. Настроение же провинции было явно анти-милюковское, неизмеримо более радикальное. Провинциальные делегаты настаивали, что осторожная тактика Милюкова, чрезмерно заботящегося о легальности партии в глазах правительства, убивает партию в глазах в последнее время стихийно левеющего провинциального общества. Провинциальные делегаты обвиняли Милюкова в том, что, разъезжая за границей, он плохо следит за настроением русского общества и не отдает себе отчета в том, какое впечатление на массу, в смысле престижа партии, производит его уклончивая, дипломатическая тактика заигрывания с правительством. Подобная тактика прежде всего чужда трезвого, реального расчета: в глазах правительства к.-д., конечно, ровно ничего не могут выиграть, в глазах же глубоко возмущенного народа рискуют все потерять. Накануне выборов в 5-ю Государственную Думу подобная тактика партии прямо «самоубийственна». Глубокое разногласие между «милюковцами» и «провинциалами» происходит по основному вопросу: Милюков центр тяжести борьбы видит в парламентской борьбе с правительством, «провинциалы» же считают необходимым перенести центр тяжести в организацию масс, в сближение с левее стоящими политическими группами, в более решительной борьбе с правительством не только на парламентской почве, но и при посредстве всевозможных общественных организаций. В конце-концов, натиск провинциалов не остался безрезультатным, и один из пунктов резолюции конференции, правда в смягченной форме, отразил их требования (пункт этот приводится ниже). «Мостом» между группой Милюкова и «провинциалами» послужили московские члены конференции. Поддерживая идею парламентской борьбы силами «прогрессивного блока», они, вместе с тем, поддерживали и идею необходимости более активного участия в организации народных масс». Таким образом, по определению кн. Долгорукова, на конференции удалось примирить три течения к.-д. мысли: правое — Петроград, центр — Москва, левое — провинция. Без поддержки правого крыла Москвой на конференции, несомненно, победило бы левое крыло. Только надежда на то, что верховная власть, наконец, опомнится и устранит правительство Штюрмера, дала возможность сдержать левое крыло партии. В случае крушения этой надежды, в случае разгона Государственной Думы и еще большего усиления реакции, у Милюкова не останется более ни одного аргумента, и крутой поворот к.-д. партии влево становится неизбежным. Настоящая конференция, быть-может, явится последней попыткой вести борьбу с правительством в парламентских

рамках,— правительство само всеми силами толкает к.-д. на нежелательный им революционный путь и на блок во время предстоящих выборов в Государственную Думу с крайними левыми элементами».

Таков общий смысл доклада кн. Долгорукова, осветившего борьбу на конференции.

Едва ли не центральное место в резолюции конференции имеет пункт, говорящий о необходимости «поддержания связи с широкими слоями населения и организации демократических элементов страны для противодействия общей опасности». Под опасностью к.-д. понимают анархию на почве продовольственного вопроса, противодействие же должно прежде всего выразиться, согласно резолюции, в «совместном обсуждении всех заинтересованных слоев, а именно земств, городов, союзов, кооперации, рабочих групп, торгово-промышленных сфер, при чем партийные деятели должны принять в обсуждении этих мер деятельное участие».

Конкретный смысл этого туманно изложенного пункта резолюции явственно вскрывался в речах многочисленных ораторов. Все признавали, что продовольственный вопрос — лучшая «платформа» для объединения на политической почве и для планомерной организации развивающейся борьбы с правительством. Никто прямо не говорил, что «совместное обсуждение» перечисленными выше разнородными элементами одного решающего вопроса, в сущности, есть осуществление старого к.-д. плана о постепенной и незаметной организации «союза союзов»,— все, наоборот, даже в закрытой своей конференции осторожно обходили этот вопрос, но смысл его, тем не менее, был совершенно ясен для участников конференции, в отдельных интимных беседах высказывавшихся по этому вопросу гораздо более определенно.

Кроме назревающего раскола в недрах к.-д. партии, конференция выявила ясно еще одну черту в партийной психике к.-д.— их непомерный страх перед революцией. Отмечая грозные факты в провинциальной жизни — предвестники возможной смуты, многие ораторы ярко рисовали неизбежный анархический характер народного движения.

Характерно по этому поводу мнение самого Милюкова. Поддерживая свою точку зрения о необходимости не сходить с парламентской почвы в борьбе с правительством, он подчеркивал всю опасность поощрения в данный момент революционных анархических инстинктов.

«Бесспорно, — заявил Милюков, — нас ожидает после войны грозное народное движение. Но именно потому, что оно будет грозно-стихийным, мы должны прилагать все усилия, чтобы вложить в него разум, план, организующее начало. В борьбе с движением правительство очутится в безвоздушном пространстве,— ему не на кого и не на что будет опереться, — и вся надежда, все спасение будет в сплочении существующих политических партий и общественных организаций. Нравственный кредит правительства равен нулю; в последний момент, охваченное ужасом, оно, конечно, ухватится за нас, и тогда нашей задачей будет не добивать правительство, что значило бы поддерживать анархию, а влить в него совершенно новое содержание, т.-е. прочно обосновать правовой конституционный строй. Вот почему в борьбе с правительством, несмотря на все, необходимо чувство меры. Народная мысль и без того имеет опасный уклон в сторону анархизма, отрицания всякой власти; война же, потребовав во имя государственной идеи от массы страшных, невероятных жертв,— неизбежно в темных, неуравновешенных умах подорвала самую государственную идею. Неизбежно порождение после войны, подобно тому, что 10 лет назад, ряда чисто анархистских групп и организаций, которые явятся серьезными конкурентами существующих левых партий. Это явление необходимо предусмотреть и заранее

определить свое отношение к нему, чтобы не смешивать его с явлениями действительной политической революции. Поощрять во имя борьбы с правительством деятелей анархической революции, это значило бы рисковать всеми нашими политическими достижениями, завоеванными с 1905 г.».

Из вопросов, обсуждавшихся конференцией и не попавших в газетные отчеты, необходимо отметить: настроение армии с точки зрения интересов левой общественности, отношение широких кругов общества к войне и возможности выборов, перспектива предстоящих выборов в Государственную Думу (последний вопрос — не в официальном заседании конференции, а в частном совещании у Милюкова провинциальных делегатов, происходившем 25 октября).

Относительно настроения армии на конференции (прения по докладу Милюкова об общем настроении) повторялись известные утверждения, что не только рядовое офицерство, но и многие из высшего командного состава с плохо скрываемым раздражением относятся к существующему правительственному курсу и внимательно следят за его борьбой с обществом. Поразительную сознательность и осведомленность в этом отношении проявляет будто бы и серая солдатская масса. Из этой среды будто бы доносятся совершенно нескрываемые угрозы по адресу правительства, и это обстоятельство будто бы хорошо известно высшему командному составу.

По вопросу об отношении к войне большинство делегатов отмечало угрожающее падение настроения, апатию и разочарование в возможности победоносного исхода войны. Такое настроение наблюдается будто бы во всех слоях населения, в особенности же в крестьянской деревне и в среде городской бедноты. В качестве основной причины отмечаемого крайнего упадка настроения все делегаты указывали на дороговизну и продовольственные затруднения. Рядом с этим многие делегаты отмечали все растущее в обществе отрицательное отношение к Англии. Именно это обстоятельство и выдвинуло вопрос о посылке известной телеграммы от имени конференции на имя английского посла сэра Бьюкенена.

На совещании провинциальных делегатов, происходившем у Милюкова, ему были переданы общественные материалы: ответы на анкету Ц. К. о деятельности различных партийных организаций в провинции, о наиболее выдвинувшихся в последнее время общественных деятелях всех лагерей, о возможных кандидатах к.-д. на выборах и т. д.

Указанное совещание показало, что к.-д. предусматривают возможность не только отсрочки занятий настоящей Государственной Думы, но и полного роспуска ее. Считаясь с этой возможностью, они уже сейчас подготовляют необходимый информационный материал, касающийся выборов в 5-ю Государственную Думу. Из прений на эту тему у Милюкова выяснилось, что в общем к.-д. страшно боятся роспуска Думы, из страха будут готовы на всякого рода компромиссы. Общее настроение формулировал Милюков, указав, что правительство, распустив Думу и пойдя на новые выборы, не остановится перед крайним «выборным террором», организацией выборов «по болгарскому, стамбуловскому образцу». Но, даже в условиях такого террора, к.-д. твердо уверены в своей победе. Вывод анкеты тот, что в 5-й Государственной Думе к.-д. несомненно будет принадлежать руководящее большинство.

Об изложенном, в дополнение к донесению моему от 29 минувшего октября, имею честь представить вашему превосходительству.

2/XI 1916 г. Полковник *Мартынов.*

(№ 27. Вх. 26524.)

ГЛАВА XI.

РАЗГОН ДЕКАБРЬСКИХ СЪЕЗДОВ.

63.

Записка московского охранного отделения о всероссийских земском и городском союзах и военно-промышленных комитетах.

Возникшие во время происходящей войны общественные организации допущены к деятельности: всероссийские земский и городской союзы для оказания помощи больным и раненым воинам, а военно-промышленные комитеты — для содействия правительственным учреждениям в деле снабжения армии и флота всеми необходимыми предметами снаряжения и довольствия. Позже в исполнении последних задач приняли участие и первые из названных выше общественных организаций.

Между тем, деятельность этих организаций, с самого начала возникновения каждой из них, носила и носит, помимо, так сказать, делового характера, еще и определенно выраженный политический характер.

Последнее особенно рельефно выразилось на происходившем в феврале сего года в Петрограде всероссийском съезде представителей военно-промышленных комитетов и на состоявшихся в марте сего года в Москве всероссийских съездах уполномоченных общеземского и общегородского союзов.

Из рассуждений на съездах с определенностью выяснилось, что представители земской и городской России и военно-промышленных комитетов уже объединились в мощные организации и что участникам последних необходимо, под прикрытием занятий по обороне страны, провести создание целого ряда новых всероссийских организаций и союзов, а равно учредить объединяющий все эти организации высший центральный орган.

В первый же день заседаний происходившего с 26 по 29 февраля в Петрограде второго всероссийского съезда представителей военно-промышленных комитетов представителем рабочей группы центрального военно-промышленного комитета была прочитана декларация рабочей делегации от 20 городов, возбуждающая к «немедленному и коренному изменению существующих политических условий» России и к «вручению власти правительству, поставленному народом и ответственному перед ним». При этом существующий в Российском государстве режим был назван

в декларации «преступным, готовящим полный разгром страны». Засим, 29 февраля, общим собранием членов 2-го съезда военно-промышленных комитетов была одобрена и принята резолюция рабочей делегации, в каковой резолюции Государственная Дума призывалась добиваться «реорганизации народного представительства и местного самоуправления на началах всеобщего и равного избирательного права с тайной подачей голосов» и «решительно стать на путь борьбы за власть и создание ответственного правительства, опирающегося на организующиеся силы народа», так как «только этот путь, — как гласит далее резолюция, — приведет нас к миру, миру без аннексий и контрибуций, предоставляющему порабощенным народам самим решить свою судьбу...».

Далее, на состоявшихся с 12 по 14 марта 1916 года в Москве заседаниях съездов представителей общегородского и общеземского союзов был произнесен ряд речей политического характера, в которых высказывались суждения о том, что существующее ныне, будто бы безответственное, правительство привело Россию к разгрому, благодаря которому родина ныне находится в опасности, что путь спасения ее лежит в привлечении к этому делу всех народных сил и в их объединении, что общественные организации все в государстве должны взять в свои руки и настойчиво заявить требование об установлении нового, ответственного перед страной и Государственной Думой, правительства и что, в видах достижения введения в России означенного нового правительства, необходимо оказать решительное давление на существующее ныне правительство, приняв предварительно с этой целью меры к подготовлению в России прочного и дисциплинированного объединения так называемых общественных организаций как уже созданных, так и имеющих возникнуть в ближайшем будущем.

Описанные происшедшие на упомянутых съездах события, несомненно, имели выдающееся в государственной жизни значение, так как указывали на то, что три весьма важных общественных, связанных с военными обстоятельствами, организации не только уклонились от непосредственных их задач, но и угрожают известными своими действиями внутреннему государственному порядку, и заключали в себе признаки государственных преступлений, преследуемых по 128, 129 и 130 ст. ст. уголов. улож., и естественно указывали на наличие в деятельности помянутых общественных организаций некоторых элементов, угрожающих государственному порядку, почему правительство и вынуждено было выработать нормы предупредительного характера, обеспечивающие не только свободную, но и вполне соответствующую существующим законам правильную деятельность всероссийских земского и городского союзов и военно-промышленных комитетов, исходя при этом из соображений о необходимости безусловного сохранения высокоценной специальной деятельности означенных общественных организаций и о назревшей потребности охранения их от уклонения в сторону разрешения ими не подлежащих их ведению политических задач, так как всякие эксцессы политического свойства могли лишь стеснять свободу специальной деятельности организаций.

Вследствие сего последовало запрещение разрешать в течение известного времени съезды представителей всякого рода организаций, а затем, установление административного надзора за всякого рода собраниями общественных организаций (закон 1 октября 1916 года).

С августа 1916 года в общественных оппозиционных кругах стало наблюдаться разочарование в возможности проведения в жизнь всех тех политических планов, о которых говорилось на мартовских съездах Земгора. К числу причин такого поворота следует отнести то обстоятель-

ство, что в общественных организациях стало известно об осведомленности правительства об их конспиративных замыслах.

Однако, в октябре месяце, перед возобновлением Государственной Думой занятий, политическая деятельность общественных организаций вновь оживляется.

25 октября в Москве открылось совещание председателей губернских земских управ по продовольственному делу. В совещании приняло участие около 60 представителей земских управ, состоящих в большинстве и председателями местных комитетов всероссийского союза городов; были и представители всероссийского земского союза.

С внешней стороны продовольственное совещание протекало в рамках строго деловой работы. Но, на ряду с этим, участники совещания на частных собраниях и вообще не на официальных заседаниях проявили кипучую деятельность, обсуждая вопросы чисто политического характера и вынося по ним решения.

Таким образом было решено объединить в дружном протесте против правительства по возможности все земства России в виде поддержки страны Государственной Думе в борьбе ее с правительством.

Подобное же решение было принято и на заседании 30 октября, в гор. Москве, главного комитета городского союза.

В результате явились письма на имя председателя Государственной Думы от главноуполномоченного всероссийского земского союза князя Львова,[1] от лица продовольственного съезда, и от главноуполномоченного всероссийского союза городов Челнокова.

В письме князя Львова приводятся результаты обсуждения председателями губернских земских управ тревожного политического положения страны, при чем князь Львов свидетельствует, что означенные председатели «пришли к единодушному убеждению, что стоящее у власти правительство, открыто подозреваемое в зависимости от темных и враждебных России влияний, не может управлять страной и ведет ее по пути гибели и позора, и единогласно уполномочили меня (князя Львова) довести до сведения членов Государственной Думы, что в решительной борьбе Государственной Думы за создание правительства, способного объединить все живые народные силы и вести нашу родину к победе, земская Россия будет стоять за одно с народным представительством».

Г. Челноков в письме, между прочим, заявляет, что всероссийский союз городов поручил ему «довести до сведения Государственной Думы, что наступил решительный час,— промедление недопустимо: должны быть напряжены все усилия к созданию, наконец, такого правительства, которое в единении с народом поведет страну к победе».

Подобного же рода письмо было отправлено на имя председателя Государственной Думы московским военно-промышленным комитетом.

Рабочая группа при центральном военно-промышленном комитете обратилась в Государственную Думу с призывом к явно бунтовщическому деянию и к учреждению «правительства спасения страны».

Все эти «письма» и «обращения» преследуют, конечно, цели чисто агитационные и широко распространяются повсеместно в обществе и во всех слоях населения, вызывая раздражение масс против правительства.

В то же время так называемая «рабочая группа» при центральном военно-промышленном комитете занялась подготовкой масс для мятежных выступлений.

---

[1] См. № 61.

Сведения об этой чисто революционной организации, составляющей существенную часть центрального военно-промышленного комитета, изложены в особой справке.

(6 делопр., д. № 343, т. 4.)

64.

Разъяснение министра внутренних дел Протопопова губернаторам и градоначальникам по поводу безусловного запрещения съездов общественных организаций.

Высочайше утвержденным журналом совета министров от 7 апреля сего года было признано несвоевременным разрешение съездов представителей всякого рода организаций. Такое категорическое воспрещение всякого рода съездов, по заявлению главноуполномоченных всероссийских земского и городского союзов, в значительной мере стеснило деятельность этих организаций, призванных к жизни для оказания непосредственного содействия нашей доблестной армии, а потому лица эти возбудили пред председателем совета министров ходатайство об отмене указанного выше ограничения.

Вследствие сего высочайше утвержденным 1 сентября сего года особым журналом совета министров было постановлено:

I. Предоставить министру внутренних дел или уполномоченным им на то должностным лицам как центрального, так и местного самоуправления, разрешать созыв всероссийских и областных съездов в порядке действующих по сему предмету законоположений, с тем, чтобы на рассмотрение совета министров соответственные ходатайства о допущении таковых съездов представлялись лишь в случаях особой важности.

II. На основании статьи 87 основных государственных законов (св. зак. т. I, ч. 1, изд. 1906 года), в изменение и дополнение подлежащих узаконений, в виде временной меры постановить:

Министру внутренних дел и должностным лицам, им на то уполномоченным, предоставляется право командировать во всякие, хотя бы и непубличные, собрания общественных организаций, их комитетов и иных исполнительных органов, представителей административной власти, с присвоением последним полномочий на закрытие, в случае надобности, подлежащего собрания.

Означенное высочайшее повеление, отменив прежнее постановление о категорическом воспрещении, по обстоятельствам военного времени, всякого рода съездов, вместе с тем несколько расширило против действующих ныне правил о собраниях права министра внутренних дел, предоставив ему, с одной стороны, право уполномачивать на разрешение съездов представителей местной административной власти, а с другой стороны, право командирования представителя администрации и на собрания, почитаемые по закону непубличными.

Таким образом вновь предоставленные административной власти права требуют совершенно определенного разрешения вопроса о той разнице, которая существует между с ъ е з д о м, требующим предварительного разрешения, или с о б р а н и е м законно существующего общества или союза, которое разрешения не требует, но может быть подчинено контролю присутствующего чина администрации. Ответом на это должно явиться толкование 259 ст. уст. благоч. и безоп., которая определяет признаки публичности собраний. Согласно тексту этой статьи закона, «собрания, в коих

участвуют одни члены законно существующего общества или союза, и посторонние лица не присутствуют, не считаются публичными». Таким образом, разница между собранием и съездом должна определяться принадлежностью участников к разрешенному обществу или союзу и, следовательно, всякого рода собрания, состоящие из лиц, не являющихся членами одной дозволенной правительством организации, должны признаваться съездами.

Сообразно с изложенным, созыв разного рода совещаний, комитетов и тому подобных учреждений, которые состоят из лиц, принадлежащих к определенной общественной организации и состоящих членами таких организаций, в силу постановления отдела II узаконения 1 сентября сего года, не требует предварительного разрешения административной власти, и правительственный надзор в этих случаях осуществляется путем командирования на таковые собрания представителей администрации с полномочием на прекращение, в случае надобности, дальнейших занятий собравшихся лиц.

Сообразно с сим при применении настоящих постановлений к всероссийским земскому и городскому союзам, к военно-промышленным комитетам, а также всякого рода иным общественным организациям, надлежит прежде всего с точностью установить, является ли данное собрание по составу лиц, в нем участвующих, и по роду занятий — съездом, или нет.

В отношении всероссийского земского и городского союзов необходимо принять во внимание, что постоянно функционирующими органами этих союзов являются комитеты — главный, губернские и уездные, а для направления деятельности этих органов периодически созываются собрания уполномоченных с мест. Несомненно, что заседания и собрания комитетов, как постоянно функционирующих учреждений и состоящих только из членов союзов, могут созываться без предварительных разрешений. Не изменяют такого характера эти собрания и в случае приглашения к участию в них лиц, избранных уполномоченными от местных земских учреждений, так как лица эти, являясь членами союзов, не могут почитаться посторонними; равным образом допустимо участие в таких собраниях хотя и посторонних лиц, но приглашаемых в качестве сведущих лиц или специалистов по какой-либо отрасли промышленности.

Равным образом и по отношению к военно-промышленным комитетам надлежит руководствоваться теми же приведенными выше данными об их составе и характере деятельности. Для созыва заседаний этих комитетов, состоящих из постоянных членов оных и при участии особо приглашаемых лиц (сведущих лиц или специалистов по разным отраслям знания), разрешения административной власти не требуется.

Таким образом из изложенного явствует, что испрошение разрешения административной власти необходимо для открытия всероссийских съездов как указанных выше, так и других общественных организаций и областных съездов их с неопределенным составом участников. Созыв же совещаний, комитетов и иных исполнительных органов общественных организаций и других непубличных собраний должен допускаться беспрепятственно.

Сообщая об изложенном, я признаю необходимым оставить за собой разрешение съездов всероссийских или областных, а г.г. губернаторам предоставляю право разрешения таких съездов, участниками которых являются лица, проживающие лишь в пределах той губернии, в которой должен состояться тот или иной съезд.

Вместе с тем, во избежание промедления в предоставлении мне в соответствующих случаях вопросов о разрешении съездов, предлагаю делать это по телеграфу.

Наконец, вопрос о командировании должностных лиц для присутствования на собраниях, каковое право ныне распространяется на всякие собрания, даже не носящие характера публичных, я предоставляю разрешать г.г. главноначальствующим и губернаторам на местах, но считаю, однако, необходимым указать, что этим своим правом им надлежит пользоваться с особой осмотрительностью, а в отношении к непубличным собраниям—в совершенно исключительных случаях, руководствуясь имеющимися сведениями о составе собрания, подлежащей обсуждению программе, возможностью выступления за ее пределы и т. п. При этом, в случае командирования должностного лица, представляется совершенно необходимым, чтобы таковое по своему служебному положению, образованию и умственному кругозору соответствовало составу собрания и, на ряду с этим, обладало достаточным тактом; в этих видах следовало бы всемерно избегать командирования чинов наружной полиции, а представлялось бы целесообразным командировать помощников градоначальника, вице-губернаторов, непременных членов губернских присутствий, советников губернского правления, чиновника особых поручений и др.

Сообщая об изложенном для сведения и руководства г.г. губернаторам и градоначальникам, я, вместе с тем, выражаю твердую уверенность в том, что в пользовании предоставленными им полномочиями г.г. губернаторы и градоначальники проявят должную осмотрительность, имея в виду, с одной стороны, поддержание государственного порядка и спокойствия, а с другой — ту важную и нужную в настоящее время для нашей доблестной армии работу, которую несут всякие общественные организации.

Прошу вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Протопопов.

1/XI 1916 г.

(6 делопр., д. № 343, т. 4.)

65.

Телеграммы начальника штаба главнокомандующего армии Запфронта главному начальнику снабжений армий Запфронта.

Начальником штаба верховного главнокомандующего признано необходимым установить строгое наблюдение за деятельностью отдельных организаций союзов и постепенно принимать меры к сокращению размеров их деятельности. Об изложенном по приказанию главнокомандующего сообщаю для соответствующего руководства.

Генерал-лейтенант *Квицинский.*

31/X 1916 г. Полковник *Самойлов.*

В собственные руки. Совершенно секретно.

Главному начальнику снабжений армий Западного фронта.

Дополнительно к сношению от 31 октября сего года за № 7334 и в разъяснение его, по приказанию главнокомандующего сообщаю, что его высокопревосходительство нашло деятельность союзов развившейся неправомерно, а по мере требований воинских начальников, зачастую преувеличенных, и вследствие того существование многих из образованных союзами

учреждений может оказаться в настоящий момент лишним, затрачиваемые же на их содержание средства непроизводительным расходом для казны. В виду этого главнокомандующий требует во вверенном вашему снятельству управлении пересмотра вопроса о целесообразности и необходимости существования различных учреждений союзов, при чем развитие впредь этих учреждений признано обусловить только мерой действительной необходимости и осуществлять с разрешения вашего снятельства.

О соображениях вашего снятельства по настоящему вопросу прошу не отказать уведомить для доклада главнокомандующему.

9/XI 1916 г.

66.

Записка московского охранного отделения о собрании уполномоченных губернских земств.

9-го декабря, в 1 час дня, должно было состояться собрание уполномоченных губернских земств в помещении счетно-контрольного отдела главного комитета всероссийских земского и городского союзов, при чем программа занятий была намечена следующая.

. . . . . .

Однако, ко времени открытия собрания, помещение, предназначенное для него, было занято полицией. Часть съехавшихся на собрание вовсе не была допущена в помещение: была оставлена на улице. Зала заседаний была закрыта полицией.

По прибытии кн. Г. Е. Львова, по его настоянию полиция приступила к составлению протокола о недопущении собрания уполномоченных земств. Тем временем большинство съехавшихся уполномоченных земств, членов главного комитета и ревизионной комиссии земского союза направилось в помещение главного комитета земского союза, где и открыло заседание под председательством товарища главноуполномоченного земского союза, председателя орловской губернской земской управы С. Н. Маслова.

Проверка списка присутствующих установила наличность представителей 22 губерний, 2 областей и всех фронтовых комитетов земского союза. Всего прибывших членов собрания с решающим голосом оказалось 59 человек.

Председательствовавший С. Н. Маслов предложил присутствовавшим приступить к обсуждению предположенной программы занятий в порядке частного совещания.

Однако, представитель ялтинской управы предложил открыть не частное совещание, а собрание уполномоченных губернских земств. Это предложение было поддержано Д. А. Леоновым, указавшим на то, что достоинство представителей земств не позволяет им в столь ответственный момент обсуждать намеченные вопросы в частном совещании. Вопрос был поставлен на голосование, и единогласно было решено открыть собрание уполномоченных земств.

Слово было предоставлено товарищу главноуполномоченного Д. М. Щепкину, который указал, что создавшаяся, благодаря вмешательству полиции, обстановка препятствует собранию приступить к рассмотрению предположенной деловой программы, и предлагал рассмотреть лишь вопрос об отношении земской России к современному политическому

положению. При этом Д. М. Щепкин заявил, что на вчерашнем заседании главного комитета земского союза совместно с ревизионной и редакционной комиссиями был выработан проект резолюции по этому вопросу, каковой он и предложил огласить и обсудить. Предложение было принято единогласно. Резолюция была принята в следующем виде:

«С небывалым одушевлением произнесла Россия свой приговор над теми людьми, которые плотным кольцом сомкнули верховную власть, внесли яд растления в недра народной совести и неустанно продолжают своей работой подтачивать корни нашей государственной крепости и мощи. Весь народ окончательно осудил всю систему управления, которая остается неизменной, несмотря на постоянную смену лиц, при которой возможно лишь правительство бессильное и бездарное, лишенное всякого единства, поглощенное заботами о своем самосохранении и окруженное всеобщим полным недоверием. Государственная Дума и Государственный Совет, земства, города сословия объединились в чувстве великой тревоги за Россию, историческая власть которой стала у края бездны.

«Наша внутренняя разруха растет с каждым днем, и с каждым днем становится труднее организовать страну в уровень с великими требованиями, которые к ней предъявляет война.

«Враг истощен, но не сломлен. Он готовит новые удары против нас и наших союзников, и мы должны с своей стороны готовиться к ним, не теряя ни минуты. Пусть все помнят, что путь к победе идет через новые великие напряжения, новые испытания патриотизма и любви к России. Опасность велика и грозна. Решаются судьбы России на многие поколения, но не должно быть среди нас слабодушного уныния.

«Наше спасение — в действительном патриотизме и в живом чувстве ответственности перед родиной. Когда власть становится преградой на пути победы, ответственность за судьбы родины должна принять на себя вся страна, начиная с ее законных представителей.

«Правительство, ставшее орудием в руках темных сил, ведет Россию по пути гибели и колеблет царский трон. Должно быть создано правительство достойное великого народа в одну из величайших минут его истории, сильное ответственностью перед народом и народным представительством, и только когда это совершится, самые великие трудности, стоящие перед Россией, не окажутся для нее непреодолимыми. Пусть Государственная Дума в начатой ею решительной борьбе, памятуя о своей великой ответственности, оправдает те ожидания, с которыми к ней обращается вся страна, и пусть вся страна живет одной волей — спасти Россию. Время не терпит, истекают все сроки и отсрочки, данные нам историей».

Приведенная резолюция была принята без прений и единогласно.

После этого С. М. Леонтьев предложил, в виду исторического значения принятой резолюции, снабдить ее подписанием всех присутствующих.

Предложение было принято единогласно.

Представитель петроградского земства бар. Меллер-Закомельский указал на необходимость, прежде чем разойтись, выразить протест против грубого и противозаконного нарушения работы представителей земств.

Во время речи бар. Меллер-Закомельского прибыл в залу заседаний кн. Г. Е. Львов и был приветствован общими единодушными аплодисментами.

Кн. Г. Е. Львов благодарил присутствующих за то, что они, несмотря «на осадное положение», приступили к занятиям.

С. Н. Маслов передал председательствование кн. Г. Е. Львову, который предложил обсудить заявление бар. Меллер-Закомельского.

Развивая свое предложение, бар. Меллер-Закомельский высказался за желательность поручить главному комитету выработать формулу указанного им протеста.

На этом заседании собрания уполномоченных земств было прервано появлением представителей полиции, которые потребовали прекращения заседания.

По требованию кн. Г. Е. Львова был составлен протокол о закрытии заседания, при чем представитель полиции отметил в протоколе, что, прибыв в помещение рядом с кабинетом кн. Г. Е. Львова, он нашел собрание открытым, и что товарищ главноуполномоченного С. Н. Маслов заявил ему, что собрание было открыто им, а затем, по приезде кн. Г. Е. Львова, он передал председательствование последнему.

Кроме того, в протокол было занесено, что на просьбу, обращенную к кн. Г. Е. Львову, — предложить присутствующим очистить помещение, кн. Г. Е. Львов заявил, что помещение принадлежит всем собравшимся, и потому предложения полиции он исполнить не может.

На вопрос кн. Г. Е. Львова, обращенный к представителю полиции, указать, на основании какого письменного полномочия он действует, последний сослался на личный приказ градоначальника г. Москвы, основанный на общем распоряжении командующего войсками московского военного округа.

Полицейский протокол был составлен.

Представители полиции ждали списка присутствующих уполномоченных для приложения его к протоколу.

В это время один из уполномоченных предложил присутствующим выразить глубокую благодарность кн. Г. Е. Львову за все понесенные им труды по работе на оборону и на помощь раненым воинам.

Раздались единодушные, долго несмолкавшие аплодисменты.

«С вами, князь, мы будем работать до конца», — слышится возглас, сопровождавшийся взрывом новых аплодисментов.

Кн. Г. Е. Львов благодарит уполномоченных за участие в работе, прерванной теперь властью.

Раздались голоса: «Да будет им стыдно!».

В. Д. Кузьмин-Караваев говорит: «Мы работаем на оборону, для нужд армии, борющейся с врагом. Предлагаю выразить нас всех охватывающие чувства к армии: да здравствует наша доблестная армия!».

Раздались возгласы «ура!» и громовые аплодисменты.

«Верьте, мы победим!» — восклицает кн. Г. Е. Львов.

Слова князя сопровождаются бурными аплодисментами и подхватываются присутствующими: «Верно, да будет так!».

Присутствующие медленно покидают зал.[1]

(6 делопр., д. № 347. Вх. 29664.)

67.

Совещание представителей союза городов.

1916 года 11 декабря в частном помещении собрались на совещание по продовольственному вопросу представители союза городов, члены главного комитета всероссийского земского союза, члены военно-промышлен-

[1] Мы опускаем речь главноуполномоченного союза земств кн. Г. Е. Львова, несмотря на ее характерность, в виду того, что она приведена в приложении к книжке т. Шляпникова «Канун 17 года», ч. 2, стр. 109. *Б. Г.*

ного комитета, представители торговли, промышленности, кооперативов и рабочих, в количестве 70 человек. В 1¾ ч. дня заместитель главноуполномоченного всероссийского союза городов Н. М. Кишкин открыл совещание речью, встреченной аплодисментами.

На предложение Н. М. Кишкина избрать председателя совещания, собрание единогласно ответило избранием Н. М. Кишкина.

Слово было предоставлено Н. И. Астрову, начавшему говорить о положении продовольственного вопроса и об общем политическом положении страны. Во время речи Н. И. Астрова в комнату вошел пристав и обратился с вопросом, кто председательствует в совещании и по каким вопросам совещаются. Н. М. Кишкин ответил, что председательствует он и обсуждаются вопросы продовольственные. Тогда пристав заявил, что собрание должно немедленно разойтись, так как, по распоряжению градоначальника, никакие собрания и совещания состояться не могут.

На это требование пристава председатель Н. М. Кишкин заявил, что собрание здесь частное, и потому пристав не имеет права его распускать.

Пристав заявил, что он действует согласно распоряжению градоначальника и что, в случае неповиновения, он вынужден будет применить силу.

Тогда Н. М. Кишкин обратился к собранию с вопросом, желает ли оно продолжать занятия. Собрание единогласно постановило продолжать совещание, и пристав удалился из комнаты совещания.

Затем председатель предложил выслушать проект резолюции (при сем прилагаемой), выработанный организационным бюро продовольственного совещания.

Резолюция была принята единогласно, при чем М. В. Челноков внес единогласно принятую собранием поправку о замене выражения: «15 губерний, отнятых неприятелем»— выражением: «занятых неприятелем».

После этого слово было предоставлено М. М. Федорову, который предложил начать на местах организацию комитетов по примеру центрального комитета общественных организаций.

Предложение М. М. Федорова было единогласно принято, при чем один из участников совещания предложил разослать на места наказ об организации этих комитетов, что также принято собранием.

Во время следующего за сим доклада кн. Д. И. Шаховского в зал заседания явился пристав в сопровождении полицеймейстера, полковника Севенарда, и потребовал немедленного закрытия совещания, согласно распоряжения градоначальника.

Н. М. Кишкин обратился к полковнику Севенарду с вопросом, на каком основании он закрывает частное совещание в частной квартире. Полковник Севенард заявил, что за этими основаниями можно обратиться к г. градоначальнику, а он, Севенард, лишь исполняет волю своего начальства.

Тогда председатель обратился к собранию с предложением, подчиняясь насилию и не создавая лишних хлопот для хозяев квартиры, разойтись. Протестов из среды собрания не последовало, и Н. М. Кишкин в 2 ч. 37 м. дня объявил собрание закрытым.

После заседания представители кооперативов заявили протест свой за несвоевременное закрытие заседания.

Через полчаса после закрытия явились представители рабочих, не успевшие попасть на заседание, и заявили С. Н. Третьякову, чтобы он передал оставшимся еще в доме членам совещания, что они, ознакомившись с резолюцией, единогласно к ней присоединяются.

В четыре с половиной часа был составлен полицеймейстером протокол, подписанный председателем собрания и членами главного комитета всероссийского союза городов и военно-промышленного комитета.

Председатель собрания *Н. Кишкин.*

(6 делопр., д. № 347. Вх. 29664.)

68.

Резолюция о политическом моменте, принятая съездом союза городов 9 декабря 1916 г.

Государственная Дума раздвинула завесу, скрывавшую от глаз страны постыдные тайны, которые охраняются режимом, губящим и позорящим Россию.

Верхняя палата, оберегавшая старый порядок, в сознании своего долга перед страной, в тревоге за будущее России, присоединила свой голос к негодующему зову Государственной Думы: «Опомнитесь! Отечество в опасности!».

В России всем сословиям, всем классам, всякому единению честных людей вполне ясно, что безответственные преступники, гонимые суеверным страхом, изуверы, кощунственно произносящие слова любви к России, — готовят ей поражение, позор и рабство.

Россия окончательно прозрела, и грозная действительность открылась перед ее глазами.

Жизнь государства потрясена в ее основах мероприятиями правительства, страна приведена к хозяйственной разрухе, питание армии и населения находится в критическом положении, а новые меры правительства довершают расстройство и грозят социальной анархией.

Выход из настоящего положения, ведущего Россию к несомненной катастрофе, один — реорганизация власти, создание ответственного министерства.

Государственная Дума должна с неослабевающей энергией и силой довести до конца свою борьбу с постыдным режимом. В этой борьбе вся Россия с нею.

Союз городов призывает Государственную Думу выполнить свой долг и не расходиться до тех пор, пока основная задача — создание ответственного правительства — не будет достигнута.

Союз городов призывает и все организованные группы населения — города, земства, сельское хозяйство, торговлю, промышленность, военно-промышленные комитеты, кооперативы, рабочих — объединиться для работы, прежде всего, в области упорядочения продовольственного дела, разруха которого угрожает стране и армии. Организованная страна должна поддержать и Государственную Думу в ее борьбе за спасение России.

К армии, бесстрашно и стойко грудью защищающей против упорного врага честь и достоинство России, обращает свое слово союз городов. Пусть армия творит свое великое, историческое дело и доводит его до полного победного конца. Объединенная и организованная Россия будет стремиться сделать с своей стороны все, чтобы упорядочить тыл и обеспечить армии возможность выполнить свое ответственное перед Россией и союзниками дело на полях сражения.

(6 делопр., д. № 347. Вх. 29664.)

69.

Закрытие полицией съезда представителей всероссийского союза городов.

9 декабря, в 1 час дня, в помещении центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу, открылся 5-й съезд представителей всероссийского союза городов.

К 1 часу дня начали собираться члены съезда. Когда собралось около 30 человек, в зал заседания явился пристав Бычковский и заявил, что согласно распоряжения московского градоначальника, он просит очистить помещение. На это заместитель главноуполномоченного Н. М. Кишкин заявил приставу, что собравшиеся ожидают главноуполномоченного союза М. В. Челнокова, без которого он исполнить просьбу полиции не может. В это время вход в помещение съезда охранялся уже полицией, и члены съезда, приходившие после полиции, в зал заседания не допускались. Когда прибыл М. В. Челноков, пристав повторил ему свое заявление. М. В. Челноков ответил, что он не может распустить собравшихся, не доложив им письма, полученного от председателя совета министров А. Ф. Трепова и не изложив обстоятельств дела, мешающих съезду состояться. «Открываю съезд в присутствии полиции, прошу присутствующих занять свои места»,— сказал М. В. Челноков и приступил к чтению письма А. Ф. Трепова. Прочитав письмо, М. В. Челноков ознакомил съезд с ходом своих переговоров с генералом Мрозовским и предложил приступить к очередным делам. Пристав заявил, что этого он допустить не может, и, когда присутствующие стали требовать перехода к очередным занятиям, объявил, что принужден будет прибегнуть к силе. Исполняя желание присутствующих, М. В. Челноков заявил приставу, что съезд разойдется, только уступая силе. Пристав приказал ввести наряд полиции. Когда полиция была введена, по требованию членов съезда, было приступлено к составлению протокола. Протокол составлял пристав. По оглашении протокола, в него были внесены, по требованию членов съезда, существенные поправки, и в заключение, по предложению одного из членов съезда, присутствующие выразили протест против действий полиции, мешающей заниматься большим общественным делом в столь важный для России момент.

Протест.

Съезд союза городов, назначенный на 9—10/XII 1916 г. для рассмотрения и решения подлежащих его ведению важнейших дел и вопросов, был лишен возможности выполнить свой долг. Съезд был закрыт полицией, и деятельность союза городов нарушена была в самой своей основе грубейшим образом.

Союз городов считает своим долгом протестовать самым решительным образом против насилия правительства, нарушающего работу союза, всю направленную на помощь армии и населению.[1]

(6 делопр., д. № 347. Вх. 29664.)

---

[1] Мы опускаем резолюцию совещания представителей общественных организаций 11 декабря, в виду того, что она приведена в той же книге т. Шляпникова (см. стр. 115). *Б. Г.*

ГЛАВА XII.

БУРЖУАЗИЯ В ЯНВАРЕ — ФЕВРАЛЕ 1917 г.[1]

70.

Записка петроградского охранного отделения о Государственной Думе.

Передают, как слух, о том, что накануне минувших рождественских праздников или в первые дни таковых состоялись якобы какие-то законспирированные совещания представителей левого крыла Государственного Совета и Государственной Думы.

На совещаниях этих был намечен целый список представителей правительственной власти, пребывание коих на занимаемых ими постах считается нежелательным и об удалении коих якобы постановлено было просить или же ходатайствовать пред высочайшей властью.

В какой форме может и должна вылиться подобного рода «просьба» и действительно ли состоялись подобного рода совещания, точно и определенно неизвестно, но, во всяком случае, на эту тему в настоящее время очень много говорят и указывают, что во главе означенного «списка» стоят фамилии члена Государственного Совета Щегловитова и министра внутренних дел.

Настроение в столице носит исключительно тревожный характер. Циркулируют в обществе самые дикие слухи, одинаково как о намерениях правительственной власти (в смысле принятия различного рода реакционных мер), так равно и о предположениях враждебных этой власти групп и слоев населения (в смысле возможных и вероятных революционных начинаний и эксцессов).

Все ждут каких-то исключительных событий и выступлений как с той, так и с другой стороны. Одинаково серьезно и с тревогой ожидают как резких революционных вспышек, так равно и несомненного якобы в ближайшем будущем «дворцового переворота», провозвестником коего, по общему убеждению, явился акт в отношении «пресловутого старца».

Среди подобных хаотических суждений, толков и слухов особенное внимание обращают на себя всюду и везде повторяющиеся разговоры

[1] Матерьялы для этой главы взяты из разрозненных дел «О Государственной Думе» за № 307, л. А, и «Дела канцелярии петроградского градонач-ка по обществен. движению и к-д. партии» (без №), относящихся к январю — февралю 1917 г.; большинство документов не снабжены номерами и не датированы.

и толки о терроре, как о явлении не партийного характера, а общего. В указанном отношении слухи о вероятных возможностях проявления террора обычно связываются в общественных передовых кругах с вопросом о вероятном при настоящей обстановке окончательном роспуске Государственной Думы.

Как общую характеристику текущего политического момента во внутренней жизни страны, во всех без исключения кругах и слоях столичного общества рисуют сейчас такого рода перспективы:

«Настоящий политический момент в сильнейшей степени напоминает собою обстановку событий, предшествовавших революционным эксцессам 1905 года. Как и тогда, все началось с бесконечных и бесчисленных съездов и совещаний различных общественных и земских учреждений и организаций, упорно и повторно выносивших, несмотря на усиленные противодействия правительственной администрации, схожие резолюции политического характера, резкие по существу, но, несомненно, в весьма малой и слабой степени выражавшие истинные размеры недовольства широких народных масс населения страны.

«Как и тогда, эти резолюции широко распространяются в населении и, естественным образом, в первую голову и более всего должны воздействовать на неуравновешенные круги молодежи вообще и, главным образом, учащейся. Как и тогда, результаты подобного рода воздействия сказываются и сейчас. Настойчиво и упорно сейчас утверждают в обществе о предстоящих уже в текущем месяце длительных и резких выступлениях учащейся молодежи, лозунгом каковых выступлений явится протест против настоящей политической обстановки, вообще, и назначения реакционного министра народного просвещения, в частности. Весьма вероятно, что эти студенческие беспорядки в конечном своем развитии увенчаются попытками к совершению террористических актов, хотя бы в отношении нового министра народного просвещения или министра внутренних дел, как главного, по указаниям нашей оппозиции, виновника всех зол и бедствий, испытываемых страною.

«Естественным образом, как и в 1905 году, эти неизбежные беспорядки учащейся молодежи найдут себе сочувственный отклик и в беспокойных рабочих кругах. Забастовки рабочих, их демонстративные выходки и сочувственное ко всему вышеуказанному отношение передовых и прогрессивно-настроенных кругов интеллигентного общества, — все это, взятое вместе, и создаст атмосферу, необходимую для дальнейших выступлений подпольных революционных партий, общего террора и уличных скандалов и беспорядков».

В таких, приблизительно, штрихах и рисуется сейчас обстановка ближайшего будущего.

Либеральная буржуазия верит, что, в связи с наступлением перечисленных выше ужасных и неизбежных событий, правительственная власть должна будет пойти на уступки и передать всю полноту своих функций в руки кадет, в лице лидируемого ими прогрессивного блока, и тогда на Русп... «все образуется».

Левые же упорно утверждают, что «наша власть зарвалась, на уступки ни в коем случае не пойдет и, не оценивая в должной мере создавшейся обстановки, логически должна привести страну к неизбежным переживаниям стихийной и даже анархической революции, когда уже не будет ни времени, ни места, ни оснований для осуществления кадетских вожделений и когда, по их убеждениям, и создастся почва для «превращения России в свободное от царизма государство, построенное на новых социальных основах».

Независимо от того, какое из означенных мнений может в конечном итоге оправдаться в недалеком будущем, — отмечается крайнее беспокойство во всех слоях столичного общества, боящегося предстоящих катастрофических событий и мечтающего о том, как бы не пострадать при неизбежных проявлениях «красного и белого террора»: усиленно говорят о необходимости ликвидировать—кто может—дела, уехать подальше и в более спокойных местах переждать окончания приближающейся разрухи.

Поскольку этот прогноз событий ближайшего будущего безошибочен и оправдается в действительности, — конечно, судить в данный момент не приходится совершенно, хотя бы в виду крайней неопределенности слухов и разговоров на эту тему. Во всяком случае, все вышеизложенное характернейшим образом определяет крайнюю неустойчивость настроений в массах в настоящий столь тяжкий и более чем ответственный политический мемент.

(О. О. № 307, л. А. 1917 г.).

71.

Записка кн. Долгорукова об оценке к.-д. текущего момента.

Содержание записки князя П. Д. Долгорукова, имеющей целью уяснить взгляд кадетов на переживаемый политический момент, сводится к следующим основным тезисам.

1. России необходимо ответственное министерство, ибо только оно одно может спасти и страну, и престол от различных безответственных влияний и темных сил.

2. Убийство Распутина, несмотря на все его положительные стороны, нельзя рассматривать как явление положительное, ибо вместо Распутина всегда может появиться Сидоров или Иванов.

3. Происшедшие в составе правительства перемены показывают, что убийство это имело скорее отрицательное влияние, так как эти перемены лишь усилию позиции врагов общественности, и благородный замысел убийц Распутина очистить царскую семью от приставшей к ней грязи — не увенчался никакими положительными результатами.

4. Страна и общественность, после ликвидации того события, которое кратко формулируется «убийство Распутина», вернулись в исходное положение, и мы — накануне новой операции в борьбе за ответственное министерство.

5. Основной вопрос лишь в том, дарует ли государь его добровольно, или нет.

Вся история последнего времени, казалось бы, должна была убедить государя, сколь ему полезно самому, по собственной инициативе, даровать ответственное министерство: а) примером ему может послужить блестящее царствование короля Георга Английского, у которого так много общего с нашим государем, даже помимо чисто внешнего сходства; б) ответственное министерство не только оградит от всяких упреков лично государя, выводя его за сферу политической борьбы, но и государыню Александру Феодоровну, так как при ответственном министерстве не могут иметь реального значения те попытки активного германофильства, в которых ее обвиняют. Конечно, никто не думает ставить в вину государыне Александре Феодоровне ее симпатий к своим «несчастным гессенцам» или германцам вообще. Эти симпатии делают ей только честь, свидетельствуя лишь об ее привержен-

ности к родной национальности. В самом деле, как бы мы негодовали, если бы, например, супруга Николая греческого, наша русская великая княжна Елена Владимировна, при теперешнем настроении греческой династии и правительства, отреклась от всего русского. Симпатии к родной национальности, пока они не принимают активного характера, только естественны. Но беда в том, что нашу государыню Александру Феодоровну винят в активном пособничестве Германии, и от этого тяжкого и, весьма вероятно, беспочвенного обвинения избавить ее может только ответственное министерство.

6. Если государь не вступит добровольно на путь создания ответственного министерства, то перед нами, судя по последним настроениям семьи Романовых, встанет грозная опасность дворцового переворота со стороны людей, не желающих быть под началом истеричной, но более сильной, чем государь, женщины. Эта опасность дворцового переворота тем реальнее, что теперь нет даже среди правых, которым эта ужасная война открыла глаза на истинную сущность нашей безответственной власти, компактного ядра противников ответственного министерства. Против ответственного министерства теперь будут бороться или безнадежные тупицы типа Фредерикса, или своекорыстные люди с сомнительной моралью типа Воейкова.

7. Между тем дворцовый переворот не только нежелателен, а скорее гибелен для России, так как среди дома Романовых нет ни одного, кто мог бы заменить нашего государя. Вот почему дворцовый переворот не может дать никого, кто явился бы общепризнанным преемником монархической власти на русском престоле. А раз это так, то дворцовый переворот не только не внесет умиротворение, а, наоборот, заставит нас, убежденных конституционных монархистов, встать на сторону республиканского строя.

8. Таковы мрачные перспективы, нависшие над Россией. Отсюда возникает вопрос: что же должны мы делать сейчас? Ответ на этот вопрос рисуется, по мнению князя П. Д. Долгорукова, такой: русский народ, объединенная русская армия и тыл стремятся сейчас же к единой цели — спасению и благу России.

Достижение этой цели возможно лишь двумя путями: первый путь — победоносный конец войны, второй — ответственное министерство. Только на этих двух путях открывается возможность создания великой и счастливой России. Отсюда и распределение нашего долга: армия на фронте должна вырвать у врага победу, мы в тылу — должны добиться ответственного министерства. Эти задания нисколько друг друга не противоречат, а, наоборот, друг другу помогают, друг друга дополняют. Нужно только, чтобы каждый и в тылу, и на фронте сознательно и честно делал свое дело.

16/I 1917 г.

(О. О. № 307, л. А. 1917.)

72.

Записка петроградского охранного отделения о настроении буржуазии после разгона декабрьских съездов.

В течение праздничной недели (от 24 декабря по 3 января) в Москве происходил ряд частных совещаний представителей прогрессивно-промышленных кругов Москвы, московских кадетов и прогрессивных гласных московской городской думы. Совещания эти происходили в квартирах П. П. Рябушинского и А. И. Коновалова, а также и в помещении

московского литературной-художественного кружка (Дмитровка, дом Вострякова).

Особенного внимания заслуживает совещание, происходившее 30 декабря у П. П. Рябушинского. Совещание это было под предлогом обсудить дела московского биржевого комитета в связи с переживаемым комитетом председательским кризисом. Но этому вопросу посвящена была только часть вечера. В скором времени собравшиеся перешли к обсуждению текущих событий и остановились на последних назначениях. Гласный городской думы Н. В. Тесленко в очень страстной речи определил переживаемый момент, как «накануне открытого конфликта». Оратор указывал, что оппозиция как в Гос. Думе и Гос. Совете, так и в резолюциях общественных организаций исчерпала все средства «лойяльного воздействия на власть, ведущую страну к военному разгрому». В настоящее время, по мнению Тесленко, наступил момент активного выступления «против Петрограда и Царского Села».

При обсуждении предстоящей тактики кабинета кн. Голицына, почти на всех совещаниях была вынесена единообразная резолюция, сводившаяся в общих чертах к нижеследующему:

1. Конфликт правительства с Гос. Думой неизбежен.

2. Ни на какие уступки и частные соглашения ни прогрессивный блок in corpore, ни президиум Гос. Думы не пойдут.

3. Следовательно, не подлежит сомнению, что Гос. Дума будет распущена.

4. В случае роспуска Гос. Думы, объединенное большинство Думы объявит роспуск недействительным, и заседания Гос. Думы продолжатся в Москве, в частном помещении одного из крупных московских коммерсантов. Место собрания Гос. Думы держится в большом секрете, но есть основания предполагать, что оно произойдет в одной из подмосковных вилл (повидимому — в имении Коновалова).

5. Собравшаяся в Москве Гос. Дума обратится к стране с воззванием, в котором укажет, что правительство умышленно ведет Россию к поражению, дабы заключить союз с Германией и при ее помощи водворить в стране реакцию и окончательно анулировать акт 17-го октября.

Организацию распространения воззвания Гос. Думы в действующей армии примет на себя А. И. Гучков, при содействии известных ему офицеров запаса, из каковых, как наиболее энергичного, называют штабс-капитана А. А. Котельникова, начавшего службу охотником в Можайском пехотном полку и получившего ряд боевых наград и производств. А. А. Котельников еще до войны считался одним из видных московских кадетов, кроме того, он — миллионер, крупный землевладелец Саратовской губернии, охотно жертвовавший большие денежные суммы на дело революции.

5/I 1917 г.
(О. О. № 307, А. 1917 г. Вх. 406.)

73.

Записка петроградского охранного отделения о совещании кадетской фракции.

Происходившие в последние дни совещания фракции народной свободы, за отсутствием достаточного количества членов, носили характер неофициальных частных совещаний. В первом совещании, под председа-

тельством К. К. Черносвитова, дело не пошло далее обмена впечатлениями, высказанными с мест, и разговоров по поводу высочайшего рескрипта на имя князя Н. Д. Голицына.

Во втором совещании, под председательством члена Гос. Думы П. Н. Милюкова, было заслушано сообщение последнего о московском совещании в квартире А. И. Коновалова.

Основная мысль московского совещания сводится к тому, что все последние шаги правительства и верховной власти направлены к борьбе не только за отстаивание существующих позиций, но и к возвращению позиций сданных. Раз верховная власть и правительство вступили на путь активной борьбы с народным представительством и общественностью, то и народному представительству, и общественности необходимо итти не на путь примирения и подчинения, а на путь борьбы и противодействия.

Московское совещание в плоскости изложенного вопроса было совершенно единодушно. Разномыслия начались лишь с вопроса о том, какими путями должна вестись дальнейшая борьба. Октябристы и кадеты признавали в переживаемое время единственно возможной борьбу законными парламентскими способами. Между ними была лишь разница в трудно уловимых оттенках. Октябристы доказывали необходимость спокойствия и выдержки. Кадеты с этим соглашались, но не видели оснований, почему спокойствие и выдержка могут помешать резкости и беспощадности борьбы.

Прогрессисты считали, что парламентский способ борьбы осужден на неуспех, и полагали, что ответом на активность со стороны власти должна явиться активность со стороны общественности.

В виду малочисленности присутствующих, никаких решений не принято, и высказано лишь пожелание, чтобы все поднятые московским совещанием вопросы, до фракционного обсуждения, были бы принципиально предрешены в бюро прогрессивного блока.

10/I 1917 т.
(О. О. № 307 л. А. 1917 г. Вх. 579.)

74.

Записка петроградского охранного отделения о буржуазной печати накануне революции (агентура «Парвус»).

В еженедельных отчетах, по необходимости (недостаток места, специальные задания работы и др. условия) приходилось касаться только деловых статей левых газет: статей ответственных, «передовых». Между тем, 6 (нередко 8) страницы газет полны и другого, «второстепенного» материала; этот материал чуть ли не до последней строчки весь пропитанный обычной для левой прессы тенденциозностью, граничащей порою с направлением до нельзя крайним и даже просто «преступным».

Возьмем, например, «Русскую Волю», воскресенье, 22 (1) № 21. Есть в этой газете отдел «На местах», который, казалось бы, представляет собою лишь обычные провинциальные корреспонденции. Однако же, вглядываясь в «корреспонденции» ближе, немедленно же натыкаешься на... политический пасквиль. Г. Амфитеатров, руководитель «Русской Воли», бывший эмигрант, только-что отбывший 12 лет заграничной высылки за пасквиль

по высокому адресу (в закрытой тогда же газете «Россия»), и по возвращении пропускает в «Русской Воле» снова пасквили не менее гнусного свойства.

Речь идет о «корреспонденции» — «Обилие зверей». «Из Ново-Николаевского хутора Саратовской губернии и также из других хуторов сообщают об обилии зайцев, лисиц и волков». Имеются ли в Саратовской губернии вообще «хутора», как населенные пункты, и есть ли в частности хутор «Ново-Николаевский» — эту справку может дать, бесспорно, Саратовское губернское жандармское управление. Но у читателя, если вглядеться дальше в суть «корреспонденции», невольно напрашиваются несколько иные мысли: «Николаевский хутор» — Ново-Николаевский, — не есть ли это «новое» (после чьей-либо эмиграции) и более широкое название гораздо более широкой полосы, которую зовут не хутором, а — страною, из которой был выслан за свой старый пасквиль г. Амфитеатров. И не Николай ли имя государя этой страны. Вчитаемся в корреспонденцию: «Зайцы попадают матерые, большие, чуть ли не с верблюда. Отсюда и пословица: заяц, беги, не то подкуют под верблюда...». «Пословица», сколько известно, гласит иначе: «Арестуют, — а потом доказывай, что ты не верблюд, а заяц».

«Лисицы в мохнатой шерсти. Волки — особенно жадные. Есть черные, есть почти голубые, в роде голубых песцов». Голубой, — ясно, — цвет мундира: «Эти особенно свирепы, делают набеги по ночам», — политические обыски.

«Медведи». «Крысы». «Коты сибирские... Сибирские коты в моде. Их покупают за очень хорошую цену и отправляют в столицу...». Надо ли называть имя недавно погибшего уроженца Сибири.?

Дальше — еще лучше.

Небывалое обилие зверей объясняется отсутствием «охотников», которые временно — на фронте, вместе с ружьями, а также недостатком пороха и дроби у остального населения. Значит, если бы был порох (дальше хотя и говорят, что «есть еще порох в пороховницах») и дробь... Или, — значит, — когда войска вернутся с фронта «вместе с ружьями», то они будут немедленно стрелять в «волков», и т. д. И не подстрекательство ли это?

...А. Амфитеатров, давший крайний пасквиль по высокому адресу 12 лет назад, теперь начинает с сравнительно мелких пасквилей. Надо ли дожидаться, чтобы он снова перешел к пасквилям крупным? Для чего у нас, — позволительно спросить, — существует цензура? Амфитеатров-то гарантирован, вероятно, «неустойкой» (издательством) и на случай закрытия газеты. Но ведь он и его сотрудники хохочут, издеваются над властью: «Как мы их»... «Недурно...». А читатель читает.

Теперь второе.

В том же № «Русской Воли» есть маленький фельетон: «Брызги пера». Возьмем вторую половину второй части фельетона. «В деловых передовых статьях всех левых газет говорится, что «развитие общественности», «ответственное министерство» и т. д., вся левая победа, нужны как средство.... для одоления иноземного врага. Да так ли это? Пустяки. Вот что преподносится публике (к моменту открытия Думы или, по крайней мере, бюджетной комиссии, — когда было пора начать «решительные шаги», и решительных шагов — не последовало).

Москва. Ну-с...

Петроград. Трус... А вы-с?..

Москва. Увы-с...».

Об иноземном ли враге тут речь?

Особенно «достается» в каждом левом фельетоне всякому наличному министру внутренних дел. Цензура молчит, — а публика все это читает и соответственным образом, конечно, воспитывается. В первой половине

этого же фельетона («Где зарыта собака») — прямое издевательство над семейным несчастьем министра (болезнь внучки А. Д. Протопопова). Возьмите «День» за воскресенье («Итало-испано-китайские сказки» Ольд'Ора), II. «Ошибка пастушки» — опять прозрачный пасквиль на А. Д. Протопопова. Возьмите «Речь», понедельник, 23/I: «Итальянская делегация». Кажется, безобидная хроникерская заметка (обед у А. Д. Протопопова). Но в конце читаем: «Во время обеда играл хор балалаечников жандармского дивизиона». Ничего нет стыдного, но при чем тут «жандармские балалаечники», если во время обеда музыкальную программу исполнял оркестр (или часть оркестра), если не ошибаемся, лейб-гвардии Измайловского полка?..

4/II 1917 г.

(Дело канцелярии петроградского градонач-ка по обществ. движению и к-д. партии.)

75.

Записка петроградского охранного отделения о настроениях в обществе накануне открытия Государственной Думы (агентура «Парвус»).

До открытия занятий законодательных палат остается еще 2 недели, но уже и теперь можно сказать, что преддумское положение и настроения преддумские являются исключительно сложными; такими они, несмотря на ту же «сложность», не были ни в январе сего года, ни в прежние перерывы думских занятий. И, печальнее всего, ясно то, что явления сложности — отнюдь не результат каких-либо затруднений в связи с войной: они уплотнились из-за желания противников правительства создать именно подходящую для противника обстановку.

Прежде всего, решено, очевидно, держаться прежней «политики» при открытии Думы: «С этим правительством работать мы не можем (не желаем). Нужно министерство — ответственное». Из министров попрежнему, и даже более чем раньше, нежелательным для левых считается А. Д. Протопопов, которому прогрессивный блок не желает простить его «измены общественности». В чем может выразиться тактика Госуд. Думы, если к 14-му февраля правительство будет в прежнем составе? Ответ: «Дума, устами левых ораторов, опять польет потоки резких и обидных слов. Дума, возможно, будет чинить некоторые препятствия по пропуску бюджета». Однако, то и другое является вряд ли страшным и опасным: слову может быть противопоставлено слово (как было при П. А. Столыпине), и бюджетные трения могут быть устранены. Чем поддержала бы «народных представителей» страна? Ответ: «Но страна в массе относится к думским эксцессам спокойно». Гос. Дума ждет активных выступлений от страны, а страна, в крайнем случае, — от Думы. Именно, «в крайнем случае». Приехавшие депутаты говорят, что на местах, на вопросы депутатов, что же делать Думе дальше, — слышались ленивые ответы: «Гните свою линию. Они — свое, а вы — свое. И вода точит камень». Воде, чтобы проточить камень, нужны тысячелетия.

Однако, страна не в массе, «страна» либеральных верхов: общественных организаций, земских (частью, городских) собраний и т. п. — продолжает быть нервно-будирующей. К искони будировавшему элементу присоединились за последнее время и некоторые слои торгово-промышленного класса, мнящего себя (благо за войну потолстели карманы «и увеличилась, значит, сила») чем-то в роде «третьего сословия» Франции конца XVIII века.

Особенно в этом смысле отличаются московские торгово-промышленные круги (последние «собрания» и «резолюции»). В Москве же и сильная городская оппозиция, из-за неутверждения выборов в гор. думу. Земские и городские союзы недовольны ограничениями по отношению к ним. Военно-промышленные комитеты недовольны «нападками» на представительство в комитетах от рабочих. Они цепляются жадно за свежий слух, что председатель совета министров и министр торговли князь Шаховской (по сведениям газет) относится к рабочему вопросу более терпимо, чем министр внутренних дел г. Протопопов и военный министр генерал Беляев. В либеральных кругах много говорят на тему о возможности несогласий между князем Голицыным и А. Д. Протопоповым вообще. На этом строятся возможные и невозможные предположения.

Положение А. Д. Протопопова, — к сожалению левых кругов, — признается мощным. «Заменил Распутина», — приходится слышать в кулуарах Думы и в редакциях. Но председатель совета министров — тоже сила: будут ли разногласия, как будет воспринимать все, капля за каплею, страна, не повлияет ли все это, в результате, на верху, — не один левый с трепетом развертывает по утрам газетный лист. «А вдруг.... новый кабинет». И вновь «весна», и — достижение всяческих вожделений.

В последнее время выплыл также вопрос о новых выборах в (5-ю) Госуд. Думу или, что то же, о сохранении полномочий нынешним думским составом. За новые выборы стоит опять-таки А. Д. Протопопов и против (якобы) князь Голицын. Понятно, что «вошедшим во вкус» членам Думы не улыбается прекращение их полномочий: против выдвигаются их доводы, что часть выборщиков — на фронте, и часть страны занята неприятелем; за — существует прецедент в Гос. Совете, где полякам-членам сохранены полномочия, а остальные выборы имели место. Всякий, впрочем, знает, что левый лагерь просто опасается, — ибо в Гос. Думу могут пройти (что вполне вероятно) элементы не такие левые.

Но более определенно выяснится все, — это необходимо повторить, — лишь ко дню открытия Думы. Будет еще очень много разговоров, споров и кипения во всех партийных, фракционных и т. п. преддумских заседаниях. Будет много споров и в бюро прогрессивного блока, — возможно, что окончательные решения приняты будут лишь за несколько минут до декларации: будет отпет молебен, а в «бюро» будут спорить. И спорить, пожалуй, есть о чем: все увеличиваются детали разногласий среди отдельных фракций, и все уменьшается надежда на поддержку блока со стороны Гос. Совета, где отмечается менее выгодное левым, чем раньше, соотношение сил. Отложен, кажется, также общедворянский съезд, на который «возлагались надежды». С другой стороны, левые продолжают, несмотря на все, значительно утверждать, что «везде» есть (в стране) какое-то особое решительное настроение: что-то принято («созрело») и решено «окончательно», «страна ничего не боится» («перестала бояться»). Так ли это — покажет, несомненно, будущее.

29/I 1917 г.

(Дело канцелярии петроградского градонач-ка по обществ. движению и к-д. партии.)

76.

Записка (без №) об общественных настроениях в связи с отсрочкой созыва Государственной Думы.

Отсрочка заседаний Государственной Думы до сего времени продолжает быть центром всех суждений в самых разнообразных кругах столич-

ного общества: вторая половина рождественских праздников была, повсеместно в Петрограде, временем самых резких споров на политические темы все, кому только не лень, комментировали отсрочку заседаний Государственной Думы в самых злостных для правительства смыслах, что, естественным образом, не могло не усилить оппозиционности настроений, и без того уже резко сказывающихся во всех слоях столичного общества.

Рост дороговизны и повторные неудачи правительственных мероприятий по борьбе с исчезновением продуктов вызвали еще перед рождеством резкую волну недовольства политикой правительства и привели ныне к тому, что население открыто (на улицах, в трамваях, в театрах, в магазинах и пр.) критикует в недопустимом по резкости тоне все правительственные мероприятия.

Успех крайне левых журналов и газет («Летопись», «Дело», «День», «Русская Воля», появление «Луча») показывает, что обыватель проснулся от десятилетнего сна (слова Амфитеатрова) и намерен «встать на ноги». В самых умеренных по своим политическим симпатиям кругах приходится слышать такие оппозиционные речи, какие недавно не позволяли себе даже деятели определенной окраски. В центре всех этих речей одно — Государственная Дума.

Дума в своем нынешнем составе еще недавно считалась, левой прессой и демократическими кругами, «черносотенной», «буржуазной», собранием прихвостней Горемыкина и пр. Заседание 1-го ноября 1916 года заставило широкие массы более доверчиво отнестись к Думе, в которой вдруг сразу увидели «лучших избранников народа», «представителей всея Руси» и проч.

Эта перемена отношения, во многом объясняемая широким распространением запретных речей Милюкова, Шульгина, Керенского, Чхеидзе и др., привела к разговорам о возможности «роспуска Думы» до окончания войны, к толкам о необходимости «беречь Думу» и пр. Таким образом, ноябрьские события, дав толчок к политическим разговорам обывателей, тем самым содействовали тому, что все политические чаяния населения оказались связанными с именем Думы.

Популярность оппозиционной части Думы и газетная шумиха по поводу различного рода политических резолюций, вынесенных общественными организациями и съездами, заставили обывателей забыть недавние нападки на «черносотенную» Думу и говорить лишь о «мужестве Милюкова и Родзянки», о их решимости «бороться до конца» и пр.

Озлобленное дороговизной и продовольственной разрухой большинство обывателей стало свободно фантазировать на тему «о том, что будет, и чего не будет». В настоящее время значительная часть слухов сконцентрировалась вокруг отсрочки заседаний Государственной Думы, и это облегчает ознакомление с ними. Общество интересуется вопросом: что будет делать Дума, что она может сделать и чем будет реагировать на деятельность Думы правительство. По мнению умеренных кругов общества, не идущих дальше программы прогрессивного блока, Дума должна указать правительству на все гибельные последствия возможности дальнейших отсрочек и роспуска Думы.

Известие о том, что прогрессивным блоком составлена в почтительном твердом тоне всеподданнейшая петиция, в которой нарисована в ярких красках вся «гибельность» политики администрации, и подведен итог минимуму требований блока встретило в большей части столичного общества (особенно в умеренно-буржуазных кругах) сочувствие; по рукам ходят списки тех лиц, отставки коих якобы требует блок: в нем, конечно, фигу-

рирует весь состав совета министров (исключая морского министра), многие из лиц, стоявших недавно на посту заведующих отдельными ведомствами, и т. п.

Более радикальные круги общества считают «петицию» недостаточной, так как, по их мнению, скоро предстоят события первостепенной важности: «общество должно показать правительству, что оно не позволит дальше водить себя на помочах; правительство должно, наконец, понять, что общество не даст себя обманывать Распутиным и другим проходимцам; если правительство не захочет и на этот раз послушаться благоразумного совета, то пусть пеняет за последствия на себя».

Крайне левая часть петроградского общества все же сомневается, чтобы обществу удалось изменить отношение правительства к Думе; по их мнению, конфликт этот будет разрастаться до тех пор, пока совершенно не изменится состав правительства; более умеренные верят, что резкие выступления Думы заставят правительство итти навстречу желаниям прогрессивного блока: в широких кругах общества распространены известия о состоявшихся якобы совещаниях членов Государственной Думы с разными либеральными сановниками, обещавшими будто бы полную перемену правительственного курса в самом непродолжительном будущем.

По рукам ходит «беседа Родзянки» с разными сановниками (с Шуваевым, Сазоновым и др.), где особенно отмечается место: «назначение Щегловитова — последняя ставка; скоро правительство убедится, что ему не справиться с протестом всей нации, и пойдет на уступки....».

Несколько иного взгляда придерживаются люди, близко стоящие к деятельности Думы: по их мнению, Дума вряд ли в силах оправдать надежды обывателя и заставить правительство уступить ее требованиям; прогрессивный блок вовсе не является «гражданской цитаделью», а скорее представляет собою «конгломерат отдельных программных требований». Дума бессильна повлиять на правительство, если ее не поддержит население, а поддержка населения означает революцию, прекращение войны и осуществление всего того, против чего как-раз и ведет борьбу прогрессивный блок.

Таким образом встает тот вопрос, который встал перед кадетской фракцией: «или победа без вас, или революция без нас»; и то, и другое одинаково смущает думских политиков и заставляет их переменять по несколько раз уже принятые решения; вслед за ними сомневаются в правильности оценки силы Думы и все те, кто имеет какие-либо дела с депутатами: нет веры в прочность блока, нет единого понимания надвигающихся событий.

Кадетские конференции, о которых говорят в последние дни очень много, также являются показателем того идейного разброда, в каком находится в настоящее время общество.

Что же может сделать Дума? Если и сейчас еще находятся депутаты, предлагающие повторить второе издание «выборгского воззвания», то большинство стоит против подобной «комедии» и выражает свою задачу в определенной форме, ясной для всех: «Государственная Дума бессильна бороться с правительством, которое может ее ежедневно распустить до конца войны и тем самым лишить страну представительства. Но в этой слабости скрыта и сила Думы: бессильная изменить политическое положение и свергнуть «министерство народного недоверия», Государственная Дума станет всесильной с момента роспуска: ее разгон вызовет революцию или заставит правительство через несколько недель вернуть Думу и согласиться на все ее требования, или же обречет страну на анархию, в которой должен неминуемо погибнуть существующий политический строй».

Подобная точка зрения усвоена многими видными депутатами, предлагающими «не щадить Думу, а заботиться лишь о том, чтобы население увидело в роспуске Думы не следствие политиканства какой-нибудь одной партии, а последнюю каплю издевательства над долготерпением народным». «В ответ на молчание Таврического дворца заговорит вся Россия; если Дума будет распущена за то, что она требует уничтожения злоупотреблений, суда над изменниками и сторонниками позорного мира, то вся Россия станет на ее защиту...».

Итак, большинство депутатов ждет роспуска Думы, не считая возможным найти пункты примирения с нынешним правительством: они прекрасно понимают, что правительство не может согласиться на принятие программы прогрессивного блока, вследствие ее революционности, и заранее резко критикуют всю деятельность правительственных агентов. Но, идя навстречу намерениям части правых кругов общества уничтожить деятельность Думы, левая часть депутатов все же считает, что роспуск Думы будет временным и лишь посодействует усилению оппозиционного настроения общества и приблизит революцию.

Настроение рабочих, о котором умеренные партии сейчас больше всего говорят и пишут, опасаясь рабочих выступлений, вызывает у всех исключительное внимание и продолжает оставаться очень напряженным: партийные круги до сих пор не приобрели в массах такого влияния, чтобы могли, сообразно своим желаниям, вызвать или остановить рабочие выступления.

Общие условия жизни (дороговизна, отсутствие продуктов, приостановка ряда предприятий в связи с отсутствием сырья, частая безработица квалифицированных рабочих и т. п.) продолжают вызывать оппозиционное настроение во все более широких кругах рабочего населения: по прежнему часто раздаются речи против войны, а особенно против руководителей высшей политикой России, но все это носит на себе отпечаток стихийного, случайного движения и нисколько не соответствует тому настроению, которое рисуется лидерам революционных партий.

Единственный вывод из настроения столичного пролетариата, это — возможность в любую минуту забастовки, всевозможных эксцессов; слухи об этом, муссируемые преимущественно в еврейских кругах, встретили огромное сочувствие низов населения, и в дни 9—12 января Петроград вновь сделался ареной слухов, подобных октябрьским, о начале всеобщей забастовки протеста, об остановке движения поездов и пр.

Слухи эти распространялись с быстротой молнии: остановка, 8 января, электрического тока, продолжавшаяся не больше 1 часа, вызвала на огромной территории столицы упорные слухи о начале забастовки: публика безумно ломилась в вагоны трамвая на Садовой улице, где всякого рода проходимцы говорили, что «этот-то трамвай еще дойдет, а вот те, которые выйдут после 7 часов, — про те сказать трудно». Не лучше было и 12 января, когда толпы публики в несколько минут собиралась у всякого вывешенного листка на стене, и когда на улице и в трамваях незнакомые лица передавали друг другу о забастовке трамваев Васильевского парка и пр.

И вывод, делаемый из подобного настроения рабочими партиями, правилен: идея всеобщей забастовки со дня на день приобретает новых сторонников и становится популярной, какой была и в 1905 году. Провести всеобщую забастовку, как требование смены правительства и введения широкой политической свободы,—возможно: и вожди кадетских групп часто за последнее время выражают свое опасение,

как бы действительно не началась подобная забастовка помимо их и против их предположений.

Резюмируя эти колеблющиеся настроения в нескольких словах, можно сказать, что ожидаемый массами в феврале месяце роспуск Государственной Думы не обязательно вызовет, но легко может вызвать всеобщую забастовку, которая объединит в себе всевозможные политические направления и которая, начавшись под флагом популярной сейчас «борьбы за Думу», окончится требованиями окончания войны, всеобщей амнистии, всех свобод и пр.

Слух о «разгроме под Ригой», распространившийся в последние дни, определенно показывает, что пораженцы не дремлют, что их пропаганда вновь усилилась, несмотря на все статьи социал-демократов и социалистов-революционеров-оборонцев, уверяющих в полном исчезновении пораженческой пропаганды.

«Рабочим нужна не Дума, и ее буржуазные депутаты, но им нужна атмосфера Думы, дающая рабочим возможность хоть немного дышать»; — эти слова одного социал-демократического оратора определяют позицию рабочих: без Думы правительство скоро уничтожит революционные организации, существующие под флагом рабочих групп военно-промышленных комитетов, бирж труда и т. п.; без Думы невозможны съезды рабочих и публикование, через речи социал-демократических депутатов, резолюций преступного содержания, но сама по себе Дума буржуазная рабочим не нужна, и они бы не пошли на ее защиту, если бы не сплелось вокруг существования Думы такое множество других жизненных вопросов. В виду же того, что на Думу почти все население возлагает огромные надежды в связи с прекращением продовольственной разрухи, с упорядочением подвоза продуктов, с ограничением роста дороговизны и т. п. жизненными вопросами, вполне понятно, что рабочие группы встанут на защиту Думы в случае ее роспуска.

Но кроме слухов о возможности всеобщей забастовки, в обществе усиленно циркулируют слухи о возможности проявления террора. Прибывающие с позиции солдаты и офицеры, рассказывающие бесконечные истории об «озверении» обеих воюющих сторон и находящие какое-то удовольствие в смаковании подробностей всяких жестокостей, — сплошь да рядом говорят про нынешнее политическое положение: «Да чего смотреть-то,— взять да приколоть такого-то мерзавца. Будь мы здесь, мы не стали бы долго думать», и т. п. Возможность «возобновления красного террора в ответ на белый» не подлежит никакому сомнению, тем более, что в действующей армии, согласно повторных и все усиливающихся слухов, террор широко развит в применении к нелюбимым начальникам, как солдатам, так и офицерам.

Роспуск Думы, в которой рядовое офицерство, мало воспитанное политически и набранное «с бору и сосенки», видит защитницу народных прав, «залог будущего России» и т. п., — легко может вызвать в армии огромную вспышку недовольства, поведет к образованию различных новых революционных ячеек, которые скорее и прежде всего проявят себя в участии в террористических актах и выступлениях (надо помнить, что боевые дружины социалистов-революционеров в 1905 году, в лице своих вожаков и руководителей, дали значительный процент отставных офицеров и военных врачей).

Поэтому слухи о том, что за убийством Распутина — «этой первой ласточкой террора» — начнутся другие «акты», — заслуживают самого глубокого внимания.

Нет в Петрограде в настоящее время семьи так называемого «интеллигентного обывателя», где «шепотком» не говорилось бы о том, что «скоро, наверно, прикончат того или иного из представителей правящей власти» и что «теперь такому-то безусловно не сдобровать»— характерный показатель того, что озлобленное настроение пострадавшего от дороговизны обывателя требует кровавых гекатомб из трупов министров, генералов и всех тех, кого общество и пресса величает главными виновниками неудач на фронте и неурядиц в тылу. В семьях лиц, мало-мальски затронутых политикой, открыто и свободно раздаются речи опасного характера, затрагивающие даже священную особу государя императора и заставляющие верить утверждениям, что высокий порыв монархического чувства, охватившпй Россию в июле 1914 года, исчез, сменившись безумно быстрым ростом озлобления не только против «правительства», но и против государя и всей царской семьи: повсеместно и усиленно муссирующиеся слухи о «близком дворцовом перевороте» как бы подтверждают это и связываются доморощенными политиками в одно целое с вопросом о... деятельности Государственной Думы.

Много и упорно за последнее время говорят о национальной партии, образовавшейся вокруг В. М. Пуришкевича; эта партия будто бы решила путем дворцового переворота «спасти Россию» от революции и позорного мира: называют ряд лиц, будто бы состоящих членами этой партии, и пр. Является ли эта партия правдой или досужей выдумкой обывателей, — сказать трудно, но печально и то, что общество в своем большинстве (исключая маленькой кучки крайне-правых) допускает возможность существования такой партии и соглашается с легальностью дворцовых переворотов и убийств.

Характернейшим показателем сумбурности и исключительной запутанности политической обстановки данного момента и своего рода «знамением времени» может служить, между прочим, помимо всего вышеизложенного, и резко намечающийся за последние дни яркий авантюризм наших доморощенных «Юань-Шикаев» в лице А. И. Гучкова, Коновалова, князя Львова и некоторых других «загадочных представителей общественности», стремящихся, не разбирая средств и способов, использовать могущие неожиданно вспыхнуть «события» в своих личных видах и целях.

Опасаясь при неожиданности «переворота» и «бунтарских вспышек» оказаться не у дел и явно стремясь при общем крушении и крахе сделаться вождями и руководителями анархически-стихийной революции, — лица эти самым беззастенчивым и провокационным образом муссируют настроение представителей руководящих и авторитетных рабочих групп (рабочие группы военно-промышленных комитетов), высказывая перед представителями последних уверенность свою в неизбежности уже «назревшего переворота» и утверждая категорически, как неопровержимый и им достоверно известный факт, что «армия — по их проверенным сведениям и данным — уже приготовилась и выражает намерение поддержать все выступления и требования негодующего народа».

Что подобного рода разжигание страстей не остается безрезультатным, легко видеть из все более и более революционизирующегося настроения рабочей группы центрального военно-промышленного комитета, представители коей самым наивным образом начинают веровать в «силу» г.г. Гучковых, Коноваловых и К° и признавать, — по их собственным словам, — что от последних именно и будет зависеть дать последний и решительный сигнал к началу «второй великой и последней всероссийской революции».

Как общий вывод из всего изложенного выше, должно отметить, что если рабочие массы пришли к сознанию необходимости и осуществимости всеобщей забастовки и последующей революции, а круги интеллигенции — к вере в спасительность политических убийств и террора, то это в достаточной мере определенно показывает оппозиционность настроения общества и жажду его найти тот или иной выход из создавшегося политически-непормального положения.

А что положение это, как указывает все вышеизложенное, с каждым днем становится все непормальнее и напряженнее, и что ни массы населения, ни руководители политических партий не видят из него никакого естественного мирного выхода, — говорить об этом не приходится.

(О. О. № 307, л. А. 1917 г.)

77.

Записка петроградского охранного отделения о настроениях к.-д. накануне переворота (агентура «Туманский»).

Чем больше слухов о возможных переменах в составе правительственной власти, о предполагающейся деятельности Думы, о якобы вынужденной необходимости сфер считаться с Думой,—тем кадетская позиция становится тенденциознее и непримиримее.

Левые кадеты очень энергично теперь настаивают на самой резкой критике в Думе правительственной власти, о замене ее лицами, отвечающими моменту; на целом ряде частных совещаний, военно-промышленных комитетов здесь, в Москве, совещаний союзов—левые кадеты вносили тенденцию непримиримости и открыто враждебных против правительства выступлений, главным образом — в Гос. Думе.

Левые кадеты не боятся атмосферу общественных отношений делать напряженнее; у них такая дилемма: или правительство должно уйти, или Дума должна быть распущена и назначены новые выборы, но последнее — по Милюкову — едва ли возможно, так как при таких исключительных моментах, переживаемых миром, большой риск не иметь в случае крайней нужды опоры в лице народных представителей.

Распустить Думу и открыть дверь в неведомую и пугающую пустоту, каждую минуту ожидать революции и жить под ее страхом,— едва ли такое положение будет лучше для верховной власти и нынешнего правительства.

Гос. Дума, все-таки, как бы она ни была враждебно настроена,— в своей компактной массе никогда не превратит себя в конвент революционных деятелей; сговориться с Думой на известной платформе возможно.

Правое же крыло стоит за сохранение Думы, стоит за поиски путей для работы, если и не совместной с правительством, то хотя бы такой работы, где бы Дума, не касаясь принципиальных вопросов, могла работать для экономического блага страны и для создания обстановки, благоприятствующей положению вещей на фронтах.

Правые кадеты хотят оберегать фронт от случайностей политических осложнений внутри страны.

В общей же массе кадеты настроены враждебно и, не подавая теперь особых признаков враждебности в бюджетной комиссии, в виду чисто практических соображений,— в Думе предполагают подвергнуть действия правительства весьма враждебной критике.

Практически, ни в блоке, ни среди отдельных кадетских течений,— не установилось сейчас единства взглядов на тактические приемы, не уста-

новилось единства, стройности. В виду этого направляющее влияние лидеров выражается в том, в настоящий момент,— что они, не предрешая теперь кадетской позиции в Думе и вообще дальнейшей позиции не только в Думе и в блоке, но и в жизни страны, будут по возможности подчинять тактику партии и блока в Думе каждому в отдельности мировому политическому моменту.

Если общая политическая конъюнктура будет благоприятной для кадет, они в Думе выступят со всей страстностью против «системы», если им будет угрожать роспуск или репрессии,—деятельность свою они перенесут в страну, на места, во всевозможные комитеты, союзы и иные общественные организации.

В настоящее время кадеты полны слухами о возможных переменах в составе правительства: уходят все, за исключением министров — военного, морского и иностранных дел. Член государственного совета Трепов — вновь премьер; подбор соответствующего состава кабинета; говорят о премьерстве министра иностранных дел, о возвращении посла в Лондоне Сазонова к его прежнему министерскому портфелю.

29/I 1917 г.

(Дело канцелярии петроградского градонач-ка по обществ. движению и к.-д. партии.)

78.

Записка петроградского охранного отделения о течениях внутри партии к.-д. накануне февральского переворота (агентура «Туманский»).

В связи с последними сведениями активных представителей партии к.-д., в названной партии определенно наметились в настоящее время нижеследующие характерные группировки партийных деятелей.

А. Наиболее левая группа провинциальных кадет, ядро коей составляют представители общественных организаций и свободных профессий (главным образом) и отчасти небольшая часть левого крыла кадетской фракции в Государственной Думе.

Эта часть кадет определенно полагает, что их партии и правительству, как это показали ближайшие события, не о чем больше договариваться, так как «правительство» поставило точки над «i», и кадетам остается сделать то же самое. О сближении с правительством и, тем более, совместной работе — не может быть в настоящее время и речи: правительство решило «быть само по себе», следовательно, и страна должна «быть сама по себе». В нынешний исключительный момент страна обязана поспешить с своим окончательным организованием, выделить из своей среды органы, способные создать новую и здоровую власть в стране, могущие от имени страны вести войну до конца и раз навсегда покончить со старым строем, создав новый склад жизни на основах самой широкой в пользу народа конституции или даже демократической республики.

Характерным для представителей названного партийного течения является то обстоятельство, что таковые боятся отстать от жизни, опасаются возможности быть выброшенными за борт неизбежно надвигающейся революцией и, повидимому, склонны, по указанным причинам, принять участие в таковой, конечно, если она вспыхнет и сделается действительно неминуемой.

Б. Следующая, правее стоящая группа комплектуется левым крылом кадетской фракции Государственной Думы, петроградскими кадетами вообще и меньшей частью представителей «Земгора».

Эта часть кадет не хотела бы вступать на путь «загадочный и не дающий учесть все шансы на победу» революции, стремится через Государственную Думу обратиться к стране с призывом стать на защиту народного представительства и создать из Государственной Думы прямой и единый законодательный орган, создать при наличии существующих ныне и выгодных для народного движения обстоятельствах «новое правительство, построенное на началах настоящего европейского парламентаризма».

Необходимо отметить, что обе названные группы кадет весьма склонны всячески поддерживать любые проявления общественного движения и, в смысле вполне пригодного для их достижений материала, более чем недвусмысленно смотрят на «многообещающую солдатскую массу, сильно тяготеющую к земле, несомненно тяготящуюся своим оторванным от родных очагов положением и в достаточной мере широко обслуживаемую разнообразными общественными организациями, работающими и в тылу, и на фронтах».

В. Следующая группа кадет, которую можно назвать центральной, рассчитывает в своих стремлениях опираться на пресловутый «прогрессивный блок» и общественные организации вообще; эта группа — преобладающая — не хочет до поры и времени обострять своих отношений с правительством, намерена дать правительству возможность законченно вылиться в желательные для него и «теперь уже определившиеся» рамки, желает сохранить до поры видимую лояльность и дождаться созыва Государственной Думы; по мысли представителей означенной кадетской группы необходимо сейчас принять все меры к тому, чтобы не давать правительству ни малейших поводов к новой отсрочке думской сессии, и потом, уже в Думе, действовать, сообразуясь с обстоятельствами, укрепляя блок и создавая в Думе свое мощное и авторитетное ядро.

Г. Следующей является группа кадет, стоящих на правом фланге партии, боящаяся вообще резких и решительных выступлений и готовая ко всевозможным компромиссам, лишь бы «были и козы сыты, и сено цело». Эти кадеты выдвигают против решительных выступлений, диктуемых их более левыми товарищами, тот аргумент, что сейчас — война, и что при подобном положении внутренние распри должны носить, по мере возможности, смягченные формы: следует сохранить Думу и попытаться делать свое дело, защищая права народа лояльными способами. По их мнению, задача партии в данный момент должна заключаться в облегчении трудностей на фронтах в способствовании всеми имеющимися в распоряжении партии силами и средствами победе, а для этого партия «не должна толкать страну на путь революции».

Как характеристику работы партийных лидеров за последнее время, необходимо отметить, что несмотря на ряд московских совещаний и постоянные фракционные совещания ныне в Петрограде, кадетам совершенно не удалось столковаться ни по одному из вопросов ближайшей тактики их в деле оценки текущего политического момента. Дело в том, что московские совещания, проходившие под влиянием повышенной температуры, создавшейся левыми провинциальными кадетами, вызвали в самой партии ряд весьма острых разногласий, требующих незамедлительного, казалось бы, разрешения. Между тем, при крайней неуступчивости левых кадет и осознаваемой более умеренными партийными элементами невозможности развала блока (правые фракции такового незамедлительно отколятся и этим самым в корне разрушат с трудом

созданную кадетами иллюзию единодушного думского большинства), разрешить вопросы ближайшей тактики, без предварительных переговоров с «правыми блокистами», невозможно. Отсюда — бесконечные совещания с представителями блока и наблюдаемая ныне исключительная суетливость кадетских заправил.

Несомненно лишь одно: при возобновлении думской сессии кадетами и лидируемым ими блоком будет проводиться в усиленной степени уже испытанная тактика «1-го ноября», с колебаниями, в зависимости от обстановки, в сторону большей или меньшей резкости и упористости в отношении представителей правительственной власти и всех предлагаемых последними мероприятий и начинаний.

В текущих блокских совещаниях в первую голову обсуждаются вопросы, связанные с предстоящими работами бюджетной комиссии, а затем и вопросы относительно тактики, которой следует держаться при возобновлении думской сессии.

12/I 1917 г.
(Дело канцелярии петроградского градонач-ка по общественному движению и к-д. партии.)

79.

Записка петроградского охранного отделения об оценке момента кадетами (агентура «Туманский»).

Признаки выражения общей вражды к нынешнему правительству и бюрократическому строю кадеты видят в следующем: 1) Разногласия и неурядицы в «придворных сферах», подтверждаемые фактом недавнего сенсационного убийства «старца» и упорными слухами о ряде «высылок» весьма высоко стоящих лиц. 2) Дворянство — эта «опора трона» — своими постановлениями на съездах и новыми выборами в Петрограде показало, что оно относится отрицательно к нынешней «системе»; косвенным, но характерным подтверждением сего является и резкое выступление (в сессию перед рождеством) представителей того же дворянства в Гос. Совете. 3) Перемена некоторыми заведомо правыми своих убеждений. 4) Сильный сдвиг влево промышленного класса, и до сего времени всегда бывшего прогрессивно настроенным. 5) Стройная объединенность всех общественных организаций под знаком кадетской партии. 6) Течение среди рабочего класса в пользу установления в стране парламентско-демократическо-правового порядка.

Не менее благоприятной для них является и подлежащая незамедлительному исполнению «конъюнктура текущего момента»: 1) Напряженность на фронтах, в силу чего правительство лишено возможности, со свойственной ему непринужденностью, справляться силой оружия с «враждебными элементами внутри страны». 2) Массовое общественное движение, охватившее не только широкие круги населения России, но охватившее в своем поступательном развитии, помимо гражданского населения, и всю армию. 3) Тождество взглядов армии и всего народа, создавшееся благодаря уничтожившимся, в военное время, средостениям между «казармой» и «улицей»: нет войск и кадров мирного времени, но и имеется наличность «вооруженного народа». 4) Продовольственная разруха, выражающаяся в небывалой дороговизне и недостатке съестных припасов и других предметов первой необходимости. 5) Явное бессилие власти справиться с внутренним продовольственным кризисом и всей вообще разрухой. 6) Непопулярность правительства в стране и, вследствие этого, справедливое озлобление народа на «правительственную систему». 7) Отсутствие у правительства популярности и доверия даже среди своих союзников. 8) Вынужденная необходимость,

вследствие настойчивых требований союзников, создания для всего вообще согласия «одного правительства», «одного штаба» и «одной армии». 9) Явное и подчеркиваемое доброжелательное отношение союзных правительств к «молодой России».

Находясь в непосредственном общении с английским посольством, кадеты черпают оттуда соответствующие указания и советы.

6/II 1917 г.
(То же дело.)

80.

Доклад директора департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля.

Предстоящее 14 текущего февраля возобновление думской сессии создает повышенное настроение как в населении столицы вообще, так и в оппозиционном лагере в особенности.

Стремясь использовать столь благоприятный для всякого рода противоправительственных выступлений момент, прогрессивные элементы Государственной Думы решили на первых думских заседаниях открыто выразить протест по адресу нынешнего кабинета.

При этом, однако, всемерно стремясь заручиться поддержкой широких общественных кругов и в особенности столичных рабочих масс, прогрессисты обратились за содействием к рабочей группе центрального военно-промышленного комитета.

Последняя, придерживаясь вообще в своей деятельности резко-революционного направления, не преминула, конечно, пойти навстречу означенным начинаниям «прогрессивного блока» и безотлагательно приступила к подготовке демонстративного в день открытия Государственной Думы шествия столичных рабочих к Таврическому дворцу для предъявления депутатам требования «о создании правительства народного спасения».

В виду сего, 27 минувшего января вышеуказанная рабочая группа была ликвидирована, при чем ныне состоялось уже постановление судебных властей о привлечении членов группы к предварительному следствию по обвинению в принадлежности к сообществу, поставившему себе целью ниспровержение существующего государственного строя, т.-е. по признакам преступления, предусмотренного ст. 102 угол. улож.

Несмотря на то, что председатель центрального военно-промышленного комитета своевременно был поставлен в известность о таковом явно преступном направлении означенной группы, А. И. Гучков не только не принял с своей стороны каких-либо мер к пресечению противоправительственной деятельности группы, но вслед за ее ликвидацией поспешил циркулярно оповестить о том местные рабочие организации, повидимому, с целью еще более обострить настроение рабочих масс.

Спустя некоторое время, в ответ на правительственное сообщение о причинах ареста упомянутой рабочей группы, центральный военно-промышленный комитет стал распространять среди членов Государственного Совета, Государственной Думы, рабочих групп и других общественных организаций особое разъяснение, в коем изложено, что группа оказывала комитету деятельное содействие по предупреждению стачечного движения в среде рабочих, работающих на оборону, при чем группа «решительно высказалась против всяких эксцессов, на которые подчас толкали рабочую массу некоторые элементы», что группа стремилась к уменьшению продовольственной нужды в рабочей среде, и что вообще деятельность ее не только не носила

революционного характера, но, напротив, «имела целью создание условий для спокойной работы на оборону», и если за последнее время усилились политические выступления группы, то «основной причиной этому являлось укоренившееся в населении убеждение, что существующий политический режим ведет страну не к победе, а к поражению». Отрицая далее выводы правительственного сообщения о том, что конечной целью деятельности рабочей группы являлось превращение России в социал-демократическую республику, центральный военно-промышленный комитет заявляет о солидарности своей с рабочей группой «и в оценке нынешнего политического режима и правительственного курса и признает существующую власть неспособной обеспечить победу России над внешним врагом».

Приведенное выше «разъяснение», имея прямой своей задачей повлиять на широкие общественные и рабочие круги в смысле понуждения их к выражению противоправительственных протестов, отчасти достигло своей цели, так как бюджетная комиссия Государственной Думы приняла уже в принципе решение о необходимости по поводу ареста рабочей группы внести запрос правительству.

Во всяком случае, сторонники рабочей группы успешно проводят в настоящее время в жизнь ее предложения и в этом направлении успели уже добиться таких успехов, что рабочие массы безусловно 14 февраля предпримут попытку устроить шествие к Таврическому дворцу, не останавливаясь даже пред неизбежностью в таком случае столкновений с полицией и войсками.

Учитывая такое настроение рабочих масс, руководящие ими революционные организации с своей стороны задумали вызвать в Петрограде забастовку 10 февраля, в годовщину суда над бывшими членами социал-демократической фракции Государственной Думы. Инициаторы этого замысла предполагают, в случае, если забастовка продлится до 14 февраля, стать во главе движения и направить таковое согласно партийным видам.

При всем том, надлежит отметить, что руководящие рабочим движением революционеры стремятся не только вовлечь рабочих на путь открытых выступлений, но и довести дело до вооруженных столкновений с полицией.

Не разделяя задуманного революционными элементами превращения «мирной народной манифестации» в кровавое выступление, главари оппозиции проявляют полную растерянность и, с целью принять какое-либо определенное по данному вопросу решение, наметили вновь устроить 5 сего февраля такое же чрезвычайное совещание, какое имело место 29 минувшего января под председательством Гучкова.

Февраль 1917 года.
(О. О. № 307, л. А.)

31.

Доклад петроградского охранного отделения министру внутренних дел об отношении общественных организаций к аресту рабочей группы.

29-го сего января, около 11 часов утра, в помещении вещевого отдела центрального военно-промышленного комитета (Невский пр., д. № 59), экстренно и с соблюдением ряда предосторожностей, состоялось указывавшееся в предшествующем донесении совещание представителей центрального военно-промышленного комитета, земского и городского союзов, пред-

ставителей думских оппозиционных и левого крыла фракций (за исключением правых), некоторых членов Государственного Совета, уцелевшего еще от ареста представителя местной «рабочей группы» — Абросимова и прибывших (они явились с опозданием, около 2-х часов дня) из Москвы представителей тамошней «рабочей группы» — Черегородцева и Девяткина.

Всего участвовало в собрании около 35 человек, из коих определенно и точно известны нижеследующие:

1. От центрального военно-промышленного комитета: А. И. Гучков, Коновалов, Изнар, Кутлер, Казакевич, профессор Зернов, Маргулиес, помощники управляющего делами комитета — Ган, Клопотов и Омельченко, рабочий Абросимов.

2. От московского военно-промышленного комитета: присяжный поверенный Переверзев, рабочие Девяткин и Черегородцев; ожидавшийся на совещание заместитель председателя Смирнов по какой-то причине задержался чуть ли не в пути и на собрание не попал.

3. От Государственной Думы, депутаты: Керенский, Чхеидзе, Аджемов, Караулов, Милюков, Бубликов и ряд других, по фамилии неизвестных.

4. 4—5 представителей Государственного Совета и представители земского и городского союзов — все лица неизвестные по фамилиям; среди последних был неизвестный, которого называли «князем Друцким».

Целью означенного, экстренно созванного собрания явилось стремление представителей общественности выяснить положение, создавшееся благодаря аресту представителей «рабочей группы» центрального военно-промышленного комитета, и определить сообразно с сим тактику своих дальнейших действий.

Обязанности председательствующего на собрании выполнял Гучков, роль товарища председателя выпала на долю Коновалова.

Началось собрание кратким заявлением Гучкова, который сообщил об аресте представителей «рабочей группы» центрального военно-промышленного комитета и указал на то, что участники настоящего совещания должны, пока частным образом, обсудить, как смотреть на подобного рода акт со стороны правительственной власти, и осведомить о случившемся те учреждения и организации, представителями коих они являются. Прибавив к изложенному, что, по словам главного начальника петроградского военного округа, дело «рабочей группы» предполагается рассматривать не в административном порядке, а передать для обследования в руки прокурорского надзора, Гучков закончил свою краткую речь, совершенно уклонившись от какой-бы то ни было оценки случившегося.

Вслед за сим начались выступления ряда ораторов, кои произносили свои речи в нижеследующей постепенности.

Депутат Государственной Думы Милюков, явно волнуясь, указал, что Государственная Дума является сейчас центром внимания всей страны, что лишь Государственная Дума должна и может диктовать стране условия борьбы с властью, что одна лишь она должна объединить всю эту борьбу и выдвигать для этого соответствующие лозунги. Помимо Государственной Думы никто, ни один класс населения, ни одна общественная группа не в праве выставлять своих лозунгов и самостоятельно начинать или вести означенную борьбу. Поэтому политика «рабочей группы» и рабочего класса ему, Милюкову, в данном случае совершенно непонятна, и он не знает, как все это совместить с создавшимся положением.

Присутствовавшие, ожидавшие услышать от Милюкова резкую и горячую речь, были положительно подавлены подобным характером его заявления,

так как всем ясно, что оратор как бы спешит уже теперь открещиваться от того, что затея пропагандировавшихся «рабочей группой» выступлений в день 14 февраля фактически исходила из депутатских думских кругов. Все были крайне удивлены и опечалены тем обстоятельством, что популярный оратор и вождь общественности, как бы устрашенный событиями и проявленной властью решительностью, явно стремится печальную историю с «рабочей группой» лишить всей важности ее политического значения и как бы перевести ее в область хотя и печального, но все-таки чисто юридического казуса, как бы приглашая при этом общественность не поднимать из-за «рабочей группы» излишнего и сейчас, пожалуй, даже неуместного шума.

Смысл его речи, как поняли все присутствующие, был таков: постараемся предоставить пострадавшим арестованным хороших защитников, будем всех и каждого уверять, что «рабочая группа» невинна и чиста, как младенец, — но не будем сейчас создавать из всего этого истории, так как момент слишком серьезен и так как подобного рода «бум» можно делать лишь хорошенько подумавши.

Выступивший после Милюкова депутат Аджемов с азартом и увлечением, оппонируя предыдущему оратору, утверждал, что говорить об условной истории с «рабочей группой» совершенно не приходится, так как тогда бы привлечению пришлось подвергнуться не только представителям «рабочей группы», но и всем здесь присутствующим, и всем тем, кто когда-либо и где-либо подписывал политические резолюции, выносившиеся на земских и городских совещаниях и съездах: «как юрист, — воскликнул оратор, — я определенно заявляю, что в резолюциях этих имеются все признаки 102 ст., почему переносить подобного рода вопросы в плоскость юридического их разрешения нам невыгодно.

«Мы все уже сказали и сделали, мы уже уперлись в стену, выхода нет, — и нам, в данном случае, остается лишь одно: разрешать создавшееся положение с точки зрения его политического значения и характера». На изложенном закончил свою речь депутат Аджемов.

Профессор Зернов произнес довольно напыщенную речь политического характера, сущность коей сводилась к следующему: «Довольно нам писать бумажные и никого не устрашающие резолюции, приходит время действий, необходимо координировать работу всех общественных классов и, к открытию Государственной Думы, создать такую новую ячейку, которая, вступив в открытую и решительную борьбу с правительственной властью, могла бы взять на себя разрешение всех политических чаяний здесь собравшихся».

Пожелания профессора Зернова поддерживали депутаты Бубликов и особенно вновь выступивший Аджемов, заявивший, что и удар по «рабочей группе» является фактически ударом по всей русской общественности; выбытие из строя рабочей группы является ослаблением всего строя общественных сил страны; дело союзников рабочей группы изыскать средства к тому, чтобы реагировать должным образом на этот удар».

«Князь Друцкий» указал, что русская печать задушена, и что «о наших совещаниях» никто знать не будет, поэтому необходимо найти способы к тому, чтобы иметь возможность осведомлять широкие круги общественности о всякого рода решениях, совещаниях и резолюциях лучших и руководящих сил этой общественности.

Хотя «князь Друцкий» и не указал определенно, что собственно он подразумевает под «способами для оповещения масс о решениях руково-

дящих кругов оппозиции», — однако все сразу же поняли его мысль, определенно формулированную замечанием присутствовавших на собрании рабочих, шутливо заметивших, что «князь, повидимому, говорит о необходимости постановки нелегальной техники и органа».

Рабочий Абросимов указал в своей речи на ошибку тех, кто стремится видеть в аресте представителей «рабочей группы» лишь своего рода юридически интересный факт: здесь, по словам оратора, нужно признать наличность явления, имеющего крупное политическое значение и в той или иной мере задевающего русскую общественность.

Депутат Государственной Думы Керенский, — что удар по «рабочей группе» носит исключительно серьезный характер и что на долю «центрального военно-промышленного комитета выпала почтеннейшая роль принять этот удар на себя и в протестах против действий власти бороться включительно до решимости распустить в конце-концов даже весь комитет. Земский и городской союзы должны, по его мнению, всеми силами и средствами поддержать центральный военно-промышленный комитет в этой борьбе, и «если погибнет их собрат, сделать для себя соответствующие выводы».

Депутат Государственной Думы Чхеидзе в своей речи, главным образом, нападал на Милюкова, который, «давая совет остаться в стороне в деле «рабочей группы», повидимому, сам не понимает, что говорит: своими советами он, Милюков, явно показывает, что он — человек «слова», а не «дела»: где же его пресловутая реальная политика? При таком положении вещей Милюков в один прекрасный день рискует оказаться в хвосте событий, так как, если все будет продолжаться таким же порядком, легко и неожиданно во главе политических выступлений и событий окажутся лишь одни рабочие». «Это — удар по рабочему классу, но помните, что вслед за гибелью рабочих последует и ваша гибель»,—так патетически закончил свою речь депутат Чхеидзе.

На изложенном закончились выступления ораторов, и так как далее ничего особенного, повидимому, не предполагалось, А. И. Гучков поспешил уехать куда-то «по делам», оставив за себя председательствовать Коновалова.

Взявший после сего слово Коновалов заявил, что он понимает намеки Керенского, рекомендующего, в ответ на брошенный правительством вызов, распустить центральный военно-промышленный комитет, что подобного рода пожелание является вопросом серьезнейшего обсуждения, что, может-быть, так в конце-концов и случится, ибо и сейчас уже существует предположение, «для покрытия деятельности рабочей группы», требовать предания суду состава комитета, пока же представители центрального военно-промышленного комитета принимают всюду и везде самые спешные меры к тому, чтобы добиться «спасения рабочей группы».

На изложенном собрание должно было закончиться, но неожиданно выступил с речью присяжный поверенный Переверзев, заявивший, что он поддерживает с своей стороны предложение «князя Друцкого» о создании особого (по смыслу его слов — «нелегального») органа для осведомления широких масс о намерениях руководящих общественных групп и предложение профессора Зернова о создании такой общей ячейки, которая могла бы взять на себя общее руководительство всей политической борьбой с правительственной властью.

Вслед за Переверзевым выступил Казакевич, указавший на то, что горнопромышленники юга России учтут предложение «членов Государственного Совета и безусловно поступят согласно их показаниям».

В заключение заседания профессор Зернов, Аджемов, Переверзев, а вслед за сим и остальные присутствующие, высказались единогласно за необходимость повторить это совещание для того, чтобы: 1) обсудить все стоящие на очереди политичеекие вопросы текущего момента; 2) выработать путь для общей и более решительной борьбы с ныне существующей правительственной властью; 3) создать особый (читай — нелегальный) орган для оповещения и освещения широких масс населения страны или хотя бы передовых кругов общественности о деятельности и ближайших намерениях ее руководящих и ответственных групп, и 4) избрать из своей среды особо-законспирированный и замкнутый кружок, который мог бы играть роль руководящего центра для всей общественности.

Согласно единодушно высказанному всеми пожеланию, решено следующее совещание назначить в ближайшие же дни, по возможности на этой же неделе.

Как общий вывод, основанный на наблюдении настроений участников означенного совещания, имеются все данные для того, чтобы признать факт ликвидации «рабочей группы» центрального военно-промышленного комитета действительно исключительным по неожиданности и впечатлению ударом для оппозиционной и на боевой лад настроившейся общественности.

Розовые перспективы хитро задуманных и через «рабочую группу» подготовлявшихся массовых рабочих выступлений в значительной степени поблекли; но во всяком случае, если многие робкие души и отчаялись в возможности осуществления вожделенных достижений, то более стойкие и упористо-настроенные «завоеватели власти» могли с досадой воскликнуть лишь одно: «сорвалось, придется начинать с начала».

№ 58. 31/I 1917 г.

(Дело канцелярии петроградского градонач-ка по общественному движению и к-д. партии.)

82.

Записка петроградского охранного отделения о воззвании к общественным организациям по поводу ареста «рабочей группы» (агентура «Шаров»).

Как результат указывавшегося в предыдущем сообщении «совещания руководящих лидеров оппозиционной общественности», имевшего место 29-го января сего года, в настоящее время от имени бюро центрального военно-промышленного комитета составлено и уже начало распространяться особое воззвание, обращенное к общественным деятелям, общественным организациям и — как передают — даже к представителям «Особого совещания по обороне».

Помимо непосредственной и прямой задачи — повлиять на широкие общественные и рабочие круги в смысле понуждения их к протестующим выступлениям,— по ряду заслуживающих внимания признаков имеются основания предполагать, что распространением подобного воззвания ц. в.-п. к. преследует еще и другие цели, а именно: заставить правительство привлечь к ответственности и весь остальной состав ц. в.-п. к., дабы этим самым как бы покрыть преступную деятельность и последние выступления представителей «рабочей группы», всецело находившихся под сильнейшим воздействием г. Гучкова и его ближайших единомышленников.

Выпущенное еще 28-го января сего года циркулярное письмо А. И. Гучкова, обращенное к правлениям больничных касс, могло иметь и, несомненно, имело лишь одну определенную цель: к предстоящим протестующим выступлениям общественности, по поводу ликвидации «рабочей группы», приобщить тем или иным путем и рабочие массы столицы, не особенно благосклонно относившиеся к явному подчинению деятельности представителей этой группы интересам и выгодам оппозиционно-настроенной буржуазии.

Если выпущенная в настоящее время листовка «центральной инициативной группы» представителей местного подпольного ликвидаторского течения Р. С.-Д. Р. П. и критикует деятельность «рабочей группы ц. в.-п. к.» и увещевает рабочих не слушать провокационных призывов «безответственных лиц», зовущих к демонстративным выступлениям в день 14-го февраля сего года, то тот же вопрос в большевистском лагере Р. С.-Д. Р. П. решается в данный момент в менее благоприятных для власти тонах.

Согласно имеющихся в настоящее время повторных и заслуживающих уважительного к себе отношения данных, большевистские подпольные группы в ряде различных районов столицы (например в Московском, Нарвском и Невском) высказались за желательность устройства и участия, с их стороны, в день 14-го февраля демонстративных рабочих выступлений, в смысле использования благоприятно складывающейся для революционного подполья обстановки.

Ряд митингов в различных фабрично-заводских предприятиях столицы, имевших место уже после ликвидации «рабочей группы», — в связи с общей повышенностью настроения в рабочих массах и под воздействием будирующего влияния общественности, — также высказался за желательность прекратить в день 14-го февраля работы в обслуживаемых ими предприятиях, устроить демонстративные шествия и, явившись к Таврическому дворцу, огласить свои проголосованные на этих митингах «резолюции» с требованиями освобождения «рабочей группы» и создания незамедлительно «временного правительства». Из числа предприятий, определенно высказавшихся за подобное решение, ныне открыто указывают Путиловский и Обуховский заводы и сапожную фабрику «Скороход», кои в себе объединяют до 50 000 рабочих.

Мих. Мих. Федоров, председатель «центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу» (помещается в гор. Москве), в настоящее время усиленно старается о том, чтобы названный комитет заявил также и свой протест по поводу ареста «рабочей группы», три представителя коей (Гвоздев, Брейдо и пока скрывающийся от ареста Абросимов) входили в состав названной общественной организации.

Подобного же рода протест старается вызвать со стороны Петроградской биржи труда и гласный городской думы Штейнингер, базирующийся в своей агитации на тех же основаниях, коими руководствуется и М. М. Федоров: рабочие Брейдо, Абросимов и Кузьмин значились также и в составе названной биржи труда.

Бюджетная комиссия Государственной Думы уже успела и с своей стороны заинтересоваться вопросом об отношении ее к аресту группы: решено поставить председателя Госуд. Думы в известность о необходимости внести правительству запрос по сему случаю, при чем инициатива запроса по каким-то соображениям должна будет исходить от фракции прогрессистов.

Хотя все вышеприведенное и указывает вполне определенно на то, что руководящие лидеры фрондирующей общественности склонились окончательно к мысли и решению придать истории с «рабочей группой» исключительно значение крупного политического события, однако, имеются не менее серьезные признаки и того, что вышеуказанные лидеры оппозиции, в настоящий тяжелый и крайне ответственный момент, совершенно растерялись и чувствуют, что и у них самих ускользает почва под ногами.

С одной стороны, для них более чем приятно сознание того, что идея призыва «народных масс» поддержать Гос. Думу дала свои всходы и обещает принести некоторые положительные и желательные для них плоды, в смысле действительной возможности осуществления, в день 14-го февраля, демонстративных шествий рабочих масс к Таврическому дворцу и заявлений демонстрантов о их готовности «поддержать своих избранников».

С другой же стороны, проявляемая подпольными социалистическими группами склонность использовать момент для превращения «мирной народной манифестации» в бурные революционные выступления — в сильнейшей степени пугает «претендентов на власть» и заставляет их с тоской подумывать о том, не переборщили ли они, не уподобились ли они той библейской волшебнице, по примеру коей, сами того не ожидая, вызвали непослушный их дирижерской палочке «призрак революции», долженствующий лишь попугать несговорчивую власть, а самого злого «духа революции», грозно готовящегося в своем сокрушающем шествии и «власть уничтожить» и . . . «пожрать их самих».

Не зная, на что решиться, главари оппозиции мечутся сейчас, как угорелые, и в ближайшие дни (повидимому, в будущее воскресение) готовятся повторить опыт законспирированного совещания, начало коему было положено 29 января сего года.

2/II 1917 г.

(Дело канцелярии петроградского градонач-ка по общественному движению и к-д. партии.)

83.

Записка петроградского охранного отделения о правительственном кризисе и начале массовых выступлений (агентура «Рутинцев»).

13 февраля, с утра, по Петрограду распространились тревожные слухи о возможности больших беспорядков; к 1 часу дня в заводских районах (Нарвская, Коломенская, Александро-Невская части) стало известно, что сторонники забастовки 14 февраля берут на всех заводах верх над противниками выступления с протестом против войны. Около 2-х часов дня во многих местах начались беспорядки призванных сегодня ратников: толпы до 500 человек ходили с пением «Марсельезы» по улицам и кричали: «Долой войну, долой полицию, бей мародеров». На Лермонтовском проспекте выбиты стекла в чайном магазине, в булочной, в часовом и др., на Усачевом переулке и Садовой прогнаны с постов городовые, на Загородном пр. избит какой-то чиновник, пробовавший успокоить толпу. К 7 час. вечера всюду — в трамвае, магазинах, учебных заведениях и пр. — передавали известия о массе столкновений рабочих с полицией у Путиловского завода; стало известно, что забастовка 14 февраля имеет большинство на всех заводах. Все попытки партийных рабочих повлиять на отмену забастовки окончились неудачно: хотя много появилось листков, что «бастовать — значит поддаваться провокации», однако в 7 час. веч. на

многих заводах Нарвского района рабочие отказались встать на ночную смену. При выходе с заводов рабочие пели «Вечную память» и «Марсельезу».

В 6 час. в большинстве мелочных и булочных не хватило хлеба: публика запасается на несколько дней из боязни «забастовки»; на этой почве было много столкновений толпы с лавочниками, в результате чего многие магазины стали закрываться раньше обычного, а окна заколотили щитами (особенно еврейские магазины).

Настроение у публики страшно приподнятое: всюду открыто говорят про Протопопова и о необходимости его немедленной отставки; на 14 февраля ждут больших беспорядков и репрессий, много говорят о распоряжениях полиции (запереть 14 ворота и подъезды, не впускать в дома посторонних и т. п.).

Большинство уверено, что правительство будет принуждено итти на уступки.

В дополнение к сообщению о демонстративных выступлениях ратников на Лермонтовском пр., в день 13 сего февраля, имеются следующие точные данные. Толпа ратников громила стекла по названному проспекту, вблизи от помещения полицейского участка, выбиты большие стекла и попорчены вещи в часовом магазине, в д. № 44/22 по Лермонтовскому пр. (на углу 8-ой роты), в булочной Шолье (в том же доме) и др.; попытка разгромить чайный магазин в доме № 136 по Фонтанке не удалась, так как там все окна уже были закрыты деревянными щитами. В настоящее время во всех окрестных магазинах с выставок убраны более ценные вещи, ждут, — по словам хозяев, — «голодного погрома» в виду того, что в означенном районе выпекаемого хлеба хватает покупателям лишь до 5 часов пополудни, и для рабочих, приходящих с работ уже после 7 часов вечера, фактически ничего не остается: последним приходится за хлебом ходить в более отдаленные районы (на Садовую, Рижский пр., Екатерингофский пр. и т. п.). В означенном районе (Садовая и Лермонтовский) закрылось до 90% булочных и пекарен.

---

14 сего февраля в демонстрации на Невском пр. привлекало общее внимание толпы, если можно так выразиться, «массовое» участие офицерских чинов, преимущественно прапорщиков, более чем усердно распевавших вместе с студентами «Марсельезу». В $4^1/_2$ часа пополудни, когда была сделана попытка сорганизовать новую демонстрацию (по счету уже третью), главную руководящую роль в подготовке этой новой демонстрации играл какой-то офицер в чине поручика (три звездочки на погонах с литерами «20 Сб», молодой, выше среднего роста, худощавый, на шее прыщи), который усиленно и оживленно вел переговоры с остальными активными участниками демонстрации по вопросу о «направлении демонстрации».

Вообще должно отметить, что офицеры, даже в более солидных чинах, всюду вмешивались в действия и распоряжения полиции и громче частной публики кричали по адресу полицейского пристава: «Вас бы надо отправить, толстобрюхих чертей, на позиции, а не здесь вам воевать».

В помещении редакции «Русской Воли», где в одной из комнат устроился штаб студенческой организационной группы, после того как эта распоряжавшаяся группа начала расходиться, выяснилось, что в составе ее находились и «заседали» два офицера-прапорщика, громко при уходе говоривших о министре внутренних дел и как бы умышленно повторявших о том, что «его надо убрать».

Помимо г.г. офицеров, в демонстрации принимали участие, как организаторы, политехники, консерватористы, психо-неврологи; очень мало было студентов университета; особенно много было учащихся средних учебных заведений, особенно реалистов и коммерсантов, первыми начинавших петь «Марсельезу».

В редакции «Русской Воли», на совещании учащихся по организации демонстративных выступлений, между прочим присутствовали: 1) некий «Матвей», социалист-революционер, работавший в 1906—1907 гг. в центральном районе столицы, и 2) некий «Михаил», тоже социалист-революционер, работавший в то же время и в том же партийном районе. Первый из них по профессии—экипажник, второй—также рабочий, но не помнится, какой именно профессии.

Передают не как слух, а как нечто положительное и достоверное, со слов очевидцев, что в дни 11—13 сего февраля в помещении психоневрологического института состоялась весьма многолюдная сходка слушателей названного учебного заведения.

На сходке этой неизвестным оратором было предложено учащимся принять непосредственное и активное участие в предполагавшейся еще тогда демонстрации в день 14 февраля, подготавливавшейся в виде выражения протеста по поводу продолжения войны и с требованиями смены министерства и изменения системы управления в государстве.

После ряда ораторских выступлений, когда собрание склонялось принять означенное предложение, неожиданно выступил с заявлением неизвестный по фамилии студент института (маленького роста, черный), который от имени Р.С.-Д.Р.П. произнес очень горячую речь, в коей доказывал, что демонстрация 14 февраля организуется правительством, и убеждал студентов воздержаться от участия в таковой. В заключение своей речи он сообщил, что местным социалистическим подпольем в ближайшие дни предполагается сорганизовать свою самостоятельную демонстрацию, но уже после того, как определятся события и выяснится отношение Государственной Думы к ныне существующему правительству.

Точно времени, когда эта новая демонстрация будет осуществлена, вышепоименованный оратор не указал. Его предложение было принято участниками сходки с восторженностью и сопровождалось долго не смолкавшими аплодисментами.

Вслед за сим, уже за последующие дни, в названном институте начали распространяться слухи о том, что эта новая демонстрация местных подпольных социалистических групп и организаций намечается на 19 сего февраля.

Поскольку слухи об этой последней дате отвечают действительности, установить не представляется возможности.

13/II 1917 г.

(Дело канцелярии петроградского градоначальника по общественному движению и к-д. партии.)

84.

Доклад директора департамента полиции министру внутренних дел накануне переворота.

Возникшие в империи, в связи с расстройством транспорта и другими последствиями войны, продовольственные затруднения, все более и более обостряясь, угрожают повлечь за собою весьма серьезные осложнения внутри страны.

В этом отношении особо тревожные опасения вызывает создавшееся в последнее время, на почве продовольственной неурядицы, положение дел в Петрограде.

Сравнительно еще недавно, в конце минувшего года, условия жизни в столице, несмотря на более или менее значительное вздорожание предметов первой необходимости, не являлись чрезмерно обременительными для большинства населения. Нарекания на дороговизну исходили тогда преимущественно лишь из среды менее состоятельных обывателей.

В текущем же году, за один январь месяц, цены на жизненные припасы в Петрограде столь резко повысились, что жизнь в столице становится уже затруднительной даже и для зажиточных классов населения.

Ближайшей причиной такого подъема цен послужило массовое закрытие в Петрограде мелких торгово-промышленных заведений, как то: булочных, колбасных, молочных и тому подобных предприятий, вынужденных ликвидировать свои дела вследствие недостаточного подвоза в Петроград необходимого для их производств сырья.

На ряду с сим, большинство продолжающих функционировать таких же предприятий не только не усилили, но, наоборот, сократили свою деятельность, в зависимости от сокращения операций торговцев-оптовиков. Что же касается последних, то они воздерживаются от развития торговых оборотов отчасти из опасения реквизиции, отчасти же за отсутствием поддержки со стороны капиталистов.

Действительно, в последнее время, в предвидении надвигающегося кризиса, банки усиленно стремятся извлечь свои капиталы из торгово-промышленных предприятий и тем, конечно, еще более усугубляют возникшее расстройство в экономической жизни страны.

Нельзя не отметить также, что на возрастание дороговизны оказывает немаловажное влияние и постепенное вытеснение с внутреннего рынка русских торговых фирм иностранными коммерсантами. При условии сосредоточения последними в своих руках оптовой торговли, колебание курса рубля крайне неблагоприятно отражается на расценке товаров, из коих многие в последнее время, именно по указанной выше причине, повысились в стоимости на 50 — 100%.

Что же касается, в частности, доставляемых в столицу продуктов сельского хозяйства, то вздорожание их главным образом обусловливается наблюдаемым ныне повсеместно в России стремлением как землевладельцев, так и крестьян, к взаимному сплочению в целях установления возможно более высоких цен на произведения земли.

Наконец, развитие в столице дороговизны в значительной степени является результатом зловредной деятельности торговцев-мародеров, которые в погоне за наживой нередко прибегают к различным недозволенным приемам.

Совокупность всех этих обстоятельств в конечном итоге привела к тому, что в начале текущего года в Петрограде некоторые предметы первой необходимости вовсе перестали появляться на рынке, а другие, хотя и поступают в продажу, но в весьма ограниченном количестве и притом по непомерно повышенным ценам.

Между тем публика, не разбираясь в сложных причинах установившейся дороговизны жизни в столице, склонна приписывать продовольственную разруху всецело нераспорядительности властей. Даже в консервативных кругах общества открыто и притом в самой резкой форме высказываются нарекания на правительство, сводящиеся в общем к тому, что продовольственное дело, справиться с коим правительство собственными силами не может, — должно быть передано в другие руки.

Учитывая проявившееся в столичном населении по поводу продовольственной неурядицы ярко оппозиционное настроение и стремясь использовать таковое в своих видах, «прогрессивный блок» поспешил выступить в роли представителя общественных интересов, при чем с особой настойчивостью начал проводить идею о необходимости беззамедлительной реорганизации продовольственного дела и передачи его в руки народных представителей, которые якобы одни только и могут «спасти Россию от надвигающегося голода».

Одновременно, с целью разжечь недовольство правительством в широких массах столичного населения, блок усиленно стал распространять в народе заведомо ложные слухи о том, что все принимаемые министром земледелия для урегулирования продовольственного вопроса меры, в виду свойственных гофмейстеру Риттиху германофильских тенденций, клонятся в действительности не к устранению существующих продовольственных затруднений, а, наоборот, к искусственному созданию дальнейших на этой почве осложнений.

К этой поднятой «прогрессивным блоком» кампании против правительства немедленно примкнули и другие более левые организации, которые принялись уже вести агитацию в смысле необходимости разрешения продовольственной проблемы революционным путем.

Стремление крайних левых групп вызвать в Петрограде вспышку «голодного бунта» нельзя считать безусловно беспочвенным, так как продолжающееся возрастание цен на предметы первой необходимости неустанно поддерживает в столичном населении настолько повышенно-нервное настроение, что, при условии достаточного к тому повода, в Петрограде действительно могут произойти массовые стихийные беспорядки.

Предотвращение подобных беспорядков именно в столице представляется, по условиям переживаемого момента, тем более необходимым, что малейшие в этом направлении эксцессы могут послужить, при нынешнем крайне напряженном состоянии страны, поводом к возникновению повсеместных в империи, открытых противоправительственного характера выступлений.

Умиротворению взволнованного непомерной дороговизной столичного общества в значительной степени могло бы содействовать немедленное проведение в жизнь нижеследующих мероприятий:

1) создание в Петрограде центрального органа, на обязанности коего лежало бы изыскание способов к правильному распределению продуктов среди столичного населения, хотя бы путем введения специальных продовольственных карточек;

2) соответственная организация подвоза в Петроград жизненных припасов, основанная на таких началах, чтобы в столицу доставлялись лишь продукты, имеющие действительно значение предметов первой необходимости, а не представляющие собой предметы роскоши;

3) установление в Петрограде точной регистрации имеющихся в продаже продуктов и введение обязательных такс.

В случае осуществления вышеуказанных мероприятий, можно рассчитывать, что население, будучи удовлетворено в наиболее насущных своих нуждах, не пойдет на крайние эксцессы.

Февраль 1917 (190).

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Адрес всеподданнейший царю, стр. 2, 3, 4, 36.
Армия (настроение), 133, 137, 148, 174, 187.
Буржуазия:
буржуазия и Антанта, 113 — 126.
буржуазия и война, см. война.
буржуазия и Гос. Дума, 31, 32, 91, 179, 180.
буржуазия и командный состав, 23, 68, 90, 96, 112.
буржуазия и крестьянство, 94, 95, 97 — 99.
буржуазия и правительство, 23, 30, 31, 35, 39, 59, 60, 78, 88—93, 120, 141—145.
буржуазия и «прогрессивный блок», 170, 171.
буржуазия и рабочее движение, 34, 36, 52, 95 — 97, 140, 179 — 186 (см. кадеты — отн. к крест. движ.).
буржуазия московская, 78, 142, 143, 169.
Военно-промышленные комитеты:
воен.-пром. к-ты и правительство (см. обществ. организ. и правит.).
заказы и борьба вокруг них, 8, 9, 11, 12.
открытие моск. воен.-пром. к-та, 6, 11.
работа «на оборону», 9, 10, 116 — 119, 140.
совещания представителей военно-пром. к-тов, 24 —26.
Война:
буржуазия и война, 2, 23, 51, 93.
народные массы и война, 129 — 131, 137.
Всероссийский земский и городской союзы, 91.
депутация земского и городского союзов к царю, 50, 53, 54, 57 — 59, 88.
земский и городской союзы и военно-пром. комитеты, 14, 89, 149 — 151.
земский и горбдской союзы и Госуд. Дума, 20, 34, 87, 151, 159, 160.
земский и городской союзы и правительство, 14, 20, 33, 34, 48 — 52, 149, 151.
политическ. деятельность земского и городского союзов, 33, 149 — 151.
съезды и совещания земского и городского союзов, 13 — 15, 19, 20, 36, 38, 39, 46, 49 — 56, 87 — 92.
Всероссийский торгово - промышленный союз, 99, 100.
Всероссийский центральный продовольственный комитет, 98.
Гвоздевщина, см. работа группы при ВПК.
Германофильская придворная партия, 46—48, 121, 123 — 125, 129, 145.
Дворцовый переворот, 163, 164, 174.
Депутация земского и городского союзов к царю, см. земский и городской союз.
Дума Государственная, 165, 168 — 175.
дума и буржуазия, 31, 32, 35, 38, 39, 144, 145, 169 — 175.
дума и правительство, 35, 38, 39.
дума и рабочие, 173, 179, 180, 185.
«Кабинет обороны», см. правительство ответственное,
Кавказ (настроение), 88, 89, 93, 138.
Кадеты:
всеподанн. адрес царю, 3, 4.
к-д. и Госуд. Дума, 39, 55, 61 — 63, 132, 133, 148, 175, 176.
к-д. и командный состав, 68.
к-д. и министерство доверия, 83, 90, 94, 145.
к-д. и ответственное министерство, 83, 85, 94, 150, 163, 164.
к-д. и «прогрессивный блок», 43, 55, 69—71, 83.
к-д. и рабочее движение, 39, 40, 44, 79, 83, 147.
съезды и совещания к-д., 1, 68 — 71, 73 — 75, 101 — 103, 145, 148, 166.
тактика к-д. и отношение к правит., 3 — 5, 15, 43, 74, 132, 143, 163, 164, 166, 176, 178.
правое крыло к-д., 61, 65, 66, 69 — 72, 75, 76, 84 — 86, 90, 146, 147, 175, 177.
левое крыло к-д., 66, 67, 69 — 71, 73, 81 — 83, 86, 94, 95, 145, 146, 175, 176.
Министерство ответственное, см. правительство ответственное.
Министерство доверия, см. правительство доверия.
Национальный вопрос, 1 — 3, 27, 43, 89, 93.
Национальные объединения, 96.

Общественные организации:
объединение обществ. организаций, 96, 97.
общественные организ. и правительство, см. правительство и общественные организации.
Октябристы, 44, 166.
Печать буржуазная, 166 — 168.
Польша, 2, 3, 27, 93.
Правительство:
правительство и общественные организации, 2, 14, 20, 22, 24, 25, 30, 33, 34, 48 — 52, 86 — 88, 91, 92, 104, 105 — 112, 114 — 119, 140, 149 — 160.
правительство доверия, 23, 25, 35, 87, 88, 90.
правительство ответственное, 21, 22, 51 — 53, 87 — 91, 167.
«Прогрессивный блок»:
возникновение «прогресс. блока», 26—29.
«прогрессивный блок» и кадеты, см. кадеты и «прогресс. блок».
программа блока, 27, 28, 90, 91.
состав блока, 28.
тактика блока (борьба двух течений), 14, 29 — 31, 43, 44, 50 — 56, 71, 72, 84, 85, 140 — 142, 165, 166, 168 — 170.
Прогрессисты, 15, 140 — 142, 166.
Рабочий класс (положение и революционное движение), 34, 37, 39, 40, 129 — 132, 185, 186.
Рабочие группы при ВПК., 100, 112, 140, 149, 151, 174, 179 — 186.
Разруха и дороговизна, 34, 128, 129, 131, 134, 136, 137, 188 — 190.
буржуазия в борьбе с разрухой и дороговизной, 34, 143.
всероссийск. съезд по вопросам дороговизны, 34.
правительство в борьбе с разрухой и дороговизной, 128.
Распутинщина, 88, 90, 93, 94.
Революционное движение, 130 — 139, 161 — 163, 170, 172 — 174, 186 — 190.
Резолюции съездов и организаций, 25, 36, 41, 42, 56 — 58, 144, 159, 160.
Съезды и совещания общественных организаций, 20 — 23, 29 — 32, 35, 40 — 45, 84, 85, 93 — 96, 141, 164, 165.
Сепаратный мир, 39, 47, 48, 50, 78, 122, 145.
Снабжение армии, 25, 50, 51, 128.
С.-р., 130, 131.
Средней промышл. комитет в работе на оборону, 15 — 18.
Студенческое движение, 188.
Туркестан (настроение), 138.
Финляндия, 3, 93, 138.
Центральный кооперативный комитет, 38.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абросимов, В., представитель рабочей группы военно-пром. к-та, оказавшийся провокатором, 181, 183, 185.

Аджемов, М. С., присяжный поверенный; член Государственной Думы 2, 3 и 4-го созывов, кадет, 181, 182, 184.

Адрианов, А. А., генерал-майор св. е. в., московский градоначальник, 78.

Александра Федоровна, императрица, 77, 78, 163, 164.

Александров, Ф. А., кадет, член московской городской думы, 79, 135.

Алексеев, М. В., генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии; в 1914 г. начальник штаба юго-зап. фронта; с весны 1915 г. командующий сев.-зап. фронтом; с августа 1915 г. начальник штаба верховного главнокомандующего, 125.

Алексеенко, М. М., землевладелец; гласный губернского и уездного екатеринославских земств. Был ректором Харьковского университета, автор трудов по экономическим и финансовым вопросам; член Государственной Думы 3 и 4 созыва, октябрист, 28.

Амфитеатров, А. В., литератор, 167, 170.

«Анненков», кличка агента охран. отделения, Федора Михайловича *Кикчнер*, 39, 71.

Арефьев, 46.

Асквит, английский государственный деятель. В 1908—16 г. председатель совета министров. В 1914 г. временно исполнял должность военного министра, 120.

Астров, Н. И., гласный московской городской думы, член главного комитета всероссийского земского союза, 1, 19, 29, 30, 36, 39, 41, 46, 49, 50, 54, 58, 84, 85, 88, 90, 91, 93, 95, 97, 114, 115, 158.

Барк, П. Л., министр финансов, 29, 30, 39.

Бахрушин, Д. П., член совета волжско-камского коммерческого банка, выборный московского биржевого общества, 115, 116.

Безчинский, А. С., 53 — 55, 85, 91.

Беляев, М. А., ген.-от-артил., пом. военного министра, 169.

Беляев, Н. Ф., 11.

«Блондинка», кличка агента московского охранного отделения Ивана Яковлевича *Дриллих*. Был сотрудником газ. «Русское Слово», где одно время заведывал Петроградским отделом. Работал также в газ. «Киевская Мысль». Вращался в кругу буржуазных общественных деятелей, особенно среди кадет, 1, 22.

Бобринский, А. А., граф, член гос. совета, сенатор, товарищ председателя совета съездов представителей промышленности и торговли, председатель совета русско-английского банка, с 25 марта 1916 г. тов. министра вн. дел, с 21 июля 1916 г. министр земледелия, 1, 28, 142.

Брейдо, представитель рабочей группы военно-промышленного комитета, 185.

Брусилов, А. А., генерал-от-кавалерии, во время войны командовал 8-й армией и юго-зап. фронтом; после ухода Алексеева был одно время верховным главнокомандующим, 128.

Бубликов, А. А., товарищ председателя комитета по железнодорожным вопросам и бывший заведующий изысканиями новых

линий о-ва московско-казанской ж. д., член центр. воен. пром. к-та от совета съездов представителей промышленности и торговли, прогрессист, 181, 182.

Булацель, П. Ф., адвокат, чл. «Русск. Собрания», после смерти кн. Мещерского издав. газ. «Гражданин».

Булочкин, С. А., выборный московского купеческого сословия, председатель соединенного к-та московского купеческого и биржевого обществ, 29.

Бурцев, В. Л., издатель газеты «Будущее», 5, 120.

Быков, А., представитель городов в совете съездов средней промышленности, 16.

Бычковский, пристав, 160.

Бьернборг, 93.

Бьюкенен, сэр Джорж Уильям, английский посол в России, 123, 125, 148.

Васильев, А. Т., член совета главного управл. по делам печати, с 28 сентября 1916 г. назначен директором департамента полиции, с ноября 1916 г. и. об. тов. министра вн. дел по заведыванию департаментом полиции, 28, 139.

Вивиани, французский политический деятель; с июля — августа 1914 г. был председателем совета министров и министром иностранных дел, в 1915 г. вице-председателем совета министров и министром юстиции, 118.

Воейков, В. Н., ген.-м., дворц. комендант, 164.

Волк-Карачевский, В. В., член Гос. Думы 2 созыва, н.-с., секретарь всероссийского союза городов, 104, 105, 116.

Ган, 181.

Гвоздев, с.-д. меньшевик, председатель рабочей группы всер. воен.-пр. комитета, занимал крайнюю оборонческую позицию, 112, 131, 185.

Георг, король английский, 163.

Гинденбург, германский фельдмаршал, главнокомандующий германской армией, 15.

Годнев, И. В., член Государственной Думы 3 и 4 созывов, октябрист, 28.

Голицын, Н. Д., князь, сенатор, председатель общества по оказанию помощи русским военно-пленным. В январе 1917 г. был назначен председателем совета министров, 163, 165, 166, 169.

Гольдштау, 9.

Горемыкин, И. Л., статс-секретарь, председатель совета министров, член Государственного Совета, известен разгоном I Думы и своей борьбой с «прогрессивным блоком», 14, 43 — 47, 71, 74, 77, 170.

Гримм, Д. Д., проф., член Государственного Совета, 26, 28, 52.

Гужон, Ю. П., крупный металлопромышленник, член комитета совета съездов представителей промышленности и торговли, 11.

Гурко, В. И., тов. министра вн. дел в министерстве Столыпина, защищал в Государственной Думе 1-го созыва интересы реакционеров аграриев, член Государственного Совета, представитель в нем правой дворянской фракции, 26, 28, 51.

Гучков, А. И., крупный московский домовладелец и промышленник, был директором учетного банка, председатель центр. воен.-пр. комитета, основатель партии октябристов, член Государств. Думы 1 и 3-го созывов и бывший председатель Гос. Думы 3-го созыва; известен своей энергичной работой по милитаризации страны в военной комиссии 3 и 4 Гос. Думы, член Гос. Совета, член комитета совета съездов представителей промышленности и торговли, 21, 23, 24, 36, 44, 46, 50, 54, 58, 78, 81, 97, 99, 111, 112, 131, 165, 174, 179 — 181, 183 — 185.

Девяткин (Федоров), представитель рабочей группы московск. военно-пр. комитета, с.-д. меньшевик, 181.

Демидов, И. П., землевладелец, кадет, был председателем Темниковской земской управы и вице-президентом московского общества сельского хозяйства, член Государственной Думы 4-го созыва, 92.

Демидов, Л. П., уполномоченный земского союза, 51.

Деревенко, Н., фабричный инспектор, представитель министерства торговли и промышленности в совете съездов промышленности, 16.

Джунковский, В. Ф., генерал-майор св. е. в., московский губернатор в 1905—1913 гг., тов. мин. вн. дел и ком. корп. жандармов в 1913 — 1915 гг., 34, 77.

Дзюбинский, В. И., член Государственной Думы 3 и 4 созывов, трудовик, си-

бирский общественный деятель, принимавший участие в деятельности местных культурно-просветительных учреждений, 50, 52, 53, 90, 95, 98.

Дмитрюков, И. И., октябрист, член Государственной Думы 3 и 4 созывов, секретарь Государственной Думы 4 созыва, до избрания в Думу был земским начальником в Калужской губернии, 27.

Долгорукий, П. Д., князь, кадет, представитель земского либерализма, тов. предс. I Гос. Думы, один из основателей к.-д. партии, член центрального комитета, 43, 77, 79, 145 — 147, 163, 164.

Дрентельн, А. А., флигель-адъютант, 46.

Друцкой, кн., военный юрист, 181 — 183.

Елачич, Е. А., уполномоченный земского союза на фронте, 92.

Елена Владимировна, вел. кн., 164.

Елизавета Федоровна, вел. княгиня, сестра царицы, вдова в. кн. Сергея Александровича, 78.

Ершов, М. Д., уполномоченный тульского земства, 52.

Ефремов, И. Н., землевладелец, учредитель и председатель ряда с.-х. обществ; член Государственной Думы 1, 3 и 4 созывов, прогрессист. В Государственной Думе 1-го созыва организовал вместе с гр. П. А. Гейденом партию «мирного обновления», а в Государственной Думе 3-го созыва — «прогрессивную», 21, 26, 28, 31, 43, 55.

Звегинцев, А. И., октябрист, член Государственной Думы 4 созыва, 28.

Зернов, Д. С., член совета петроградского земско-городского областного комитета по снабжению армии, 181 — 184.

Знаменский, жанд. ротмистр, 92, 96.

Зузин, 51.

Иваненков, казак, 53 — 55.

Игнатьев, П. Н., граф, министр народного просвещения, 21.

Изнар, Н. Н., член центр. воен.-пр. комитета от совета съездов представителей торговли и промышленности, тов. председателя совета съездов представителей промышленности и торговли, 181.

Илиодор, иеромонах, в миру С. М. Труфанов, известен своей черносотенно-проповеднической деятельностью, в 1908 — 12 гг. пользовался большим влиянием в реакционных кругах, в 1913 г. выступил против Распутина, бежал за границу, где издал книжку о Распутине под назв. «Святой Чорт», 77, 120.

Исаков, П., председатель комитета средней промышленности, 16.

Казакевич, П. П., горный инженер, член центрального военно-промышленного комитета, 181, 183.

Каменский, П. В., екатеринославский землевладелец и предводитель дворянства Мариупольского уезда, член Государственной Думы 3 созыва, октябрист, 36, 53, 54, 59, 92.

Капанцукий, Л. Н., товарищ председателя всероссийской с.-х. палаты, 92.

Караулов, М. А., казак-землевладелец, член Государственной Думы 2 и 4 созывов, прогрессист, 181.

Кастельно, французский генерал, 121, 122.

Квицинский, А. Л., генерал-лейтенант, 154.

Керенский, А. Ф., адвокат, член Государственной Думы 4 созыва, трудовик-оборонец, 52, 170, 181, 183.

Кизеветтер, А. А., профессор, автор ряда работ по русской истории. Член Госуд. Думы 2 созыва, сотрудник журн. «Русская Мысль» и газ. «Русск. Ведом.», один из организаторов и видный деятель к.-д. партии, 64, 69, 143.

Кишкин, Н. М., врач, заведующий эвакуационным отделом всероссийского союза городов и член главного комитета союза, один из руководителей партии к.-д., 29, 42, 43, 114, 158 — 160.

Климович, Е. К., генерал-майор, московский градоначальник, с 14 февраля 1916 г. был назначен директором департамента полиции, 16 сентября 1916 г. отчислен, 9, 32, 45, 71, 108.

Клопотов, помощник управляющего по делам военно-пр. комитета, 181.

Кнопп, А. Л., барон, крупный мануфактурист, член комитета московского отдела совета торговли и промышленности, 29.

Ковалевский, Е. П., чиновник особых поручений при министре народного просвещения; губернский и уездный гласный (Воронежск. г.); член Государственной Думы 3 и 4-го созывов, октябрист, 28.

Ковалевский, М. М., академик и профессор, видный социолог и историк, член и основатель умеренно-либеральной партии демократических реформ (правее кадет). Был членом Гос. Совета от академической курии. Редактировал «Вестник Европы», 28.

Колокольников, В. И., 90.

Кони, А. Ф., известный юрист и писатель, член Государственного Совета, лидер в нем левой «академической группы», 28.

Коновалов, А. И., фабрикант-мануфактурист, совладелец и руководитель т-ва «И. Коновалов с сыновьями», член комитета совета съездов представителей промышленности и торговли, член комитета московского отдела совета торговли и манufакт., заместитель председателя военно-промышлен. комитета, прогрессист, 21, 23, 24, 26, 29—31, 35, 46, 80, 81, 89, 91, 92, 95, 97, 100, 115, 118 — 120, 139 — 143, 164 — 166, 174, 181, 183.

Корнилов, 29.

Котельников, А. А., миллионер-помещик, шт.-капитан, кадет, 165.

Кривошеин, А. В., гофмейстер, статс-секретарь, член Государственного Совета, главноуправляющий землеустройством и земледелием (с 1908 г. до 27 октября 1915 г.), 21, 43, 44, 45, 76.

Крижановский, А. А., член комитета совета съездов представителей промышленности и торговли, представитель городов в совете средней промышленности, 16, 46, 47.

Крупенский, П. Н., камергер, землевладелец Бессарабской губернии, хотинский уездный предводитель дворянства, член Государственной Думы 2, 3 и 4 созывов, представитель центра, 29.

«Крюков», кличка агента московского охранного отделения, 114.

Кузьмин-Караваев, В. Д., отставной генерал-майор, профессор и литератор, член Государственной Думы 1 созыва, заместитель председателя петроградской городской думы, один из организаторов партии демократических реформ, 1, 46, 51, 95, 157.

Кузьмин, рабочий, 185.

Куликов, Б. П., 90.

Кускова, Е. Д., в 90-х годах перешла от народоправцев к с.-д. и играла видную роль в заграничном «союзе русских социал-демократов», представительница русского экономизма, один из авторов «Credo», позднее примкнула к либералам. В 1906 г. участвовала в издании сб. «Без заглавия», близкого к к.-д., в эпоху реакции принимала большое участие в кооперативном движении, 141.

Кутлер, Н. Н., тов. мин. вн. дел в «эпоху доверия» кн. Святополк-Мирского, в кабинете Витте занимал пост главноуправляющего землеустройством и земледелием, но вскоре ушел в виду непринятия предложенного им проекта об отчуждении частновладельческих земель. В годы войны был членом центр. военно-промышленного комитета, 18, 181.

Ледницкий, А. Р., — адвокат, один из организаторов к.-д. партии, представитель ее левого крыла, член I Госуд. Думы, 93, 96.

Леонов, Д. А., 155.

Леонтьев, С. М., член главного комитета вс. зем. союза, кадет, 156.

Литвинов-Фалинский, В. П., член комитета совета съездов представителей промышленности и торговли, секретарь особого совещания по снабжению армии, 6, 10.

Ллойд-Джордж, бывший английский премьер-министр, член либеральной партии. До войны провел ряд демократических реформ, лишил палату лордов безусловного veto, расширил избирательное право, пытался провести самоуправление для Ирландии. В эпоху империалистической войны, сделавшись премьером в блоке с консерваторами, провел обязательную воинскую повинность и усмирил Ирландию, 120.

Львов, В. Н., организатор в Самарской губернии отделов союза 17 октября, член Государственной Думы 3 и 4 созывов, националист, 21, 28, 29.

Львов, Г. Е., князь, главноуполномоченный всероссийского земского союза, член центр. воен.-пр. комитета, товарищ председателя московского военно-промышл. к-та, 13, 19, 29 — 31, 35, 36, 43, 46, 50, 52—54, 57 — 59, 67, 85, 87, 91, 92, 103, 108, 111, 112, 144, 145, 151, 155 — 157, 174.

Любавский, М. К., проф., ректор Московского университета 1911 — 1917 гг., 42.

Макаров, казак, 89.

Маклаков, В. А., видный адвокат, член Государственной Думы 2, 3 и 4 созывов, кадет, 21, 46, 64, 65, 73, 76, 77.

Малинин, В. Ф., член московск. городской управы, 1.

Мануйлов, А. А., профессор, автор ряда трудов по политич. экономии, был ректором Московск. университета, кадет, 95, 97, 143.

Мандельштам, М., адвокат, лидер левого меньшинства к.-д. партии, 66, 69—71, 81, 83.

Мартынов, полковник, начальник московского охранного отделения, 2, 4, 5, 11, 15, 22, 26, 32, 40, 45, 52, 56, 63, 65, 72, 75, 83, 85, 87, 98—100, 103, 105, 111—113, 116, 118—120, 140, 148.

Маслов, С. Н., председатель орловской губернской земск.управы, 36, 53, 57, 59, 92, 155—157.

«*Матвей*», с.-р., 188.

Меллер-Закомельский, В. В., член Государственного Совета, 26, 28, 156, 157.

Милюков, П. Н., профессор и автор ряда работ по русской истории, один из основателей и виднейших лидеров к.-д. партии, член ее центрального комитета, редактор газеты «Речь», член Государственной Думы 3 и 4 созывов, идеолог империализма; известен своими выступлениями по вопросам внешней политики в Государственной Думе 3 и 4-го созывов, 1, 2, 21, 26, 28, 31, 43, 46, 55, 61, 63, 66, 68—74, 76, 79—83, 90, 93, 94, 123, 125, 141, 142, 145—148, 166, 170, 181—183.

«*Михаил*», с.-р., 188.

Моргулиес, М. С., петроградский адвокат, лидер левого крыла кадетской партии, тов. пред. центр. воен.-пром. к-та, 50, 53, 181.

Мрозовский, И. И., ген.-от-артил., командующий войсками московского военного округа, 106, 107, 113, 160.

Муравьев, с.-д., 141.

Мясоедов, полковник, б. жандармский офицер, близкий человек к военному министру Сухомлинову, оказавшийся немецким шпионом, был казнен в 1915 г., 25.

Нарожницкий, М. А., помощник московского предводителя дворянства, гласный московского губернского земского собрания, 29.

Нарышкин, К. А., флигель-адъютант, пом. нач. военно-походной канцелярии Николая Романова, 46.

Некрасов, Н. В., инженер по образованию, профессор Томского университета, член Государственной Думы 3 и 4 созывов, тов. председ. IV думы, кадет, член центрального воен.-пр. комитета от городского союза, 21, 28, 94—97, 121.

Немирович-Данченко, В. И., журналист и писатель, сотрудник газ. «Русское Слово», 120.

Никитин, с.-д., 141.

Николай, принц греческий, сын греческого короля Георга I, 164.

Николай Николаевич (Романов), в. кн., верховный главнокомандующий русской армии (с 20/VII 1914 г. по 23/VIII 1915 г.), наместник Кавказа, главноком. Кавказской армии, 23, 47, 91, 126.

Новиков, член петроградской городской управы, 46, 90, 93, 94, 96.

Обнинский, В. П., кадет, автор ряда работ, связанных с революцией 1905—1906 г., 69, 70.

Оболенский, А. Д., князь, член Государственного Совета, член комитета совета съездов представителей промышленности и торговли, товарищ председателя русско-французской торговой палаты, член совета русско-английского банка, 26, 28.

Олсуфьев, Д. А., граф, камергер, член Государственного Совета, гласный московского губернского земского собрания, 26, 28, 42.

Ольденбургский, А. П., принц, ген.-адъют., ген.-от-инф. 1.

Оль-д'ор, журналист, 168.

Омельченко, помощник управляющего по делам военно-пр. комитета, 181.

Ордынский, С. П., московский адвокат, кадет, 92.

«*Павлов*», кличка агента охранного отделения Ал. Мих. Кошкарева, секретаря бюро московского областного военно-пр. комитета, 19, 24, 113.

«*Парвус*», кличка агента охранного отделения, 166, 168.

Пашич, Н., сербский государственный деятель, лидер радикальной партии, руссофил, председатель совета министров, 119.

Переверзев, П. Н., присяжный поверенный, 181, 183, 184.

Плотников, инж., 8.

Поливанов, А. А., ген.-от-инфант., с 13 июня 1915 г. по 15 марта 1916 г. был военным министром, 11, 21, 43, 78.

Поплавский, Ю. И., товарищ председателя общества фабрикантов и заводчиков московского района, член центрального военно-пр. комитета, представитель в нем московского военно-пр. комитета, 9, 30, 38, 113, 118, 140.

Прокопович, С. Н., экономист и общественный деятель, в 90-х годах был членом с.-д. партии, защитник экономизма и один из авторов «Credo», позднее перешел к либералам и вошел в «Союз Освобождения», автор ряда трудов по экономике и рабочему вопросу с буржуазно-демократ. точки зрения, деятель кооперации, 95, 97, 98, 141.

Протопопов, А. Д., крупный землевладелец Симбирской губернии, член Государственной Думы 3 и 4-го созывов, тов. председателя Государственной Думы 4-го созыва, октябрист. В конце 1916 г. принял пост министра внутрен. дел вопреки воле прогрессивного блока, выдвинутый Распутиным; поддерживал интересы придворной клики, что выразилось в его попытках нащупать почву для мирных переговоров с Германией (разговор с германским послом во время поездки в Швецию), 121, 122, 125, 141, 142, 152, 154, 168, 169, 187.

Пуришкевич, В. М., землевладелец Бессарабской губернии, один из организаторов и руководителей черносотенного «союза Михаила Архангела», член Государственной Думы 2, 3 и 4-го созывов, крайний правый, участник убийства Распутина, 68, 174.

Распутин-Новых, Г. Е., крестьянин Тобольской губ., «*Старец*», имел большое влияние на царскую семью; в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. был убит кн. Ф. Юсуповым и Пуришкевичем, рассчитывавшими путем устранения Распутина спасти династию, 50, 64, 77, 90, 93, 94, 120, 122, 124, 163, 167, 169, 171, 173.

Ржевский, В. А., в 1911 г. был председателем московской уездной земской управы, гласный московского губернского земского собрания, член Государственной Думы 4-го созыва, прогрессист, 28.

Риттих, А. А., гофмейстер, сенатор, с 29 ноября 1916 г. управляющий министерством земледелия, 190.

Родзянко, М. В., крупнейший помещик Екатеринославской губ., председатель Государственной Думы 3 и 4-го созывов, член особого совещания по снабжению армии, октябрист, 4, 6, 8 — 11, 21, 72, 123, 125, 144, 170, 171.

Родичев, Ф. И., помещик Тверской губернии и губернский предводитель дворянства, представитель земского либерализма, в 1894 г. принимал участие в составлении известного Тверского адреса царю, за что был лишен возможности принимать участие в общественной деятельности до 1904 г. Участник земско-городских съездов 1904 — 1905 г., участник депутации к царю 6 июня 1915 г., член всех 4-х Государственных Дум, один из организаторов и виднейших членов кадетской партии, 73.

Ростовцев, Н. Е., член Государственной Думы 4-го созыва, октябрист, в 1902 г. товарищ председателя Елецкого биржевого комитета; с 1905 г. директор Елецкого купеческого банка, 26.

«*Рутинцев*», кличка агента охранного отделения, 186.

Рутцен, 50.

Рябушинский, П. П., крупнейший мануфактурист и банкир, член Гос. Совета, председатель совета московского банка, председатель московского биржевого комитета, член комитета совета съездов представителей промышленности и торговли, председатель московского воен.-пр. комитета, видный прогрессист, 6 — 15, 20, 21, 24 — 26, 29, 30, 35, 36, 38, 54, 58, 64, 79 — 81, 90, 91, 97, 99, 113, 164, 165.

Савенко, А. И., постоянный сотрудник черносотенной газеты «Киевлянин», основатель и товарищ председателя киевского клуба националистов, гласный киевской городской думы, член Государственной Думы 4-го созыва, националист, 26, 29, 67.

Савич, Н. В., землевладелец Харьковской губ., губернский и уездный гласный, член Государственной Думы 4-го созыва, октябрист, 21.

Сазонов, С. Д., гофмейстер, член Гос. Совета, с 1910 по июль 1916 г. министр иностранных дел, 43, 171, 176.

Самарин, А. Д., член Гос. Совета, московский губ. предвод. дворянства, с 5 июля по 25 сентября 1916 г. обер-прокурор синода, вел борьбу с Распутиным, 69, 76, 77, 100.

Самойлов, А. П., полковник, 154.

Севенард, полковник, полицмейстер, 158.

Сироткин, Д. В., председатель нижегородского воен.-пр. комитета и член центральн. воен.-пр. комитета, 25, 46.

Смирнов, С. А., заместитель председателя московского воен.-пр. комитета, 108, 110, 111, 116, 181.

Стахович, М. А., орловский предводитель дворянства, мирнообновленец, 28.

Стемпковский, В. И., землевладелец Воронежской губ., председатель «прогрессивного блока», октябрист, 51.

Степанов, А. В., заместитель товарища министра внутренних дел, 105, 106.

Столыпин, П. А., министр внутренних дел с 1906 г. и председатель совета министров, широко применял смертную казнь и военно-полевые суды для расправы с революционерами, разогнал рабочие организации, при нем был проведен закон 3 июня 1907 г., изменивший старый избирательный закон и передавший Гос. Думу в руки правительства и аграриев, автор законов о земле 9 ноября 1906 г. и 14 июня 1910 г. Убит осенью 1911 г. в Киеве, 168.

Сухомлинов, В. А., генерал-адъютант, ген.-от-кавал., член Гос. Совета, военный министр с 1909 года до 13 июня 1915 г., когда по настоянию Государственной Думы был уволен от этой должности по подозрению в измене, благодаря ходатайств Александры Федоровны и Распутина дело по обвинению его в государственной измене было прекращено, 78, 122.

Сытин, И. Д., владелец крупнейшего в России издательства, 99, 100.

Терещенко, М. И., крупный финансист, сахарозаводчик, член центрального воен.-пр. комитета от Киевской губ. кадет, 51.

Тесленко, Н. В., присяжный поверенный, известный криминалист, гласный московского губернского земского собрания и одно время товарищ председателя центрального комитета партии к.-д., член Государственной Думы 2-го созыва, 20, 165.

Толстой, А. Н., граф, писатель, 120.

Тома, Альбер, французский социалист, помощник военного министра, 115, 116, 118, 119.

Трепов, А. Ф., чл. Гос. Совета, сенатор, председ. совета министр. и министр путей сообщения, 27 декабря уволен от обеих должностей, 160, 176.

Третьяков, С. Н., владелец т-ва «Костромской мануфактуры», член совета моск. банка, член центрального воен.-пр. комитета, товарищ председателя московского военно-промышленного комитета, член комитета совета съездов представителей промышленности и торговли, старший помощник председателя московского биржевого комитета, член комитета московского отдела совета торговли и мануфактур, 21, 89, 97, 99, 158.

Трубецкой, Е. Н., князь, представитель идеалистического направления в русской философии, был одним из первых членов к.-д. партии, из которой вышел, найдя ее для себя слишком радикальной. Один из основателей умеренно-консервативной «партии мирного обновления», 51.

Трубецкой, С. Н., проф. моск. университета, 3.

Туманов, Н. Е., князь, начальник петроградского военного округа, 107.

«Туманский», кличка агента охранного отделения, 175, 176, 178.

Фальборк, Г. А., литератор, деятель по народному образованию, 1.

Федоров, М. М., председатель азовско-донского коммерческого банка, член центр. воен.-пр. комитета от городского союза, 19, 46, 49, 50, 158, 185.

Фредерикс, В. Б., министр двора, 134, 164.

Харламов, В. А., казак, преподаватель гимназии в Новочеркасске, член Государственных Дум всех 4 созывов, товарищ секретаря Государственной Думы 2-го созыва, кадет, 87, 92.

Хатисов, городской голова г. Тифлиса, 87, 89, 93, 96.

Хвостов, А. Н., упр. министер. внутренних дел, 46, 70, 71, 78, 94.

Чайковский, Н. В., бывш. эмигрант, народник, один из первых организаторов пропагандистских кружков среди учащихся, а затем среди рабочих, в годы реакции — мирный кооператор, 95, 97.

Челноков, М. В., владелец кирпичных заводов, московский городской голова, главноуполномоченный всероссийского союза городов, член главного комитета всероссийского земского союза, товарищ председателя московского воен.-пр. комитета, кадет, 9, 21 — 23, 29 — 31, 34 — 36, 39 — 41, 46, 49, 50, 52, 54, 55, 58, 79, 84—

89, 103, 108, 111, 112, 114 — 116, 151, 158, 160.

Червен-Водали, А. А., тверской нотариус, кадет, 25.

Черегородцев, представитель рабочей группы моск. военно-пром. комитета, 181.

Черносвитов, К. К., 166.

Чхеидзе, Н. С., с.-д., член Государственной Думы 3 и 4-го созывов, лидер думских с.-д. меньшевиков, во время войны занимал колеблющуюся «каутскианскую» позицию, 52, 77, 170, 181, 183.

«Шаров», кличка агента охранного отделения, 184.

Шаховской, Д. И., землевладелец Пермской губернии, был председателем съезда земских начальников, член Государственной Думы 4-го созыва, националист, 97, 98, 158, 169.

Шебеко, В. Н., московский градоначальник, 108.

Шебеко, И. А., член Государственного Совета, 28.

Шидловский, С. И., крупный землевладелец Воронежской губернии, член Государственной Думы 2 и 4-го созывов, одно время был товарищем председателя Государственной Думы 2-го созыва, октябрист, 26, 28.

Шингарев, А. И., врач, заведывал санитарным отделом воронежского губернского земства, член Государственной Думы 2, 3 и 4-го созывов, видный кадет, 1, 5, 14 — 16, 21, 28, 46, 51, 53, 55, 67, 73, 74, 79, 85, 86, 130, 132, 135, 141.

Шляпников, А. Г., с.-д., большевик, старый партийный работник, 157, 160.

Шнитников, Н. Н. гласный петроградской городской думы, 53.

Штейнингер, Н. Н., гласный петроградской городской думы, 185.

Штюрмер, Б. В., статс-секретарь, член Гос. Совета, председатель совета министров с 20 января по 10 ноября 1916 г., одновременно министр внутренних дел с 3 марта по 7 июля, министр иностранных дел с 7 июля по 10 ноября того же года, 72 — 74, 85, 94, 108, 112, 121, 142, 146.

Шуваев, Д. С., ген.-от-инфант., с 15 марта 1916 г. военный министр, 108, 171.

Шульгин, В. В., землевладелец Волынской губернии, член Государственной Думы 2, 3 и 4-го созывов, националист, редактор черносотенной газ. «Киевлянин», 29, 67, 170.

Щегловитов, И. Г., статс-секретарь, сенатор, член Государственного Совета, министр юстиции с 1906 г. до июля 1916 г., председатель Государственного Совета с января 1917 г., 161, 171.

Щенков, Н. В., 11, 21, 29.

Щепкин, Д. М., пом. главноуполномоченного всероссийского земского союза, кадет, 1, 46, 155, 156.

Щербатов, Н. Б., князь, упр. минист. внутренних дел с 5 июня до 26 сентября 1915 г., бывш. полтавск. губ. предводит. дворянства, 43, 46, 58, 59, 69, 76, 108.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Глава I. *Буржуазия в начале войны.* стр.

№ 1. Записка московского охранного отделения по общественному движению № 22 (агентура «Блондинка») 1

№ 2. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о подготовляемом кадетами всеподданнейшем адресе 2

№ 3. Донесение начальника московского охранного отделения о совещании членов центрального и петроградского комитета к.-д. партии 4

Глава II. *«Общественные» организации в работе на оборону.*

№ 4. Записка московского охранного отделения о торжественном открытии военно-промышленного комитета 6

№ 5. Письмо П. П. Рябушинского военному министру А. А. Поливанову . 11

№ 6. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о 4-м объединенном совещании представителей общеземского и общегородского союзов и московского военно-промышленного комитета 13

№ 7. Донесение начальника московского охранного отделения министру внутренних дел о взаимоотношениях центрального военно-промышленного комитета с организациями средней и мелкой промышленности 15

Глава III. *Образование и первые шаги «прогрессивного блока».*

№ 8. Записка московского охранного отделения по общественному движению № 72 (агентура «Павлов») 19

№ 9. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о совещании у П. П. Рябушинского 20

№ 10. Записка московского охранного отделения по общественному движению № 108 о частном совещании гласных московской городской думы (агентура «Блондинка») 22

№ 11. Записка московского охранного отделения по общественному движению № 110 об экстренном совещании представителей военно-промышленного комитета (агентура «Павлов») 24

№ 12. Донесение начальника петроградского охранного отделения в департамент полиции об образовании «прогрессивного блока» 26

№ 13. Донесение московского градоначальника управляющему министерством внутренних дел о собрании общественных деятелей 28 августа 1915 года 29

Глава IV. *Буржуазия во время сентябрьской стачки.*

№ 14. Памятная записка московского охранного отделения по общественному движению в г. Москве с 1 июня по 1 октября 1915 г. 33

№ 15. Шифрованная телеграмма начальника московского охранного отделения директору департамента полиции — по общественному настроению в связи с роспуском думы, ... 38

№ 16. Записка московского охранного отделения по общественному движению № 115 (агентура «Анненков») 39

стр.

№ 17. Шифрованная телеграмма директора департамента полиции в ставку верховного главнокомандующего и управляющему министерством внутренних дел о влиянии сентябрьской стачки на тактику кадет. 40
№ 18. Донесение московского градоначальника управляющему министерством внутренних дел о собраниях 5 сентября в Москве общественных групп и организаций . . . . . —

Глава V. *Съезды земского и городского союзов в сентябре 1915 г.*

№ 19. Донесение московского охранного отделения о заседании 6 сентября у М. В. Челнокова накануне земского и городского съездов 46
№ 20. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о городском съезде 49
№ 21. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции об общеземском и общегородском съезде . . 52
№ 22. Резолюция общеземского съезда в Москве 56
№ 23. Резолюция съезда представителей городов в Москве 57
№ 24. Из докладов членов депутации, избранной собранием уполномоченных губернских земств 9 сентября 1915 г. 58
№ 25. Обращение князя Львова к царю 59

Глава VI. *Тактика партии к.-д. в конце 1915 г. и начале 1916 г.*

№ 26. Донесение начальника московского охранного отделения в департамент полиции об июньской (1915 г.) конференции кадет 61
№ 27. Донесение московского охранного отделения директору департамента полиции о заседании московского отдела центрального комитета кадет 63
№ 28. Доклад начальника петроградского охранного отделения товарищу министра внутренних дел о настроениях в кадетской партии 65
№ 29. Письмо московского градоначальника управляющему министерством внутренних дел о совещании московских кадет 68
№ 30. Записка московского охранного отделения по общественному движению № 22 (агентура «Аннепков») 71
№ 31. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о втором съезде партии к.-д. 73
№ 32. Сводка московского охранного отделения о «настроении общества» на 29 февраля 1916 г. 75
№ 33. Донесение начальника московского охранного отделения о собрании левого крыла московских к.-д. 81

Глава VII. *Съезды земского и городского союзов в марте 1916 г.*

№ 34. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции об общественном движении 84
№ 35. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о заседании главного комитета союза городов 86
№ 36. Шифрованная телеграмма московского охранного отделения директору департамента полиции об открытии общеземского и общегородского съездов 87
№ 37. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции об открытии IV всероссийского съезда союза городов 88
№ 38. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о банкете участников общеземского и общегородского съездов 93
№ 39. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции об организации кооперативного и рабочего союзов 96
№ 40. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о частных собраниях торговцев и промышленников 99
№ 41. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции об общественном настроении после мартовских съездов 101

стр.

Глава VIII. *Борьба правительства с буржуазными организациями.*

№ 42. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о настроениях общества в связи с походом правительства на общественные организации . . . 104

№ 43. Шифрованные телеграммы товарища министра внутренних дел иркутскому генерал-губернатору по вопросу об образовании местных комитетов земского и городского союзов . . . 105

№ 44. Письмо командующего войсками московского военного округа Мрозовского заместителю товарища министра внутренних дел А. В. Степанову . . . 106

№ 45. Письмо товарища министра внутренних дел начальнику петроградского военного округа кн. Н. Е. Туманову . . . 107

№ 46. Письмо директора департамента полиции московскому градоначальнику В. Н. Шебеко . . . 108

№ 47. Письмо заместителя председателя московского военно-промышленного комитета С. А. Смирнова председателю совета министров Б. В. Штюрмеру . . . —

№ 48. Заметка газеты «Русское Слово» о съездах общественных организаций . . . 111

№ 49. Шифрованная телеграмма начальника московского охранного отделения директору департамента полиции . . . —

№ 50. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции . . . —

№ 51. Донесение начальника московского охранного отделения в департамент полиции о письме А. И. Гучкова в ставку главнокомандующего . . . 112

Глава IX. *Взаимоотношения русской буржуазии с союзниками.*

№ 52. Записка московского охранного отделения по общественному движению № 157 (агентура «Блондинка») . . . 113

№ 53. Записка московского охранного отделения по общественному движению № 61 (агентура «Крюков») о совещании представителей общеземского и общегородского союзов . . . 114

№ 54. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции . . . 116

№ 55. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о проекте здания информационного бюллетеня за границей . . . 119

№ 56. Сведения охранного отделения при управлении петроградского градоначальника об общественном настроении в связи с приездом союзнической делегации . . . 121

Глава X. *Буржуазная оппозиция осенью 1916 г.*

№ 57. Сводка начальника петроградского губернского жандармского управления на октябрь 1916 г. . . . 127

№ 58. Сводка директора департамента полиции по циркулярной телеграмме тов. министра внутренних дел об общественном настроении. 136

№ 59. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о выступлениях А. И. Коновалова среди московских промышленников . . . 139

№ 60. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о совещаниях у А. И. Коновалова . . . 141

№ 61. Письмо главноуполномоченного всероссийского земского союза кн. Г. Е. Львова председателю Гос. Думы М. В. Родзянко . . . 144

№ 62. Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции об октябрьской конференции кадетской партии . . . 145

Глава XI. *Разгон декабрьских съездов.*

№ 63. Записка московского охранного отделения о всероссийском земском и городском союзах и военно-промышленном комитете . . . 149

№ 64. Разъяснение министра внутренних дел Протопопова губернаторам и градоначальникам по поводу безусловного запрещения съездов общественных организаций . . . 152

стр.

№ 65. Телеграммы начальника штаба главнокомандующего армии Запфронта главному начальнику снабжений армии Запфронта 154
№ 66. Записка московского охранного отделения о собрании уполномоченных губернских земств 155
№ 67. Совещание представителей союза городов 157
№ 68. Резолюция союза городов 9 декабря 1916 г. 158
№ 69. Закрытие полицией съезда представителей всероссийского союза городов 160

Глава XII. *Буржуазия в январе — феврале 1917 г.*

№ 70. Записка петроградского охранного отделения о Государственной Думе 161
№ 71. Записка князя Долгорукова об оценке к.-д. текущего момента . . . 163
№ 72. Записка петроградского охранного отделения о настроении буржуазии после разгона декабрьских съездов 164
№ 73. Записка петроградского охранного отделения о совещании кадетской фракции 165
№ 74. Записка петроградского охранного отделения о буржуазной печати накануне революции (агентура «Парвус») 166
№ 75. Записка петроградского охранного отделения о настроениях в обществе накануне открытия думы (агентура «Парвус») 168
№ 76. Записка об общественных настроениях в связи с отсрочкой созыва Гос. Думы 169
№ 77. Записка петроградского охранного отделения о настроениях кадет накануне переворота 175
№ 78. Записка петроградского охранного отделения о течениях внутри к.-д. партии накануне переворота (агентура «Туманский») 176
№ 79. Записка петроградского охранного отделения об оценке момента кадетами (агентура «Туманский») 178
№ 80. Доклад директора департамента полиции министру внутренних дел о предполагаемой демонстрации 14 февраля 179
№ 81. Доклад петроградского охранного отделения министру внутренних дел об отношении общественных организаций к аресту рабочей группы 180
№ 82. Записка петроградского охранного отделения о воззвании к общественным организациям по поводу ареста рабочей группы (агентура «Шаров») 184
№ 83. Записка петроградского охранного отделения о правительственном кризисе и начале массовых выступлений 186
№ 84. Доклад директора департамента полиции министру внутренних дел накануне переворота 188

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПАДЕНИЕ ЦАРСКОГО РЕЖИМА

Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства

Редакция П. Е. Щеголева

Стр. 434. **ТОМ I** Ц. 2 р. 75 к.

Содержание. Допросы А. Н. Хвостова, Е. А. Климовича, А. Д. Протопопова, С. С. Хабалова, А. Т. Васильева, Б. В. Штюрмера, В. Л. Бурцева, А. Н. Наумова, кн. М. М. Андронникова.

Стр. 440. **ТОМ II** Ц. 2 р. 75 к.

Содержание. Допросы А. Д. Протопопова, кн. М. М. Андронникова, А. Т. Васильева, И. Ф. Манасевича-Мануйлова, А. А. Макарова, К. Д. Кафафова, М. А. Беляева, кн. Н. Д. Голицына, Н. А. Добровольского, И. Г. Щегловитова.

Стр. 507. **ТОМ III** Ц. 3 р.

Содержание. Допросы и показания А. В. Герасимова, А. И. Спиридовича, В. Н. Воейкова, Н. А. Маклакова, М. С. Комиссарова, П. Г. Курлова, М. И. Трусевича, А. А. Вырубовой, С. П. Белецкого, И. Л. Горемыкина, О. А. Лохтиной, С. Е. Виссарионова, Н. С. Чхеидзе.

Стр. 535. **ТОМ IV** Ц. 3 р.

Содержание. Записки А. Д. Протопопова и С. П. Белецкого.

Стр. 480. **ТОМ V** Ц. 3 р.

Содержание: Допросы и показания Г. Е. Рейна, графа Фредерикса, И. М. Золотарева, В. Н. Джунковского, Б. В. Штюрмера, Н. А. Маклакова, С. Е. Виссарионова, А. Д. Протопопова, С. П. Белецкого, М. В. Челнокова, ген. Н. И. Иванова, П. Н. Покровского, Ф. А. Головина, С. Е. Крыжановского, А. А. Хвостова.

Стр. 416. **ТОМ VI** Ц. 3 р.

Содержание. Допросы и показания гр. П. Н. Игнатьева, гр. С. И. Велепольского, Н. В. Плеве, А. Н. Хвостова, А. А. Рейнбота (Резвого), кн. В. М. Волконского, И. Н. Лодыженского, Н. Е. Маркова, А. А. Нератова, А. Н. Веревкина, А. И. Гучкова, П. Н. Милюкова, Д. Н. Дубенского.

ТОМ VII

Содержание. Допросы и показания Лодыженского, Маркова, Шингарева, Коковцева, Родзянко, Щербатова, Ледницкого, Лядова, Шувалова и др. Печатается.

ЦЕНА ПО ПОДПИСКЕ 20 РУБ.

А. ШЛЯПНИКОВ

КАНУН СЕМНАДЦАТОГО ГОДА

Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье

За 1914 — 1916 гг.

Часть I. Стр. 221. Ц. 1 р. 20 к. Часть II. Стр. 130. Ц. 80 к.

А. ШЛЯПНИКОВ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

Кн. I. Январь, Февраль и три дня Марта

Стр. 267. Ц. 2 р.

Кн. II. Март

Стр. 328. Ц. 2 р. 50 к.

Кн. III. До приезда В. И. Ленина в Россию

Стр. 380. Ц. 3 р. 50 к.

Для истории Февральской революции книги Шляпникова являются первоклассным источником. («Печать и Революция».)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

Аграрный вопрос в совете министров (1906 г.). (Материалы по истории крестьянских движений в России. Под ред. Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче. Вып. 4.) Стр. 177. Ц. 1 р. 20 к.

Декабристы. Отрывки из источников. Составил Ю. Г. Оксман. При участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского. Стр. 484. Ц. 2 р. 75 к.

Дневник П. А. Кропоткина. С предисл. А. А. Борового. Стр. 291. Ц. 1 р. 50 к.

Дневник В. Н. Ламздорфа (1886 — 1890). Под редакцией и с предисловием Ф. А. Ротштейна. (Мемуары и дневники царских сановников). Стр. X, 396. Ц. 3 р.

Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова. Текст подготовлен к печати и снабжен примечаниями М. М. Константиновым. Стр. XI, 236. Ц. 1 р. 50 к.

Достоевская, А. Г. — Воспоминания. Под ред. Л. П. Гросмана. Стр. 310. Ц. 3 р. 75 к.

Из архива Достоевского. Письма русских писателей: Голенищева-Кутузова, Гончарова, Григоровича, Достоевского, Мельникова-Печерского, Некрасова, Островского, Плещеева, Полонского, Помяловского, Рыбникова, Салтыкова, Тургенева. Заметки А. Г. Достоевской. Редакция и вступление Н. К. Пиксанова. Комментарии Н. Ф. Бельчикова и Н. К. Пиксанова. Стр. 138. Ц. 50 к.

Крестьянское движение 1902 года. Вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче. Стр. 128. Ц. 50 к.

Материалы для биографии М. Бакунина. По архивным делам 6. III отделения и морского министерства. Редакция и примечания В. Полонского. Том первый. Стр. 438. Ц. 3 р.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1916—1917 гг. Том V. С предисл. М. Н. Покровского. Стр. 303. Ц. 3 р.

Петроградский Совет Рабочих и Красноармейских Депутатов. Протоколы заседания Исполнительного Комитета и Бюро И. К. С предисловием Я. Яковлева. Стр. 375. Ц. 2 р. 75 к. (1917 г. в документах и материалах. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.)

Письма Ф. М. Достоевского к жене. Пред. и прим. Н. Ф. Бельчикова. Общая ред. В. Ф. Переверзева. Стр. 367. Ц. 4 р.

Покровский, М. Н. — Декабристы. Сборник статей, Стр. 95. Ц. 80 к.

Последние дни Колчаковщины. Материал подготовлен к печати М. М. Константиновым. С приложением статьи А. А. Ширямова. Стр. 231. Ц. 2 р. 50 к.

Пресняков, А. Е. — 14 декабря 1825 года. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». Стр. 226; 2 схемы. Ц. 2 р. 50 к.

Пугачевщина. Том I. Из архива Пугачева (манифесты, указы и переписка). Подготовлен к печати С. А. Голубцовым. Под редакцией С. Г. Томсинского и Г. Е. Мейерсона. Со вступительной статьей М. Н. Покровского. (Материалы по истории революционного движения в России XVII и XVIII вв. Под общей редакцией М. Н. Покровского.) Стр. 292. Ц. 3 р.

Рабочее движение в 1917 году. Подготовили к печати В. Л. Меллер и А. М. Панкратова. С предисловием Я. А. Яковлева. Стр. 372. Ц. 4 р.

Разложение армии в 1917 г. Подготовлено к печати Н. Е. Какуриным. С пред. Я. А. Яковлева. (1917 г. в документах и материалах. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.) Стр. 192. Ц. 1 р. 50 к.

Революция 1848 г. во Франции. (Донесения Я. Толстого.) Под редакцией и с предисловием Г. Зайделя и С. Красного. Стр. 184. Ц. 1 р. 70 к.

Русско-японская война. Из дневника А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского. Стр. VII, 189. Ц. 1 р. 80 к.

Царская Россия в мировой войне. Том I. С предисловием М. Н. Покровского. Стр. XXIV, 304. Ц. 3 р. 20 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

С. Е. СЕФ

БУРЖУАЗИЯ В 1905 ГОДУ

По неизданным архивным материалам

Стр. 128. Ц. 1 р. 20 к.

Содержание. Предисловие. I. Первые политические выступления крупно-промышленной буржуазии. II. Создание всероссийской организации крупно-промышленного капитала и его объединенное выступление. III. Движение либеральных помещиков, средней буржуазии городов и буржуазной интеллигенции в первую половину 1905 г. IV. Единый фронт буржуазного движения. V. Промышленная буржуазия в период рабочей революции. VI. Партийные группировки крупно-промышленной буржуазии. VII. Кадеты. Приложения.

Автором в работе использованы материалы архивов: департамента полиции, министерства торговли и промышленности, петербургского общества заводчиков и фабрикантов, канцелярии совета министров, московского охранного отделения, канцелярии московского генерал-губернатора.

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Под ред. и с пред. М. Н. ПОКРОВСКОГО

Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии, касающиеся государственных преступников

(Центрархив)

ВЫШЛИ:

Том I. Следственные дела: С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского 1-го, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, Б. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева и М. А. Бестужева. Стр. 540. Ц. 6 р.

Том II. Следственные дела: А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А. Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина. Стр. 424. Ц. 6 р.

Том IV. Следственные дела: П. Пестеля, С. Муравьева-Апостола. Стр. 488. Ц. 6 р.

Том V. Следственные дела: Борисова 2-го, Борисова 1-го, Спиридова, Горбачевского, Бечаснова, Пестова, Андреевича 2-го, Люблинского, Тютчева. Стр. 495. Ц. 6 р.

Том VIII. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Алфавит декабристов. Под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Стр. 440. Ц. 4 р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

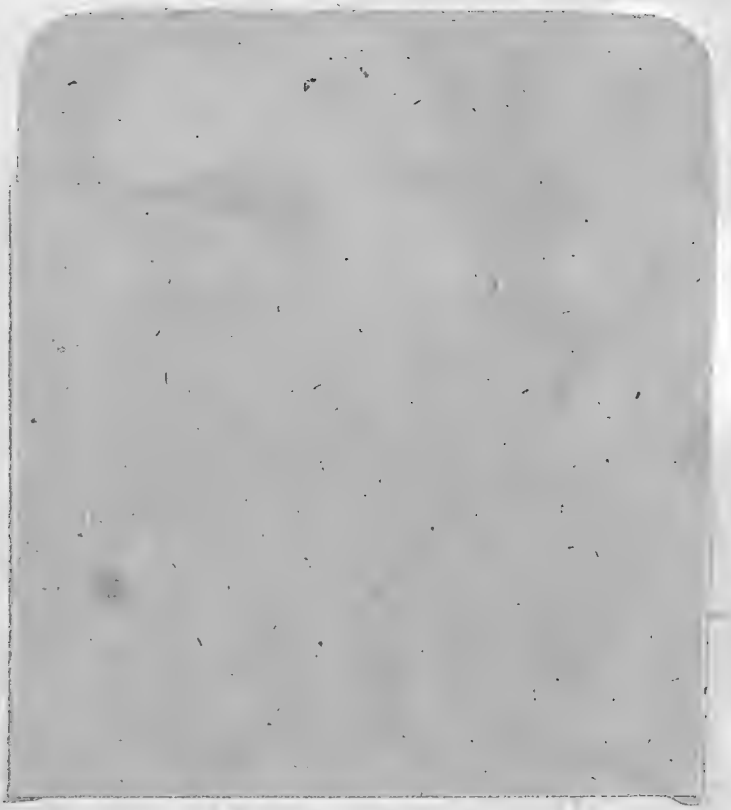
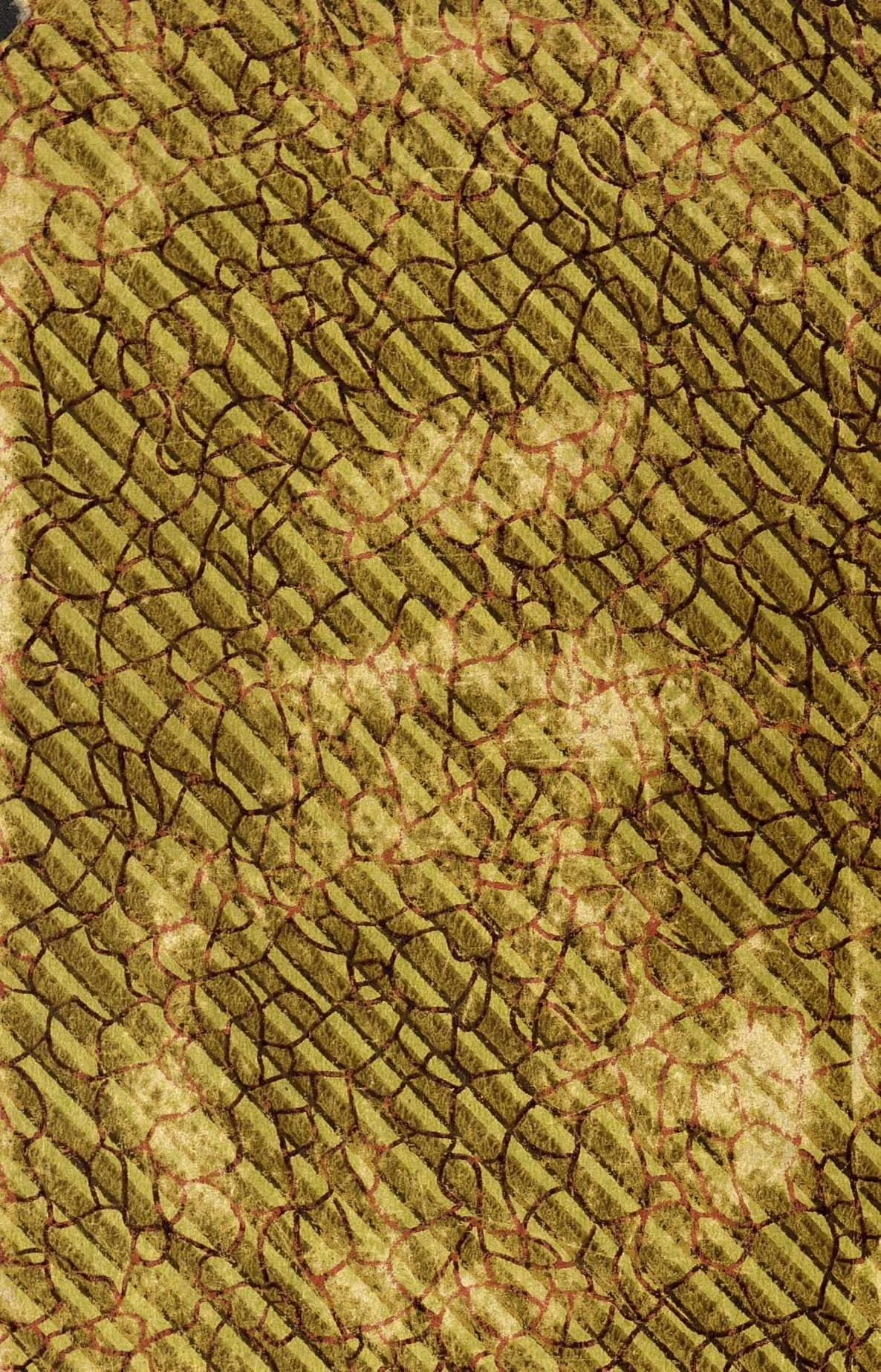
Том III. Следственные дела: А. М. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. Фонвизина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, Д. И. Завалишина.

Том VI. Восстание Черниговского полка.

Том VII. «Русская Правда» П. И. Пестеля. Под ред. С. С. Мильмана и С. Н. Чернова.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

М. К. П.
Народ



2 р. 40 к.—р